

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАН

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

3 (33) 2014

Журнал выходит по решению руководителей экономических институтов РАН:

Северо-Западного федерального округа

Институт экономики Карельского научного центра РАН (Республика Карелия)

Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (Мурманская область)

Институт социально-экономического развития территорий РАН (Вологодская область)

руководства

Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Череповецкого государственного университета (Вологодская область)

других регионов РФ

Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН (Республика Башкортостан)

Институт экономики Уральского отделения РАН (Свердловская область)

Решением Президиума
Высшей аттестационной
комиссии Минобрнауки
России

от 19 февраля 2010 года
№6/6 журнал включён
в Перечень ведущих
научных изданий,
рекомендуемых для
публикации основных
результатов диссертаций
на соискание учёной
степени доктора и
кандидата наук.

Журнал включён в базы
данных ВИНТИ РАН,
Ulrich's Periodicals
Directory, Index Copernicus
International, EBSCOhost,
Proquest, а также в
Российский индекс
научного цитирования и
представлен в открытом
доступе на платформе
Научной электронной
библиотеки ([http://
www.elibrary.ru](http://www.elibrary.ru)).

С 2014 года Германская
национальная
экономическая
библиотека
включила журнал
в свой фонд.

Редакционный совет:

академик РАН **В.Л. Макаров** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Ивантер** (Москва, Россия)

академик РАН **В.В. Окрепилов** (Санкт-Петербург, Россия)

академик РАН **А.И. Татаркин** (Екатеринбург, Россия)

академик НАН Беларуси **П.А. Витязь** (Минск, Беларусь)

академик НАН Беларуси **П.Г. Никитенко** (Минск, Беларусь)

член-корреспондент РАН **В.Н. Лаженцев** (Сыктывкар, Россия)

проф. **Ж. Сапир** (Париж, Франция)

д.э.н., проф. **С.Д. Валентей** (Москва, Россия)

д.э.н., проф. **Д.А. Гайнанов** (Уфа, Россия)

д.э.н., проф. **А.Е. Дайнеко** (Минск, Беларусь)

д.э.н., проф. **В.А. Ильин** (Вологда, Россия)

проф. **М. Кивинен** (Хельсинки, Финляндия)

д.с.н., проф. **И.В. Котляров** (Минск, Беларусь)

д.э.н., проф. **С.В. Кузнецов** (Санкт-Петербург, Россия)

д.э.н., проф. **Ф.Д. Ларичкин** (Апатиты, Россия)

д.э.н., проф. **И.А. Максимцев** (Санкт-Петербург, Россия)

д.т.н., проф. **А.В. Путилов** (Москва, Россия)

д.т.н. **Ю.Я. Чукреев** (Сыктывкар, Россия)

д.т.н., проф. **А.И. Шишкин** (Петрозаводск, Россия)

доктор, проф. **Чжан Шухуа** (Пекин, Китай)

проф. **У Эньюань** (Пекин, Китай)

к.соц.н., доц. **Д.В. Афанасьев** (Череповец, Россия)

Главный редактор – В.А. Ильин

Редакционная коллегия:

д.э.н., проф. Л.А. Аносова

д.э.н., проф. А.Г. Воробьев, д.э.н., проф. Е.С. Губанова

д.э.н. К.А. Гулин (зам. главного редактора)

к.э.н. К.А. Задумкин, к.э.н. Г.В. Леонидова

к.э.н. М.Ф. Сычев (зам. главного редактора)

к.филол.н. О.В. Третьякова (зам. главного редактора, отв. секретарь)

к.э.н. С.В. Теребова, д.э.н. Т.В. Ускова, д.э.н. А.А. Шабунова

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698

© ИСЭРТ РАН, 2014

Адрес в Интернете: <http://esc.vscs.ac.ru>

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES OF RAS

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

3 (33) 2014

The journal is published according to the decision of RAS economic institutions' administration in the North-West Federal District

Institute of Economics of Karelian Scientific Centre of RAS (Karelia Republic)

G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (the Murmansk Oblast)

Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS (the Vologda Oblast)

and according to the decision of the administration of

Saint Petersburg State University of Economics and Finance

Cherepovets State University (the Vologda Oblast)

and RAS institutions of other RF regions

Institute of Social and Economic Research of Ufa Science Centre of RAS (Bashkortostan Republic)

Institute of Economics of the Ural RAS Department (the Sverdlovsk Oblast)

The decision of Presidium of the Higher Attestation Commission of the Russian MES (No.6/6, dated 19.02.2010) the journal is included in the list of leading scientific editions, recommended for publication of the main results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences.

The journal is included into databases: VINITI RAS, Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus International, EBSCOhost, Proquest, and also into the Russian Science Citation Index, and is presented in the open access on the platform of the Scientific e-Library (<http://www.elibrary.ru>).

In 2014 the German National Library of Economics included the Journal into its fund.

Editorial Council:

RAS Academician **V.L. Makarov** (Moscow, Russia)

RAS Academician **V.V. Ivanter** (Moscow, Russia)

RAS Academician **V.V. Okrepilov** (St. Petersburg, Russia)

RAS Academician **A.I. Tatarkin** (Yekaterinburg, Russia)

Belarus NAS Academician **P.A. Vityaz** (Minsk, Belarus)

Belarus NAS Academician **P.G. Nikitenko** (Minsk, Belarus)

RAS Corresponding Member **V.N. Lazhentsev** (Syktyvkar, Russia)

Professor **J. Sapir** (Paris, France)

Doctor of Economics, Professor **S.D. Valentey** (Moscow, Russia)

Doctor of Economics, Professor **D.A. Gaynanov** (Ufa, Russia)

Doctor of Economics, Professor **A.E. Dayneko** (Minsk, Belarus)

Doctor of Economics, Professor **V.A. Ilyin** (Vologda, Russia)

Professor **M. Kivinen** (Helsinki, Finland)

Doctor of Sociology, Professor **I.V. Kotlyarov** (Minsk, Belarus)

Doctor of Economics, Professor **S.V. Kuznetsov** (St. Petersburg, Russia)

Doctor of Economics, Professor **F.D. Larichkin** (Apatity, Russia)

Doctor of Economics, Professor **I.A. Maksimtsev** (St. Petersburg, Russia)

Doctor of Technics, Professor **A.V. Putilov** (Moscow, Russia)

Doctor of Technical Sciences **Yu.Ya. Chukreev** (Syktyvkar, Russia)

Doctor of Technics, Professor **A.I. Shishkin** (Petrozavodsk, Russia)

Doctor, Professor **Zhang Shuhua** (Beijing, China)

Professor **Wu Enyuan** (Beijing, China)

Ph.D. in Sociology, Associate Professor **D.V. Afanasyev** (Cherepovets, Russia)

Chief Editor – V.A. Ilyin

Editorial Board:

Doctor of Economics, Professor **L.A. Anosova**

Doctor of Economics, Professor **A.G. Vorobyov**

Doctor of Economics, Professor **E.S. Gubanova**

Doctor of Economics **K.A. Gulin** (Deputy Chief Editor)

Ph.D. in Economics **K.A. Zadumkin**, Ph.D. in Economics **G.V. Leonidova**

Ph.D. in Economics **M.F. Sychev** (Deputy Chief Editor)

Ph.D. in Philology **O.V. Tretyakova** (Deputy Chief Editor, Executive Editor)

Ph.D. in Economics **S.V. Terebova**

Doctor of Economics **T.V. Uskova**, Doctor of Economics **A.A. Shabunova**

Opinions presented in the articles can differ from the editorial board's point of view.

Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698

© ISED T RAS, 2014

Internet address: <http://esc.vscce.ac.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- Ильин В.А.* Россия должна продвигаться по своему пути 9
- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 16

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- Губанов С.С.* Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм 23
- Горшков М.К.* Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост 45

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

- Локосов В.В.* Переход от экстенсивной к интенсивной демографической политике 57
- Шабунова А.А., Ласточкина М.А.* Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации 69

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Леонидова Г.В., Попов А.В.* Удовлетворённость трудом как индикатор эффективности государственного управления (социологический анализ) 84
- Василенко П.В.* Особенности внешней миграции населения в Псковскую область 100

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

- Кормишкина Л.А., Юленкова И.Б.* Финансирование инвестиционного процесса в российском бизнесе: оценка, тенденции, проблемы 111
- Усенко Н.И., Отмахова Ю.С., Оловянишников А.Г.* Проблемы асимметрии корпоративных и общественных интересов на рынке продовольственных товаров 124
- Барашева Т.И.* Что препятствует развитию малого бизнеса: взгляд предпринимателей Мурманской области 140

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

- Гусаков М.А.* Выявление направлений и путей трансформации научно-инновационного пространства регионов разного типа 151
- Лаврикова Ю.Г., Котлярова С.Н.* Инновационное развитие строительного комплекса региона на основе кластерного подхода 169

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Поварова А.И.* Снижение фискальной функции налога на прибыль организаций: факторы и пути повышения 180

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗ

- Молчанова Е.В., Кручек М.М., Кибисова З.С.* Построение рейтинговых оценок субъектов Российской Федерации по блокам социально-экономических показателей 196

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Третьякова О.В.* Экономический журнал: проблемы и перспективы продвижения на национальном и международном уровне 209

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

- Разгулина Е.Д.* Оценка влияния крупнейших предприятий на социально-экономическое развитие территорий 223
- Панов А.М.* Гендерный анализ российского рынка труда 235
- Ступникова А.В.* Пространственное поведение цен в Российской Федерации в 2003–2012 гг. 248

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

- Письмо из Германской национальной экономической библиотеки 262
- Требования к оформлению статей 263
- Информация о подписке 268

CONTENT

FROM THE CHIEF EDITOR

- Ilyin V.A.* Russia must go its own way 9
- Public opinion monitoring of the state of the Russian society 16

THEORETICAL ISSUES

- Gubanov S.S.* Neo-industrial development model and its system algorithm 23
- Gorshkov M.K.* On the axiomatic interpretation of the economic factors'
impact on economic growth 45

DEVELOPMENT STRATEGY

- Lokosov V.V.* The transition from extensive to intensive demographic policy 57
- Shabunova A.A., Lastochkina M.A.* Overcoming social inequality as an impetus
to socio-cultural modernization 69

SOCIAL DEVELOPMENT

- Leonidova G.V., Popov A.V.* Labor satisfaction as an indicator of public
administration efficiency (sociological analysis) 84
- Vasilenko P.V.* Specifics of external migration into the Pskov Oblast 100

BRANCH-WISE ECONOMY

- Kormishkina L.A., Yulenkova I.B.* Investment process financing in Russian business:
assessment, trends, problems 111
- Usenko N.I., Otmakhova Y.S., Olovyanishnikov A.G.* The issues of asymmetry
of corporate and public interests in the food market 124
- Barasheva T.I.* What hinders the development of small businesses: the view
of the Murmansk Oblast entrepreneurs 140

INNOVATION DEVELOPMENT

- Gusakov M.A.* Identification of directions and ways to transform the scientific and innovation space in different regions 151
- Lavrikova Yu.G., Kotlyarova S.N.* Innovation development of the construction complex in the region on the basis of cluster approach 169

SOCIAL FINANCES

- Povarova A.I.* Reduction of the fiscal function of corporate tax: the factors and ways of increase 180

MODELLING AND FORECAST

- Molchanova E.V., Kruchek M.M., Kibisova Z.S.* Building of the rating assessments of the Russian Federation subjects by the blocks of socio-economic indicators 196

EFFICIENCY OF RESEARCH ACTIVITY

- Tret'yakova O.V.* Economic journal: problems and prospects of promotion at the national and international level 209

YOUNG RESEARCHERS

- Razgulina E.D.* Estimation of the largest enterprises' impact on the socio-economic development of territories 223
- Panov A.M.* Gender analysis of the Russian labor market 235
- Stupnikova A.V.* Spatial behavior of prices in the Russian Federation in 2003–2012 248

FROM THE EDITOR'S MAILBOX

- Letter from the German National Library of Economics 262
- Requirements to manuscripts 263
- Subscription information 268

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Владимир Александрович ИЛЬИН

д.э.н., профессор,
заслуженный деятель
науки РФ,
директор ИСЭРТ РАН
ilin@vscc.ac.ru

Vladimir Aleksandrovich ILYIN

Doctor of Economics,
Professor, Honoured
Scientist of the Russian
Federation,
ISEDТ RAS Director
ilin@vscc.ac.ru

Россия должна продвигаться по своему пути

В заголовок настоящей статьи вынесено заключительное утверждение, которое сделал выдающийся отечественный ученый-экономист академик Дмитрий Семенович Львов в работе «Экономический манифест — будущее российской экономики»¹, написанной в конце 1999 года, когда в нашей стране завершался первый политический цикл постсоветских рыночных трансформаций.

Он базировался на неолиберальных подходах к реформированию общественного устройства России, ее экономической и социальной жизни. Реализация этих подходов осуществлялась приемами шоковой терапии, по рекомендациям «Вашингтонского консенсуса» и международных финансовых институтов, приоритеты которых заключаются в снижении регулирующей роли государства в экономике, ускоренной приватизации и первенстве финансовых инструментов.

Разрушив в предельно сжатые сроки действовавшие механизмы управления и не создав новых, реформаторы привели страну к жесточайшему экономическому кризису: валовой внутренний продукт России в 1998 году по отношению к 1989 году упал на 44%. Шел процесс развала машиностроения и сельского хозяйства, деградации науки, просвещения и здравоохранения. Вдвое снизились реальные доходы населения, негативный характер приобрела демографическая ситуация.

Академик Д.С. Львов был одним из тех российских ученых, кто с самого начала либеральных реформ обратил внимание на их антинародное содержание. В условиях многообразных проявлений надвигающейся национальной катастрофы он сумел не только показать их масштабный антигуманизм, но и обосновать научную гипотезу путей преодоления упадка Отечества и главных путей его прогрессивного развития. «Из анализа потока происшедших событий, — писал он в «Экономическом манифесте...», — мы сумеем более отчетливо понять, что заведомо

¹ Львов Д.С. Экономический манифест — будущее российской экономики. — М.: Экономика, 2000. — 54 с. Далее в тексте настоящей статьи в скобках даются ссылки на это издание.

Дмитрий Семенович Львов (02.02.1930 – 06.07.2007) – академик РАН. Работал в Институте экономики АН СССР (1966–1972), Центральном экономико-математическом институте РАН (с 1972 г., с 1991 года – заместителем директора). В 2003–2007 гг. являлся руководителем Секции экономики Отделения общественных наук РАН. Основные направления научной деятельности Д.С. Львова связаны с исследованием проблем социально-экономического развития и экономического роста.

Дмитрий Семенович активно содействовал становлению и развитию академической науки в Вологодской области. Внёс значительный вклад в подготовку научных кадров ИСЭРТ РАН и создание его материально-технической базы. Был председателем оргкомитета проходивших в Вологде научно-практических конференций «Стратегия и тактика реализации экономических реформ».

нельзя делать, и, наоборот, что необходимо предпринять в будущем, чтобы российское общество и его экономика пошли на подъем, нашли бы, наконец, твердые опоры для своего возрождения» (с. 3).

К сожалению, неолиберальный подход, принятый в первый политический цикл, и поныне лежит в основе проводимой в России социально-экономической политики. Некоторые его корректировки, сделанные

в периоды второго, третьего, четвертого и трети пятого политических циклов (2000–2014), не привели к созданию экономики, приближающейся по эффективности к развитым и развивающимся странам. Более того, по многим позициям отставание экономики России увеличилось. Лишь в 2012 году в стране был восстановлен объем ВВП 1990 г., да и то за счет сектора услуг, а промышленность и сельское хозяйство до сих пор не восстановились. Темпы экономического развития в последние годы даже падают (прирост ВВП в 2011 году – 4,3%, в 2012 году – 3,4%, в 2013 году – 1,3%). Разрастается отставание страны по научно-техническому развитию и производительности труда.

И в связи с этим представляется, на наш взгляд, исключительно полезным рассмотреть на данном этапе развития страны видение академиком Д.С. Львовым в «Экономическом манифесте...» «тех возможностей, которые помогут подняться России с колен и снова занять достойное место среди ведущих стран мира» (с. 21), оценить степень использования этих возможностей в истекшие годы рыночных преобразований.

В «Экономическом манифесте...» Д.С. Львов сделал особый упор на раскрытие сущности и содержания доктрины, на которой основывается его видение будущего российского развития.

Он дает сжатую характеристику истории развития капиталистического общества. Капитализм, как подчеркивает академик, раскрепостил личность, снял с человека оковы традиционных зависимостей, обычаев и верований, предоставил ему свободу выбора в приложении своего труда и распределении своих доходов. Но человек оказался заложником созданной им индустриальной системы, масштабных монстров современной технологии власти и масс-медиа. Капитализмом не устранены

«Неолиберальные лозунги и политические призывы к выстраиванию на обломках социалистической системы капитализма не могли возбудить энергию масс, направить её от разрушения в русло творческого созидания. Совесть народа оказалась глуха к этим призывам. И уже тогда, в первые годы перестройки, в угаре псевдорыночной эйфории, стали отчётливо проступать признаки социальной усталости и разочарования массовых слоёв общества в реформах. Нравственная компонента, которую так усиленно пытались затуманить реформаторы, стала всё более проявлять себя...К сожалению, для господствующей элиты так и остался непонятным фундаментальный тезис – любая власть не обладает и никогда не будет обладать секретом построения справедливого общества на основах иных, чем начала духовного и нравственного возрождения» (с. 8-9).

причины резкого расслоения общества на богатых и бедных, не созданы условия для раскрытия духовного потенциала личности. Идея свободы личности для творчества, созидания, для духовного возвышения себя и других низводится капиталистической системой до идеи индивидуального обогащения, а то и прямого стяжательства. Капиталистический мир все больше разъедается противоречиями, способствует возникновению социальных конфликтов, региональных столкновений и локальных войн (с. 11).

В настоящее время, утверждают объективные эксперты, в России господствует худшая стадия капитализма – олигархический капитализм². Под воздействием ино-

² См. на этот счет аргументы, приведенные в публикуемой в настоящем выпуске журнала статье д.э.н. С.С. Губанова «Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики».

странного капитала, который под ширмой «свободной конкуренции» принялся всемерно уничтожать Россию как своего стратегического конкурента, постсоветский капитализм выродился в разновидность компрадорского, характеризующегося ростом экономической валютно-монетарной зависимости, обогащением олигархического меньшинства и обнищанием трудящегося большинства, сползанием к обществу несправедливости и нищеты.

Соотношение денежных доходов 10% самых богатых и самых бедных слоев населения, отражающее экономическое неравенство в стране (децильный коэффициент), в России равно сегодня 16, в то время как в странах Евросоюза, Юго-Восточной Азии, Японии – от 4 до 6, причем предельное критическое значение составляет 8–10 раз. Самая богатая децильная группа в России имеет 31,9% ресурсов всех домохозяйств, а самая бедная – 2,6%. В России, согласно налоговой отчетности (на 31.07.2013), 100 тысяч долларовых миллионеров и более 100 миллиардеров, в основном нажившихся в торговле, в сфере финансовых и прочих услуг³. Почему интересы отдельных людей важнее интересов 140-миллионной страны? Куда в таком обществе будет стремиться молодежь?

Критикуя ущербность современного капитализма, Д.С. Львов обосновал, почему оказалась поверженной Система социализма, созданная в СССР. По мнению академика, она не смогла ничего предложить, кроме коллективной аскезы и сохранения командных высот для руководящего меньшинства (с. 8).

«У магистрали, ведущей Россию в будущее, – заключил автор «Экономического манифеста...», – нет поворотов к социали-

³ России нужна другая модель развития: сб. трудов «Школы управляемой экономики». – № 1 / под ред. П.П. Лобзунова. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 92-93.

стической Системе. Но она не лежит и на путях поглощения ее капиталистической Системой. В глобальном конфликте между Системой и жизненным Миром человека Россия должна встать на сторону последнего» (с. 12). Дух западноевропейской идеологии, закрепленный в протестантской этике, — индивидуальная избранность к спасению, — не совместим с духовным наследием нашего народа, его стремлением решать стержневые вопросы сообща, коллективно (с. 7).

В связи с этим чрезвычайно важен тот факт, что идея развития на основе российской идентичности приобретает в настоящее время официальное признание. Она публично оглашена Президентом РФ В.В. Путиным⁴.

Эта идея ярко проявилась в поддержке подавляющим большинством населения страны вхождения Крыма в состав России, а также в неприятии действий националистического характера нынешних властей Украины по отношению к русскоязычному населению в её юго-восточных территориях.

Опираясь на свою концептуальную доктрину, академик Д.С. Львов обозначил главные ставки, которые должны быть сделаны для будущего России.

Далеко ли продвинулась российская власть в использовании этой ставки?

Наиболее объективно анализ решения этой проблемы на примере современного состояния научно-технического и образовательного потенциала недавно дан профессором Р.С. Дзарасовым в статье, опубликованной в «Вестнике РАН»⁵.

⁴ Путин В.В. Речь на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/19243>.

⁵ Дзарасов Р.С. Экономика «насаждения отсталости» // Вестник Российской академии наук. — 2014. — Т. 84. — № 4.

«В последние годы, — пишет он, — российские власти приступили к проведению целого ряда реформ, ставящих под вопрос не только будущую модернизацию, но и сохранение образовательного и научного уровня, унаследованного с советских времен. Видное место среди них занимает реформа школьного образования, в частности, введение Единого государственного экзамена, уменьшение числа вузов, резкое сокращение профессорско-преподавательского состава. Перечисленные преобразования вызвали резко негативное отношение общественности, но это не помешало правительству дополнить перечень своих бесславных инициатив так называемой «реформой РАН».

Разработанный Министерством образования и науки РФ законопроект венчает процесс развала отечественной науки,

«...Мы должны сделать ставку, во-первых, на интенсивное формирование опорного слоя нации. Это тот слой, для которого творчество и созидание являются исходной нормой жизни, а не только и не столько средством существования. В подлинном смысле слова — это Мастера, создающие научные школы, передающие людям новые знания, обучающие их новым профессиям, производители редких продуктов, поддерживающие и восстанавливающие здоровье людей, хранители духовных и культурных ценностей народа, работники, способные творить и созидать, а не только распределять уже накопленное...Весь опыт послевоенного развития подтверждает, что на роль лидеров в социально-экономическом соревновании всегда претендовали страны, имеющие наиболее высокий уровень образования, науки, здравоохранения и культуры и, конечно же, духовности» (с. 21-22).

инициированный еще радикальными рыночными реформами начала 1990 годов. В 1990–2007 гг. численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, сократилась в стране почти на 60%⁶.

Вместе с тем все более утверждается концепция рентоориентированного поведения российского крупного бизнеса, мотивированного стремлением извлекать прибыль из контроля над финансовыми потоками предприятий. Источником ренты при этом становится снижение удельного веса заработной платы рабочих и окладов менеджеров в себестоимости продукции, сокращение инвестиций, уход от уплаты налогов, расширение фонда амортизации, присвоение кредитных ресурсов. Компрадорский характер отечественного крупного бизнеса ярко проявляется в его офшоризации. По данным ряда экспертов, Россия — единственная страна, где 90% крупного бизнеса зарегистрировано в офшорах, 80% сделок по продаже российских ценных бумаг проводится через эти юрисдикции⁷.

Количественные показатели приведены Д.С. Львовым в ценовых параметрах, действовавших в период написания «Экономического манифеста...». К настоящему времени они ухудшились. Российский бизнес теперь все больше не верит в дееспособность власти и еще активнее вывозит капиталы за границу. В 2009 году вывоз капитала из страны достиг 135 млрд. долларов. За первый квартал 2014 года из России уже выбыло капиталов на сумму, превышающую 60 млрд. долларов.

⁶ В некоторых субъектах РФ сокращение численности занятых исследованиями и разработками было значительно больше. Так, в Вологодской области она уменьшилась с 3,5 тысячи до 450 человек, т.е. почти в 8 раз.

⁷ Дзарасов Р.С. Указ. соч., с. 297.

«...Наша ставка – на эффективность использования природно-ресурсного потенциала страны и её территории... В расчёте на душу населения ресурсный потенциал России в 2–3 раза превышает ресурсный потенциал США, в 6 раз – Германии, в 18–22 раза – Японии. Природные залежи России оцениваются триллионами долларов. Ежегодный поток доходов от используемого природно-ресурсного потенциала оценивается в 60–80 млрд. долларов. Это в 3–4 раза больше общего объёма бюджетных средств, которыми мы располагаем в настоящее время. К сожалению, в бюджете находит отражение лишь малая часть этого общего финансового потока. Основная его часть «обслуживает» теневой оборот и вывозится за границу, то есть работает на развитие западных экономик... Это и есть тот чудовищный механизм криминализации экономики, который позволяет функционировать такой богатой стране, как наша, в таких искажённых параметрах действительности» (с. 30).

Принципиальный дефект применяемой сегодня в России либерально-рыночной модели заключается в том, что из нее исключены наиболее эффективные методы и инструменты, используемые государством в управляемых экономиках (типа китайской), и в частности такие, как: народнохозяйственное планирование и прогнозирование, организовывание, координация, контроль. Отечественное хозяйство и государственный бюджет стали недопустимо зависимыми от внешнеконъюнктурных факторов: нефтедоллара и спекулятивного иностранного капитала. Экономическая система страны, будучи в решающей степени частнокапиталистической, держит промежуточное производство в отрыве от конечного и не позволяет кардинально увеличить агрегированный

«Россия – это уникальное геополитическое пространство. Россия, занимающая север Евразийского материка – это прежде всего необходимая и самая короткая связь между странами Атлантико-Тихоокеанского региона: авиационная, железнодорожная, автомобильная, морская, волоконная. Разработка альтернатив развития инфраструктуры географического пространства России могла бы стать аналогом плана ГОЭЛРО, который сыграл столь значительную роль в истории нашей страны. Сегодня как никогда раньше нам нужен подобный образ далеко идущих замыслов, опирающийся на организацию громадной территории в рамках современной России» (с. 30).

мультипликатор добавленной стоимости. Структурная диверсификация экономики буксует.

Однако эта ставка на ускоренный рост российской экономики, обозначенная Д.С. Львовым, фактически не использовалась федеральными властями в течение почти двух десятилетий. Более того, шло сокращение трудовых ресурсов огромных пространств Дальнего Востока. И лишь в последнее время делается реальный поворот к включению этого ресурса в Общее дело. Речь идет, прежде всего, о реализации программ деятельности Таможенного союза, охватывающего пока Россию, Белоруссию и Казахстан, и о мерах по его расширению. Огромный импульс создают недавние стратегические договоры между Россией и Китаем, которые включают не только многомиллиардные контракты, но и **намерения** вдвое увеличить товарооборот между обеими странами.

Начавшийся поворот российской внешней политики с Запада на Восток – тенденция, внушающая оптимизм. Но, чтобы вступить в равноправный стратегический

союз, нашей стране необходимо в первую очередь измениться самой. Практически встать на путь инновационного развития, совершить новую индустриализацию, отказаться от сырьевого перекося в экономике. Пока же этого не происходит. Если в 1980-х годах в РСФСР доля продукции машиностроения и металлообработки в общем объеме вывоза в дальнее зарубежье составляла 35%, а сырьевых продуктов – 23%, то в современной России ситуация противоположная: свыше 70% приходится на долю сырья и лишь около 5% – на долю машин и оборудования⁸. Короче говоря, масштабы предстоящей работы в направлении использования преимуществ евроазиатского географического положения огромны, и они требуют большого управленческого искусства.

Надо отдать должное деятельности В.В. Путина, который в ходе третьего срока выполнения функций Президента России реализует интересы России во внешней политике и одновременно стремится обеспечить внутривнутриполитическую стабильность. После вступления в должность в мае 2012 года Президент издал ряд указов, направленных на повышение эффективности экономического и социального развития страны. К сожалению, желаемого влияния на реальную ситуацию по целому ряду направлений они пока не оказывают. Почему? На наш взгляд, потому, что правильные в общем-то установки не являются органическим содержанием действующей системы государственного управления.

Мы убеждены, что необходима замена несостоятельной неоллиберальной модели моделью управляемой смешанной экономики, но такой, которая отражала бы свой путь России, то есть тот, о котором заявил в «Экономическом манифесте...» академик Д.С. Львов.

⁸ Кожемякин С. Демонстрационный визит // Советская Россия. – 2014. – 24 мая. – № 36 (14004). – С. 3.

«Пришла пора перестать относиться к своей стране, как к целине, которую нужно периодически перепаживать заново, теряя каждый раз слою плодородной почвы, накопленной предшествующим развитием. Уникальное разнообразие российских природно-климатических ландшафтов и национально-культурных особенностей должно быть бережно освоено, претворено в региональное разнообразие форм жизнеустройства, в том числе экономических. Мы должны ориентироваться на наши собственные ресурсы и возможности к росту, на новую экономическую политику, систему национального имущества, ренту, новую промышленную политику, активизацию социальных факторов. В этом залог успеха в продвижении России по своему пути» (с. 54).

В этой связи вызывает удовлетворение, что в отечественной науке в последние годы все больше развиваются учениками и последователями академика Д.С. Львова его идеи о необходимости активной роли государства в управлении экономикой, даются аргументированные рекомендации о повышении эффективности государственного управления. Такая позиция получила развернутое обоснование в научном докладе академика С.Ю. Глазьева⁹, в новом

докладе РАН «Россия на пути к современной динамике и эффективной экономике» под редакцией академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева¹⁰, где высказано много разумных предложений в отношении экономической политики. Но скажем прямо, что без адекватной модели механизма управления эти предложения могут остаться благими пожеланиями. И не случайно в публикациях нашего журнала вопросы управления занимают все большее место¹¹.

Отрадно и то, что усиливается внимание Президента РФ В.В. Путина к мнению сотрудников Российской академии наук. В последние месяцы он провел ряд продолжительных рабочих встреч с руководством РАН, учеными экономических институтов Академии по проблемам, связанным с разработкой и реализацией стратегии ускоренного социально-экономического развития страны, повышением роли науки в обеспечении перехода отечественной экономики на инновационный путь. На недавнем заседании Совета Президента по науке и образованию в этом отношении были приняты содержательные решения. Все это еще раз свидетельствует о стремлении В.В. Путина реализовать масштабные задачи, обозначенные в его предвыборных статьях и выступлениях, майских (2012 г.) указах.

⁹ Глазьев С.Ю. О целях, проблемах и мерах государственной политики развития и интеграции: научный доклад. — Москва, 29 января 2013 г.

¹⁰ Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике / Российская академия наук. — Москва, 2013.

¹¹ Особое значение редакция придает освещению аспектов, которые связаны с повышением эффективности государственного управления, особенно в сфере бюджетной политики, и которые неоднократно рассматривались в статьях, опубликованных в нашем журнале. Так, в 2013 году были опубликованы такие работы: Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г. О стратегии устойчивого развития экономики России, № 1; Ильин В.А. Национальная и региональная безопасность: взгляд из региона, № 3; Новая повестка дня и эффективность государственного управления, № 5; Поварова А.И. Региональный бюджет 2013—2015: стабильность или выживание, № 1; Савченко Е.С. О необходимости и содержании смены макроэкономической политики, № 5; Селин В.С., Селин А.В. Оценка возможностей и факторов инновационного развития региональной экономики; Ускова Т.В., Селименков Р.Ю. К вопросу о формировании институтов развития в регионе, № 2. В предыдущих выпусках 2014 года помещены работы: Лапин Н.И. О стратегии интегрированной модернизации, № 1; Минакир П.А. О ключевых задачах экономического развития России (по итогам Послания Президента РФ Федеральному Собранию), № 1; Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления, № 2 и др.

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ИСЭРТ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в мае – июне 2014 г., дается сопоставление их с данными за 2013 г., а также за 2011 г., когда шёл к окончанию срок пребывания в должности Президента РФ Д.А. Медведева, и за 2007 г., когда завершался второй срок президентской деятельности В.В. Путина. Подведены промежуточные итоги исследования изменений общественного мнения в первом полугодии 2014 г.

Оценка деятельности власти

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?,
в % от числа опрошенных

Показатель	2007*	2011*	2013*	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
											2013	2011	2007
Президент РФ													
Одобрю	75,3	58,7	55,3	55,1	54,3	57,3	56,1	62,8	66,6	58,7	+3	0	-17
Не одобряю	11,5	25,6	29,4	28,9	28,7	28,9	29,3	25,4	21,8	27,2	-2	+2	+16
Председатель Правительства РФ*													
Одобрю	-	59,3	48,9	50,4	49,0	51,1	49,3	52,5	55,8	51,4	+3	-8	-
Не одобряю	-	24,7	32,8	30,4	30,6	32,5	32,9	30,9	26,4	30,6	-2	+6	-
Губернатор													
Одобрю	55,8	45,7	44,4	44,8	45,9	44,1	42,8	41,6	38,5	43,0	-1	-3	-13
Не одобряю	22,2	30,5	33,2	31,1	32,4	35,3	36,9	39,0	40,9	35,9	+3	+5	+14

* Вопрос задается с 2008 г.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ИСЭРТ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?*, в % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
											2013	2011	2007
Укрепление международных позиций России													
Успешно	58,4	46,2	45,7	45,3	47,7	47,5	45,9	48,6	53,7	48,1	+2	+2	-10
Не успешно	24,9	33,7	36,2	36,4	33,7	35,8	35,7	35,5	31,7	34,8	-1	+1	+10
<i>Индекс успешности</i>	<i>133,5</i>	<i>112,5</i>	<i>109,5</i>	<i>108,9</i>	<i>114,0</i>	<i>111,7</i>	<i>110,2</i>	<i>113,1</i>	<i>122,0</i>	<i>113,3</i>	<i>+4</i>	<i>+1</i>	<i>-20</i>
Наведение порядка в стране													
Успешно	53,2	36,6	39,4	39,9	41,7	44,5	42,7	46,7	49,5	44,2	+5	+8	-9
Не успешно	34,0	50,0	47,5	46,7	46,7	45,5	43,7	40,9	39,5	43,8	-4	-6	+10
<i>Индекс успешности</i>	<i>119,2</i>	<i>86,6</i>	<i>91,9</i>	<i>93,2</i>	<i>95,0</i>	<i>99,0</i>	<i>99,0</i>	<i>105,8</i>	<i>110,0</i>	<i>100,3</i>	<i>+8</i>	<i>+14</i>	<i>-19</i>
Защита демократии и укрепление свобод граждан													
Успешно	44,4	32,4	31,8	34,7	33,5	32,8	32,3	36,3	40,1	35,0	+3	+3	-9
Не успешно	37,0	48,3	51,0	48,5	50,9	51,6	50,1	48,7	43,9	49,0	-2	+1	+12
<i>Индекс успешности</i>	<i>107,4</i>	<i>84,1</i>	<i>80,8</i>	<i>86,2</i>	<i>82,6</i>	<i>81,2</i>	<i>82,2</i>	<i>87,6</i>	<i>96,2</i>	<i>86,0</i>	<i>+5</i>	<i>+2</i>	<i>-21</i>
Подъём экономики, рост благосостояния граждан													
Успешно	47,2	30,7	31,3	32,6	31,9	32,6	31,5	34,9	35,8	33,2	+2	+3	-14
Не успешно	39,1	56,1	56,8	53,4	57,7	59,7	57,1	54,3	53,5	56,0	-1	0	+17
<i>Индекс успешности</i>	<i>108,1</i>	<i>74,6</i>	<i>74,5</i>	<i>79,2</i>	<i>74,2</i>	<i>72,9</i>	<i>74,4</i>	<i>80,6</i>	<i>82,3</i>	<i>77,3</i>	<i>+3</i>	<i>+3</i>	<i>-31</i>

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за последние 6 опросов. Сравнений с 2012 г. не проведено, поскольку это был неполный год президентства В. Путина (инаугурация состоялась 7 мая 2012 г.).

Какая партия выражает Ваши интересы?, в % от числа опрошенных

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт	2011	Выборы в ГД РФ 2011 г., факт	2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
													2013	2011	2007
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,4	29,6	26,9	29,5	28,3	29,5	32,7	29,4	0	-2	-1
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	11,3	12,0	11,9	11,8	10,9	10,7	9,8	11,2	0	+1	+4
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,2	6,8	8,4	8,1	8,9	8,3	6,2	7,8	+1	0	0
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	4,6	4,3	4,0	4,4	3,5	3,3	3,3	3,8	-1	-2	-4
Другая	1,8	-	1,9	-	0,6	3,4	1,0	0,8	0,4	0,2	0,1	1,0	0	-1	-1
Никакая	17,8	-	29,4	-	34,9	33,4	37,3	34,4	35,2	34,8	36,0	35,2	0	+6	+17

Оценка социального состояния, в % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2013	Авг. 2013	Окт. 2013	Дек. 2013	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к		
											2013	2011	2007
Настроение													
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	68,6	68,7	71,5	69,6	65,1	69,3	71,1	69,2	+1	+6	+6
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	26,2	26,3	24,0	26,2	27,1	24,9	23,7	25,4	-1	-4	-2
Запас терпения													
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	79,3	79,7	81,6	83,1	79,8	81,3	81,0	81,1	+2	+6	+7
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	14,2	14,7	12,3	12,0	12,3	11,1	13,4	12,6	-2	-3	-1
Социальная самоидентификация													
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	43,9	44,9	45,7	43,7	44,2	43,1	42,0	43,9	0	+1	-4
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	46,9	46,8	45,4	46,7	46,9	49,1	48,4	47,2	0	+3	+5
Индекс потребительских настроений													
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	90,3	91,0	90,4	87,9	91,5	90,3	90,5	90,3	0	+1	-16

Тенденции общественного мнения о политике России по отношению к событиям на Украине

Общественное мнение о деятельности Президента РФ и других федеральных органов государственной власти в 2014 г. неразрывно связано с международной политикой Российской Федерации и развитием ситуации на Украине.

Большинство жителей области одобряют (71%) и поддерживают (65%) политику России по отношению к Украине, положительно относятся к такому событию, как присоединение Крыма в качестве субъекта Российской Федерации (78%). При этом более половины населения (56%) доверяет российским СМИ в освещении вопросов, связанных с украинским кризисом (зарубежным источникам доверяют только 22% населения).

Оценка политики России по отношению к событиям на Украине,
в % от числа опрошенных

Варианты ответов	Область
Как Вы оцениваете политику России по отношению к Украине? (апрель 2014 г.)	
Полностью и скорее одобряю	71,3
Полностью и скорее не одобряю	12,0
Затрудняюсь ответить	16,7
<i>16 марта 2014 г. в Симферополе (Крым) прошёл референдум, на котором более 95% участников проголосовали за присоединение региона к России. Вы согласны или не согласны с присоединением Крыма к нашей стране в качестве субъекта Российской Федерации? (апрель 2014 г.)</i>	
Да, согласен	78,0
Нет, не согласен	10,4
Затрудняюсь ответить	11,6
Поддерживаете ли Вы политику России по отношению к событиям на Украине? (июнь 2014 г.)	
Полностью и в основном поддерживаю	65,0
Полностью и в основном не поддерживаю	10,0
Затрудняюсь ответить	25,0

**Анализ общественного мнения о деятельности Президента РФ
в первом полугодии 2014 г.**

В 2014 г. наблюдается стабильный рост уровня одобрения деятельности органов федеральной государственной власти. По данным ВЦИОМ, доля положительных отзывов о деятельности Президента РФ за период с февраля по июнь 2014 г. увеличилась с 64 до 86%. Позитивная динамика отмечается и на территории Вологодской области: с февраля по июнь 2014 г. уровень одобрения деятельности главы государства увеличился с 56 до 67%.

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?, в % от числа опрошенных

Показатель	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Изменение (+/-)		
				апр. 2014 к фев. 2014	июнь 2014 к апр. 2014	июнь 2014 к фев. 2014
Президент РФ						
Одобряю	56,1	62,8	66,6	+7	+4	+11
Не одобряю	29,3	25,4	21,8	-4	-4	-8
Президент РФ – данные ВЦИОМ						
Одобряю	64,3	82,2	85,9	+18	+4	+22
Не одобряю	27,6	11,4	9,6	-16	-2	-18

Рост одобрения деятельности Президента РФ в исследуемый период отмечается во всех социально-демографических категориях населения. Особенно среди жителей Вологды (с 53 до 67%), людей с высшим и незаконченным высшим образованием (с 59 до 72%).

Среди социально уязвимых категорий населения также отмечаются позитивные тенденции: среди 20% наименее обеспеченных уровень одобрения деятельности Президента РФ возрос с 46 до 55%, среди людей старше 55 лет – с 60 до 68%.

Динамика уровня одобрения деятельности Президента РФ в различных социальных группах населения, в % от числа опрошенных

Показатель	фев.14	апр.14	июнь 14	Изменение (+ / -)		
				апр. 2014 к фев. 2014	июнь 2014 к апр. 2014	июнь 2014 к фев. 2014
Пол						
Мужской	55,4	58,7	65,5	+3	+7	+10
Женский	56,6	66,1	67,5	+9	+1	+11
Возраст						
до 30 лет	53,0	61,1	63,4	+8	+2	+10
30-55 лет	54,9	62,4	67,3	+8	+5	+12
старше 55 лет	59,8	64,7	67,7	+5	+3	+8
Образование						
Среднее и н/среднее	51,9	58,1	60,0	+6	+2	+8
Среднее специальное	58,0	62,1	68,6	+4	+6	+11
Высшее и н/высшее	58,8	69,2	72,0	+10	+3	+13
Доходные группы						
20% наименее обеспеченных	46,1	48,9	54,6	+3	+6	+9
60% среднеобеспеченных	57,9	64,4	69,4	+7	+5	+12
20% наиболее обеспеченных	69,4	72,6	77,7	+3	+5	+8
Территории						
Вологда	53,1	61,0	66,6	+8	+6	+14
Череповец	66,8	73,2	74,4	+6	+1	+8
Районы	51,8	58,1	62,3	+6	+4	+11
Область	56,1	62,8	66,6	+7	+4	+11

В оценке населением деятельности главы государства по решению ключевых проблем развития общества отмечаются положительные изменения. В первой половине 2014 г. они особенно ярко проявились в отношении работы Президента по защите демократии и укреплению свобод граждан (доля положительных оценок увеличилась с 32 до 40%), а также по укреплению международных позиций России (с 46 до 54%).

Вместе с тем настораживает тот факт, что лишь в июне 2014 г. поддержка действий Президента по укреплению международных позиций России и наведению порядка в стране приблизилась к уровню 2007 года. Более 50% жителей Вологодской области в 2007 году считали успешными действия главы государства по решению этих проблем. В течение последующего периода удельный вес разделяющих это мнение колебался в районе 45 – 48% и лишь в июне 2014 г. достиг отметки 50%.

Кроме того, вызывают опасения сравнительно невысокие темпы улучшения оценки деятельности В. Путина по подъему экономики и росту благосостояния граждан (за период с февраля по июнь 2014 г. – с 32 до 36%). До уровня 2007 года, когда действия Президента в этом вопросе одобряли 47% жителей области, еще далеко.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?*, в % от числа опрошенных

Показатель	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Изменение (+/-)		
				апр. 2014 к фев. 2014	июнь 2014 к апр. 2014	июнь 2014 к фев. 2014
Укрепление международных позиций России						
Успешно	45,9	48,6	53,7	+3	+5	+8
Не успешно	35,7	35,5	31,7	0	-4	-4
<i>Индекс успешности</i>	110,2	113,1	122,0	+3	+9	+12
Наведение порядка в стране						
Успешно	42,7	46,7	49,5	+4	+3	+7
Не успешно	43,7	40,9	39,5	-3	-1	-4
<i>Индекс успешности</i>	99,0	105,8	110,0	+7	+4	+11
Защита демократии и укрепление свобод граждан						
Успешно	32,3	36,3	40,1	+4	+4	+8
Не успешно	50,1	48,7	43,9	-1	-5	-6
<i>Индекс успешности</i>	82,2	87,6	96,2	+5	+9	+14
Подъём экономики, рост благосостояния граждан						
Успешно	31,5	34,9	35,8	+3	+1	+4
Не успешно	57,1	54,3	53,5	-3	-1	-4
<i>Индекс успешности</i>	74,4	80,6	82,3	+6	+2	+8

На протяжении первой половины 2014 г. (с февраля по июнь) наблюдается рост поддержки только одной партии – «Единой России» (с 28 до 33%). В то же время, как видно, не происходит существенных изменений в доле тех, кто считает, что никакая из представленных на сегодняшний день политических сил не отражает их интересов (35–36%).

Какая партия выражает Ваши интересы?, в % от числа опрошенных

Партии	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Изменение (+/-)		
				апр. 2014 к фев. 2014	июнь 2014 к апр. 2014	июнь 2014 к фев. 2014
Единая Россия	28,3	29,5	32,7	+1	+3	+4
КПРФ	10,9	10,7	9,8	0	-1	-1
ЛДПР	8,9	8,3	6,2	-1	-2	-3
Справедливая Россия	3,5	3,3	3,3	0	0	0
Другая	0,4	0,2	0,1	0	0	0
Никакая	35,2	34,8	36,0	0	+1	+1
Затрудняюсь ответить	12,7	13,1	11,8	0	-1	-1

В феврале – июне 2014 г. доля жителей области, испытывающих «нормальное состояние, прекрасное настроение», увеличилась с 65 до 71%. Удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть», существенно не изменился (80–81%). Вместе с тем незначительно снизилась доля людей, причисляющих себя к людям среднего достатка (с 44 до 42%).

Стабильный рост показателей социального настроения при незначительном ухудшении материального положения населения свидетельствует о том, что на общественное мнение сегодня в заметной степени влияют неэкономические факторы – деятельность главы государства и развитие ситуации на международной политической арене.

Оценка социального состояния, в % от числа опрошенных

Показатель	Фев. 2014	Апр. 2014	Июнь 2014	Изменение (+/-)		
				апр. 2014 к фев. 2014	июнь 2014 к апр. 2014	июнь 2014 к фев. 2014
Настроение						
Нормальное состояние, прекрасное настроение	65,1	69,3	71,1	+4	+2	+6
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,1	24,9	23,7	-2	-1	-3
Запас терпения						
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	79,8	81,3	81,0	+2	0	+1
Терпеть наше бедственное положение невозможно	12,3	11,1	13,4	-1	+2	+1
Социальная самоидентификация						
Доля считающих себя людьми среднего достатка	44,2	43,1	42,0	-1	-1	-2
Доля считающих себя бедными и нищими	46,9	49,1	48,4	+2	-1	+2
Индекс потребительских настроений						
Значение индекса, в пунктах	91,5	90,3	90,5	-1	0	-1

Заключение

Результаты опросов, проведенных в 2014 году, показывают, что на общественное мнение жителей Вологодской области сегодня в первую очередь влияют события, происходящие на Украине, деятельность Президента РФ В.В. Путина, а также международная политика Российской Федерации. Именно эти неэкономические факторы оказывают решающее влияние на динамику социального настроения, которое по-прежнему улучшается (с 64 до 71% за период с 2007 по июнь 2014 г.), несмотря на рост доли населения, причисляющего себя к «бедным» и «нищим» (с 42 до 48% соответственно).

Жители Вологодской области доверяют российским СМИ в освещении событий, происходящих на Украине, и поддерживают политику власти в данном вопросе. В то же время чувствуется определенное напряжение в отношении того, что поддержка деятельности Президента РФ по решению ключевых проблем развития страны всё ещё не так сильна, как в 2007 году. Особенно настораживает оценка жителями региона действий В.В. Путина по подъему экономики и росту благосостояния граждан: уровень одобрения не только существенно ниже, чем в 2007 г. (36 и 47% соответственно), но и практически не изменяется (в августе 2013 г. – 33%, в феврале 2014 г. – 32%, в мае – 35%, в июне – 36%).

Неоиндустриальная модель развития и её системный алгоритм*

**Сергей Семёнович
ГУБАНОВ**

доктор экономических наук, профессор, Московский государственный университет, главный редактор журнала «Экономист»

§ 1. Безотлагательность неоиндустриализации: доводы новых реалий

Пореформенные шутки с историей кончились: текущий ход событий складывается так, что оттягивать поворот к неоиндустриализации больше нельзя. И экономические, и геополитические противоречия переплелись ныне в гордиев узел столь жгучего системного кризиса, который разрешается лишь крайними, поистине альтернативными исходами: либо развалом нашей страны, т.е. исторически негативным итогом, либо ее неоиндустриальным подъемом — итогом исторически позитивным.

В отечественной экономике начиная с 2013 г. стагнация перемежается с автономной рецессией. Экспортно-сырьевая мо-

дель дошла до точки: она перестала генерировать даже номинальный, монетаристский рост, обеспечиваемый инфляцией нефтедоллара, и не в состоянии ни пополнять золотовалютные резервы и бюджет, ни поддерживать инвестиционный и конечный спрос. Раньше был рост без развития; теперь же нет ни развития, ни роста.

Драматически изменилась в конце 2013 г. и внешнеполитическая ситуация, добавив ко всем прочим еще одно грозное и болезненное противоречие. Стремительное осложнение обстановки на украинском направлении обязывает выступать *субъектом* геополитики, тогда как экономически Россия готова пока быть не больше, чем геополитическим *объектом*.

* Настоящая статья представляет собой сокращенную версию следующей публикации: Губанов С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. — 2014. — № 4.

Как не раз уже бывало, перед тяжелейшим историческим испытанием наша страна вновь поставлена именно в тот момент, когда меньше всего готова к нему. И верно, деиндустриализация не преодолена. Продолжаются долларизация национального богатства и его офшоризация. Структурная диверсификация народного хозяйства буксует. Экспортно-сырьевая модель все еще не заменена, несмотря на ее очевидную недееспособность. Отечественное хозяйство и государственный бюджет не выведены из недопустимой зависимости от внешне-конъюнктурных факторов: нефтедоллара и спекулятивного иностранного капитала.

Экономическая система, будучи частнокапиталистической системой низшего порядка, абсолютно бесперспективна, ибо дезинтегрирована снизу доверху, держит промежуточное производство в отрыве от конечного, не позволяет кардинально увеличить агрегированный мультипликатор добавленной стоимости.

Внутренние источники народнохозяйственного развития отключены и бездействуют. Наверстывания по производительности труда нет.

Пореформенная Россия докатилась до стадии низшего капитализма — дезинтегрированного и олигархического. Под воздействием иностранного капитала, который под ширмой «свободной конкуренции» принялся всемерно уничтожать своего стратегического конкурента, постсоветский капитализм быстро выродился в разновидность *компрадорского* — непроизводительного, посреднического, *брокерского*. Максимум, на что его хватает, — это перекачка ресурсов и национального богатства нашей страны за рубеж, т.е. банальная торговля Родиной, что оборачивается усилением зарубежных ТНК при безмерном

ослаблении отечественного промышленного капитала, ростом экономической и валютно-монетарной зависимости, обогащением олигархического меньшинства и обнищанием трудящегося большинства, сползанием к обществу несправедливости и нищеты.

Постсоветская практика сполна подтвердила силу и действенность классических экономических законов, в частности закона цены производства. Низший капитализм, или колониальная периферия мирового хозяйства, действительно влачит существование в кабальной зависимости от высшего, функционируя как управляемый вассал последнего, т.е. империалистического центра.

Хотя на протяжении 2000-х гг. предпринимались некие коррекции, они были бессистемными и лишь приглушили, но отнюдь не устранили масштабный системный кризис, трансформационный по происхождению и социально-экономический по последствиям. Дезинтеграция воспроизводства и деиндустриализация, системная и социальная отсталость, всесторонняя внешняя зависимость, работа на иностранный капитал вместо работы на самих себя, предельная социальная дифференциация и поляризация населения, внутреннее раскалывание общества по национальному, религиозному, языковому, территориальному, имущественному и прочим признакам, буржуазно-этнический национализм и центробежные тенденции — таковы зримые проявления системного кризиса, денно и нощно разъедающего фундамент федеративного единства.

Отягощенная грудой системных проблем, ослабленная длительной деиндустриализацией и стадийным регрессом, Россия тем не менее лишена возможности уклониться от брошенного ей геополитиче-

ского вызова. Отсталость и слабость нашей страны являются неподходящими только для нее самой, между тем как именно на них сделал свой геополитический расчет блок во многом уже неоиндустриальных держав, обладающих колоссальным системным преимуществом над постсоветским строем. После «Великой рецессии» неоиндустриальный мир, ведомый США, стал субъектом предельно агрессивной геополитики. И сейчас вся тяжесть геополитического давления перенесена им напрямую на Россию, экономически во всем отсталую и отстающую — по стадии капитализма, уровню развития производительных сил, формам их организации и управления, индустриально-технологическому, научно-техническому и кадровому потенциалу, производительности труда и качеству жизни населения.

Во фронтальное наступление на евразийском пространстве американский неоимпериализм вынужден ринуться по нескольким принципиальным причинам. С одной стороны, перед ним стоит задача во что бы то ни стало подкрепить империализм доллара чужой собственностью, с другой — Россия видится ему уже достаточно подорванной изнутри и ослабленной, чтобы основательно заблокировать ее по всему периметру государственной границы, двинув имперский поход НАТО дальше на восток, впритык к нашим юго-западным рубежам.

Несомненно, развязанный в конце 2013 г. украинским олигархически-компрадорским кланом кровавый «хаос», управляемый заокеанскими кукловодами с целью полной отмены внеблокового статуса Украины, следовало ожидать. Дело не в самих по себе продажности и гнилости постсоветского политического режима, вернее — не только в них. Вся суть в пер-

манентности воспроизводства данного режима власти как такового, т.е. в качестве продажного и гнилого, а также причинах и условиях именно такого его воспроизводства, идущего безостановочно, от одних якобы демократических выборов к другим. Несмотря на выборный процесс, реальный выбор неизменно остается за правящей компрадорской олигархией, возвращенной иностранным капиталом, всецело подконтрольной ему, на деле только им назначаемой и поддерживаемой.

Не просто так, не ради академического лишь интереса нам пришлось уделить пристальное внимание «новой норме» ФРС США, внешне вроде бы чисто технической и кейнсианской¹. Внешность обманчива: как выяснилось, в действительности США затеяли с 2008 г. беспрецедентный раунд глобальной экспансии империализма доллара — экспансии, связанной с кардинальным расширением *долларизации и американизации собственности остального мира*.

Воспользовавшись «Великой рецессией» 2008–2009 гг., США обрушили на мировое хозяйство новый акт планетарного передела собственности, как всегда — исключительно в свою пользу.

Благодаря денационализации первоочередной в прицеле империализма доллара стала собственность постсоветских стран — России, Украины, Казахстана, Белоруссии. А всякий передел собственности, о чем учит история, сопряжен с вооруженным насилием, размах, интенсивность и количество жертв которого прямо пропорциональны масштабу и значению захватываемых объектов и высот экономики. Поэтому-то американский империализм развязывает одну региональную войну за другой, насаждая тоталитарный мировой порядок — с политическим порабощением

всех тех стран, чья собственность отхватывается с целью долларизации, американизации и офшоризации, с учреждением для них прямого диктата проамериканского компрадорского режима. Это, к сожалению, и происходит сейчас на украинской земле.

Войны за *десуверенизацию* чужой собственности пропагандистская машина США запрограммированно преподносит как войны «за демократию». При этом американская пропаганда беспрестанно оперирует сугубо абстрактными лозунгами о демократии и свободе вообще, без малейшего прояснения какого-либо конкретного их наполнения и содержания.

Намеренный уход от конкретики вполне понятен, ибо для американского империализма демократическая страна тождественна проамериканской, тотально зависимой от сюзерена, т.е. Вашингтона. Силой империализма доллара и военщины США подчиняют мир не какой-то абстрактной и отвлеченной, а вполне конкретной – *вассальной демократии*, единственное предназначение которой заключается в том, чтобы держать «реформированные» неокolonии на поводке «Вашингтонского консенсуса» с помощью подконтрольного компрадорского режима. Соответственно, свобода по-вашингтонски означает не что иное, как свободу рук для США и американского капитала в любой стране мира, в любой точке планеты.

Конкретика реальной однополярной глобализации, стало быть, проста: *вассальная демократия* в остальном мире служит там верным залогом *сюзеренной свободы* для американского империализма, включая империализм доллара.

Империалистическая изнанка глобализации моментально выбивается наружу повсюду, где страны и регионы попирает

сапог американской военщины, включая ее базы на европейском континенте. Но правда не в имперских интересах США. И потому риторика Вашингтона зиждется на пустопорожних абстракциях свободы и демократии, без указания на их реальное содержание и подлинного социального субъекта. Между тем едва ли может быть неясно, что свобода продажного, проамериканского олигархически-компрадорского меньшинства, поставленного на правление той или иной неокolonией, эквивалентна несвободе и рабской зависимости управляемого большинства.

Поэтому в контексте имперской глобализации США украинский кризис занимает ныне отдельное место. Он более чем предсказуемо инициирован в интересах американского империализма, который давно отвел Украине роль своей хозяйственной неокolonии и марионеточного государства, напичканного базами НАТО ради геополитической блокады России. Нашей же стране, и так изрядно изолированной после развала СССР, отступить дальше некуда. Ей просто не оставляют выбора: она буквально обязана встать сейчас стеной на жизненно важных рубежах своей геополитической безопасности. Едва ли можно не видеть, что конечная цель американского империализма – Россия, и через Украину он подбирается вплотную именно к России.

Само собой разумеется, справиться с геополитическим нажимом, доведенным неоиндустриальным блоком во главе с американским империализмом до чрезвычайного обострения, на основе деиндустриализации долго не удастся. Тактические успехи при этом еще посильны, а стратегический выигрыш – нет.

Законы истории неумолимы: экономическому пигмею не дано быть геополити-

ческим титаном — подобное несоответствие заведомо противоестественно и недолговечно. Оно объективно предполагает неприменимый возврат к соответствию, а значит выбирать надо одно из двух: либо форсированное становление в качестве экономического титана — неоиндустриального по определению, либо скоротечное превращение в геополитического пигмея, расчлененного на сферы влияния и вассалитета.

Итак, в современных условиях никакой позитивной альтернативы неоиндустриализации России нет и быть не может. Возможна только негативная: экономический и политический крах, с повторением прискорбной участи Советского Союза. Либо динамичная неоиндустриализация, либо внутреннее разложение компрадорским капиталом и развал — так ставит вопрос жизнь.

Естественно, нашей стране нужен исторически позитивный исход. А с данной точки зрения выбор однозначен и кристально ясен: во-первых, *неоиндустриализация России безальтернативна*, во-вторых, — *безотлагательна*.

§ 2. Коренной вопрос неоиндустриализации: о собственности

Конечно, ни грана нового в приведенной констатации нет. Она была равно справедливой, равно актуальной и пять, и десять, и даже двадцать лет тому назад. В подтверждение нелишним, думается, будет небольшой экскурс в историю вопроса.

В отечественной литературе впервые, насколько известно, вывод о настоятельности *реиндустриализации* прямо сформулирован и обнародован в 1992 г., когда по народному хозяйству еще не пронесся смерч деиндустриализации и существовал производственный аппарат, годный для высокотехнологичной модернизации². Сорвавшийся позднее с цепи компрадор-

ский мор так сильно, под корень, выкосил отечественное производство машинных средств производства, оказался настолько опустошительным, что реиндустриализация совершенно утратила у нас свой объект, а вместе с ним — и предметный смысл.

К тому времени, однако, накопились научные данные, достаточные для выдвижения и обоснования *неоиндустриальной парадигмы*. Основы ее сложились к 2000 г. С тех пор перспектива подъема России научно связывается исключительно с *неоиндустриализацией*, как технотронной фазой индустриализации и процессом формирования наукоемкого способа производства. В подтверждение напомним один из выводов той поры: «Технологическая отсталость нетерпима для России. Действительный же подъем возможен только при движении к наукоемкому способу производства, не иначе как через неоиндустриализацию. Стратегия ее осуществления должна всемерно опираться на потенциал собственного экономического базиса»³.

После августовского дефолта 1998 г. история предоставила было довольно весомый шанс для разворота к неоиндустриальной экономической модели, но выбор последовал, увы, в пользу экспортно-сырьевой. Дело ограничилось лишь частичной национализацией экспортно-сырьевой ренты. Часть валютно-рентной выручки, дотоле почти целиком присваиваемой олигархически-компрадорским кланом, начала зачисляться в бюджет и различные внебюджетные фонды.

Хотя проведенное решение и затронуло вопрос о собственности, оно, однако, оказалось компромиссным, половинчатым, бессистемным. Командные высоты экономики сохранились во власти частно-олигархического, компрадорского капитала взамен на полюбовный раздел экспортно-валютной выручки.

В результате экономическая система осталась дезинтегрированной, неспособной соединить промежуточное производство с конечным ради того, чтобы загрузить работой машиностроительный комплекс и обрабатывающую индустрию, наладив производство высокотехнологичных рабочих мест. Государство получило монетарные ресурсы, а вместе с ними — возможность поддержки совокупного спроса, но начало платить за это непомерную цену в виде усугубления деиндустриализации и отсталости. Угли системного кризиса продолжили подспудно тлеть, между тем как на поверхности его скрывался фиктивный рост, или *рост без развития*, обеспечиваемый инфляцией нефтедоллара.

Сейчас, после потери свыше десятилетия, ситуация разительно изменилась. Во-первых, состоялся совершенно очевидный крах экспортно-сырьевой модели, с прекращением даже монетаристского, инфляционного роста; во-вторых, геополитическое противостояние с неоиндустриальным блоком перешло в критическую фазу и требует предельного напряжения сил. Соответственно, задача состоит теперь не в том, чтобы лишний раз убеждать в настоятельности и неотложности новой индустриализации, а в том, чтобы приступить к ней на деле, притом повести дело как общегосударственное, всенародное.

Что делать — это принципиально ясно. Дискуссии и споры вызывает вопрос о том, как делать: на основе какой формы собственности, с использованием какой экономической системы и каких конкретно методов.

Наверное, было бы проще, будь сейчас возможность обойтись без изменения и реорганизации многоукладной структуры собственности. Но какие бы то ни было

иллюзии излишни: пути наименьшего сопротивления в данном случае попросту нет. Ни частнокапиталистическая собственность сама по себе, ни тем паче олигархически-компрадорская ее форма в принципе неспособна составлять экономического базиса неоиндустриализации. То же самое и компрадорская экономическая система, которая лишь ослабляет нашу страну, исправно усиливая наших геополитических конкурентов, вынося *за рубеж центры прибыли* и оставляя *внутри центры затрат, издержек, потерь и долгов*.

Как известно, всякая историческая эпоха считается лишь со своими объективными законами, закономерностями и тенденциями. И горе той стране, которая идет против них. Постсоветская Россия слишком долго играла с историей, отчего и доигралась до нынешней непростой ситуации.

Короче говоря, хотим мы того или нет, но от вопроса о собственности уклониться нельзя. Это в полном смысле коренной вопрос наших дней, ибо только от его решения зависит, быть или не быть России неоиндустриальной — со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая геополитические.

Понятно, что олигархически-компрадорский клан выступает категорически против самой постановки вопроса о собственности. Тем самым он откровенно проявляет себя в качестве социальной силы, враждебной неоиндустриализации нашей страны. Поэтому в лице компрадорской олигархии Россия имеет для себя проблему, а не решение; и напротив, в том же лице империализм доллара имеет для себя решение, а не проблему.

Таково специфическое противоречие текущего момента. Без его разрешения не может быть даже речи об организации

масштабных неоиндустриальных преобразований, поскольку в обществе господствуют сейчас лишь силы их торможения и дезорганизации. Кроме того, на базе частнокапиталистической собственности немисливо устранить компрадорскую экономическую систему, которая тоже работает против России, поддерживая дискриминационный обмен товарного на бестоварное и реального на виртуальное, обеспечивая для иностранного капитала значительную долю дарового импорта наших ресурсов и оставляя без работы отечественную обрабатывающую индустрию.

В условиях компрадорской системы, установленной в прямом противоречии с требованиями закона вертикальной интеграции, рентабельность офшоризации российской собственности, экспортно-сырьевых трансакций и биржевых спекуляций всегда будет гораздо выше, чем рентабельность машиностроительного производства. Рядовым тому подтверждением служат итоги 2013 г. Так, спекулятивные иностранные инвестиции, вложенные в сделки с отечественной собственностью, принесли своим зарубежным владельцам баснословную норму прибыли — на уровне не менее 75% годовых. Сопоставима с ней доходность прочих финансово-посреднических и биржевых операций. В подобного рода системных условиях капиталовложения, потребные для создания первоклассного, высокоавтоматизированного производства машинных средств производства, объективно попадают в зону экономически некупаемых, невыгодных.

Факт есть факт: компрадорская система, настроенная на посредничество в стратегических и геополитических интересах иностранного капитала, делает экономически невыгодной новую, технотронную индустриализацию.

Вот почему нашей стране нужна в корне иная, не компрадорская, суверенная по характеру и реализуемым интересам экономическая система, при которой неоиндустриализация становится и выгодной, и окупаемой, и гарантированной.

Известны предложения и обещания поправить ситуацию различными «налоговыми маневрами». Но они заведомо нереалистичны, сбивают на ложный путь, ведут к потере времени и отвлекают от коренного, системного вопроса — о собственности. Не надо обманывать самих себя и обманываться: пока негодная макроэкономическая система не заменена, она враждебна новой индустриализации. Налоговые и все прочие методы косвенного регулирования здесь абсолютно бессильны, потому как господство олигархически-компрадорского капитала неминуемо превратит их в фикцию и пустышку.

Так ли, иначе ли, но обойти вопрос о собственности невозможно. Более того, он стоит сейчас ребром.

Как показал практический опыт последнего десятилетия, частичной национализации экспортно-сырьевой ренты, проведенной в начале 2000-х гг. с помощью налогового рычага НДС, мало и недостаточно. Бессмысленно сохранять дележ этой ренты между государством и олигархическим капиталом, ибо обязательная предпосылка развития состоит в том, чтобы перенацелить отечественную экономическую систему на внутренние, целиком неоиндустриальные источники и цепочки производства добавленной стоимости. А для этого нужен переход на принципиально иной, прогрессивный экономический базис, т.е. к исторически наиболее передовым формам и отношениям собственности, способным соединить воедино промежуточное производство с конечным.

§ 3. Многоукладность форм собственности и выделение главного звена

Современный капитализм многоукладен. Многоукладна и структура форм капиталистической собственности: каждая из них свойственна строго определенному капиталистическому укладу.

К сожалению, в советский период с 1930-х гг. понимание многоукладности и противоречивости переживаемой ныне эпохи было вытеснено на задворки экономической мысли. Одной из крупных причин послужило широко известное конституционное положение 1936 г. о победе социализма «в основном», а следовательно — об успешном окончании переходного периода.

Названное положение оказалось в жестоком разладе с действительностью, будучи теоретически и политически ошибочным. Возведенное в конституционное и директивное, оно вызвало далеко идущие отрицательные последствия, подменив верные ориентиры социально-экономического развития ложными, дезориентировав идеологию и гуманитарное образование, сняв вопрос о реальных противоречиях, оставив СССР без четкой и ясной перспективы развития. Общество исторической правды и правоты в одночасье сделалось обществом неправды, а КПСС бесславно окончила свои дни партией неприглядной лжи и беззастенчивого обмана — до основания разложенной и без социальной базы.

Истина уже на поверхности: на самом деле советское общество не поднялось выше переходного периода, незавершенного и абсолютно, и относительно. Оспорим ли этот вывод? Или неоспорим? Он бесспорен. Ибо, в отличие от ложного, базируется на несокрушимом фундаменте научной классики.

Напомним, согласно классическому критерию, полная и окончательная победа нового общественно-экономического строя над старым становится фактом тогда

и только тогда, когда достигнута безоговорочная победа по производительности общественного труда. Критерий этот единственен и непреложен. Никакого иного применительно к данному случаю нет и не может быть. Красной нитью проходит подобное понимание через все классическое наследие А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, В.И. Ленина, образуя ядро научной, диалектико-трудовой школы политэкономии. Достаточно привести всего одно, но исчерпывающе ясное положение: «Капитализм создал производительность труда, неданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо более высокую производительность труда»⁴.

Ничто иное, кроме производительности труда, в исторически-формационный зачет не идет и не принимается: более передовым признается только тот строй, который не на словах, а на деле обеспечивает исторически высшую производительность труда непосредственных работников. Все остальные моменты, насколько бы важными они ни казались, по сравнению с данным обобщенным и конечным критерием выступают производными и второстепенными.

Как ни удивительно, но это документальный факт 1936 г.: беспочвенный вывод о победе социализма «в основном» оправдывался И. Сталиным антинаучно, в духе чисто бухаринской «левизны», с недопустимым забеганием вперед, вообще без всякого упоминания о производительности труда, не говоря уже о сравнении с главнейшими капиталистическими странами мира⁵. Первостепенное молчаливо игнорировалось, меж тем как второстепенное акцентировалось и легковесно, даже с хохотком обыгрывалось. СССР был провозглашен обществом социализма, хотя не только не превзошел, но даже близко не подошел к уровню производительности в системе американского капитализма.

С научной точки зрения непостижимо, как можно было презреть азы классики и прямой ленинский завет, что главное для страны Советов — это обеспечение высшей и высочайшей производительности труда. Непостижимое тем не менее произошло. Факт вопиющего небрежения классикой ни малейшему сомнению не подлежит, он надежно документирован и непререкаем.

Законы истории суровы, но справедливы, и хорошо смеется тот, кто смеется последним. По иронии судьбы, последнее слово осталось за тем самым классическим критерием, который столь старательно обходился стороной и замалчивался в 1936 г. Итог известен: практика все равно разоблачила обман и фикцию. Советский *псевдосоциализм* потерял социальную опору и рухнул именно потому, что явил неспособность подняться на высоты производительности труда и качества жизни трудящихся. Общество переполнилось обезоруживающим разочарованием: что же это за социализм, который не выше и не лучше капитализма передовых стран? Идеология лжи и обмана подточила остов идейного и морально-политического единства советской страны и подвела ее к буржуазно-националистическому расчленению.

Нелишне заметить, что о капитализме «третьего мира», или отсталом капитализме, советские люди не допускали даже мысли. В сравнении фигурировали сплошь промышленно развитые державы: США, Германия, Франция, Великобритания, Швеция и т.п. Это потом уже, по мере триумфального шествия антисоветских реформ, планка стала сама собой опускаться сверху вниз — до Португалии, Аргентины, Бразилии, Мексики, а нынче в пример нам эксперты МВФ ставят обездоленные африканские страны, лишенные всякой индустрии и ведущие главным образом присваивающее хозяйство.

Не было ничего проще, чем софистически переименовать капитализм в социализм, сыграв по нотам философии номинализма, как было сделано в 1936 г. Но нет ничего тяжелее тех исторических последствий, к которым привела подмена реального содержания пустым и безжизненным наименованием.

Глубочайшее и мучительное для советских людей крушение идеалов, катастрофа падения Советского Союза, СЭВ и Варшавского блока, незаслуженная дискредитация социализма, период постсоветской олигархически-компрадорской реакции, буржуазно-националистическое разжигание этнической междоусобицы и натравливание друг на друга братских народов, теперешнее испытание пореформенной России на разрыв — это еще далеко не окончательный их перечень. Наша страна пожинает вдобавок горькие плоды дезориентации общественного сознания, плененного ложными догмами прошлого и настоящего, утраты социальной перспективы, непонимания того, где находится, куда и через какие ступени идти.

Политико-экономический вред, нанесенный ложной тезой о победе социализма «в основном», неисчислимы и во многом уже непоправимы: искалеченных ложью поколений не вернуть. Но пришло время для того, чтобы восстановить научную истину, прекратив калечить неправдой и путаницей нынешние и будущие поколения, которым, вопреки всему, суждено стать поколениями новой, технотронной индустриализации и прорыва к наиболее передовой ступени социального прогресса.

Не будем вдаваться здесь в подробный разбор истинной социально-экономической природы и сложной, зигзагообразной эволюции советского общества от рождения до смерти — это архиважная тема для отдельного разговора.

Примем за отправной пункт аксиому, что СССР был обществом переходного периода, притом весьма далекого от завершения, если вести отсчет по шкале реальной производительности труда и норме свободного времени.

Советский переходный период отличался особой многоукладностью и своим набором специфических противоречий. Он не был чем-то статичным и неизменным. В самые первые его дни существовали одни хозяйственные уклады и экономические противоречия, а в конце — во многом иные.

Перечень различных укладов, их диалектика и расстановка на момент начального состояния в 1918—1921 гг. не раз освещались В.И. Лениным и хорошо известны⁶. Нас интересует итоговый результат ленинского анализа, который оказался таким неожиданным и столь поразительным, что вызвал длительную полемику с бухаринской группой «левизны», а после 1924 г. был скоропалительно, в течение одного года предан директивно продиктованному забвению.

В чем суть? Добившись после гражданской войны самостоятельности и независимости от иностранного капитала, молодая страна Советов вступила в переходный период от капитализма к социализму. Казалось бы, раз начато социалистическое строительство, то основным может быть только противоречие между социализмом и капитализмом.

Так и оценивала ближайшую перспективу группа Н.И. Бухарина. Но — изрядно заблуждалась. Вопреки ее ожиданиям В.И. Ленин указал совсем иное противоречие. На удивление, оно вообще не включало упоминания о социализме, т.е. социалистический уклад выпадал из него. Противоположности были определены как внутриформационные, а не межформационные. На том этапе в качестве основных столкнулись не разнотипные уклады и формы собственности, как должно было бы

быть «по идее», но однотипные, по поводу чего каких-либо идей прежде не высказывалось вовсе.

Не социализм против капитализма, а капитализм против капитализма — таково противоречие, открытое при ленинском анализе тогдашних реалий в качестве решающего. И оно надлежало конкретизировано. Никакой игры слов, никакой игры в диалектику здесь не было.

В отличие от начетчиков, позднее выдавших себя за «верных ленинцев» и отметавших научные критерии, В.И. Ленин абстрактного капитализма не признавал, ибо исходил из учения о стадийности и стадиях капиталистической эволюции. Поэтому особняком выделял две стадии, или два уклада — частнокапиталистический и госкапиталистический. Детальное их изучение показало как общее между ними, так и особенное. Они оказались по-настоящему крайними стадиями — низшей и высшей, старой и новой, обычной и своеобразной; а еще — относительно противоположными, поскольку в одном из существенных пунктов госкапитализм выступает первым отрицанием капитализма как такового, расширяя цель с прибавочной (s) до вновь созданной стоимости ($v + s$).

В результате последовал новаторский ленинский вывод, что в условиях предстоящего переходного периода основополагающим является противоречие между двумя укладами, именно — частнокапиталистическим и госкапиталистическим. Причем было предельно точно указано, что главным врагом Советской власти на хозяйственном фронте является именно низший, старый, обычный капитализм, ведущий наступление под знаменем свободной торговли, т.е. капитализм *laissez-faire*. Что касается госкапитализма, то он, наоборот, подводит под Советскую власть прочный экономический фундамент, создавая предпосылки, необходимые и достаточные для прямого социалистического перехода.

Госкапиталистический уклад правильно фигурировал в ленинском видении просоветским, тогда как частнокапиталистический — антисоветским. Зная эмпирический итог, уместно заметить: вся последующая история СССР стала одним сплошным подтверждением истинности этого фундаментального и глубоко научного, диалектически выверенного положения. Единственное, пожалуй, чего не мог предполагать В.И. Ленин, что свою лучшую маскировку частнокапиталистический уклад обретет со временем в хозрасчетной форме.

Без госкапитализма, без организации и налаживания работы крупных государственно-капиталистических монополий о непосредственном переходе к социализму нечего даже думать — такова ленинская позиция. Отсюда, кстати, и вытекает знаменитая формула всего переходного периода: к социализму через госкапитализм. Эту-то формулу, выведенную в 1921–1922 гг., уже в 1925 г. совершенно снимает фракция И. Сталина, конъюнктурно сомкнувшаяся в то время с бухаринской группой «левизны». А десятилетие спустя, в 1936 г. заявляет, ни больше ни меньше, о мифической победе социализма «в основном» — без победы по уровню производительности труда, да и без победы фундаментальных экономических основ самого госкапитализма.

Тем временем, однако, главное противоречие советской эпохи, будучи неразрешенным, продолжало делать свое дело как ни в чем не бывало. Движение все равно определялось борьбой между двумя укладами: частнокапиталистическим и госкапиталистическим. Никакие субъективные выверты, никакие идеологические табу не могли отменить диалектики объективной действительности.

Как показал наш анализ, госкапиталистические начала доминировали в период 1933–1957 гг. Существовала, однако, одна ключевая особенность: их преобладание

обеспечивалось не столько организационно-экономически, сколько внеэкономически, ибо *под плановой системой народно-хозяйственного расчета не было адекватного экономического фундамента*.

В то время во главу угла планово-централизованная система госкапитализма ставила высшую рентабельность — общехозяйственную; рентабельность отдельного хозрасчетного предприятия относилась к низшей, подчиненной. Однако, в отличие от хозрасчетной децентрализации предприятий, которая имела свой экономический базис, плановая централизация таковым не обладала. Последняя опиралась единственно на национализацию, а национализация собственности суть акт юридический и политический, но не экономический. Он являлся предпосылкой для планового хозяйства, но никак не основанием.

Советская плановая система народно-хозяйственного расчета держалась в основном на политико-правовой надстройке, между тем как хозрасчет обособленных предприятий имел экономическую опору в виде разделения труда, товарообмена, балансовой собственности, воспроизводства прибыли. В результате стадийное противоречие между госкапиталистическим укладом и частнокапиталистическим мимикрировало, приняло советскую форму, стало противоречием между планом и хозрасчетом.

То было очень специфичное противоречие: на стороне плана были преимущественно политико-правовые рычаги и меры, а на стороне обособления предприятий и хозрасчета — экономические, включая производство и присвоение прибыли. Надстроечное существовало в непримиримом противостоянии с базисным. Сложилось и неумолимо разрасталось острое несоответствие между советской политической надстройкой и антисоветским по существу экономическим базисом — хозрасчетно-рыночным.

Соответствие могло быть восстановлено либо экономической победой советских политических начал, либо политической победой антисоветских экономических.

Борьба протекала отнюдь не на равных, поскольку конституционно закрепленное положение о мифической победе социализма не просто дезориентировало общественное сознание, но на корню пресекало саму постановку вопроса о необходимости качественного, базисного, организационно-экономического укрепления планово-централизованной системы хозяйствования. Тем самым хозрасчетные начала получили колоссальное идеологическое и политическое преимущество. Дальше их субъектам оставалось лишь постоянно наращивать его. Процесс пошел, естественно, под нарастающими требованиями децентрализации и самостоятельности хозрасчетных предприятий, свободы ценообразования, присвоения прибыли и самофинансирования.

Первый акт контрповорота последовал в 1957 г. вместе с отходом от системы высшей рентабельности к системе низшей, хозрасчетной. Реакционная по сути, безграмотная и лживая во всем остальном, программа КПСС, принятая в 1961 г., освятила его, гарантировав прибыльность каждому «нормально» работающему хозрасчетному предприятию.

Реформа 1965 г. ознаменовала второй акт контрповорота, закрепив итоги состоявшегося первого. Хозрасчетная рентабельность отдельного предприятия сделалась первичной и главенствующей, а народнохозяйственная — вторичной и подвластной. Частнохозяйственное присвоение прибыли обрело простор.

После той реформы началось затухание госкапиталистических начал и рост частнокапиталистических, до поры до времени прикрытых хозрасчетной формой. Примерно до середины 1970-х гг. еще держалось

относительное двоевластие, а затем госкапиталистический уклад был низвергнут «хозрасчетом предприятия», что и предreshило роковую участь СССР десятилетием позже.

Третий акт контрповорота свершился «перестройкой» в 1985–1987 гг. Четвертый и финальный состоялся в виде окончательного развала СССР. Частнокапиталистический уклад отбросил за ненадобностью хозрасчетную форму и предстал в своем собственном, бесчеловечном и отсталом, архаичном обличье.

Как и предупреждал в 1921–1922 гг. В.И. Ленин, могильщиком Советской власти стал тот самый низший, старый, отсталый, дореволюционный капитализм, который сумел поставить себе на службу внешне плановую хозрасчетную форму, накопил под ее сенью силы, восстановил свою социальную базу, экономически, идеологически и политически разложил правящую партию и советское государство, после чего нанес заключительный удар.

Начиная с 1990-х гг. Россия вновь оказалась под гнетом низшего, наиболее отсталого капитализма, вновь страдает не столько из-за капитализма, сколько из-за его недоразвитости. Но, опять-таки, объективно противоречие между частнокапиталистической стадией и госкапиталистической никуда не делось. Местами поменялись лишь его полюса: частнокапиталистические начала возвысились и господствуют над госкапиталистическими.

В то же время было бы наивно полагать, будто дореволюционное прошлое повторяется один в один. Дважды в одну и ту же реку не войти: историческое развитие общества как шло, так и продолжает идти по диалектической спирали. Советский переходный период стал уже достоянием истории. Постсоветский же характеризуется теперь уже своей многоукладностью, или стадийностью.

Что изменилось по сравнению с данными ленинского анализа? С тех пор много воды утекло, ибо прошло почти столетие. Капиталистическая эволюция не стояла на месте. И добавила еще одну стадию, ранее неведомую — государственно-корпоративную.

Практически известные сейчас, по опыту СССР и промышленно развитых стран, внутриформационные стадии, или уклады, капиталистического способа производства таковы:

- частнокапиталистическая;
- государственно-монополистическая;
- государственно-корпоративная;
- госкапиталистическая.

Как можно видеть, обе крайние стадии — частнокапиталистическая и госкапиталистическая — отделены друг от друга двумя промежуточными. В советской политэкономии выделялась одна из промежуточных — государственно-монополистическая, хотя она отсутствует в ленинском перечне советской многоукладности. Насколько можно понять мысль В.И. Ленина, государственно-монополистический уклад он принимал за однородный с госкапиталистическим, поскольку часто апеллировал к государ-

ственно-капиталистической монополии, полагая ее основой госкапитализма. О государственно-корпоративной же стадии в его время данных еще не было: ни теоретических, ни эмпирических.

Чем отличаются между собой внутриформационные, исторически выявленные стадии капитализма? Они различаются одна от другой по ряду фундаментальных критериев, в числе которых наиболее значимы: господствующая форма собственности, главный субъект собственности, основное звено воспроизводства, его целевая функция, масштаб воспроизводственного планирования, обеспечиваемая фаза индустриализации производительных сил.

Для наглядности обобщенная классификация четырех основных стадий капитализма, за исключением мануфактурной, сведена в отдельную *таблицу*.

Подробное описание существенных признаков каждой из внутриформационных стадий капитализма, а затем еще в сравнении, требует слишком много места и уводит далеко за пределы предмета настоящего рассмотрения, поэтому ограничимся здесь лишь тем, без чего не обойтись.

Стадии, или уклады, капитализма и характерные их особенности

Стадии капитализма, от низшей к высшей	Форма собственности	Субъект собственности	Основное звено воспроизводства	Целевая функция	Масштаб планирования	Фаза индустриализации
Частнокапиталистическая	Дезинтегрированная, атомарная	Персонифицированный: частный капиталист	Отраслевое предприятие	Прибыль	Локальный, заводской	Эпоха пара (предпосылка индустриализации)
Государственно-монополистическая	Горизонтально интегрированная	Персонифицированный: отраслевой капиталист	Отраслевая монополия	Монопольная прибыль	Отраслевой	Электрификация (первичная индустриализация)
Государственно-корпоративная	Вертикально интегрированная	Смешанный: корпоративный капиталист	ТНК	Добавленная стоимость	Макроэкономический	Технотронная индустриализация (вторичная)
Госкапиталистическая	Системно-интегрированная	Деперсонифицированный: совокупный капиталист	ЕНК (единый народнохозяйственный комплекс)	Совокупная покупательная способность	Народнохозяйственный	Полная автоматизация и безотходное производство

Прежде всего целесообразно обратить внимание на генеральный вектор всей капиталистической эволюции: от дезинтегрированной формы собственности — к системно-интегрированной; от персонафицированного капиталиста — к деперсонафицированному, совокупному; от обособленного частного предприятия — к единому народнохозяйственному комплексу; от частной прибыли — к совокупной покупательной способности общества; от воспроизводственной стихии и бесплановости — к общехозяйственной плановости; от эпохи паровых производительных сил — к эпохе полностью автоматизированных; в общем, от частного капитала — к социальному, экономически обобществленному.

Если коротко суммировать отмеченные признаки, то все они указывают на то, что по мере восхождения от низших ступеней к высшим капитализм мало-помалу превращается в свою противоположность, в собственное отрицание. Иными словами, капитализм демонстрирует не что иное, как диалектический, преходящий характер своей исторически стадийной эволюции.

Больше всего нас интересует, конечно же, та стадия капитализма, которая связана с неоиндустриализацией, т.е. с наукоемкой и технотронной фазой индустриализации. Как можно видеть, это — не низшая стадия, дезинтегрированная и наиболее отсталая; и даже не государственно-монополистическая, которая адекватна лишь эпохе первичной индустриализации производительных сил, или их электрификации. Требованиям неоиндустриализации отвечает только стадия *не ниже государственно-корпоративной*.

Тем самым мы получили исчерпывающий ответ на принципиальный вопрос о том, от чего к чему надо переходить нашей стране, чтобы гарантировать успешное осуществление неоиндустриализации отечественных производительных сил,

придание им технотронного качества. Совершенно ясно, какая форма собственности должна при этом господствовать — вертикально-интегрированная, какое необходимо основное звено производства — ТНК, какая целевая функция производства — добавленная стоимость (а не одна прибыль), какой тип планирования — макроэкономический, адекватный форме собственности.

Вместе с тем, думается, следует хотя бы кратко прояснить *сущность госкапитализма*. В настоящее время, похоже, нет больше ни одной такой стадии капитализма, по поводу которой нагромоздилось бы столько ложных догм, воззрений и представлений, как в отношении госкапитализма.

В современной западной литературе и периодике, а с ее подачи — и в доморощенной либерально-компрадорской когорте, марионетки имперской глобализации США едва ли не криком кричат об установлении «путинского госкапитализма» в России⁷. Показателен, кстати, беспринципный кульбит, продемонстрированный А. Илларионовым, небезызвестным беспетальной попыткой эконометрической фальсификации влияния государства на темпы экономического роста⁸. В 2000 г., в бытность советником Президента РФ, на прямой вопрос американцев, подбрасывавших побасенку о госкапитализме в России, он резонно отвечал, что незачем оперировать идеологическими ярлыками⁹. Но как только лишился поста президентского советника, всплыв сотрудником вашингтонского института *Cato*, так сразу перескочил на американскую позицию и заголосил о движении нашей страны к госкапитализму¹⁰.

Политическому руководству страны до сих пор приходится заверять об отсутствии строительства госкапитализма¹¹. Это верно — к сожалению, ибо объективно для нашей страны было бы великим благом, если бы это было неверно.

На самом деле нет ничего дальше от истины, чем отождествление нынешней России с исторически высшей, заключительной стадией капитализма — госкапитализмом. Столь несуразное отождествление проистекает из совершенно антинаучного, чисто идеологического смещения госкапитализма с его классическим антиподом — клановым капитализмом, частно-олигархическим и компрадорским, низшим и отсталым.

Теория подразделяет госкапитализм на формальный и реальный. Базовой предпосылкой *формального* госкапитализма является преобладание национализированной собственности. Основа же *реального* госкапитализма — обобщественная, или системно-интегрированная, форма собственности, экономически реализуемая как национализированная, с полным господством в обществе социального производительного капитала, способного планомерно минимизировать всякого рода социальные издержки, необходимые для удовлетворения потребностей общества: энергетические, промышленные, инфраструктурные, экологические и т.д. Короче говоря, с формальным госкапитализмом связана правовая национализация, *де-юре*, а с реальным — экономическая, *де-факто*.

В Советском Союзе, заметим, национализация важнейших средств производства состоялась лишь юридически и провалилась экономически. На деле под видом «хозрасчета предприятия» национализированная, формально государственная собственность реально использовалась с 1960-х гг. как частнохозяйственная, антигосударственная. Поэтому СССР, несмотря на плановую систему хозяйствования, объективно не мог подняться выше формального, надстроечного, внеэкономического госкапитализма. Чтобы перейти от формального к реальному, предварительно так или иначе следовало пройти этап

вертикальной интеграции национализированной собственности, привести плано-во-экономическую систему в соответствие с законом вертикально интегрированного воспроизводства.

По сравнению с 1920-ми гг. современная реальность примечательна одним коренным изменением: неизмеримо ближе к госкапитализму, вплотную к нему стоят как раз промышленно развитые державы, в которых преобладает вертикально интегрированная капиталистическая стадия с ядром в виде *экономики ТНК*. В пореформенной России, напротив, доминирует старый, отсталый частнокапиталистический уклад, с господством олигархически-компрадорской, дезинтегрированной, персонифицированной формы капиталистической собственности. В общем, до госкапитализма нашей стране еще идти и идти, и государственно-корпоративной стадии на этом пути закономерно не миновать.

Что касается персонифицированной формы собственности, то на ее базе не возвести основ не только госкапитализма, но даже государственно-монополистического. И впору думать не столько о неоиндустриализации и полной автоматизации производства, сколько о том, как бы не утратить и сохранить хотя бы завоевания советской электрификации. Кстати, печальным свидетельством на сей счет видятся нормы электропотребления для населения, или энергетические пайки, абсурдные для любой электрифицированной страны.

В действительности как раз передовые-то неоиндустриальные страны, поднявшиеся на государственно-корпоративную стадию, ничто уже не отделяет от госкапитализма, в то время как пореформенная Россия отстоит от госкапитализма минимум на две стадии — государственно-монополистическую, а главное — государственно-корпоративную.

Итак, осуществление неоиндустриализации производительных сил предполагает, самое меньшее, господство государственно-корпоративного уклада, его ведущее положение в иерархии современной многоукладности. В свою очередь, ключевая особенность названного уклада состоит в том, что оно подчиняется *особому стадийному закону высшего капитализма — закону вертикальной интеграции*. Этот закон выступает законом системной взаимосвязи промежуточного и конечного производства, такой их взаимосвязи, при которой максимальная скорость кругооборота совокупного производительного капитала обеспечивается благодаря нулевой рентабельности в промежуточных звеньях.

Соответственно, в современном мире конкурентоспособной и эффективной может быть только такая экономическая система, которая построена и функционирует в полном согласии с требованиями закона вертикальной интеграции, при главенстве вертикально интегрированной формы собственности. В противном случае экономическая система не является государственно-корпоративной, а значит относится к разряду заведомо низших, отсталых, неэффективных и неконкурентоспособных.

Исходя из диалектического анализа эволюции капитализма и капиталистической многоукладности, вполне понятно, какая форма собственности суть исторически передовая ныне и адекватна задачам неоиндустриализации производительных сил. Это — вертикально интегрированная форма, или государственно-корпоративная, плановое функционирование которой организовано в соответствии с законом вертикальной интеграции, по принципу «точно вовремя», ради увеличения агрегированного мультипликатора добавленной стоимости.

§ 4. Об алгоритме перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной

Настоятельность и безотлагательность неоиндустриального поворота вовсе не значит, что нужно действовать сломя голову, наскоком или кампанейщиной. Напротив, авантюризм и волюнтаризм подлежат исключению, так как обернутся потерей драгоценного времени, которого и без того критически мало. И верный результат, и выигрыш по времени способна гарантировать лишь комбинация выверенных, точно рассчитанных мер и действий, реализуемых в правильной последовательности. В общем, чем качественнее алгоритм неоиндустриального перехода, тем выше темпы и короче сроки, экономнее и эффективнее программа его практической реализации.

Мы не претендуем здесь на развертывание программы неоиндустриализации нашей страны — это особая задача, решение которой предполагает консолидацию усилий всего научно-экономического общества, понимающего значимость неоиндустриальной реконструкции народного хозяйства и твердо придерживающегося идеологии общегосударственных, народнохозяйственных интересов. Наша функция ограничивается изложением узловых пунктов алгоритма неоиндустриального перехода, притом преимущественно первоочередных.

Исходный пункт и заглавный принцип состоит в том, что необходимо избежать всякого рода шоков и бифуркаций: ценовых, налоговых, бюджетных, инвестиционных, инфраструктурных, валютных, долговых, экспортно-импортных и т.д. Да, впадение в системный кризис и деиндустриализацию носило характер шокового, но выход из него должен быть управляемым, контролируемым и регулируемым, т.е. четко организованным, ювелирно слаженным.

Сопряженный с заглавным принцип относится к выбору приоритетов, или комбинации и последовательности шагов.

В первую очередь следует покончить с деиндустриализацией экономики, для чего необходимо соединить добывающую промышленность с обрабатывающими комплексами, особенно машиностроительными. Основа их организационно-экономического соединения — вертикально интегрированная собственность, а форма — межотраслевые цепочки производства конечной продукции с высоким мультипликатором добавленной стоимости.

Тем самым задается *первый* принципиальный шаг алгоритма: стратегическая национализация командных высот экономики, их суверенизация, дедолларизация и деофшоризация — формальная и неформальная, прямая и косвенная, в форме выкупной деприватизации и налоговой.

С учетом многоукладности форм собственности, о чем уже сказано, стратегическая национализация объективно не может быть тотальной, как то примитивно воображают себе некоторые критики, и ограничивается сугубо лишь командными высотами экономики.

Далее, стратегическая национализация не предполагает внеэкономической, декретированной или директивной экспроприации. Во избежание недоразумения особо отметим, что национализируемыми объектами являются стратегически важные средства производства, начиная с земли и ТЭК, а не предметы личного потребления граждан.

И, главное, национализация нужна не ради национализации. Она нужна ради наращивания отечественного производства продукции конечного спроса с высокой долей добавленной стоимости, на основе прочной и неразрывной связи между добычей и промышленной переработкой сырья, первичных ресурсов, т.е. на основе вертикально интегрированной собственности.

Второй шаг после стратегической национализации командных высот экономики сводится к вертикальной интеграции формально или неформально национализированной собственности, конкретнее — к разработке и реализации народнохозяйственного плана создания вертикально интегрированных, общенациональных цепочек производства добавленной стоимости, в которых полностью объединены все фазы воспроизводства конкурентоспособной продукции конечного спроса, а работа строится по принципу «точно вовремя». В результате успешного осуществления такого плана Россия получит *экономику отечественных ТНК*, конкурентных по сравнению с крупнейшими иностранными.

Одновременно надлежит восстановить вертикально интегрированную форму организации инфраструктурных монополий — электроэнергетики, железнодорожного, авиационного, морского и речного транспорта, а также рыболовства и жилищно-коммунального хозяйства.

Третий шаг предполагает освобождение внутренних цен и ценообразования от влияния валютного курса рубля, спекулятивного иностранного капитала, импорта инфляции и прочих конъюнктурных внешних факторов.

Для этого целесообразно использовать меру, предлагаемую рядом специалистов: создать уполномоченное федеральное агентство, которое выкупало бы главные товары минерально-сырьевого экспорта по внутренним ценам, реализовывало по экспортным и зачисляло валютную выручку на счета особого капитального фонда, чтобы увеличивать ресурсы реального накопления¹².

Необходимым видится также учреждение национального агентства по иностранным инвестициям. Основная его функция заключается в том, чтобы расширять приток

долгосрочных, индустриально-технологических и инфраструктурных инвестиций, отсекая при этом приток краткосрочных спекулятивных, бестоварных, монетарных.

Параллельно Центральный банк прекращает политику рублевой эмиссии, пропорциональной валютной выручке, вводит регулирование массы денег в обращении пропорционально росту внутреннего производства товарной массы, всемерно расширяет масштаб безналичных расчетов и платежей предприятий и населения, формирует национальную платежно-расчетную сеть.

Стабилизационный фонд упраздняется. Объем золотовалютных резервов сводится к нормативной величине, эквивалентной объему полугодового товарного импорта с учетом годовых выплат по внешнему долгу.

Четвертый шаг предполагает перевод государственного бюджета целиком на внутренние источники доходной части и кардинальное повышение его инвестиционного потенциала. Главными из предлагаемых мер представляются введение и селективное применение налога с оборота, прогрессивной шкалы подоходного налога, налога на спекулятивные доходы и налога на недвижимость.

Налог с оборота в тех секторах или видах деятельности, где он эффективен, должен использоваться не вместе, а вместо налога на добавленную стоимость.

Разработке и расчетному обоснованию подлежит также более детальный и комплексный план налоговой реорганизации, органически связанный с планом системных изменений в торговой, банковской и промышленной сфере, ценообразовании, амортизационных отчислений.

В частности, необходимо образование общегосударственного фонда амортизационных отчислений и создание механизма их строго целевого назначения.

Они составляют «длинные», долгосрочные ресурсы, которые следует учитывать в составе совокупного внутреннего фонда накопления и целевого кредитования масштабных неоиндустриальных проектов.

Налоговые меры важны и пригодны для повышения инвестиционного значения прибыли. Допустимо введение налоговых ограничителей ее проедания.

Пятый шаг относится к ценообразованию и предполагает его постепенное превращение в планомерно-регулируемое.

На первом этапе регулирование налаживается применительно к ценам и тарифам государственно-корпоративного сектора, инфраструктурных монополий и жилищно-коммунального хозяйства. Вводится особый порядок ценообразования: цены устанавливаются на основе интегральных издержек сроком на 5 лет, исходя из принципа общего рынка и принципа безубыточности; из цен исключаются прибыль и инвестиционная составляющая; механизм хозяйствования и система стимулов настраиваются на снижение издержек; в качестве источника плановых капитальных вложений выступает централизованный фонд совокупного накопления.

Шестой шаг призван гарантировать плановый уровень доли внутреннего накопления, окупаемости капитальных вложений, их вклада в приращение производительности общественного труда и уровня жизни людей.

Для этого совокупные внутренние накопления централизуются. В их состав включаются: особый капитальный фонд, для импорта машинной техники и рабочих мест; единый фонд амортизации; капитализируемая прибыль; инвестиционная часть государственного бюджета; некоторые виды банковских депозитов; производственные, машинно-технические и технологические по составу иностранные инвестиции.

Использование совокупного фонда накопления осуществляется в планово-целевом порядке, по единому плану капитальных вложений, в соответствии с принципами вертикальной интеграции и межотраслевой сопряженности. В первый пятилетний период приоритетными являются капиталовложения, необходимые для успешной реализации народнохозяйственного плана формирования вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости, или крупнейших отечественных ТНК, а также неоиндустриального по наполнению плана высокотехнологичного, наукоемкого импортозамещения.

Отраслевой принцип инвестиционного кредитования исключается, а частнохозяйственный остается для частнокапиталистического уклада, в пределах планово-кредитных нормативов и лимитов банковского сектора, в обязательной увязке с единым планом капитальных вложений.

Окупаемость плановых капиталовложений оценивается по-новому, по величине: агрегированного мультипликатора добавленной стоимости, воспроизводственного мультипликатора рабочих мест, почасовой производительности труда и заработной платы.

Седьмой шаг связан с организацией и постановкой новой модели народнохозяйственного планирования, органически соединенного с макроэкономическим планированием на уровне формируемых общенациональных корпораций.

В качестве отправного и сквозного принципа новой модели народнохозяйственного прогнозирования и планирования принимается уровень производительности и оплаты труда, а не ценовая конъюнктура нефтяного экспорта.

Инструментальной основой становятся межотраслевые балансы: трудовые, стоимостные, продуктовые, рабочих мест, основных производственных фондов, капитальных вложений, экспорта и импорта и т.д.

Восьмой шаг — разработка и реализация общегосударственного плана неоиндустриального импортозамещения, в увязке с планом формирования экономики отечественных ТНК. План импортозамещения должен предусматривать создание отечественного производства технологически передовых микропроцессоров и микропроцессорных устройств, супер-ЭВМ, авиационных и прочих двигателей, робототехники, операционных систем и программного обеспечения, оборудования для постнефтяной энергетики, автоматизированных комплексов, машин, приборов, первоклассных научных и учебных лабораторий.

Девятый шаг — восстановление и обновление единой системы обязательных государственных стандартов качества продукции производственного и потребительского назначения; введение жестких экологических нормативов и стандартов, а также плановых нормативов рециркуляции ресурсов. Превращение названной системы в систему экономического и внеэкономического принуждения к качеству, экологической чистоте производств и жилищно-коммунального хозяйства, рециркуляции ресурсов, безотходности.

Десятый шаг — декоммерциализация здравоохранения, образования, физкультуры и спорта; восстановление специального и профессионально-технического образования; перевод средней и высшей школы на общегосударственные программы и стандарты образования; деамериканизация гуманитарного образования, прежде всего — экономического.

Одиннадцатый шаг — переход к почасовой системе регулирования производительности труда и заработной платы на основе разработки плановых нормативов почасовой производительности машин, рабочих мест и работников.

Двенадцатый шаг — организация и ввод в действие планово-экономической модели снижения народнохозяйственных издержек, подкрепленной системой стимулов на основе повышения почасовых ставок заработной платы и премиальных нормативов для административно-управленческого персонала.

Тринадцатый шаг — реорганизация системы сбыта сельскохозяйственной и продовольственной продукции на основе прямого и лицензированного доступа товаропроизводителей или их кооперативов к региональным и национальным торговым сетям. Предоставление торговых лицензий посредникам и перекупщикам исключается.

Мы отметили и сжато обрисовали наиболее принципиальные пункты алгоритма конкретного перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной. Каждый из перечисленных пунктов содержит в себе свертку более детальной программы решений и действий, т.е. может быть развернут в целостную и целевую плановую программу, органически соподчиненную сводной, народнохозяйственной.

На наш взгляд, все пункты представленного переходного алгоритма вполне отвечают исходному принципу о недопустимости шоковых эксцессов в процессе перехода от старой экономической системы к новой, адекватной задачам и требованиям технотронной, наукоемкой индустриализации России.

Таким образом, с учетом рассмотренного алгоритма имеются весомые основания для того, чтобы считать неоиндустриализацию отечественного народного хозяйства не только безальтернативной и безотлагательной, но и практически реализуемой.

* * *

Теоретически неоиндустриализация обоснована твердо; практически она безальтернативна, безотлагательна и реали-

зуема; идеологически и политически — связана с общегосударственными, народнохозяйственными и социально-трудовыми интересами. Алгоритм перехода от экспортно-сырьевой модели к неоиндустриальной нащупан и описан в самых принципиальных пунктах. Мы знаем, конечно, что необходимо его широкое обсуждение, уточнение, улучшение.

Тем не менее платформа неоиндустриализации сложилась. И медлить с ее общественным утверждением больше нельзя. Пришла пора целенаправленной социальной консолидации на неоиндустриальной платформе, по существу готовой и соответствующей кадровой реконфигурации.

В экономическом сообществе, которое отчетливо понимает насущность новой индустриализации — наукоемкой и высокотехнологичной, важно максимально сблизить подходы и позиции по острым вопросам неоиндустриальной политики России, включая тематику темпов социально-экономического развития, собственности и вертикальной интеграции, сочетания косвенных и прямых методов централизованного регулирования, формирования национального планово-координационного агентства, организации системных условий и стимулов для обеспечения динамичного и качественного роста народного хозяйства.

Думается, настало время четко определиться, от чего к чему идет Россия, каким путем, какое общество стремится построить и какое место занять в мире, каково при этом значение неоиндустриальной реконструкции. Особое внимание следует уделить обобщению конкретных мер и решений, направленных на точно выверенную замену экспортно-сырьевой модели моделью неоиндустриального развития нашей страны — с учетом институционального, организационного и кадрового обеспечения столь ответственного системного маневра.

На наш взгляд, было бы целесообразно подготовить и провести *Всероссийское экономическое совещание по новой индустриализации* — деловое, строго предметное. Не парад мнений важен, а системные решения по вопросам неоиндустриального развития России. При этом нужна тщательная организация, с настроением на результатив-

ность, для чего потребуется ответственное взаимодействие государственных органов, научных и общественных структур, экономических изданий. Итоги проделанной работы, несомненно, помогли бы переходу нашей страны на путь динамичного наращивания экономической мощи.

¹ См.: Губанов С. Воспроизводство рабочих мест и «новая норма» ФРС США (теоретические аспекты) // *Экономист*. — 2013. — № 2; продолжение: Губанов С. Воспроизводство рабочих мест и «новая норма» ФРС США (аналитический аспект) // *Экономист*. — 2013. — № 7.

² См., например: *Новый курс России* // Советская Россия. 1992. 19 ноября; отдельное издание: *Новый курс России* / под ред. С.С. Губанова. — М.: Палея, 1993. — С. 11.

³ Губанов С. Станкостроение: условия конкурентоспособности // *Экономист*. — 2000. — № 9. — С. 3 и сл.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. — С. 21.

⁵ См.: Сталин И. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. 25 ноября 1936 г. — М.: ОГИЗ, 1946.

⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. — С. 296.; Т. 43. — С. 207.

⁷ См., например: Durand C. Between Developmentalism and Instrumentalization: The Comeback of Producing State in the Russia // *Journal of Innovation Economics and Management*. 2008. No. 2. P. 171 ff.; Brancato E. Markets Versus Hierarchies. A Political Economy of Russia From 10th Century To 2008. — Northampton, MA: Edward Elgar Press. 2009; Bremmer I. The End of the Free Market: Who Wins the War Between States and Corporations? — New York: Portfolio. 2010; Gustafson T. Wheel of Fortune: The Battle For Oil and Power In Russia. — Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. 2012. P. 231 ff. Fjaertoft D., Blakkisrud H. Exit State Corporations? Exploring the Legacy of Putin's "State Capitalism" // *Norwegian Institute of International Affairs*. 2009. WP 2009-001; Kryshantovskaya O.V. Sovietization of Russia 2000-2008 // *Eurasian Review*. 2009. Vol. 2. P. 95 ff; Belton C. Putin stands by state capitalism // *The Financial Times*. 2012. January 30th; Aslund A. Putin's State Capitalism Means Falling Growth // *The Moscow Times*. 2013. May 22nd; Рогов К. Политэкономика: Модель антироста // *Ведомости*. 2004. 10 ноября. Вардоль Н. Мировая закулиса нам поможет // *Новая газета*. 2011. 22 апреля.

⁸ См.: Губанов С. Темпы роста и воздействие на них государства // *Экономист*. 2003. — № 6.

⁹ Larina E. Illarionov goes public, plays it close to vest // *The Russia Journal*. 2000. Vol. 3. No. 15.

¹⁰ Holley D. Dissenter Resigns Kremlin Position // *The Los Angeles Times*. 2005. December. 28th; Illarionov A. The Rise of the Corporate State in Russia // *Cato Institute*. Washington, DC. Policy Forum. 2006.

¹¹ См.: Матвиенко В. О новой индустриализации России // *Экономист*. — 2013. — № 7. — С. 4.

¹² См.: Дасковский В., Киселев В. Основы новой стратегии, модели и политики неоиндустриальной реконструкции // *Экономист*. — 2014. — № 1. — С. 42.

Gubanov S.S.

Neo-industrial development model and its system algorithm

Sergei Semenovich Gubanov — Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University, Chief Editor of the journal "Economist"

References

1. See: Gubanov S. Vosproizvodstvo rabochikh mest i "novaya norma" FRS SShA (teoreticheskie aspekty) [Reproduction of Jobs and the "New Standard" of the U.S. Federal Reserve System (Theoretical Aspects)]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no.2; continuation: Gubanov S. Vosproizvodstvo rabochikh mest i «novaya norma» FRS SShA (analiticheskii aspekt) [Reproduction of Jobs and the "New Standard" of the U.S. Federal Reserve System (Analytical Aspect)]. *Ekonomist* [Economist], 2013, no.7.
2. See, for example: *Novyi kurs Rossii* [New Course for Russia]. *Sovetskaya Rossiya* [Soviet Russia], 1992, November 19; special edition: *Novyi kurs Rossii* [New Course for Russia]. Ed. by S.S. Gubanov. Moscow: Paleya, 1993. P. 11.

3. Gubanov S. Stankostroenie: usloviya konkurentosposobnosti [Machine-Tool Industry: Conditions for Competitiveness]. *Ekonomist* [Economist], 2000, no.9, p. 3 ff.
4. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 39. P. 21.
5. See: Stalin I. O proekte Konstitutsii Soyuza SSR. Doklad na Chrezvychnom VIII Vsesoyuznom s"ezde Sovetov. 25 noyabrya 1936 g. [About the Draft Constitution of the USSR. The Report on the Extraordinary Eighth All-Union Congress of Soviets, November 25, 1936]. Moscow: OGIZ, 1946.
6. See: Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Collected Works]. Vol. 36. P. 296.; Vol. 43. P. 207.
7. See, for example: Durand C. Between Developmentalism and Instrumentalization: The Comeback of Producing State in the Russia. *Journal of Innovation Economics and Management*, 2008, no. 2, p. 171 ff.; Brancato E. *Markets Versus Hierarchies. A Political Economy of Russia From 10th Century To 2008*. Northampton, MA: Edward Elgar Press, 2009; Bremmer I. *The End of the Free Market: Who Wins the War Between States and Corporations?* New York: Portfolio, 2010; Gustafson T. *Wheel of Fortune: The Battle For Oil and Power In Russia*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2012. P. 231 ff.; Fjaertoft D., Blakkisrud H. Exit State Corporations? Exploring the Legacy of Putin's "State Capitalism". *Norwegian Institute of International Affairs*. 2009. WP 2009-001; Kryshtanovskaya O.V. Sovietization of Russia 2000–2008. *Eurasian Review*, 2009, Vol. 2, p. 95 ff; Belton C. Putin Stands By State Capitalism. *The Financial Times*, 2012, January 30; Aslund A. Putin's State Capitalism Means Falling Growth. *The Moscow Times*, 2013, May 22; Rogov K. Politekonomiya: Model' antirosta [Political Economics: a Model of Anti-Growth]. *Vedomosti*, 2004, November 10; Vardul' N. Mirovaya zakulisa nam pomozhet [The Global Cabal Will Help]. *Novaya gazeta* [New Newspaper], 2011, April 22.
8. See: Gubanov S. Tempy rosta i vozdeistvie na nikh gosudarstva [Growth Rates and the Impact of the Government on Them]. *Ekonomist* [Economist], 2003, no.6.
9. Larina E. Illarionov Goes Public, Plays It Close to Vest. *The Russia Journal*, 2000, vol. 3, no.15.
10. Holley D. Dissenter Resigns Kremlin Position. *The Los Angeles Times*, 2005, December 28; Illarionov A. The Rise of the Corporate State in Russia. *Cato Institute*. Washington, DC. Policy Forum, 2006.
11. See: Matvienko V. O novoi industrializatsii Rossii [About a New Industrialization of Russia]. *Ekonomist* [Economist], 2013. no.7, p.4.
12. See: Daskovskii V., Kiselev V. Osnovy novoi strategii, modeli i politiki neoindustrial'noi rekonstruktsii [The Foundations of a New Strategy, Models and Policy of Neo-Industrial Reconstruction]. *Ekonomist* [Economist], 2014, no.1, p. 42.

От редакции. Помещаемая ниже статья органически вписывается в начатую в журнале (с № 2, 2014) серию статей, посвященных Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», которая состоится в ноябре 2014 года в г. Вологде. Автор публикации академик М.К. Горшков – известный российский социолог, разработчик теории и методов социологического изучения состояния массового сознания, структуры российской идентичности, социальных типов граждан в постсоветской России. С 2005 года он является директором Института социологии РАН, главным редактором журналов «Социологическая наука и социальная практика» и «Вестник Института социологии РАН». Под его руководством в последние годы издан фундаментальный труд «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), вышли в свет новые выпуски ежегодников «Россия реформирующаяся». М.К. Горшков – часто публикуемый автор в ведущих изданиях российских СМИ. Редакция выражает искреннюю признательность Михаилу Константиновичу за актуальный материал, предоставленный журналу.

УДК 310.422, ББК 60.561.2

© Горшков М.К.

Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост

**Михаил Константинович
ГОРШКОВ**

академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, director@isras.ru)

Аннотация. В статье обращается внимание на роль неэкономических факторов в разработке новых моделей экономического роста. Перечислены ключевые аксиоматические положения, определяющие основы взаимодействия социальной науки с обществом и властью. Рассмотрены итоги двадцатилетия реформ в России и их влияние на формирование общественного сознания. Анализируется роль государства и задачи социальной политики на современном этапе развития российского общества.

Ключевые слова: общество, факторы социально-экономического развития, человеческий капитал, социальная политика.

Мировой опыт и практики российских трансформаций убедительно свидетельствуют, что основу системы общественных отношений и взаимосвязей составляет свод объективных и проверенных временем правил, которые не требуют особых подтверждений или проверок. Подобные, по сути дела, аксиоматические, положения определяют роль и место научного знания в системе управления обществом, предостанавливают принципы и нормы взаимодействия социальной науки с обществом и властью.

Обращаясь к теме неэкономических факторов экономического роста, с учетом анализа результатов многолетних социологических исследований мониторингового типа, попробуем сформулировать несколько подобного рода аксиом, которые, согласно классической трактовке, не нуждаются в доказательствах. Более того, сами являются фундаментальным основанием для дальнейшей разработки новых научных положений.

Сказанное имеет самое прямое отношение к такой чрезвычайно актуальной проблеме современной общественной науки, как проблема воздействия разнообразных факторов на темпы и устойчивость социально-экономического развития общества, на его модернизацию и консолидацию. Надо заметить, что особый интерес к ней стал проявляться со второй половины XX столетия, на волне характерного для того времени подъема мировой экономики. Тогда же утверждается понимание того, что *основными детерминантами экономического роста* являются не только *валовое накопление* и *научно-технический прогресс*, но и *человеческий капитал*.

Что лежало в основе подобного понимания? А то, что многочисленные исследования ключевых источников экономического развития не смогли подтвердить тезис о решающей (и, тем более, исклю-

чительной) роли в этом процессе накоплений «физического капитала» — средств производства и произведенных продуктов, участвующих в производстве товаров и услуг. Отсюда **аксиома первая**. Ее можно сформулировать следующим образом:

Усложнение структуры общественного воспроизводства требует разработки новых моделей экономического роста, учитывающих влияние на него таких неэкономических ресурсов, как информация, физико-географические условия, институциональные структуры, массовидные духовно-психологические образования, качественный и производительный труд, качество жизни, уровень культуры, образования, профессиональных знаний и навыков, состояния здоровья как компонентов человеческого капитала, на деле доказавших свою способность быть «мотиваторами» долгосрочного и стабильного экономического развития.

Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., последствия которого мировая экономика продолжает ощущать на себе и сегодня, его проявления на уровне национальных экономик в еще большей степени продемонстрировали *значимость неэкономических факторов в системе антикризисных мер и возможностей восстановления хозяйственного роста*. При этом внимание научной общественности в еще большей степени стало проявляться к изучению особенностей взаимосвязи, существующей между экономическими и неэкономическими составляющими роста национальных экономик, к разработке направлений и способов регулирования и использования неэкономических факторов.

С учетом этого вполне уместно сформулировать **вторую аксиому: основным императивом, лежащим в основе новых моделей экономического роста, является гуманизация экономики, означающая приоритет человеческой личности в системе факторов и целей экономического развития.**

Подобная постановка вопроса не случайна, ибо сама сущность развития определяется ориентированностью на человека, на человеческий потенциал как основное богатство любого общества, а базовой целью экономического роста страны признается увеличение объемов производства благ и услуг и обеспечения на этой основе более высокого уровня жизни.

Проблема поиска адекватной национальной особенностям модели экономического роста и путей дальнейшего экономического развития особенно актуальна для современной России, экономика которой долгое время обеспечивала указанный рост преимущественно за счет экстенсивных факторов. Кризис недавних лет со всей определенностью показал, что *российское общество находится на новом витке, по сути — на переломе социально-экономического развития.*

Практически исчерпав возможности прежней модели роста экономики, пореформенная Россия столкнулась с необходимостью более интенсивного использования всех ресурсов и всех резервов производительности труда. И тому есть вполне убедительные объяснения, поскольку и цели социально-экономического развития страны, и его условия выглядят сегодня совсем не так, как они выглядели пятнадцать лет назад — после кризиса 1998 г. Основной задачей текущего периода является не решение проблем трансформационного спада, как это было на исходе XX века, а выход на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации социума, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества.

Именно поэтому в «Итоговом докладе о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020

года» отмечается, что ближайшее развитие РФ должно исходить из двух взаимосвязанных между собой оснований — *новой модели экономического роста и новой социальной политики.*

Вместе с тем, в условиях российских реалий существует явная несогласованность между темпами экономического роста и качественными характеристиками социального развития. При этом признание необходимости реализации гуманистического подхода экономического развития (а без этого не обходится сегодня ни одна широкообсуждаемая статусная речь многих государственных деятелей) сопровождается отсутствием отвечающих современным требованиям методик его выявления и анализа.

А ведь оценка темпов экономического роста при отсутствии показателей его гуманизации лишает смысла экономическое развитие, ибо рост экономики, который не влечет за собой повышение уровня и качества жизни человека, противоречит своей главной цели — обеспечению благосостояния для всех людей, условий для их самоутверждения и самореализации. Тем самым, появляется необходимость сформулировать еще одно аксиоматическое положение, т.е. **аксиому третью: для истинного, всестороннего и углубленного познания экономики, происходящих в ней процессов и определения ее перспектив необходимо приложение не только собственно экономических, но и социологических, социально-философских, этических, эстетических категорий.** Речь идет о категориях, позволяющих представить экономику в аспекте общечеловеческих, фундаментальных ценностей и антиценностей, образующих «хребет» человеческой жизни: добра и зла, справедливости и несправедливости, любви и ненависти, истины и лжи, свободы и зависимости. Именно от этих ценностей и антиценностей, их соотношения зависят прогресс или деградация жизни общества.

Отсюда — аксиома четвертая: успехи модернизации российского общества зависят не только от усилий экономического и научно-технического характера, но и от оздоровления социальной среды в целом. В социальной системе под названием «общество» экономика, как ее подсистема, неотделима от государственного устройства, политики, духовного развития, а идейное и нравственное состояние людей не может не влиять на их экономическое поведение.

Можно продолжить: не менее важны для достижения намечаемых целей сплоченность общества, уверенность людей в справедливости и жизнеспособности общественного строя, доверие к лидерам государства. Иными словами, речь идет о том, что называют *социальным капиталом*, наращивание которого, как и наращивание капитала человеческого, все в большей степени признается залогом успеха любых экономических начинаний.

Безусловно, одно из основных условий пореформенного подъема российской экономики — это определение наиболее эффективной модели управления социально-экономическими процессами. Причем, как сегодня очевидно, модели, сочетающей сильные стороны рыночной и плановой экономики. Выбор такой модели носит не только экономический, но и ярко выраженный политико-идеологический, а значит, стратегический характер. Тем самым, можно считать аксиоматичным следующее утверждение (**и это будет аксиома пятая**): **любые крупномасштабные изменения, трансформации общества неразрывно связаны с господствующей в данных исторических условиях идеологией, передовыми идеями, способными стать движущей силой не только модернизационного прорыва, но и социально-экономического, технологического и духовно-нравственного прогресса страны.**

Российские рыночные и демократиче-

ские реформы, стартовавшие после распада СССР, осуществлялись на идейной основе, заимствованной из арсенала западной теоретической мысли. Жизнь доказала ее неадекватность постсоветским реалиям. Указанная неадекватность подтверждается и последствиями глобального экономического кризиса, положившего начало переосмыслению неолиберальных воззрений, в том числе и на Западе. Как отмечают известные западные экономисты, «рыночный фундаментализм...последних 20 лет драматически провалил экзамен»¹, как следствие, «...мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван «государственный капитализм»².

На современное государство (не только у нас, но и в относительно благополучных в социальном смысле западных обществах) ложатся ответственные функции предотвращения и нивелирования провалов рыночных механизмов. А в пореформенной России решение целого ряда неотложных задач просто немыслимо без государственного участия.

Таковыми можно считать: преодоление опасного имущественного расслоения населения, разорительной инфляции, масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, экономически необоснованной и несправедливой оплаты труда работников многих профессий, обеспечение расцвета культуры, науки, образования, здравоохранения. К этому следует добавить борьбу с разгулом преступности и коррупции, сокращение безработицы, защиту интересов, прав и свобод всех граждан.

Социальные функции государства должны занимать все более важное место в идеологии, обосновывающей политику и поддержание гражданского мира.

¹ The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies. UN, New York, 2009, p. III.

² The Economist. 2010, January 23rd-29th, p. 22.

В этом отношении весьма показательна констатация доклада Международного Валютного Фонда «Мировой социально-экономический обзор», в котором говорится: «Главный урок посткоммунистической трансформации определенно заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку»³. Тем самым, вопрос вопросов состоит не в том, сколько — много или мало — должно быть государства в обществе в целом и в экономике в частности, а в обеспечении *качества государственного участия* в управлении экономической и социальной сферами.

Пореформенной России предстоит извлечь уроки из двух десятилетий рыночных преобразований: в политике и общественном сознании должно утвердиться понимание того, к какому обществу, переживая системные трансформации, идет страна. Между тем в настоящее время содержание конституционного определения России как социального государства остается неясным, а соображения науки на этот счет не находят официального закрепления. В результате население лишено важнейшего ориентира, а именно понимания того, *к какому общественному устройству страна придет в результате проводимых реформ и что это даст народу*. Подобное положение дел позволяет сформулировать **аксиому б: отсутствие в обществе понимания конечных целей преобразований, отсутствие идеи, придающей духовную силу народу, является, по сути, не менее существенной преградой на пути модернизации страны, чем научно-техническое отставание.**

³ World Economic Outlook Supporting Studies IMF. 2010, p. 35.

Признание приведенной аксиомы ведет нас к еще одному аксиоматическому утверждению. И это будет **аксиома 7: на системный прорыв в экономическом развитии можно рассчитывать лишь тогда, когда практическая реализация провозглашенного государством курса будет приносить населению ощутимые плоды, укреплять в массовом сознании уверенность в успехе преобразований.**

Усиливающаяся острота как «наследственных» (1990-е годы), так и уже приобретенных новых проблем привела к тому, что социально-экономические результаты второго десятилетия реформ, кардинально изменившие в лучшую сторону состояние массового сознания, тональность социальных умонастроений, в значительной мере исчерпали свое позитивное социально-психологическое воздействие на общество. «Маятник» социального самочувствия от отметки «плюс» качнулся в сторону нулевой отметки, и его дальнейшее движение в нежелательном направлении сдерживается в настоящее время лишь относительно приемлемым для населения уровнем экономической и политической стабильности, возрождением и укреплением международного авторитета РФ, воссоединением России и Крыма.

При этом сложилась довольно редкая общественная ситуация, можно сказать, «эффект ножниц», когда *при возросшей удовлетворенности большинства населения своей материальной обеспеченностью в массовом сознании нарастают критические оценки имеющейся в стране ситуации*. И дело здесь вовсе не в массовых реакциях на те или иные действия несистемной оппозиции и на политику федеральных структур, а в исчерпывании позитивного психоэмоционального настроения, который был характерен для основных слоев населения в период широкой поддержки эффективных политических и эффективных

социально-экономических мероприятий властей. Основная причина этого состоит в том, что рост материальной обеспеченности не улучшает качество жизни людей.

Истощение позитивно направленного волевого и социально-психологического ресурса в обществе все с большей очевидностью замещается ростом распространённости в массовом сознании чувства несправедливости происходящего, стыда за масштабы коррупции, засилье бюрократии, чувства собственной беспомощности повлиять на происходящее. Естественным следствием этого выступает нарастание среди наших сограждан чувства агрессии.

«Очаги» неблагоприятного морально-психологического климата в обществе подпитывает значительная доля тех (40%), кто считает, что отличается низким уровнем жизни и не может рассчитывать на социальные гарантии по болезни, старости, безработице и инвалидности. Не случайно среди основных потерь, которые лично им принесли реформы постсоветского периода, в первую очередь называется утрата уверенности в завтрашнем дне.

Обобщением россиянами своей личной ситуации в пореформенной России выступает их оценка собственного выигрыша или проигрыша от реформ двух последних десятилетий. Доля считающих себя выигравшими от них очень мала — всего 10%, и в два с половиной раза меньше, чем доля считающих себя явно проигравшими (25%). Ещё треть осталась, что называется, «при своих» — не выиграла и не проиграла.

Быстрый рост социальных притязаний наших сограждан, обусловленный резкой социальной дифференциацией и социальными неравенствами, охватывающими все сферы жизни людей, во многом сводит «на нет» достижения последних лет, так как разрыв между реальным и желаемым статусом для большинства населения не только сохраняется, но и нарастает.

Самооценки россиянами своих достижений в различных сферах жизни говорят о том, что у них относительно больше шансов достичь успехов на микроуровне — в семье, сфере дружеского общения, досуговой сфере. Гораздо хуже ситуация складывается с тем, что связано с местом россиян в макросоциуме: такие достижения, как престижная работа, карьера, наличие собственного бизнеса, характеризуют лишь небольшую часть наших сограждан, хотя значимость их в системе ценностей населения страны постоянно растёт.

Ухудшение социального самочувствия многих наших сограждан обусловлено в значительной степени и сужением каналов социальной мобильности. Возможности самостоятельно, за счёт смены места жительства, улучшить своё положение в обществе у россиян сегодня практически отсутствуют. Редкие исключения характерны, прежде всего, для части горожан, переехавших в сёла, а также горожан из крупных городов, которые переезжают в города с меньшей численностью населения.

Межпоселенческая мобильность в разной степени характерна для разных поколений россиян, и, как правило, переезды в другой населённый пункт совершаются в возрасте до 30 лет. Однако нынешняя молодёжь, хотя и демонстрирует высокие показатели мобильности (13% переехавших на нынешнее место жительства за последнее десятилетие в группе до 30 лет), всё же уступает в этом смысле возрастным группам старше 40–45 лет в период их молодости. Это говорит о недоиспользованности потенциала мобильности российской молодёжи и сомнительности идеи о необходимости массового импорта в Россию рабочей силы из-за рубежа в условиях, когда *в стране есть огромный внутренний ресурс перераспределения и без того имеющейся в ней рабочей силы.*

Уже после опыта первых реформ и по сей день подавляющее большинство россиян настаивало и продолжает настаивать на том, что роль государства должна быть ключевой как в экономической, так и в социальной сфере. При этом ни либеральные модели социальной политики, предполагающие минимальное вмешательство государства в социальную сферу; ни исключительно свободная рыночная экономика, в которой всё зависит от частных акторов, общественной поддержки не получают. В социальной сфере как оптимальная в представлениях населения в последние годы преобладает модель, при которой государство обеспечивает всем определённый минимум, а остального каждый добивается сам.

Что же касается оптимальной экономической модели страны, то, по мнению россиян, в ее основе должна лежать смешанная экономика с ведущим государственным сектором (табл. 1).

Это означает, что все стратегические отрасли экономики должны находиться в «руках» государства, а частное управление теми или иными организациями — обязательно совмещаться с государственным контролем за ними. Если апеллировать к известному историческому периоду, то модель, к которой проявляют тягу современные россияне, по сути своей, напоминает ленинский НЭП, на языке экономистов — модель государственного капитализма.

Несмотря на немалые усилия государства по выправлению ситуации в социальной сфере, действия властей на этом поприще оцениваются населением весьма сдержанно. Наряду с известными изъянами и упущениями, это определяется еще и тем, что само понятие социальной политики по-прежнему не только для экспертов, но и для широких масс неопределенно и дискуссионно, а границы ее возможностей и ответственности не очерчены ни в государственно-политическом, ни в общественном плане. Нерешенной остается и другая, принципиально важная проблема: выбор адекватных состоянию пореформенного российского общества социальных ориентиров.

С точки зрения стратегии социально-экономического развития мировой опыт дает несколько подходов к разработке социальной политики, среди которых два основных — американский и европейский (рейнский). Различия между ними опосредуются влиянием многих факторов, и прежде всего уровнем экономического развития, особенностями государственного устройства и структур гражданского общества, историко-культурными традициями и т.п. После распада СССР, в начале 1990-х годов, в сложной ситуации перехода от патернализма в решении социальных проблем к некоей новой парадигме, имеющей в своей основе рыночные механизмы распределения, ельцинский режим власти

Таблица 1. Тип государства по отношению к экономике, в наибольшей степени отвечающий интересам России, %

Тип государства	
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами	28
Государство, которое своё вмешательство в экономику сведёт к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе	9
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан	41
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмёт на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику	22

взял на вооружение американскую модель социального развития. Подобная модель в наименьшей степени соответствовала качественно новым условиям социально-экономического развития постсоветского общества и ментальным особенностям россиян. Причиной тому — ее базовые характеристики и установки:

- минимальное вмешательство государства в экономическую жизнь при одновременном снижении значимости решения социальных проблем;
- исключение бедности из числа ключевых проблем, решение которых требует вмешательства механизмов государственной политики;
- стремление государства, переходящее в стратегию экономического поведения граждан быстро «делать деньги», «сколачивать» состояния;
- абсолютизация принципа: облагать богатых сверхналогами — значит ослаблять инвестиции, а давать больше денег беднякам — значит уменьшать их стимулы к работе.

Последствия применения американской модели оказались плачевными и ощущаются россиянами даже спустя два десятилетия. Глубокая социальная дифференциация, возникновение социальных неравенств во всех сферах жизни общества, падение гражданской активности населения, неумемная склонность к потребительству, разгул преступности — таковы лишь некоторые отрицательные социальные «исходы» обращения к американской модели, принявшие в России и огромные масштабы, и наиболее болезненные формы.

Можно лишь сожалеть, что *российские реформаторы 1990-х гг. отвергли другую — более подходящую с учетом истории нашей страны, менталитета россиян — модель социальной политики. Речь идет о европейской модели, характеризующейся экспертами как «капитализм с человеческим лицом».*

Приверженцами именно такой модели являются Германия, Швейцария, Нидерланды, Швеция, а также отчасти Япония.

В отличие от американской европейская модель уделяет социальным проблемам значительно больше внимания. Приоритет отдается не частным, а общественным интересам, во главу угла ставятся механизмы социального партнерства. Истинным богатством страны считаются квалифицированные работники, рассматриваемые как движущая сила производства, «локомотив» модернизации экономики.

Если американская модель ориентирована на почти полное освобождение рынка от экономических и политических ограничений, то европейская модель предусматривает механизмы «встроенности» рынка в систему государственного управления. Большое значение придается в ней уравниванию «социально опасных» тенденций капитализма, которые ведут к монополизации и массовому неравенству.

Ключевой проблемой социальной политики России является не столько объем ресурсов, направляемых на решение актуальных социальных задач, сколько целевой характер и эффективность осуществляемых мер.

В данном контексте выделяются четыре возможные функции или «сверхзадачи» социальной политики, прямо влияющие на выбор целей, методов и приоритетов ее реализации:

- *обеспечение социально-политической стабильности;*
- *адресная помощь малоимущим* (гуманитарная функция социальной политики);
- *обеспечение конкурентоспособности страны на международной арене;*
- *обеспечение интеграции общества, его внутренней солидарности и единства.*

Если в качестве доминирующей функции социальной политики выступает *обеспечение стабильности*, то ресурсы направляются в первую очередь тем слоям насе-

ния, от которых можно ожидать реальных протестных действий или поддержки таких действий, организованных оппозиционными структурами. В свою очередь, избрание в качестве сверхзадачи *гуманитарной миссии* влечет за собой повышение адресности социальной помощи и преимущественное внимание к наименее обеспеченным группам (что постоянно декларируется, но пока не реализуется на практике).

Если же исходить из часто повторяемого тезиса о том, что в современном мире социальная политика является *мощным инструментом повышения качества человеческого капитала страны*, обеспечения ее конкурентоспособности на международной арене, то приоритетом становятся инвестиции в человеческий капитал – самое главное, в качественное образование и медицинское обслуживание, доступность которых давно являются в РФ камнем «социального преткновения».

Наконец, если речь идет о *социальной интеграции и консолидации нации*, то государству необходимо уяснить, что именно общество (или, по крайней мере, его большинство) понимает под социально справедливыми и социально несправедливыми неравенствами, а затем соответствующим образом выстраивать социальную политику.

Естественно, для реализации различных моделей социальной политики нужны *разные типы ресурсов, разные их объемы и методы использования*.

Российская ситуация с разработкой адекватной ожиданиям россиян социальной политики осложняется тем, что среди представлений властных структур о взглядах

населения на оптимальную модель социальной политики доминируют скорее мифы, чем знание реальных ожиданий разных групп населения в этой области.

А между тем, результаты многочисленных социологических исследований демонстрируют, что большинство россиян возлагало и возлагает ответственность за происходящее в социальной сфере жизни общества, главным образом, на государство. При этом важно понимать: *для наших людей вопрос участия госструктур в решении социальных проблем заключается не в прямом их урегулировании силами и средствами высшей государственной власти, а в установлении данной властью определенных «правил игры» и в контроле за их соблюдением.*

Имеющиеся данные (табл. 2) позволяют утверждать, что представления большинства россиян об оптимальной модели государственного управления в социальной сфере можно выразить в двух определениях:

1. *Государство должно обеспечить всем определённый минимум, а остального каждый должен добиваться сам.* В настоящий момент такую точку зрения разделяют 45% населения, представляющего самые разные социально-профессиональные и демографические группы.

2. *Государство должно обеспечить полное (имущественное, правовое, политическое) равенство всех граждан.* Данную позицию разделяет 41% наших сограждан, в составе которых, прежде всего, лица пожилого возраста, жители ПГТ, имеющие основные доходы от государственных трансфертов, а также неработающие пенсионеры и рабочие низкой квалификации.

Таблица 2. Представления россиян о роли государства в социальной сфере, %

Государство не должно вмешиваться в жизнь граждан, каждый рассчитывает только на себя	2
Государство должно помогать только слабым и беспомощным	12
Государство должно обеспечить всем гражданам определённый минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам	45
Государство должно обеспечить полное равенство всех граждан (имущественное, правовое, политическое)	41

Вместе с тем, существует ясность и в вопросе о том, какие модели социальной защиты, в том числе с участием государства, являются для наших сограждан наиболее предпочтительными. Так, *лишь незначительная доля респондентов (всего 6%) исходит из того, что социальная защита должна осуществляться в основном по линии предприятия или люди обязаны решать свои проблемы сами, а не надеяться на государство (табл. 3).*

Идея справедливости всегда была одной из ключевых в российской социокультурной модели. И в настоящее время она занимает очень важное место в мечтах населения о будущем страны. При выборе лозунгов, которые в наибольшей степени могли бы выразить личную мечту россиян об этом будущем, наибольшее количество сторонников получили лозунги, вобравшие в себя такие составляющие, как *социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах.* Именно такой синтез идей поддерживается более чем половиной населения, в то время как остальные варианты значительно от него отстают.

При этом *мечта россиян о жизни в справедливом и разумно организованном обществе (входящая в тройку их основных сегодняшних мечтаний!) тесно связана с мечтой об обеспечении прав человека, демократии и свободе самовыражения, а также с идеей сильной*

*власти, способной обеспечить порядок в стране*⁴. Все это демонстрирует примечательную связку «*власть – справедливость*», существующую в сознании наших сограждан: *те, кто хотел бы жить в справедливом обществе, видят основным актором обеспечения и гарантии этой справедливости именно государство.*

Как показывают данные социологических опросов, смысловое наполнение столь важной для россиян идеи социальной справедливости может быть разным. Что именно представляется россиянам справедливым, а что несправедливым при оценке ими сложившейся в стране ситуации?

Ярко выраженным негативным индикатором является тот факт, что *в настоящее время подавляющее большинство россиян считает слишком большими существующие различия в доходах (83%).* Наряду с этим *две трети наших сограждан полагают несправедливой сложившуюся в стране систему распределения частной собственности, и аналогичная доля населения уверена в том, что люди не получают достойного вознаграждения за свои трудовые навыки, способности и квалификацию.* При этом *более половины россиян (54%) последнее утверждение относят и к себе лично,* полагая, что, с учетом имеющейся у них квалификации и тяжести их труда, они получают на работе значительно меньше, чем того заслуживают⁵.

Таблица 3. Представления россиян о моделях социальной защиты граждан, %

Государство должно обеспечивать только нетрудоспособных (престарелых, инвалидов, сирот)	12
Государство должно оказывать адресную помощь и некоторым другим группам населения, попавшим в трудное положение (безработным, бедным семьям с детьми)	32
Государство должно защищать всех малоимущих	50
Социальная защита должна осуществляться в основном по линии предприятия	2
Люди должны сами решать свои проблемы, а не надеяться на государство	4

⁴ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 311-324.

⁵ Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2014. — С. 277-295.

Таким образом, россияне крайне болезненно воспринимают чрезмерную дифференциацию доходов и неравенства в распределении частной собственности, которые представляются им несправедливыми. При этом важно отметить, что *существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения независимо от их уровня жизни и динамики их личного благополучия. Как следствие, можно утверждать: оценивая текущую ситуацию с точки зрения ее справедливости или несправедливости, россияне руководствуются скорее представлениями о должном, справедливом для общества, нежели своими личными интересами, и такое представление о должном свидетельствует об особой нормативно-ценностной модели, не просто существующей в стране, но и оказывающей свое, порой незримое, влияние на реакции населения в ответ на те или иные действия властей.*

То, что социальные ожидания большинства наших сограждан в значительной степени связаны именно с государством, объясняется особенностями социальной структуры пореформенного российского общества (табл. 4). В ней продолжают сохраняться *весьма серьезные по своей численности доли «социально слабых» групп, фактически неконкурентоспособных на современном рынке труда, которые для поддержания сколько-нибудь приемлемого уровня жизни могут рассчитывать только на помощь государства.*

И такая ситуация будет сохраняться еще долгое время.

Ядро российской нормативно-ценностной системы — это социальная забота государства. Отсюда, **аксиома 8: готовность государства к социальной заботе о гражданах страны, по сути дела, — основа всей системы отношений в российском обществе, основа легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти.** В рамках такой модели отношений социальная функция государства всегда будет доминировать над экономической, поскольку подобный симбиоз строится на ответственности сильного (государства) за слабого (отдельного человека).

С одной стороны, доминирующая в сознании россиян социокультурная модель исключает реализацию в России неолиберальной социальной политики и выполнение государством в качестве ее сверхзадачи исключительно «адресной помощи» наиболее нуждающимся с одновременным снятием с себя ответственности за всех остальных.

Но, с другой стороны, она органично сочетается с идеей социального государства, провозглашенной в Конституции РФ и получившей наиболее полное и многообразное развитие именно в Европе.

Вместе с тем в массовом сознании россиян еще недостаточно закрепилось понимание того, что реализация идей социального государства ничего общего не имеет с филантропией и поощрением

Таблица 4. Численность основных слоев и страт российского общества, %*

Слои и страты	
Бедствующие	7
Малообеспеченные	48
Среднеобеспеченные	23
Обеспеченные	19
Высокообеспеченные	3
* Подробнее см.: Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. – М.: Новый хронограф, 2014.	

иждивенческих умонастроений. Ведь *социальным* государство называется именно в силу того, что рассматривает *экономическую эффективность не в качестве самоцели, а как одно из средств для удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан.*

Поэтому главная задача социальной политики такого государства состоит вовсе не в раздаче благ, а в обеспечении условий

для свободной самодеятельности индивидов, способных создавать эти блага и самостоятельно позаботиться о себе и своих близких. Создать условия для того, чтобы каждый имел возможность получить образование, профессию, рабочее место, а также стимулировать сбережения и стремление обзавестись собственностью, — это и есть важнейшие направления политики социального государства.

Gorshkov M.K.

On the axiomatic interpretation of the economic factors' impact on economic growth

Mikhail Konstantinovich Gorshkov – Academician, Doctor of Philosophy, Director of the Institute of Sociology of RAS (24/3511, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russia, director@isras.ru)

Abstract. The article draws attention to the role of non-economic factors in the development of new models of economic growth. It indicates key axiomatic statements defining the basis for interaction of social science with the society and state. The study considers the results of twenty year reforms in Russia and their impact on the formation of public consciousness. It analyzes the role of the government and problems of social policy at the present stage of the Russian society development.

Key words: society, socio-economic development factors, human capital, social policy.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

От редакции. В данной рубрике помещаются статьи, также связанные с подготовкой Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», намеченной на ноябрь 2014 года. В статьях продолжается освещение роли социологического знания и его практического использования в развитии российского общества. Мы особенно удовлетворены тем, что в дискуссию включился д.с.н., профессор В.В. Локосов, директор Института народонаселения РАН, с которым ИСЭРТ РАН связывает многолетнее научное сотрудничество.

УДК 314.15, ББК 60.74

© Локосов В.В.

Переход от экстенсивной к интенсивной демографической политике*

**Вячеслав Вениаминович
ЛОКОСОВ**

доктор философских наук, профессор, директор,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт
социально-экономических проблем народонаселения Российской академии
наук (117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32)

Аннотация. В статье анализируется «окно возможностей» преодоления демографического кризиса за счет актуализации интенсивного подхода к ведению демографической политики. К основным направлениям этого подхода автор относит переадресацию демографической политики с количества на качество населения, накопление и реализацию человеческого потенциала; корректировку миграционной политики с учетом стратегических интересов коренных народов России; поддержку традиционных ценностных ориентаций российского народа на семейную жизнь и многодетность. Переход к интенсивной демографической политике может послужить долгосрочной основой выправления демографической ситуации.

Ключевые слова: демографическая политика, экстенсивный и интенсивный подходы, качество населения, миграция, традиционные ценности.

Современную демографическую ситуацию в России принято считать кризисной. Причина удручающих оценок лежит в процессе депопуляции населения, который обычно называют «русским крестом», когда

рождаемость ниже, чем в экономически развитых странах, а смертность выше, чем в слаборазвитых. Суммарная естественная убыль населения России за прошедшие 20 лет составила 13,4 млн. человек.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 14-02-00188).

Многолетняя негативная динамика демографических процессов в настоящее время приостановлена, в том числе благодаря мерам, обозначенным в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержденные Указом Президента РФ в 2007 г. уровни демографического развития России на 2015 г. были достигнуты раньше.

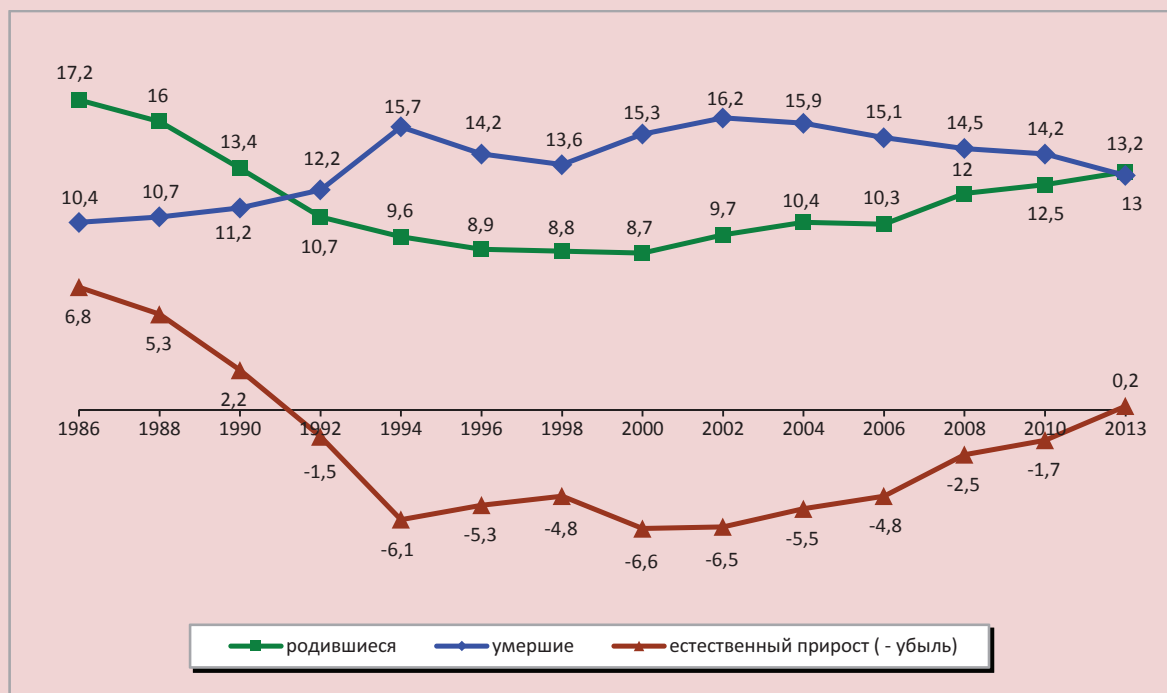
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении за 2007–2013 гг. возросла с 67 до 70 лет (при сохранении 11-летнего разрыва между мужчинами и женщинами по этому показателю), суммарный коэффициент рождаемости увеличился с 1,3 до 1,7 ребенка на женщину. За последние 20 лет год 2013 стал первым, в котором численность населения России возросла (рис. 1).

Принятые в 2007 г. меры поддержки семьи, сосредоточенные на предоставлении так называемых федерального и

регионального материнского (семейного) капитала (МСК), оказались результативными. Рождаемость в этот период росла быстрыми темпами даже в период кризиса. Меры были эффективными вопреки скепсису многих демографов, что подтвердили данные переписи, которые зафиксировали рост доли многодетных семей с 6,6 до 7% за 2002–2010 годы. Важным элементом действия программы МСК является ежегодное увеличение размеров капитала за счет его индексации. Размер МСК вырос с 250 тыс. рублей в 2007 г. до 429 тыс. в 2014 году. Принят закон, устанавливающий порядок индексации с учетом инфляции.

При этом распространились и злоупотребления, связанные с МСК. Например, при опросе фокус-групп получены следующие ответы: «Сейчас у нас сверху проводятся нормальные, хорошие реформы, но закон сверху принят, а как доходит до нас,

Рисунок 1. Общие коэффициенты естественного движения населения (РФ, на 1000 человек населения)

Источник: Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. – М., 2013.

искажаются все вот эти реформы. Вот сейчас многодетным семьям выделяют земли, а где ее выделяют, одному выделяют ближе к городу, а другому дадут за 100 км, он не поедет, потому что искажается все настолько. Вот сейчас материнский капитал, очень много объявлений везде — поможем получить материнский капитал, что получается — обманывают, самое интересное, что эти же чиновники, эти же судьи, эта же прокуратура эти объявления тоже видят и никто не реагирует. А сколько семей, у которых вообще денег нету, она рада и 50 тысяч получить, а 250 тысяч у нее забирают»¹. Полпред президента в Северо-Кавказском округе А.Г. Хлопонин в феврале 2014 г. назвал цифру 110 тысяч «фиктивных» детей в округе, справки на которых есть, а самих детей нет.

Несмотря на издержки, целесообразно продлить в целом эффективную программу материнского (семейного) капитала на 2017–2025 гг., расширить направления использования МСК, обеспечив больший выбор мер, которые могли бы реально улучшить условия жизни семей с детьми.

Достигнутые успехи в демографической ситуации не должны вводить в заблуждение, поскольку они во многом имеют временный, ситуативный характер и, главное, не отменяют тех депопуляционных факторов, которые были заложены в предшествующие годы. **Наступление «второго этапа депопуляции» не вызывает у большинства специалистов сомнения.** «Демографическая яма», связанная с малочисленным молодым поколением, рожденным в 1990-е годы, несет негативные изменения практически во все сферы экономики и социальной жизни. Предстоящая смена возрастной структуры населения является вызовом безопасности России.

¹ Опросы фокус-групп проведены в 2012 г. в Кирове и Тюмени под руководством члена-корреспондента РАН В.Л. Шульца и В.В. Локосова.

Повышение общих показателей рождаемости было вызвано не только осуществлением мер по стимулированию рождаемости, реализацией приоритетного национального проекта «Здоровье», но и увеличением возрастных коэффициентов рождаемости и благоприятными сдвигами в половозрастной структуре населения (вступлением в репродуктивный возраст молодежи, родившейся в 80-е годы).

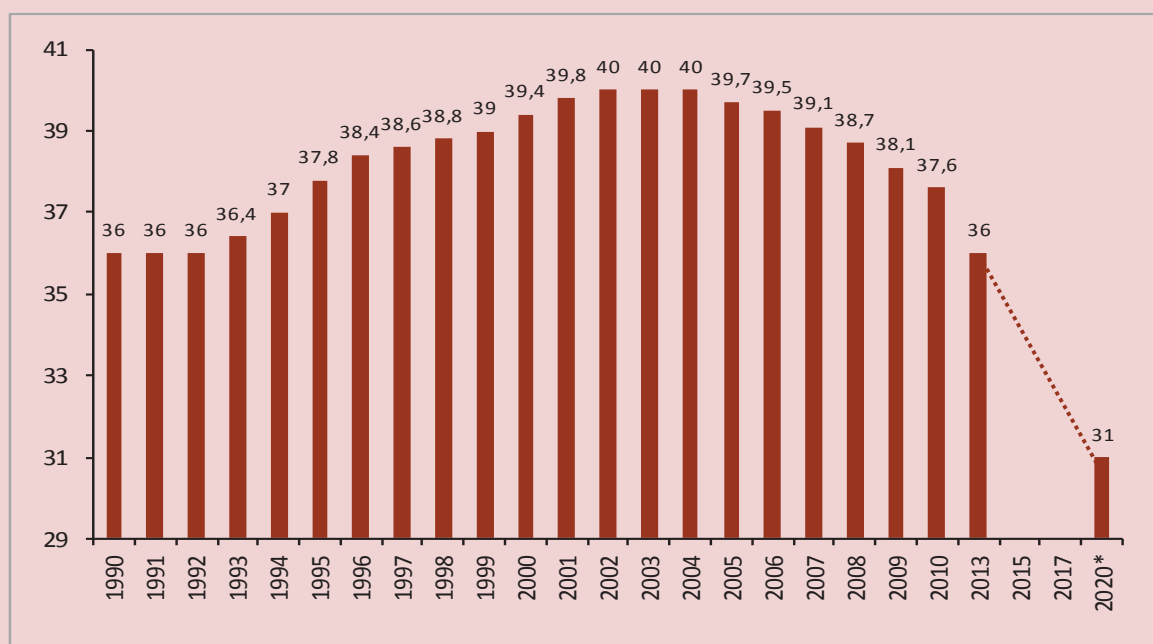
После 2010 г. контингент женщин детородного возраста уменьшается, т.к. в активный репродуктивный возраст входят малочисленные поколения родившихся в 1990-е годы. В 2012 г. численность 10–19-летних лиц женского пола была в 1,7 раза меньше, чем 20–29-летних. Прогнозные расчеты показывают, что в ближайшие 10 лет почти вдвое снизится численность женщин в активном репродуктивном возрасте 20–29 лет, на которых приходится более 60% всех рождений (рис. 2).

В первую очередь это отразится на численности населения в трудоспособном возрасте. За 10 лет она уменьшится почти на 7,7 млн. человек, а демографическая нагрузка на трудоспособное население вырастет на 30%. Как следствие, возрастет нагрузка на здравоохранение, пенсионное и социальное обеспечение. Сократится численность призывного контингента, абитуриентов.

Выйти на необходимую для сохранения численности населения многодетную семью в ближайшей перспективе маловероятно. Среди семей с детьми, как и прежде, преобладают однодетные семьи — почти 2/3 от всех домохозяйств с детьми [3].

Повышение уровня и качества жизни населения, когда люди смогут за счет собственных семейных ресурсов прийти к реализации репродуктивных намерений — приоритет социальной политики. Однако минимальный размер оплаты труда (МРОТ) не соответствует статье 2 Трудового кодекса РФ, предусматривающей, что

Рисунок 2. Численность женского населения репродуктивного возраста (РФ, млн. человек)

* Данные 2020 г. – прогноз.

Источник: Росстат.

зарплата должна обеспечивать достойный уровень существования работника и его семьи. По расчетам ИСЭПН РАН, увеличение уровня относительной бедности при рождении первого ребенка составляет 8 п.п., при рождении второго – 14 п.п., третьего – 21 процентный пункт.

Масштабы детской бедности в 10 раз превышают западноевропейские показатели. По сравнению с бездетными семьи с детьми в 2,5–3,7 раза чаще испытывают стесненность в жилищных условиях. Поэтому 96% средств материнских капиталов ушло на приобретение жилья.

В утвержденной Указом Президента РФ 1 июня 2012 г. «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» среди основных проблем в сфере детства выделены высокий риск бедности при рождении детей, особенно в многодетных и неполных семьях, а также неравенство между субъектами РФ в отношении объема и качества доступных услуг для детей и

их семей. Стратегией предусмотрены разработка и принятие федерального закона, определяющего основы государственной семейной политики, а также формирование системы мониторинга и статистического учета для оценки эффективности семейной и социальной политики в сфере материнства и детства. Среди планируемых мер, направленных на сокращение бедности среди семей с детьми, разработка и принятие минимальных государственных гарантий в области доходов и социальных услуг, определяющих основные показатели качества жизни семей с детьми, совершенствование системы налоговых вычетов для семей с детьми и другие меры [13]. В настоящее время, по данным исследований репродуктивных планов населения, главными препятствиями для рождения детей в России остаются материальные и жилищные трудности, неуверенность в завтрашнем дне. Их отмечают в равной мере как опрошенные мужчины, так и женщины [11].

Научные дискуссии о необходимости перехода к достойной зарплате — нужны, практическую пользу имеют разработки стандартов экономической устойчивости семей с детьми [8], но, учитывая исчерпание сырьевой модели развития страны, объективные трудности экономического роста, прогнозировать достижение существенных результатов в области строительства социального государства в ближайшее время было бы опрометчиво. Скорее, идет обратный процесс. Снижение социальных обязательств государства сопровождается коммерциализацией систем здравоохранения и образования. По данным Росстата, в 2011 г. 15% россиян в возрасте 15 лет и старше не смогли получить медицинскую помощь из-за невозможности её оплаты. Доля студентов, обучающихся с полным возмещением затрат, составила в 2010 г. в системе среднего профессионального образования 30%, высшего профессионального образования — 63%.

Не умаляя значения повышения уровня и качества жизни, переломить демографическую ситуацию только путем реализации мер экстенсивной демографической политики, например материального стимулирования рождаемости, улучшения системы здравоохранения, — трудно. Вектор эффективных демографических изменений следует искать в актуализации интенсивной демографической политики. В этой политике допустимо выделить три главных взаимосвязанных направления.

Первое направление. Перенацеливание демографической политики с количества на качество населения, накопление и реализацию человеческого потенциала.

Качество населения (человеческий потенциал), определяемое через показатели здоровья (понимаемого, согласно Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), как физическое, душевное и социальное здоровье), образования и культуры, сегодня является основным фактором экономиче-

ского развития. В частности, анализ социально-экономических достижений экономически развитых стран мира показал, что рост национальных ВВП в последние десятилетия в значительной мере был обусловлен улучшением здоровья населения этих стран.

В нашей стране физическое здоровье населения, наоборот, снижается. Опережающими темпами идет ухудшение здоровья детей: здоровье каждого нового поколения хуже здоровья поколения предыдущего [9, с. 74-79]. Анализ результатов лонгитюдного исследования (1995–2010) здоровья и развития детей, проведенного ИСЭРТ РАН в Вологодской области, приводит к сходным выводам [14, с. 108].

Идет постепенное «омоложение» детской инвалидности: оно происходит как по абсолютной величине, так и по показателю уровня инвалидности. В 2007 г. уровень первичной инвалидности детей до 3 лет был в несколько раз выше (43,6 на 100 тыс. детей), чем в возрасте 15–17 лет (12,4). В итоге увеличилось число детей, имеющих серьезные заболевания [6]. Доля I группы здоровья детей, не имеющих отклонений по всем избранным для оценки критериям здоровья, сократилась за 25 лет с 49 до 9%.

Обеспокоенность вызывает рост заболеваемости детей и подростков, существенно влияющей на реализацию репродуктивной функции. По оценкам специалистов, проблемы в репродуктивной сфере имеют 70% девушек и 50% юношей, каждый пятый подросток в будущем не сможет иметь детей.

В России неуклонно повышается возраст матерей при рождении детей. Откладывание рождений свидетельствует о более осознанном подходе к рождению детей, стремлению сначала «встать на ноги». Однако это будет негативно отражаться на динамике уровня рождаемости. С возрастом происходит ухудшение здоровья,

в т.ч. репродуктивного, т.е. откладывание рождения детей может привести к снижению здоровья детей или невозможности иметь их.

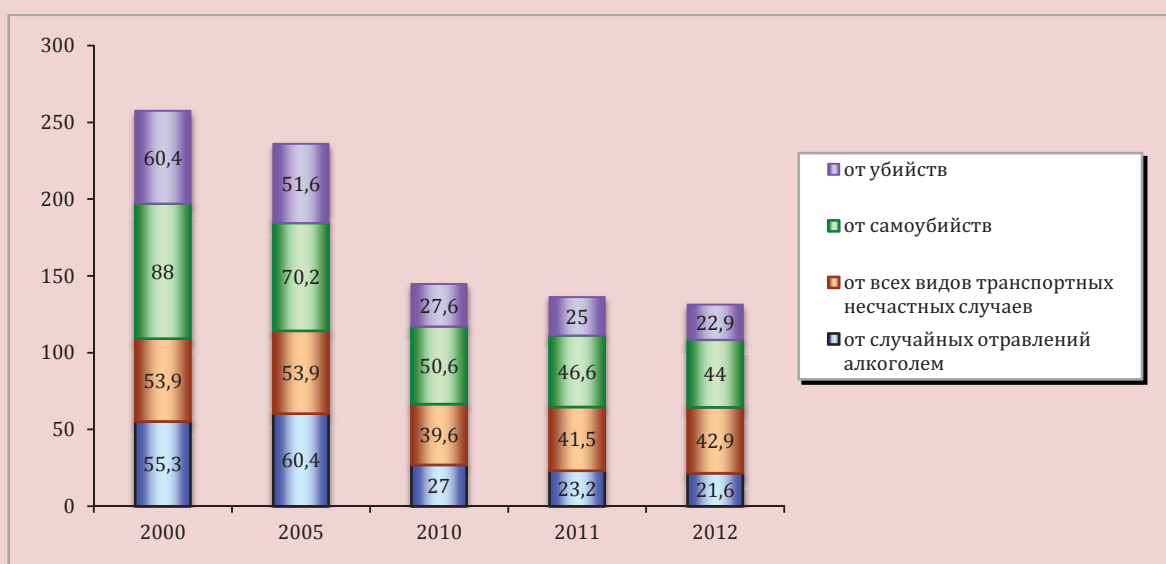
Социальное здоровье населения, определяемое показателями девиантного поведения, зачастую превышает их предельно критические (пороговые) значения. Девиантное поведение приняло массовый характер и непосредственно влияет на рост смертности, прежде всего, мужчин трудоспособного возраста. Россия занимает первое место в мире по числу курящих людей – 39% взрослого населения (2011 г.). По данным Министерства здравоохранения, в России преждевременно умирают от потребления табака около 288 тысяч человек. Из-за этого экономика страны каждый год теряет порядка 1,5 трлн. рублей – 3,5% от ВВП.

На диспансерном учете состоит более 2 млн. больных алкоголизмом, 3,3 млн. россиян имеют проблемы с психическим

здоровьем. По различным оценкам число россиян, регулярно употребляющих наркотические и сильнодействующие вещества, превышает 3 млн. человек. Важно, что происходит «омоложение» всех форм социальных болезней, а наркомания на 80% является болезнью россиян в возрасте до 30 лет. По данным Росстата, ежегодно в стране умирают от наркотиков около 100 тысяч человек от 15 до 30 лет. На этих преждевременных смертях общество теряет ежегодно около 300 млрд. рублей своих инвестиций в воспитание и образование, не считая упущенных выгод от потерь работников.

Людские потери от несчастных случаев, отравлений, убийств, самоубийств напоминают военные сводки. Например, предельно критическим для социального здоровья, по оценке ВОЗ, считается 20 суицидов на 100 тыс. населения. Среди российских мужчин трудоспособного возраста это пороговое значение было превышено в 2–4 раза (рис. 3).

Рисунок 3. Коэффициент смертности мужчин трудоспособного возраста* по внешним причинам смерти** (число умерших на 100 тыс. человек)

* Мужчины 16–59 лет.

** Показатели за 2005, 2010 гг. рассчитаны с использованием численности населения, пересчитанной с учетом итогов ВПН-2010.

Источник: Здравоохранение в России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 27.

Вместе с тем изменения по многим показателям девиантного поведения имеют положительный вектор. Здоровый образ жизни начинает входить в моду и стиль жизни россиян. Проведение зимних Олимпийских игр в г. Сочи, активная пропаганда спорта и здорового образа жизни, возвращение ГТО играют на снижение смертности от внешних причин и рост социального здоровья. Официально названа цифра в 40% населения, которые в скором времени будут регулярно заниматься физкультурой и спортом. Быть в плохой физической форме становится «неприличным». Патерналистская забота государства осталась в прошлом и потеря здоровья сегодня зачастую ведет человека на социальное дно. С вредными привычками затруднительно побеждать в конкурентной борьбе за рабочее место. Постепенно вводится новая производственная культура и дисциплина.

По ряду количественных показателей образовательного и профессионального потенциала населения Россия сохраняет лидирующие позиции. Уровень среднего и высшего профессионального образования населения в возрасте 25–64 лет, соответствующий Международной стандартной классификации (МСКО-97), превышает показатели большинства развитых стран ОЭСР – 26,9%. В 2010 г. численность студентов на 1000 человек населения в России составляла 65 человек и оставалась одной из самых высоких в мире.

При этом качество образования населения снижается. Согласно индексу экономики знания (The Knowledge Economy Index) Всемирного банка, в 2012 г. Россия заняла 55-е место среди 145-ти государств. Одним из отрицательных показателей является величина индекса образования (Education and Human Resources), отражающего уровень образованности населения, наличие у него устойчивых навыков создания, распространения и использования знаний.

Процесс накопления кадрового потенциала малоэффективен: 60% россиян работают не по специальности, у каждого пятого работника накопленное фактическое образование является избыточным [4]. Это обусловлено нерешенными проблемами диверсификации российской экономики, регулирования оплаты труда, финансирования образования и науки. По данным социологических опросов ИСЭПН РАН, люди в расцвете трудоспособного возраста (с 40 лет) начинают ощущать снижение уровня жизни, хотя их профессиональный опыт, физические возможности должны были бы приводить к противоположной тенденции.

Второе направление. Корректировка миграционной политики с учетом стратегических интересов коренных народов России.

Прогнозируемое возвращение к депопуляции вновь может вернуть иммиграции роль основного источника увеличения численности населения страны. По абсолютным показателям Россия занимала второе место после США по числу иммигрантов; по относительным показателям также была на втором месте в мире вслед за Германией. За последние два десятилетия миграционный прирост в РФ компенсировал более половины естественной убыли россиян. В 2011–2012 гг. международная миграция полностью восполнила потери демографического потенциала.

Несмотря на бесспорную значимость иммиграции, размежевание между теми, кто делает на нее ставку в решении демографических и экономических проблем, и теми, кто видит в ней угрозу ущемления интересов коренного населения, продолжает оставаться острым. Доводы сторонников иммиграции просты. «Иммиграция – единственный реальный ресурс, который может сейчас стать источником сбережения и приращения народа» [2], – пишет российский демограф А. Вишневский.

Но исторический опыт последних десятилетий, опыт Косово, Украины, признание провала реализации мультикультуральной доктрины ведущими политиками Германии, Франции, Великобритании заставляют осторожно относиться к простым выгодам, которые приносит иммиграция, и заглядывать в долгосрочные последствия и риски, которые она несет в себе. Этническая структура общества не менее важна для его жизнедеятельности, чем структура классовая или половозрастная.

Каждое общество имеет свои предельно критические (пороговые) показатели масштабов переселения людей иной ментальности и культуры, и в этом контексте иммиграция способна стать угрозой социокультурной безопасности страны. Национальная (этнонациональная) и миграционная политики – сообщающиеся сосуды. Например, в подразделениях немецкой армии было установлено, что количество переселенцев из бывших советских республик не должно превышать 10% от общего числа военнослужащих, иначе увеличивается риск снижения боеспособности подразделения. Стеснительная политкорректность по данному вопросу, запрет на получение статистической информации по этническому составу мигрантов, этнической преступности лишь имитируют сохранение дружелюбного status quo.

По социологическим данным, общественное мнение россиян о значимых «точках роста» в демографической политике сосредоточено на «повышении рождаемости коренного населения России» – 51%; далее идут «сокращение смертности» – 26%; «прекращение утечки населения за рубеж» – 11%. Привлечение миграционных ресурсов непопулярно: его поддерживает лишь 4% респондентов².

² Подробнее об этих данных можно судить на основе материалов информационно-аналитического сборника «Современные социально-демографические процессы в общественном мнении» [12].

Опрос, проведенный Исследовательским центром Superjob.ru, показал, что почти каждый пятый россиянин уже почувствовал конкуренцию с приезжими из Средней Азии [11]. И чем ниже доход опрошенных, тем больше они ее видели. Социологический опрос Левада-центра также зафиксировал недовольство россиян: в 2012 г. 70% респондентов ответили, что правительство должно ограничивать приток приезжих в страну [7].

Социально-экономические и социокультурные последствия интенсивного привлечения мигрантов в Россию в современных условиях – преимущественно негативные. Тем более что, по мнению специалистов, приток иммигрантов в реальности значительно больше, т.к. «государственная статистика миграции в России утратила одно из фундаментальных преимуществ – единство методики сбора первичной информации в масштабах страны» [10, с. 217]. Согласно экспертным оценкам, на 1 легального трудового мигранта в стране приходится 9 нелегальных. Наполнение отечественного рынка труда неквалифицированной рабочей силой приводит к снижению качества трудового потенциала страны. Официально поставленная цель создания и модернизации 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест вряд ли будет выполнима при продолжении проведения прежней иммиграционной политики.

Третье направление. Поддержка традиционного этноса российского народа, ценностных ориентаций на семейную жизнь и многодетность.

Российское общество осталось предрасположенным к традиционным ценностям, а значит, в нем есть необходимый демографический потенциал. Анализ эмпирических данных приводит к выводу, что установка на рождение определенного

числа детей в большей мере зависит от потребности в детях, от субъективных ценностных установок, чем от восприятия уровня жизни, способствующего или препятствующего ее реализации [1, с. 36-41].

В определенном смысле Россия остается крестьянской страной. И дело не в том, что большая доля населения – 25% – проживает в сельской местности, 40% горожан имеют дачные участки. Важнее, что процесс советской урбанизации проходил столь стремительно и специфически, что значительная доля сограждан продолжала жить по правилам традиционной общности с ее родственными, соседскими и другими привязанностями, пристрастиями. Урбанизация в России сопровождалась скорее не индивидуализацией традиционного общества, а консервировала «патриархальность» социальных практик.

Возрастает уровень воцерковленности населения – доля «церковного народа», т.е. людей, в той или иной мере исполняющих церковные предписания. По данным ИСПИ РАН, она составила в 2011 г. 29% взрослого населения. Это люди, для которых православные ценности, образ жизни становятся значимыми, что отражается на их отношении к семье, рождению и воспитанию детей, неприятию аборта. Вместе с православной общиной расширяется и мусульманская умма: в России около 16 млн. человек принадлежат к этносам, традиционно исповедующим ислам. Не преувеличивая значения религиозного фактора, констатируем: его социально-демографическая роль не уменьшается, а увеличивается.

Уровень рождаемости связан и с традиционным прагматическим интересом обеспечения благополучной старости за счет помощи детей. В России в результате реформ старшее поколение было во многом

брошено на произвол судьбы и «прагматический интерес» к рождению детей может возобновиться. Этот интерес поддерживается аномийным состоянием общества, при котором родственные, «общинные» связи часто становятся обязательными для социального выживания в новых условиях. Усиливается биосоциальная, популяционная функция социума, что также стимулирует людей продлить свой род.

При раскрепощенности современных сексуальных отношений, ценность семьи, рождения детей абсолютное большинство граждан России, молодежи не ставят под сомнение. Многолетние мониторинги ценностных ориентаций, в частности мониторинги «Наши ценности и интересы сегодня» под руководством Н.И. Лапина, Института сравнительных социальных исследований под руководством В.Г. Андреевкова, показывали приоритет семьи как важнейшей ценности. Равное контрактное участие мужа и жены в формировании семейного бюджета, феминистские стремления законодательно оформить гендерное равноправие в рутинных житейских практиках, легализация гомосексуальных браков и многие другие новшества, касающиеся второго демографического перехода в европейских странах, в России не пользуются широкой социальной поддержкой.

Конечно, преумножение населения необходимо, но не стоит чрезмерно драматизировать эту необходимость. Закономерно встает вопрос: нужна ли стране реализация экстенсивного, количественного подхода к решению демографического кризиса, зачастую ценой снижения здоровья населения или избыточной иммиграции? Зачем ставить задачу «догнать и перегнать» демографически развитые страны, когда конкурентным обществом в современном мире делает народ, способный к творчеству

и самоорганизации? В Российской империи, РСФСР 30-х годов проживало около 100 млн. человек, и этого было достаточно для сохранения государственного суверенитета и самобытности.

По разным оценкам производительность труда в российской экономике составляет около 30% от аналогичного показателя в США. Суммарный уровень экологического загрязнения на единицу продукции в России в 2,5–3 раза выше, чем в экономически развитых странах, суммарный уровень материалоемкости выше в 1,5–2 раза. За этими цифрами стоит труд миллионов людей, который не нужен высокоорганизованному обществу. В России нет проблемы нехватки рабочей силы. Есть иная проблема — дефицита рабочих мест высокой квалификации и современной

системы непрерывной подготовки, прежде всего, рабочих кадров и технических специалистов.

Причины депопуляции российского общества «неестественны» и тесно связаны с негативными последствиями неолиберального этапа трансформации социума. Изменения в массовом сознании, связанные с последствиями реформ, не получили глубокого укоренения в ментальности населения.

Более того, предрасположенность к традиционным ценностям укрепляется в условиях российского рынка и примитивизации социальных отношений. Переход от экстенсивной к интенсивной демографической политике может послужить долгосрочной основой выправления демографической ситуации в современной России.

Литература

1. Архангельский, В.Н. Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение / В.Н. Архангельский // Уровень жизни населения регионов России. — 2011. — №8.
2. Вишневский, А. Величие государства — «не в обширности тщетной без обитателей» / А. Вишневский // Миграция 21 век. — 2010. — №1.
3. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis_itogi1612.htm.
4. Капелюшников, Р.И. Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения») / Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2010.
5. Конкуренцию с работниками из азиатских республик ощущает 18% экономически активных россиян [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.superjob.ru/community/life/67554/>
6. Основные показатели инвалидности детского населения в Российской Федерации в 2006 году: стат. сб. — М.: ФБМСЭ, 2007; Основные показатели инвалидности детского населения в Российской Федерации в 2007 году: стат. сб. — М.: ФБМСЭ, 2008.
7. Приток мигрантов нужно ограничить [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://svpressa.ru/society/article/58250/>
8. Ржаницына, Л.С. Стандарт экономической устойчивости семьи с детьми в Москве / Л.С. Ржаницына, О.А. Бессолова. — М.: ООО «Вариант», 2008.
9. Римашевская, Н.М. Человек и реформы: секреты выживания / Н.М. Римашевская. — М.: ИСЭПН РАН.
10. Рыбаковский, Л.Л. Новая миграционная политика России / Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев // Россия: новые цели и приоритеты. — М., 2006.
11. Семья и рождаемость. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 г. / Росстат.

12. Современные социально-демографические процессы в общественном мнении. – Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХ и ГС, 2014.
13. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/laws/acts/43/555449.html>
14. Шабунова, А.А. Здоровье детей: итоги пятнадцатилетнего мониторинга / А.А. Шабунова, М.В. Морев, Н.А. Кондакова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012.

Lokosov V.V.

The transition from extensive to intensive demographic policy

Vyacheslav Veniaminovich Lokosov – Doctor of Philosophy, Professor, Director, the Institute of Social and Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117218, Russia, info@isesp-ras.ru +7(499)129-08-01)

Abstract. The article analyzes the “window of opportunities” to overcome the demographic crisis through the actualization of intensive approach to the implementation of demographic policy. The main areas of this approach, according to the author, include the redirection of demographic policy from the quantity to the quality of the population, the accumulation and realization of human potential; the adjustment of migration policy taking into account the strategic interests of the indigenous peoples of Russia; the provision of support to traditional values of the Russian people with regard to family life and happiness. The transition to intensive demographic policy can serve as a long-term basis for improving the demographic situation.

Key words: demographic policy, extensive and intensive approaches, quality of the population, migration, traditional values.

References

1. Arkhangel'skii V.N. Vliyanie sub"ektivnoi otsenki urovnya zhizni na reproduktivnoe povedenie [The Influence of the Subjective Assessment of the Level of Life on Reproductive Behavior]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standard of the Population in the Regions of Russia], 2011, no.8.
2. Vishnevskii A. Velichie gosudarstva – “ne v obshirnosti tshchetnoi bez obitatelei” [The Greatness of the State “Does Not Consist in the Vastness, Fruitless without Inhabitants”]. *Migratsiya 21 vek* [Migration 21st Century], 2010, no.1.
3. *Informatsionnye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g.* [Information Materials about the Final Results of the 2010 All-Russia Population Census]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm.
4. Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L. *Transformatsiya chelovecheskogo kapitala v rossiiskom obshchestve (na baze “Rossiiskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya”)* [Transformation of Human Capital in the Russian Society (on the Basis of the Russian Monitoring of Economic Situation and Health of the Population)]. Moscow: Fond “Liberal'naya missiya”, 2010.
5. *Konkurentsiyu s rabotnikami iz aziatskikh respublik oshchushchaet 18% ekonomicheski aktivnykh rossiyan* [18% of Economically Active Russians Feel Competition with Workers from Asian Republics]. Available at: <http://www.superjob.ru/community/life/67554/>
6. *Osnovnye pokazateli invalidnosti detskogo naseleniya v Rossiiskoi Federatsii v 2006 godu: stat. sb.* [Main Indicators of Child Disability in the Russian Federation in 2006: Statistical Digest]. Moscow: FBMSE, 2007; *Osnovnye pokazateli invalidnosti detskogo naseleniya v Rossiiskoi Federatsii v 2007 godu: stat. sb.* [Main Indicators of Child Disability in the Russian Federation in 2007: Statistical Digest] Moscow: FBMSE, 2008.

7. *Pritok migrantov nuzhno ogranichit'* [The Inflow of Migrants Should Be Limited]. Available at: <http://svpressa.ru/society/article/58250/>
8. Rzhantsyna L.S., Bessolova O.A. *Standart ekonomicheskoi ustoichivosti sem'i s det'mi v Moskve* [The Standard of Economic Stability of Families with children in Moscow]. Moscow: ООО "Variant", 2008.
9. Rimashevskaya N.M. *Chelovek i reformy: sekrety vyzhivaniya* [People and Reforms: the Secrets of Survival]. Moscow: ISEPN RAN.
10. Rybakovskii L.L., Ryazantsev S.V. *Novaya migratsionnaya politika Rossii* [New Migration Policy of Russia]. *Rossiya: novye tseli i priority* [Russia: New Goals and Priorities]. Moscow, 2006.
11. *Sem'ya i rozhdanost'*. *Analiticheskii otchet po itogam vyborochnogo nablyudeniya reproductivnykh planov naseleniya v 2012 g.* [Family and Fertility. Analytical Report on the Results of the Sample Survey of Reproductive Plans of the Population in 2012]. Rosstat.
12. *Sovremennye sotsial'no-demograficheskie protsessy v obshchestvennom mnenii* [Current Socio-Demographic Processes in Public Opinion]. Rostov-on-Don: YuRIU RANKh i GS, 2014.
13. *Ukaz Prezidenta RF ot 1 iyunya 2012 g. № 761 "O Natsional'noi strategii deistvii v interesakh detei na 2012–2017 gody"* [The Decree of the President of the Russian Federation of June 1, 2012 No.761 "On the National Strategy for the Actions in the Interests of Children for 2012–2017"]. Available at: <http://www.pravo.gov.ru/laws/acts/43/555449.html>
14. Shabunova A.A., Morev M.V., Kondakova N.A. *Zdorov'e detei: itogi pyatnadtsatiletnego monitoringa* [Children's Health: the Results of the Fifteen-Year Monitoring]. Vologda: ISERT RAN, 2012.

Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

доктор экономических наук, доцент, заместитель директора, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aas@vscc.ac.ru)

**Мария Александровна
ЛАСТОЧКИНА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, mashkop@mail.ru)

Аннотация. В статье показано, что главными факторами, сдерживающими социокультурную модернизацию, служат социальное неравенство и низкий уровень жизни населения. А для скорейшего модернизационного развития требуется наличие благоприятных условий, мобилизующих социум для модернизации, а также определенного (современного) уровня инновационного, технического и социокультурного развития. Кроме того, выделены преимущества и проблемы применительно к оценке модернизации в регионах федерального округа, основывающейся на методике Центра исследования модернизации Китайской академии наук. Модернизация рассматривается как процесс, приводящий не только к техническому и инновационному прогрессу, но и, главным образом, к благоприятным изменениям в обществе и улучшению человеческого потенциала с сохранением традиций и культурного наследия. В ходе исследования выявлено, что торможение процессов модернизации в регионах СЗФО содержит два аспекта: экономический и когнитивный. Для большинства территорий основными причинами, сдерживающими процессы модернизации, являются недостаток ресурсных возможностей, низкая доля производств с высокой добавленной стоимостью, слабый уровень развития сектора

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ «Оценка влияния неравенства доходов на уровень и темпы социально-экономической модернизации регионов», № 13-06-00898.

научных исследований и опытно-конструкторских разработок. Отметим, что одну из острейших проблем представляет крайне высокий уровень региональных различий. Уровень жизни в регионах округа отличается в несколько раз, что также затрудняет осуществление модернизации на всей территории России. Происходит углубление социального неравенства в обществе в результате того, что многие социальные институты, призванные выполнять функции социальных лифтов, не работают. Вследствие обозначенных выше проблем модернизация требует политической воли и эффективного государственного управления. Главная задача руководства, заявляющего о модернизации, – проведение дальновидной политики и институциональных реформ, нацеленных в равной степени и на развитие инноваций, нового технологического уклада, и на развитие гражданского общества, культурных ценностей и норм, позволяющих людям в полной мере реализовывать свой потенциал.

Ключевые слова: модернизация, социокультурная динамика, субъекты модернизации, население.

Переход к инновационному типу развития, повышение темпов экономического роста и структурные изменения экономики привели к возрастанию роли человеческого капитала и социокультурных детерминант. Социокультурное изменение, представляя собой сложный многоплановый процесс, имеет множество различных аспектов, каждый из которых может стать самостоятельным предметом исследования социальной, экономической, культурной динамики. Мера социокультурного развития общества может быть определена при рассмотрении особенностей социокультурного развития индивида, проживающего и идентифицирующего себя на определенной территории, тоже имеющей социокультурные особенности. Состояние современного российского общества характеризуется несколькими видами социального неравенства, среди которых материальное неравенство представляется доминирующим по своей значимости. Оно очень важно, но не столь очевидно и прозрачно и может описываться такими показателями, как уровень дохода, финансовый капитал, наличие собственности – производственной и непроизводственной, в том числе жилья и земли, товаров длительного пользования, предметов роскоши, а также субъективные показатели.

Рассматривая регионы Северо-Западного федерального округа, отметим, что значимый разрыв в уровне дохода 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (децильный коэффициент) наблюдается в Ненецком автономном округе (19,9 раза, *табл. 1*), как добывающем регионе (обладающем большими запасами нефти, газа и углеводородного сырья), и г. Санкт-Петербурге (19,4 раза в 2012 г.), что вполне естественно для второго крупнейшего города федерального значения (в развитых европейских странах децильный коэффициент составляет от 6 до 9) [10]. Умеренная стабилизация децильного коэффициента в последние годы объясняется мерами властей, принятыми с целью увеличения расходов на социальные выплаты, а именно пенсии и социальные пособия, что способствовало уменьшению группы низкообеспеченных граждан.

Продолжает усиливаться социальное расслоение граждан и по оценке коэффициента Джини: его прирост в регионах в период с 2000 по 2012 год варьируется в пределах от 5 до 39% (*табл. 2*). Особенно высокие темпы углубления неравенства по доходам отмечались в Ленинградской области, г. Санкт-Петербурге и Псковской области (39, 30 и 22% соответственно).

Таблица 1. Коэффициент фондов в регионах СЗФО и РФ за 2000–2012 гг.*

Регион	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.
Ненецкий АО	–	15,9	23,8	19,8	19,9
г. Санкт-Петербург	9,4	17,5	18,3	19,8	19,5
Республика Коми	14,5	17,3	17,5	17,3	16,9
РФ	13,9	15,2	16,9	16,5	16,4
Новгородская область	9,8	10,5	13,8	14,5	15,0
Мурманская область	11,6	11,6	13,6	13,7	13,8
Калининградская область	8,1	9,1	11,7	12,1	13,4
Архангельская область	8,5	11,0	12,3	12,6	13,2
Ленинградская область	6,1	10,0	12,0	12,3	12,9
Псковская область	7,5	9,6	12,0	11,9	12,2
Вологодская область	8,0	11,2	12,4	11,7	12,0
Республика Карелия	7,9	9,2	10,4	10,7	11,6

* Ранжировано по 2012 г.
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2001 – 2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2001–2013.

Таблица 2. Динамика коэффициента Джини в регионах СЗФО*

Регион	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2012 г. к 2000 г., раз
Ненецкий АО	–	0,415	0,469	0,445	0,445	–
г. Санкт-Петербург	0,341	0,432	0,432	0,446	0,443	1,299
Республика Коми	0,402	0,429	0,431	0,423	0,423	1,052
РФ	0,395	0,405	0,423	0,421	0,420	1,063
Новгородская область	0,347	0,363	0,396	0,403	0,407	1,173
Мурманская область	0,371	0,377	0,397	0,394	0,396	1,067
Архангельская область	0,326	0,369	0,383	0,384	0,389	1,193
Калининградская область	0,319	0,343	0,375	0,379	0,391	1,226
Ленинградская область	0,276	0,352	0,379	0,38	0,387	1,402
Псковская область	0,308	0,345	0,377	0,375	0,379	1,231
Вологодская область	0,318	0,364	0,382	0,373	0,376	1,182
Республика Карелия	0,316	0,349	0,363	0,361	0,371	1,174

* Ранжировано по коэффициенту Джини 2012 г.
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2001–2012: стат. сб. / Росстат. – М., 2001–2013.

В то же время превышение среднероссийского значения индекса Джини наблюдается в г. Санкт-Петербурге и Республике Коми.

Дополнением к статистическим данным о неравенстве населения служат субъективные оценки населения, проживающего в том или ином регионе. Так, результаты периодически проводимого Институтом социально-экономического развития территорий РАН мониторинга общественного мнения о политической и экономической ситуации в регионах

Северо-Западного федерального округа за 2005–2013 гг. позволяют в динамике представлять ситуацию в отдельно взятом регионе и осуществлять межрегиональные сопоставления. Выборочная совокупность составляет 5000 человек в десяти регионах СЗФО (Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, республики Карелия и Коми, г. Санкт-Петербург). Объем выборки по каждому региону не менее 400 респондентов, ошибка выборки не более 5%.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?»* (в % от числа опрошенных)

Регион	Денег достаточно для покупки большинства товаров					Денег хватает в лучшем случае на еду				
	2005	2008	2009	2010	2013	2005	2008	2009	2010	2013
Ленинградская область	61,6	70,1	72,0	73,5	63,8	38,3	29,9	28,0	26,4	30,9
г. Санкт-Петербург	69,5	79,0	59,4	79,9	64,6	30,4	21,0	40,5	20,1	31,7
Архангельская область	58,2	66,4	71,7	63,5	61,3	41,8	33,6	28,2	18,3	35,8
Республика Коми	55,7	70,2	53,1	63,6	63,2	44,3	29,8	47,0	36,5	36,7
Республика Карелия	64,8	73,1	64,0	71,8	60,8	35,2	26,9	36,0	28,2	38,4
СЗФО	60,2	69,4	58,3	70,9	57,4	40,1	30,6	41,7	29,2	39,6
Вологодская область	58,5	65,5	59,2	64,2	53,5	41,5	34,5	40,8	35,9	40,3
Мурманская область	60,8	72,0	64,5	64,8	55,9	39,3	28,0	35,6	35,3	42,4
Псковская область	–	64,4	48,3	69,1	47,1	–	35,6	51,6	30,9	43,1
Новгородская область	–	61,0	50,7	73,5	53,6	–	39,0	49,3	26,3	46,3
Калининградская область	50,1	72,1	40,3	66,4	49,7	50,0	27,9	59,8	33,6	50,3

* Ранжировано по данным графы «Денег хватает в лучшем случае на еду» за 2013 г.
Источник: данные социологического исследования, проведенного ИСЭРТ РАН в 2005–2013 гг.

Судя по данным исследований, более чем у половины населения федерального округа (50–60% в зависимости от региона) «денег достаточно для покупки большинства товаров» (табл. 3), при этом остальной части населения «денег хватает в лучшем случае на еду». Серьезно повлиял на доходы населения финансово-экономический кризис, который нивелировал благоприятные изменения в субъективной самооценке материального положения, отмечавшиеся до 2008 г. Резкое увеличение доли малообеспеченных фиксировалось в первый посткризисный (2009-й) год: в Калининградской области и г. Санкт-Петербурге – почти в 2 раза, в Республике Коми и Псковской области – в полтора раза. За период 2005–2013 гг. практически повсеместно снизился удельный вес «обеспеченного» населения, за исключением Республики Коми и Архангельской области, в которых сохраняется один из самых высоких уровней среднедушевых доходов населения в округе.

Распределение ответов респондентов по социальным слоям показало, что от 51 до 70% населения относят себя к среднему социальному слою (табл. 4). Наиболее представительный средний слой отмечен

в республиках Коми и Карелия, наименее – в Мурманской области. Доля респондентов, идентифицирующих себя с верхним социальным слоем, максимальна в Ленинградской области, с нижним – в Псковской. Оценки, данные при сравнении своего социального статуса с уровнем жизни в регионе и стране в целом, характеризуются снижением доли верхнего слоя и увеличением доли нижнего. Так, если в среднем по СЗФО в масштабе своего города (села) только 5,3% жителей относят себя к нижнему социальному слою, то при сравнении со всем населением страны данный показатель возрастает в 2,5 раза – до 13,1%. Подобное обстоятельство свидетельствует о социально-экономических проблемах на уровне региона и муниципалитетов (низкие уровни дохода и экономической активности, инвестиционной привлекательности территории и т.д.). Таким образом, можно выделить три уровня идентичности.

Первый уровень, наиболее высокий, включает поселенческую идентичность (интенсивность идентичности выше среднего). Второй – региональную (интенсивность средняя). Третий уровень – ниже среднего – объединяет в себе общероссийскую и общечеловеческую идентичность.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: «К каким социальным слоям Вы относите себя в своем городе (селе)?»* (в % от числа опрошенных)

Регион	Варианты ответов					
	Верхний слой	Слой выше среднего	Средний слой	Слой ниже среднего	Нижний слой	Затрудняюсь ответить
Ленинградская область	6,0	15,7	55,6	14,5	3,5	4,7
Мурманская область	2,5	10,8	51,2	19,6	6,1	9,8
г. Санкт-Петербург	2,5	12,7	58,4	14,2	2,7	9,5
Псковская область	2,0	11,0	54,8	16,3	9,8	6,3
Новгородская область	1,0	5,8	58,5	22,0	6,0	6,8
Республика Карелия	0,8	6,8	66,6	19,1	3,0	3,8
Архангельская область	0,8	9,5	60,0	13,5	3,0	13,3
Вологодская область	0,7	7,3	55,8	20,1	6,1	10,1
Республика Коми	0,5	5,9	70,1	16,3	3,7	3,5
Калининградская область	0,5	8,0	57,3	23,5	6,5	4,3
СЗФО (идентификация город/село)	1,5	9,0	57,9	18,6	5,3	7,7
СЗФО (идентификация регион)	0,8	6,2	51,2	23,0	6,9	11,9
СЗФО (идентификация страна)	0,8	4,5	41,8	24,9	13,1	15,0

* Ранжировано по данным графы «Верхний слой».
Источник: данные социологического исследования, проведенного ИСЭРТ РАН в 2013 г.

При оценке качества жизни население подчас сравнивает ее с жизнью в соседних регионах страны, следовательно, вопросы регионального неравенства и дифференциации между российскими регионами отражены в социально-экономическом и географическом положении их территорий. Так, по субъективным оценкам респондентов можно заключить, что качество жизни в г. Санкт-Петербурге, Калининградской и Ленинградской областях выше, чем в других регионах Северо-Западного федерального округа. Считают, что живут хуже, чем их соседи, почти каждый третий в Псковской области и 28,3% опрошенных в Новгородской области (табл. 5).

В среднем же по федеральному округу доли положительных и отрицательных ответов уравновешены: как полагает чуть меньше половины респондентов (45,5%), всё зависит от примера сравнения. То есть можно заключить, что в целом жители округа довольны качеством жизни в месте своего проживания и не испытывают протестных настроений.

Как следует из данных опроса, большинство жителей СЗФО родились в месте своего проживания – 53,5%, приехали по своему желанию из другого населенного пункта этого же региона – 27%. Из других регионов России и СНГ добровольно переехало 17,2% населения: наиболее привлекательной оказалась Калининградская область – 35%, которая, как свободная экономическая зона, предоставляет благоприятные условия для самозанятости; наименее привлекательны Архангельская область и Республика Коми (по 10%), что объясняется их принадлежностью к северным территориям. Территориальная мобильность жителей округа чаще всего обусловлена сменой семейного положения – у каждого четвертого; с изменением места учебы, профессиональной деятельности (работы) – у каждого пятого. В меньшей степени на мобильность населения влияет отсутствие условий для профессионального роста и комфортного проживания (5 и 12% соответственно) [8]. Например, переезд людей в Санкт-Петербург, Республику

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, жители Вашего региона живут лучше или хуже, чем жители ближайших регионов?»* (в % от числа опрошенных)

Регион	Варианты ответов			
	Живут лучше	По сравнению с одними живут лучше, а по сравнению с другими – хуже	Живут хуже	Затрудняюсь ответить
Санкт-Петербург	48,1	35,2	3,5	13,2
Калининградская обл.	29,5	32,5	18,0	20,0
Ленинградская обл.	28,4	47,4	8,0	16,2
Республика Коми	21,0	41,2	18,0	19,8
СЗФО	17,4	45,5	17,6	19,5
Мурманская обл.	14,0	53,4	14,2	18,4
Вологодская обл.	13,6	46,8	16,0	23,6
Новгородская обл.	9,5	39,8	28,3	22,5
Псковская обл.	7,0	46,3	30,3	16,5
Архангельская обл.	6,3	51,0	22,5	20,3
Республика Карелия	4,8	59,0	21,4	14,8

* Ранжировано по данным графы «Живут лучше».

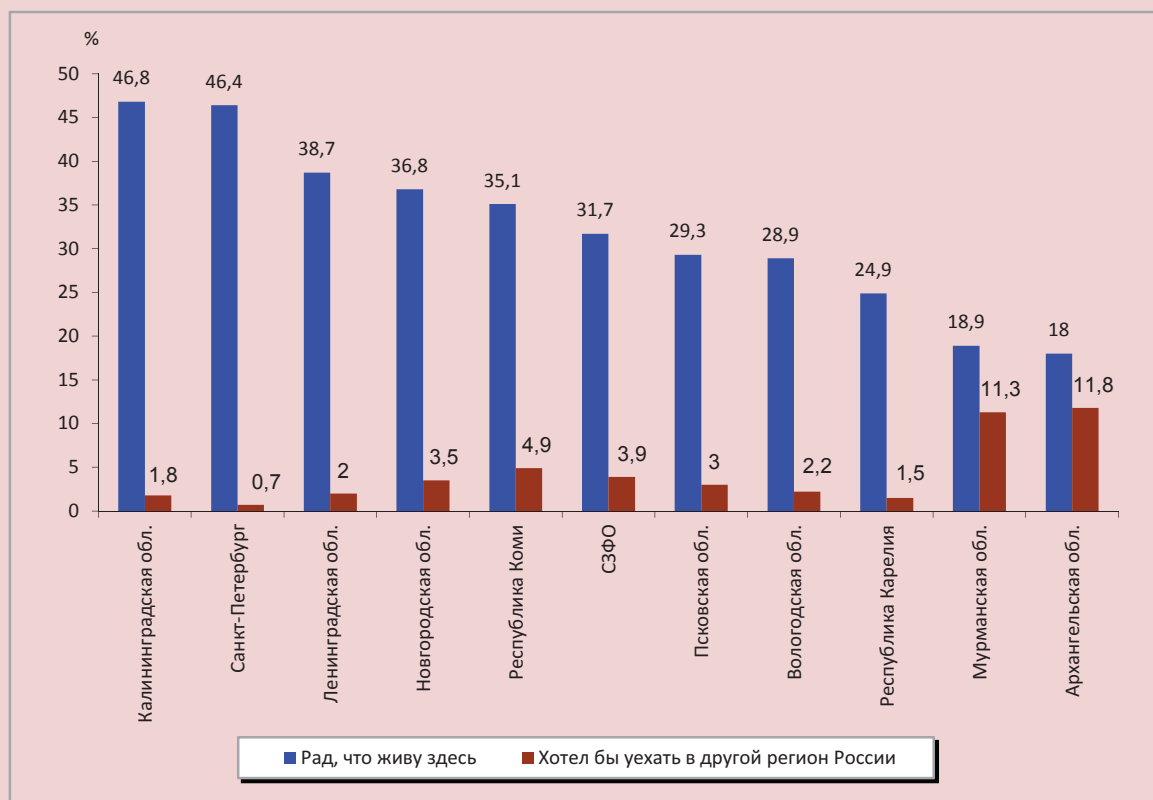
Источник: данные социологического исследования: проведенного ИСЭРТ РАН в 2013 г.

Карелия, Вологодскую область в основном связан с получением образования (43, 35,3 и 27,8% соответственно), переезд в Псковскую область – со сменой семейного положения (33,5%), в Архангельскую область – со сменой работы (29%).

Дополняют вывод о преобладании положительных оценок социального самочувствия населения СЗФО данные о распределении ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своему региону?» Почти каждый третий житель федерального округа рад, что живет именно здесь (*рис. 1*); половина респондентов в целом довольна местом своего проживания, хотя и осознает существующие проблемы. Однако в округе есть регионы, где жители настроены не столь позитивно и испытывают большую неудовлетворенность местом своего проживания, – в основном это северные регионы: Мурманская и Архангельская области. Более 11% респондентов из этих областей желали бы уехать в другой регион, и главная причина этого кроется в снижении уровня жизни в последние годы и в суровых климатических условиях.

Исследуя социокультурное развитие Северо-Западного федерального округа, обратимся к изучению состояний и особенностей модернизационных процессов, протекавших в регионах округа в 2000 – 2010 гг. Вторичная модернизация (ВМ) – процесс, сопровождающий формирование индустриального общества, основанный на знаниях, информатизации, экологизации и глобализации [7]. Главным приоритетом выступает рост качества жизни, а динамика ВМ проявляется через инновации в знаниях, в институтах и человеческом капитале. Очевидна позитивная динамика этого процесса в субъектах СЗФО в рассматриваемый период: уровень ВМ повысился во всех территориях. В итоге пять регионов (Республика Карелия, Архангельская, Новгородская, Вологодская, Псковская области) в 2005 г. преодолели рубеж низкого уровня и поднялись до положения ниже срединного, а в 2010 г. три из них (Республика Карелия, Архангельская и Новгородская области) стали соответствовать срединному уровню. За 10 лет с уровня «ниже срединного» два региона (Ленинградская область, Республика

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к региону, в котором живете?» (в % от числа ответивших)

Источник: данные социологического исследования, проведенного ИСЭРТ РАН в 2013 г.

Коми) перешли на «срединный», а один регион (Мурманская область) — на уровень «выше срединного». Санкт-Петербург заметно выделяется среди всех территорий: в 2010 г. ни один регион округа не смог достичь уровня, который имел город в 2000 г. Подобное отличие обеспечивается за счет высокого индекса инноваций в знаниях, который от 3 до 12 раз превышает показатели других территорий.

Общий индекс реализации вторичной модернизации СЗФО, поднявшийся с 67% в 2000 г. до 73% в 2005 г., составил в 2010 году 80%, что соотносится с уровнем Португалии (23 место в мировой модернизации). Округ занимает второе место после Центрального федерального округа по уровню вторичной модернизации, и его

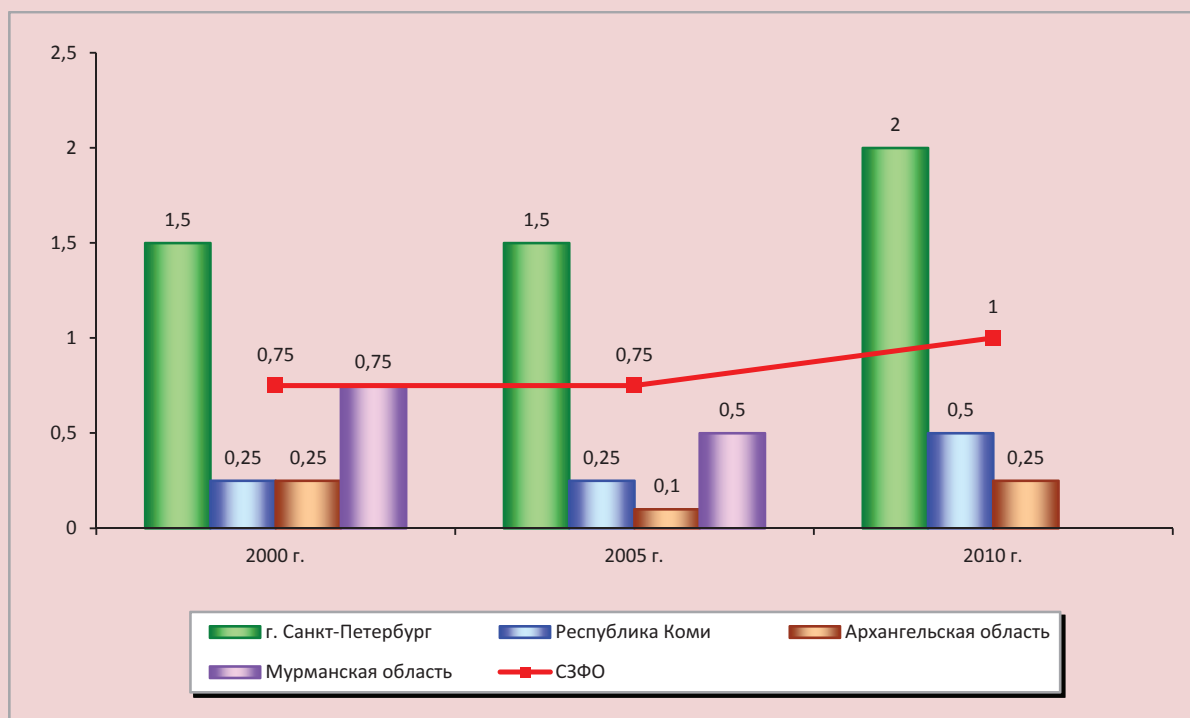
показатели выше, чем в целом по России, на 5–8%. Из четырех групп параметров ВМ округа две группы имеют достаточно высокие индексы: это качество жизни (102%) и передача знаний (93%). Здесь значения трех из 8-ми индикаторов превышают 100%: распространенность телевидения; число врачей на 1000 жителей; доля студентов среди населения 18–22 лет. Сдерживающий фактор — недостаточная распространенность персональных компьютеров в домохозяйствах (индекс = 65%). Однако за анализируемый период данный показатель возрос в 11 раз, таким образом, в ближайшие 5–7 лет можно ожидать его увеличения до 100% уровня. Рост качества жизни тормозится низкой продолжительностью жизни (ОПЖ), которая

по стандартам развитых стран должна быть не менее 80 лет, а в округе составляет 68,2 года, по России – 69,8 года в 2010 г. Рост ОПЖ ставится одной из приоритетных задач в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 (обеспечить увеличение к 2018 году ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации до 75 лет). Сложнее ситуация с двумя другими субиндексами ВМ: в области инновации в знаниях (76%) и качества экономики (50%). Первый из них сдерживается низкой долей затрат на НИОКР в ВРП (84%) и малым числом жителей, подавших патентные заявки (35%). После спада в 2005 г. инновационная составляющая в последние анализируемые годы (2008, 2009, 2010) вновь стала расти, хотя и не во всех регионах округа, а прежде всего в Республике Карелия, Ненецком АО, Ленинградской, Мурманской, Новгород-

ской областях (доля затрат на НИОКР в ВРП), в г. Санкт-Петербурге и Псковской области (число жителей, подавших патентные заявки). Второй субиндекс характеризуется стагнацией всех входящих в него переменных – это низкий уровень ВРП на душу населения, высокая доля добавленной стоимости материальной сферы в ВРП и доля занятых в материальной сфере в общей занятости.

Важное значение для вторичной модернизации имеет фаза модернизации. В соответствии с методикой фаза ВМ определяется при условии вхождения территории в переходную фазу первичной модернизации (ПМ) [4]. В 2000 г. СЗФО в целом и пять его регионов соответствовали фазе перехода к ВМ, однако к 2010 г. – три региона (рис. 2). Подобные тенденции обусловлены увеличением отношения добавленной

Рисунок 2. Фазы вторичной модернизации территорий СЗФО, достигших переходной фазы первичной модернизации

Источник: ИС «Модернизация» <http://mod.vscs.ac.ru/>

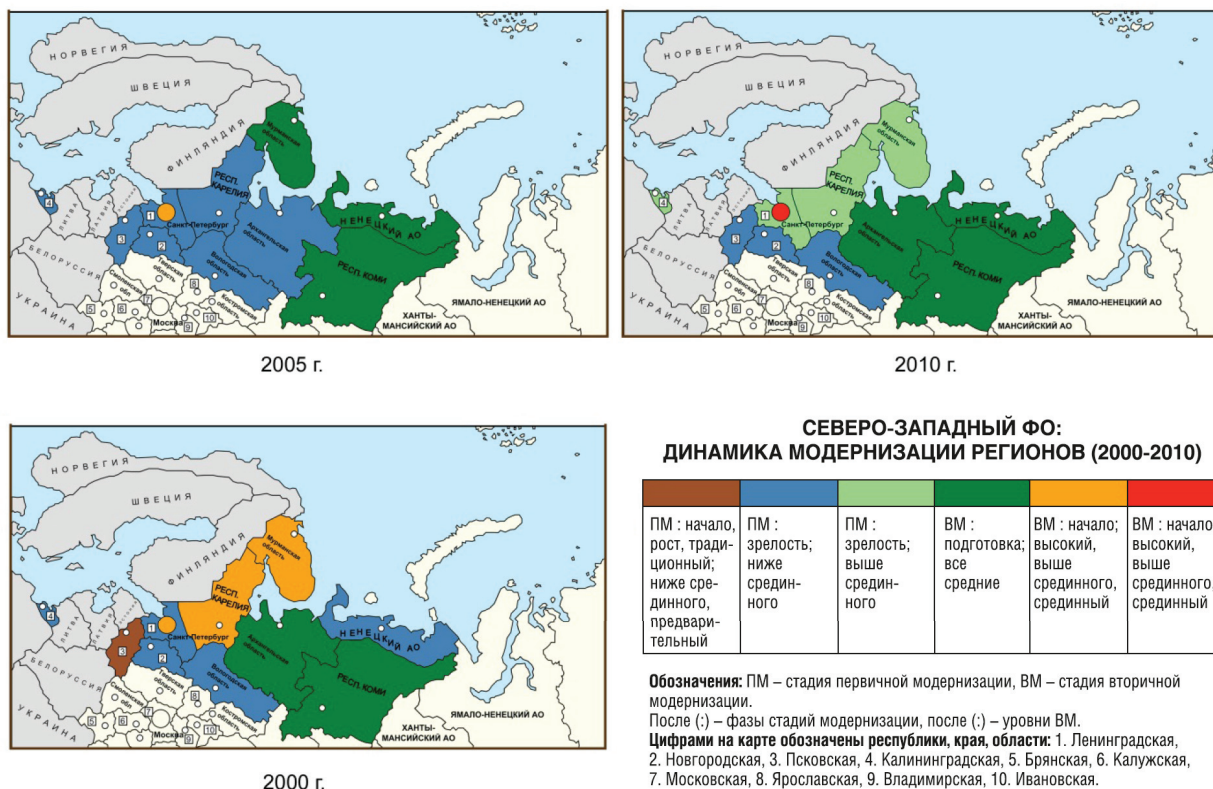
стоимости в сельском хозяйстве к ВРП, которое должно быть меньше 5%, а также увеличением доли занятости в сельском хозяйстве (менее 10%) [5]. Таким образом, к концу анализируемого периода только Республика Коми и Архангельская область находились в подготовительной фазе ВМ; Санкт-Петербург соответствовал еще более высокой ступени – фазе развития.

Отметим переменный успех регионов округа в сопоставлении с типами модернизированности. Так, достаточно благоприятная в 2000 г. ситуация в Республике Карелия и Мурманской области, продолжающих информационную (вторичную) модернизацию (тип 5, рис. 3) и находящихся в фазе ее начала, ухудшилась и спустя 10 лет они соответствовали только 3-ему типу – зрелой индустриальной (первичной [3]) модернизации.

Архангельская область в 2005 г. опустилась до 2 типа – «регион, продолжающий индустриальную модернизацию». Подобные тенденции произошли в результате увеличения доли добавленной стоимости в сельском хозяйстве. Отметим положительные сдвиги в модернизационных процессах в остальных регионах, за исключением Республики Коми, которая уже 10 лет находится в состоянии, продолжающем информационную (вторичную) модернизацию, характеризующемся стагнацией. В республике очень низкий индекс инноваций в знаниях, составляющий лишь 23% от стандарта развитых стран.

Как можно отметить, состояние модернизированности Северо-Западного федерального округа ещё в 2000 г. достигло 5 типа (в первом из восьми округов РФ) – «регионы, продолжающие информацион-

Рисунок 3. Динамика состояний (типов) модернизированности регионов СЗФО

Источник: ИС «Модернизация» <http://mod.vsc.ac.ru/>

ную (вторичную) модернизацию и подготавливающие ее развитие». Векторы повышающего развития должны быть направлены в сторону улучшения экономической и когнитивной составляющих. Движение регионов СЗФО по модернизационному пути в целом согласовывалось с региональными страновыми тенденциями инерционности перехода в 2000–2008 гг. из первого (1 и 2 типы) во второй (3 и 4 типы) этап реализации стратегии модернизации, а также с торможением этого перехода с 2008 г. под воздействием кризиса, что говорит о неконкурентно низком по сравнению с международным уровне интегрированных индексов модернизации (табл. 6).

В период с 2000 по 2010 г. в СЗФО наблюдалась незначительная позитивная динамика интегрированного индекса модернизации: его значения выросли с 59 до 71%, что соотносится с уровнем среднеразвитых стран (интервал от 53 до 83%). Из трех групп параметров интегрированного индекса менее благоприятна ситуация в экономической сфере (индекс равен 56%). Однако, как видно при детальном рассмотрении региональной модернизации, наименьшие величины имеет индекс трансляции знаний (от 41 до 59%) –

у всех территорий, за исключением города Санкт-Петербурга (93%). Подобный диссонанс получается в результате того, что северная столица отличается достаточно большой долей затрат на исследования и разработки в ВРП и значительным числом жителей, подающих заявки на патенты (на 1 млн. человек), и это в 6–13 раз превышает показатели соседних субъектов РФ. Стоит отметить сходство ситуации с интегрированной модернизацией в большинстве регионов России и в СЗФО: индекс ИМ очень мал – в пределах от 42 до 70%. Более высокий уровень имеют лишь г. Москва – 89%, г. Санкт-Петербург – 78% и Томская область – 72%.

Для большинства регионов основными причинами, сдерживающими процессы модернизации, являются недостаток ресурсных возможностей, низкая доля производств с высокой добавленной стоимостью, слабый уровень развития сектора научных исследований и опытно-конструкторских разработок.

Торможение процессов модернизации содержит два аспекта: экономический и когнитивный. Во всех регионах, за исключением г. Санкт-Петербурга, они соответствуют низкому уровню.

Таблица 6. Распределение регионов России по типам модернизированности*

Состояние (тип) модернизированности	Число регионов РФ (регионов СЗФО)				
	2000 г.	2005 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Тип 6 – развитые регионы, продолжающие развивать информационную (вторичную) модернизацию	1	2	1	2(1)	3(1)
Тип 5 – регионы, продолжающие информационную (вторичную) модернизацию	3(3)	3(1)	8(2)	6	4
Тип 4 – регионы, начинающие информационную (вторичную) модернизацию	9(2)	9(3)	12(3)	9(3)	11(3)
Тип 3 – регионы зрелой индустриальной (первичной) модернизации	7	12	20 (3)	25 (4)	23 (4)
Тип 2 – регионы, продолжающие индустриальную (первичную) модернизацию	45 (5)	40 (7)	29 (3)	32(3)	33 (3)
Тип 1 – регионы, начинающие, начавшие, возобновившие индустриальную (первичную) модернизацию	18(1)	17	13	9	9
* Типы см. подробнее: Лапин Н.И. Состояние и проблемы socioэкономической и социокультурной модернизации Российской Федерации // Социс. – 2014. Источник: ИС «Модернизация» http://mod.vsc.ac.ru/					

Высокий индекс знаний, присущий Санкт-Петербургу, восполняет когнитивную компоненту в округе, тем самым приводя к сбалансированности. Вместе с тем нет прямого «взаимодействия» между городом федерального значения и Ленинградской областью, которая все еще находится в первичной (индустриальной) стадии модернизации. Необходимо отметить, что наименьший уровень сбалансированности интегрированного индекса модернизации (ИИМ) наблюдается в Вологодской и Псковской областях.

Таким образом, Северо-Западный федеральный округ имеет целый ряд преимуществ, которые способствовали достижению более высокого уровня конкурентоспособности, чем в других территориях Российской Федерации. Одним из таких преимуществ является географическое положение, определяемое соседством со странами Европейского союза и выходом к морским торговым путям. Природно-ресурсная база округа способствует развитию топливной, металлургической, химической, лесной и рыбохозяйственной отраслей. Огромное значение имеет административный центр – Санкт-Петербург. Показатели уровня оснащенности территории округа объектами промышленной инфраструктуры превосходят среднероссийские. Однако состояние инфраструктуры и магистральных коммуникаций во многих муниципальных образованиях недостаточно благоприятное. Из-за отсутствия необходимой транспортной составляющей и из-за редкой сети городов в северной части СЗФО существует низкая сплоченность, которая сдерживает эффективность реализации его экономического потенциала. Это один из основных факторов, тормозящих развитие округа, поэтому в перспективе следует уделять повышенное внимание улучшению качества автомобильных дорог, систем теплоснабжения, энергосетей.

Производственный потенциал регионов округа ограничен условиями экономики и инновационной перестройки. Зачастую объем и структура инвестиционных предложений не соответствуют степени развития территориальной инфраструктуры, большая часть фондов сильно изношена и морально устарела. Требования модернизации и перехода к новому этапу технологического уклада обуславливают необходимость развития и обновления производственного потенциала на новой научно-технической и инновационной основе.

По уровню социокультурной обустроенности городов и муниципальных образований округ в целом является привлекательным для населения, в том числе для мигрантов. Единственный минус – суровые природно-климатические условия в его северной части. Насущную для населения периферийных районов проблему представляет недоступность социальных объектов (образовательных, медицинских) в связи с их концентрацией в крупных населенных пунктах. Практика показывает, что лидерами социально-экономического развития становятся территории, где высоко развиты образование, наука, здравоохранение и культура. Поддержание и преумножение этого потенциала является приоритетной задачей модернизационной политики, т.к. без него не может быть инновационной экономики и быстрого саморазвития. То есть для скорейшего модернизационного развития необходимо достижение высокого качества жизни населения. Требуется наличие благоприятных условий, мобилизующих социум для модернизации, а также определенного (современного) уровня инновационного, технического и социокультурного развития. Так, известный социолог профессор Ягеллонского университета П. Штомпка совершенно справедливо говорит, что «модернизация – это способ

осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала» [9]. Естественно, для этого требуется:

— общедоступное образование, обеспечивающее людей навыками, необходимыми для эффективного использования возможностей, предоставляемых модернизацией;

— доступ к высшим формам культуры и искусства для повышения восприимчивости и обогащения опыта.

В последние годы заметно расширились возможности получения высшего образования, правда не всегда достойного качества, однако это не сильно снижает его значимость. Данный ресурс позволяет современному российскому обществу перейти на более высокую ступень развития и включенности населения в процессы модернизации. Повсеместная информатизация и компьютеризация общественной жизни расширяет возможности и пути достижения целей. Вместе с тем эти процессы несут в себе немало отрицательных эффектов: в частности, популяризация виртуального общения приводит к снижению ценности реального общения. Здесь более всего претерпевает изменение перцептивная сторона (процесс восприятия друг друга партнерами и установления взаимопонимания), а также встает вопрос о доверии друг к другу, порядочности и честности, что ведет к социальной разобщенности, социальной пассивности, неготовности предпринимать коллективные действия и, как результат, к атомизации общества.

По данным социологических опросов (по программе «Социокультурные портреты регионов России»), проведенных в различных регионах РФ, значительная часть ее жителей (33,3%) чувствуют близость с жителями поселения, в котором они живут

(варианты «далекое» и «чужое» выбирают 5,9% опрошенных). Причем в масштабе «поселение — область — Россия» происходит снижение данного показателя и увеличение доли населения, характеризующегося безразличным и отчужденным отношением к другим людям (36,7%) [13]. Это может говорить о концентрации интересов только на своей личной жизни, что является тревожной тенденцией, поскольку усиливает разобщенность в обществе.

Данные опросов, проведенных Институтом социально-экономического развития территорий РАН в Вологодской области [12], свидетельствуют об устойчивом росте показателей социального настроения и запаса терпения, снижении уровня протестного потенциала (с 20,7 до 16,0% в 2007 и 2013 гг. соответственно). Вместе с тем наблюдается рост доли жителей, считающих, что они не могут повлиять на состояние дел в городе (с 62,1 до 68,6% в 2011 и 2014 гг. соответственно), области (с 66,6 до 73,3%), в стране (с 67,4 до 73,5%); а также сохраняются негативные тенденции общественного мнения в отношении деятельности Правительства РФ, отсутствуют позитивные изменения в оценке работы властных структур; население все меньше связывает свои ожидания с деятельностью органов власти.

Полученные данные свидетельствуют об обособленности человека, «уходе в себя», спаде ожидания помощи со стороны государства. Вполне обоснованно можно утверждать, что социально-экономический атомизм и снижение пассионарности характерны не только для Вологодской области, но и для Российской Федерации в целом [6]. А возникающее при этом нарушение равновесия в обществе может привести к нестабильным ситуациям, влекущим за собой максимизацию рисков и ущербов для социокультурной системы.

Поэтому необходима корректировка социоэкономической модернизации в сторону улучшения человеческого потенциала и повышения социокультурной компоненты развития общества.

Еще одним фактором, сдерживающим модернизацию, можно назвать неэффективность государственного управления, что проявляется прежде всего в сложившемся в последние годы кризисном состоянии региональных бюджетов [1]. Из года в год продолжается негативная тенденция увеличения количества территорий, имеющих степень долговой нагрузки выше 70%. Если в 2012 г. в России таких регионов было семь, то в 2013 г. — уже 16. Из регионов Северо-Западного федерального округа в список входят три: Вологодская область (государственный и муниципальный долг в 2013 г. составлял 34 871 млн. руб.) [11], Псковская

область (12 798 млн. руб.) и Республика Карелия (15 972 млн. руб.). Обращает на себя внимание тот факт, что высокий уровень долга сочетается с быстрыми темпами его наращивания (например, в Псковской области темп роста в 2012–2013 гг. составил 159,5%) [2].

Осуществление модернизации требует политической воли и эффективного государственного управления. Главная задача руководства (страны, региона, муниципалитета), заявляющего о модернизации, — проведение дальновидной политики и институциональных реформ, нацеленных в равной степени и на развитие инноваций, нового технологического уклада, и на развитие гражданского общества, культурных ценностей и норм, позволяющих людям в полной мере реализовывать свой потенциал.

Литература

1. Ильин, В.А. Новая повестка дня и эффективность государственного управления / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 5 (29). — С. 9-13.
2. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.И. Поварова. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. — 181 с.
3. Лапин, Н.И. О стратегии интегрированной модернизации / Н.И. Лапин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 1 (31). — С. 26-35.
4. Лапин, Н.И. Об опыте стадийного анализа модернизации / Н.И. Лапин // Общественные науки и современность. — 2012. — № 2. — С. 53-65.
5. Ласточкина, М.А. Территориальные особенности модернизации России / М.А. Ласточкина // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2013. — № 2 (34). — С. 29-41.
6. Морев, М.В. Проблемы взаимодействия государства и общества / М.В. Морев, В.С. Каминский // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 6 (30). — С. 207-224.
7. Хэ, Чуаньци. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. / Хэ Чуаньци; под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. — М.: Весь Мир, 2011. — 256 с.
8. Шабунова, А.А. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Вологодской области [Электронный ресурс] / А.А. Шабунова, Т.С. Соловьева // Гуманитарные научные исследования. — 2013. — № 11. — Ноябрь. — URL: <http://human.snauka.ru/2013/11/5126>
9. Штомпка, П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) / П. Штомпка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 6 (30).
10. Equity and Development // World Development Report — 2006. — № 4. — The World Bank and Oxford University Press, 2006.
11. Pyin, V.A. The problems of development of a region under the conditions of the global crisis (Using the Vologda Region as an example) / V.A. Ilyin / Studies on Russian Economic Development, 2010. Vol. 21, No. 1, pp. 56-63.
12. Lastochkina, M.A. Factors of Satisfaction with Life: Assessment and Empirical Analysis / M.A. Lastochkina / Studies on Russian Economic Development 2012, Vol. 23, No. 5, pp. 520–526.
13. Shabunova, A.A. Russians assess social and cultural regional milieu / A.A. Shabunova, N.A. Okulova / Sotsiologicheskie Issledovaniya, 2011, No. 6, pp. 36-43.

Shabunova A.A., Lastochkina M.A.

Overcoming social inequality as an impetus to socio-cultural modernization

Aleksandra Anatol'evna Shabunova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director, Department Head, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, aas@vscc.ac.ru)

Mariya Aleksandrovna Lastochkina – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, mashkop@mail.ru)

Abstract. The article shows that the main factors constraining socio-cultural modernization are social inequality and low standard of living. A swift modernization development requires the presence of a favorable environment that gives an impetus to the society for modernization, as well as certain (modern) level of innovation, technological and socio-cultural development. In addition, the advantages and problems related to the assessment of modernization in the regions of the Federal District, based on the methodology developed at China Center for Modernization Research, the Chinese Academy of Sciences. Modernization is considered as a process that leads not only to technological and innovation progress, but mainly to favorable changes in society and to the improvement of human potential with the preservation of traditions and cultural heritage. The study has found out that the hampering of modernization in the Northwestern Federal District includes two aspects: economic and cognitive. For most of the territories the main reasons hindering the processes of modernization are lack of resources, low share of industries with high added value, low level of development of R&D sector. We also note that one of the most acute problems lies in extremely high level of regional differences. The level of life in the regions differs in several times, which also impedes modernization in all Russia's territory. Social inequality in the society is deepening due to the fact that many social institutions that are to serve as the means of social mobility do not work. Due to the above problems, modernization requires political will and effective public administration. The main task of the government that speaks about modernization is to conduct a forward-looking policy and institutional reforms aimed equally at the development of innovations, new technological structure, and the development of civil society, cultural values and standards that allow people to realize their potential to the fullest extent.

Key words: modernization, socio-cultural dynamics, subjects of modernization, population.

References

1. Ilyin, V.A. Novaya povestka dnya i effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya [New Agenda and State Management Efficiency]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.5(29), pp. 9-13.
2. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya* [Public Administration Efficiency]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 181 p.
3. Lapin N.I. O strategii integrirovannoi modernizatsii [On the Strategy of Integrated Modernization]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2014, no.1(31), pp. 26-35.
4. Lapin N.I. Ob opyte stadiinogo analiza modernizatsii [About the Experience of the Stage-Wise Analysis of Modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], 2012, no.2, pp. 53-65.
5. Lastochkina M.A. Territorial'nye osobennosti modernizatsii Rossii [Territorial Specifics of Russia's Modernization]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal], 2013, no.2(34), pp. 29-41.

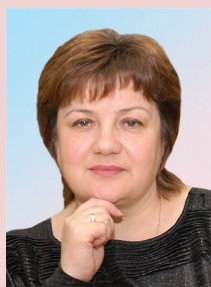
6. Morev M.V., Kaminskii V.S. Problemy vzaimodeistviya gosudarstva i obshchestva [Issues of State-Society Relations]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.6(30), pp. 207-224.
7. He Chuanqi. *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010): per. s angl.* [World and China Modernization Report Outlook (2001–2010): Translated from English]. Under general editorship of N.I. Lapin; foreword by N.I. Lapin, G.A. Tosunyan. Moscow: Ves' Mir, 2011. 256 p.
8. Shabunova A.A., Solov'eva T.S. Sotsial'naya stratifikatsiya i sotsial'naya mobil'nost' naseleniya Vologodskoi oblasti [Social Stratification and Social Mobility of the Vologda Oblast Population]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Research in the Humanities], 2013, no.11, November. Available at: <http://human.snauka.ru/2013/11/5126>
9. Sztompka P. Modernizatsiya kak sotsial'noe stanovlenie (10 tezisov po modernizatsii) [Modernization as Social Becoming (Ten Theses on Modernization)]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.6(30).
10. Equity and Development. *World Development Report*, 2006, no.4. The World Bank and Oxford University Press, 2006.
11. Ilyin V.A. The Problems of Development of a Region under the Conditions of the Global Crisis (Using the Vologda Region as an Example). *Studies on Russian Economic Development*, 2010. Vol.21, no.1, pp. 56-63.
12. Lastochkina M.A. Factors of Satisfaction with Life: Assessment and Empirical Analysis. *Studies on Russian Economic Development*, 2012, Vol.23, no.5, pp. 520-526.
13. Shabunova A.A., Okulova N.A. Otsenka naseleniem sotsiokul'turnoi sredy regiona [Russians Assess Social and Cultural Regional Milieu]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2011, No. 6, pp. 36-43.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

УДК 331.41 (470.12), ББК 65.240(2Рос-4Вол)

© Леонидова Г.В., Попов А.В.

Удовлетворённость трудом как индикатор эффективности государственного управления (социологический анализ)

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, galinaleonidova@mail.ru)

**Андрей Васильевич
ПОПОВ**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ai.popov@yahoo.com)

Аннотация. Удовлетворённость трудом — это показатель социального самочувствия работающего населения. А в этом ключе исследование субъективного восприятия работниками трудовой деятельности является важным показателем эффективности государственного управления.

В статье приведён анализ удовлетворённости населения трудовой деятельностью, в частности одним из её структурных компонентов — условиями труда. Отражена высокая взаимосвязь данных показателей с удовлетворённостью повседневной жизнью и производительностью труда. Определена степень удовлетворённости работников условиями труда по таким направлениям, как санитарно-гигиеническая и психологическая обстановка на рабочем месте, техническая оснащённость, безопасность. Показаны оценки работников в социально-демографическом и территориальном разрезе.

Выявлена взаимосвязь между удовлетворённостью рабочей средой и реализацией трудового потенциала. На основе анализа обозначена важность регулярного проведения социологических исследований по вопросам удовлетворённости различными аспектами трудовой деятельности.

Установлено, что современное развитие страны диктует необходимость учёта фактора удовлетворённости трудом (в узком понимании — условиями труда) при формировании стратегии и тактики социально-экономической политики и определении нормативов социальной ответственности, и прежде всего государства и работодателей.

Ключевые слова: условия труда, травматизм, удовлетворённость трудом, производительность труда, трудовой потенциал, эффективность государственного управления, социальная политика.

В условиях перехода к постиндустриальному обществу в России нарастают вызовы к системе социально-трудовых отношений, и прежде всего к повышению производительности труда работников. Это стало одним из приоритетных направлений долгосрочной государственной экономической политики. Неслучайно в майских (2012 г.) указах Президента РФ, подписанных В.В. Путиным в день его инаугурации, в числе конкретных ориентиров развития российской экономики обозначено увеличение производительности труда к 2018 году в полтора раза (в среднем на 5–6% в год).

Однако уже в октябре 2013 года на инвестиционном форуме «Россия зовёт!» В.В. Путин отметил, что текущие темпы роста производительности труда (3% по результатам 2012 г.; *рис. 1*) «не только не сокращают отставание от лидеров по эффективности, но и фактически означают консервацию однобокой структуры экономики и её сырьевого характера» [10].

Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), производительность труда в России составляет 24 доллара на человека в час – это 39% от уровня США (у РФ предпоследнее место; последнее – у Мексики) [3, с. 5]. Преодолеть этот разрыв, по мнению руководства страны, могут помочь «новые факторы развития» – высокое качество профессионального образования, гибкий рынок труда, благоприятный инвестиционный климат и современные технологии [11]. Другими словами, требуется перейти от экстенсивных к интенсивным резервам роста этого показателя. Поиск таких резервов и является целью данной статьи.

Интеллектуальные резервы повышения производительности труда

К основным интенсивным резервам повышения производительности труда можно отнести, с одной стороны, повышение производительности рабочих мест (внедрение передовых технологий, повышение эффективности организации про-

Рисунок 1. Динамика индексов производительности труда по России в 2003–2012 гг. (в % к предыдущему году)

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики.

изводства), с другой стороны, повышение качества рабочей силы (образование и квалификация работников).

Повышение производительности рабочих мест продекларировано на высшем уровне. В тех же первых послевыборных указах Президента РФ от 7 мая 2012 года обозначен целевой ориентир: к 2018 году необходимо создать 25 миллионов новых высокопроизводительных рабочих мест. Однако пока неясно, какие рабочие места можно отнести к высокопроизводительным. В рекомендациях ОЭСР таким критерием может выступать «инновационность» работника, которая определяется в основном по уровню оплаты труда. Согласно методическим рекомендациям Росстата, к высокопроизводительным относятся все «замещенные рабочие места предприятия (организации), на котором среднемесячная заработная плата работников (для индивидуальных предпринимателей – средняя

выручка) равна или превышает установленную величину критерия (пороговое значение)»¹.

Применительно к России такой критерий явно недостаточен, поскольку наиболее высокие доходы в стране имеют работники далеко не в самых высокотехнологичных отраслях. По мнению экспертов, учёт данного вида рабочих мест должен осуществляться на основе их паспортизации и оценки высокотехнологичности [21].

Создание или модернизация высокопроизводительных рабочих мест в России, как следует из *таблицы 1*, идут низкими темпами. В пяти федеральных округах за 5 лет не произошло существенного их наращивания. В трех округах (Приволжский, Сибирский, Уральский) наблюдается отрицательная динамика.

Исследование качественного состояния трудового потенциала² населения, проводимое в Вологодской области Институтом

Таблица 1. Рабочие места (численность работников) в российских организациях, осуществляющих технологические инновации, млн. мест

Территория	Год					2012 г. к 2008 г., %
	2008	2009	2010	2011	2012	
Российская Федерация	3,84	3,50	3,38	3,75	3,85	100,2
Дальневосточный федеральный округ	0,09	0,13	0,13	0,14	0,16	177,7
Северо-Западный федеральный округ	0,28	0,32	0,27	0,34	0,36	128,5
Центральный федеральный округ	0,74	0,72	0,68	0,84	0,91	122,9
Южный федеральный округ	0,19	0,19	0,19	0,19	0,19	100,0
Северо-Кавказский федеральный округ	0,04	0,04	0,04	0,03	0,04	100,0
Уральский федеральный округ	0,63	0,57	0,57	0,61	0,61	96,8
Сибирский федеральный округ	0,41	0,35	0,40	0,41	0,39	95,1
Приволжский федеральный округ	1,19	1,15	1,06	1,17	1,17	89,4

Источник: Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/%5Cind_2020/rab_mesta.html

¹ Методики расчета показателя «Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему году»: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 № 2550-р (по поручению Президента РФ от 29 сентября 2013 г. Пр-2266).

² Мониторинг качественного состояния трудового потенциала региона проводится ИСЭРТ РАН с 1997 года. Объектом исследования является трудоспособное население Вологодской области. Опросы проходят ежегодно в августе-сентябре в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Объём выборки составляет 1500 человек, ошибка выборки не превышает 3%. Техническая обработка информации произведена в программах SPSS и Excel.

Таблица 2. Оценка качества трудового потенциала населения Вологодской области

Качественные характеристики трудового потенциала	1997 г.	2012 г.	Линия тренда 1997–2012 гг.
Базовые качества трудового потенциала			
1. Нравственный уровень	0,775	0,784	/ возрастающая
2. Психическое здоровье	0,699	0,758	/ возрастающая
3. Коммуникабельность	0,733	0,754	/ возрастающая
4. Физическое здоровье	0,682	0,730	/ возрастающая
5. Культурный уровень	0,609	0,701	/ возрастающая
6. Потребность в достижении	0,612	0,654	/ возрастающая
7. Когнитивный потенциал	0,630	0,612	\ убывающая
8. Творческий потенциал	0,593	0,559	\ убывающая
Интегральные индексы качества трудового потенциала и требований рабочих мест			
Интегральный индекс качества трудового потенциала (социальная дееспособность)	0,655	0,680	/ возрастающая
Интегральный индекс требований рабочих мест к качеству трудового потенциала	0,721	0,729	/ возрастающая
Источник: Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 1997–2012 гг.			

социально-экономического развития территорий РАН с 1997 года, показывает, что удельный вес тех людей, которые отнесены согласно методике³ определения трудового поведения к типу «новаторы» (по большому счету, это люди, являющиеся опорой модернизации экономики), составляет примерно 27%. Если рассчитать их на всю генеральную совокупность занятого населения России, то это составит порядка 19,2 млн. чел. А высокопроизводительных рабочих мест, на которых происходит реализация потенциала «новаторов», сегодня в 5 раз меньше, что недостаточно для реализации имеющегося интеллектуального потенциала [9, с. 142]. И, соответственно, недостаточно для увеличения производительности труда в необходимых темпах.

На базе мониторинга качественного состояния трудового потенциала, проводимого ИСЭРТ РАН по методике ИСЭПН РАН [13, с. 25–37], измеряются следующие структурные компоненты: физическое и психическое здоровье населения, когни-

³ Подробнее о методике см.: Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования / колл. авторов ; под ред. А.А. Шабуновой. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 184 с.

тивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровень, потребность в достижении⁴. Для оценки перечисленных качеств используется шкала Лайкерта⁵. Опросник состоит из блоков утверждений по большей части с пятибалльными рейтинговыми шкалами оценивания (по степени согласия респондента с предложенными утверждениями). Каждой из качественных характеристик соответствует свой блок вопросов. В результате расчётов компоненты трудового потенциала получают числовую оценку в виде индексов от нуля до единицы, которые рассчитываются как отношение фактического числа баллов по шкале к максимально возможному. Оценка качества трудового потенциала в 2012 году в сравнении с базовым 1997 годом представлена в *таблице 2*.

⁴ Подробно о методике см.: Трудовой потенциал региона: заключительный отчет о НИР / исп. Г.В. Леонидова, Е.А. Чекмарева. – Вологда, 2009. – 117 с.

⁵ Шкалы Лайкерта – разновидность опросников установок (аттитюдов). Названы по имени автора – Р. Лайкерта, предложившего их в 1932 г. Шкалы Лайкерта состоят из набора утверждений с пяти- или семибалльными рейтинговыми шкалами оценивания, которыми устанавливается степень согласия испытуемого с данным утверждением.

Согласно результатам мониторинга, в период 1997–2012 годов общая тенденция снижения динамики индекса социальной дееспособности (интегральная характеристика качества трудового потенциала) была положительной: он изменялся в пределах от 0,655 в 1997 году до 0,680 ед. в 2012 году. Практически у всех базовых качественных параметров рабочей силы наблюдается рост индексов. Однако существенным научным результатом исследования можно считать выявление длительного отрицательного тренда интеллектуального развития работников, их когнитивного и творческого потенциалов. Это подтверждает гипотезу о неостребованности сегодня в должной мере данных качеств в отечественной экономике.

Условия труда как база удовлетворённости трудом

Создание высокопроизводительных рабочих мест, основанных на использовании интеллектуального потенциала работников, влечёт за собой качественные преобразования рынка труда, и прежде всего улучшение условий труда, распространение гибких форм занятости, поощрение творческой активности и т.д. В конечном счёте это приводит к увеличению продолжительности здоровой жизни, росту человеческого капитала в целом и трудового потенциала в частности [2, с. 13]. Следует подчеркнуть, что вышеназванные преобразования тесно связаны с другим аспектом роста производительности труда — удовлетворённостью трудом.

По мнению учёных, «представить себе инновационную экономику..без такого её мощного фактора, как удовлетворённость трудом, просто невозможно» [8, с. 74]. Этот показатель характеризует состояние сознания, продуцирующее положительные реакции на процесс реализации ожиданий по тем или иным проблемам производственной жизни [20, с. 33].

Кроме того, он представляет собой внутреннюю интегральную оценку работником множества конкретных сторон трудовой деятельности и производственных ситуаций. Следовательно, понятийная конструкция «удовлетворённость трудом» [19] состоит из оценок, например, характера и условий труда, которые оцениваются работниками негативно либо позитивно.

Интерес к удовлетворённости трудом, в частности таким его структурным компонентом, как условия труда, не случаен. Он вызван прежде всего тем, что задача сохранения здоровья населения является для современной России одной из важнейших. Возможный путь к её решению — обеспечение безопасности труда на рабочих местах, минимизация потерь от внешних причин (травматизм, профзаболеваемость и т.д.).

Исследования показывают, что трудовой потенциал не может быть реализован в полной мере, если физические и санитарно-гигиенические условия производства неблагоприятны, а человек беспокоится за свое здоровье и безопасность. «Экономия на здоровье...в России обернулась огромными демографическими потерями и растратой жизненного потенциала российского общества» [2, с. 158]. Неблагоприятные условия труда, производственный травматизм и профзаболевания ухудшают демографическую ситуацию в стране. Отмечается чрезмерно высокая смертность населения в трудоспособном возрасте: около 1/3 всех умерших за год составляют трудоспособные взрослые, что в среднем в три раза выше, чем в развитых странах, и в два раза выше, чем в развивающихся. Одно из первых мест среди причин смерти занимают внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы), по которым ситуация в России значительно хуже, чем в развитых и развивающихся странах (*табл. 3*).

Таблица 3. Смертность от внешних причин, на 100 тыс. чел. населения

Страна	Год		Относительное отклонение, %	Во сколько раз выше смертность в России (по 2010 г.)
	2000	2010		
Россия	224,0	148,2	66,2	-
Южная Африка	159,4	131,0*	82,2	1,1
Бразилия	81,3	84,6	104,1	1,8
Республика Корея	79,5	76,2	95,8	1,9
США	56,1	59,8	106,6	2,5
Япония	54,8	47,6	86,9	3,1
Швеция	44,2	43,1	97,5	3,4
Германия	40,6	34,6	85,2	4,3
Израиль	41,2	31,6	76,7	4,7
Испания	39,4	27,5	69,8	5,4

* Данные за 2009 г.
Источник: База данных ОЭСР.

Таблица 4. Отдельные показатели, характеризующие условия труда в Российской Федерации

Показатель	Год					Отклонение, %
	2008	2009	2010	2011	2012	
<i>Работали в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, в % от общей численности работников организаций</i>						
Россия	26,5	29,2	30,6	31,8	26,5	100,0
СЗФО	29,5	30,3	31,9	32,9	34,7	117,6
Вологодская область	39,2	41,4	41,9	43,2	46,3	118,1
<i>Численность пострадавших с утратой трудоспособности на 1 рабочий день и более и со смертельным исходом на 1000 работающих, чел.</i>						
Россия	2,5	2,1	2,2	2,1	1,9	76,0
СЗФО	3,3	2,7	2,9	2,6	2,2	66,7
Вологодская область	5,1	4,0	4,4	4,0	3,6	70,6
<i>Численность пострадавших со смертельным исходом в расчете на 1000 работающих, чел.</i>						
Россия	0,109	0,090	0,094	0,086	0,084	77,1
СЗФО	0,103	0,074	0,080	0,081	0,069	67,0
Вологодская область	0,085	0,056	0,067	0,073	0,057	67,1
<i>Число человеко-дней нетрудоспособности у пострадавших с утратой трудоспособности в расчете на одного пострадавшего</i>						
Россия	46,7	47,3	45,8	48,4	45,6	97,6
СЗФО	44,2	45,6	43,8	45,0	46,2	104,5
Вологодская область	37,5	38,9	34,7	36,0	44,6	118,9

Источник: Данные Росстата.

В докладе «Об итогах работы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2012 году и задачах на 2013 год» отмечено, что сегодня практически каждый третий работает во вредных условиях. «Ежегодно примерно 5,5 тысячам работников устанавливается диагноз «профессиональное заболевание» [12].

Согласно данным государственной статистики в 2012 году удельный вес занятого населения Российской Федерации, работающего в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, составлял 27%. В Вологодской области этот показатель более чем в полтора раза выше (46%; табл. 4).

При этом ситуация в регионе еще и ухудшается. За период 2008–2012 годов рост данного показателя составил 18%.

Несмотря на постепенное сокращение, количество несчастных случаев на производстве в Вологодской области остаётся самым высоким по округу и составляет 3,6 чел. на 1000 работающих, превышая среднероссийский уровень (1,9 чел. на 1000 работающих) почти в два раза.

В разрезе видов экономической деятельности наблюдается рост числа пострадавших в обрабатывающих производствах, в сельском и лесном хозяйстве. Наибольшее количество травм в 2012 году произошло по причине воздействия движущихся, разлетающихся предметов и деталей, падения с высоты (в том числе с высоты собственного роста), падения, обрушения, обвала предметов, материалов, земли и пр.

Основными причинами случаев с тяжёлыми последствиями в регионе в 2012 году явились:

- неудовлетворительная организация производства работ – 32 случая;
- нарушение технологического процесса – 16 случаев;
- нарушение правил дорожного движения – 12 случаев;
- неудовлетворительное техническое состояние зданий, сооружений, территории – 5 случаев;

- эксплуатация неисправного оборудования – 5 случаев;

- неудовлетворительное содержание и недостатки в организации рабочих мест – 5 случаев [17, с. 56].

Потери рабочего времени, вызванные временной нетрудоспособностью пострадавших на производстве, влекут за собой значительные социально-экономические последствия. За 2008–2012 годы средняя продолжительность нетрудоспособности в расчёте на одного пострадавшего на производстве в Вологодской области увеличилась на 19% (44,6 дня) [17, с. 105]. Количество потерянных рабочих дней в случае временной нетрудоспособности в расчёте на одну травму в России увеличилось в два раза (с 28,4 дня в 2008 г. до 48,4 дня в 2012 г.) [14].

Трудовой потенциал российского общества несет не только качественные, но и значительные количественные потери. Снижается численность населения в трудоспособном возрасте, а к 2030 году, по прогнозу Росстата, она уменьшится почти на 10% (табл. 5).

Расчёты, выполненные в Институте социально-экономического развития территорий РАН, показывают, что подобная тенденция наблюдается и в Вологодской области: доля этой категории населения уже к 2020 г. будет на 5 п.п. меньше, чем в 2013 г. (54% против 59%) [23, с. 152].

Таблица 5. Прогноз численности населения Российской Федерации по возрастным группам (средний вариант; на начало года)

Год	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	тыс. чел.	в % от общей численности населения	тыс. чел.	в % от общей численности населения	тыс. чел.	в % от общей численности населения
2013 (факт)	24110	16,8	86137	60,1	33100	23,1
2020	26214	18,2	79659	55,4	38019	26,4
2025	25888	18,1	77722	54,2	39641	27,7
2030	23871	16,8	77530	54,6	40515	28,6

Источник: данные Росстата.

Удовлетворенность трудом: социологический анализ

В структуре удовлетворённости трудом можно выделить: эстетическую и физическую среду (уровень безопасности, шума, загрязнённости); культурно-бытовые условия (места отдыха, функционально-бытовые помещения, точки питания); режим и график работы; доступность по отношению к месту жительства; первичные (тяжесть, интенсивность, сложность) и вторичные (содержательность, монотонность, интеллектуальная или творческая насыщенность, риск, новизна и т.д.) характеристики труда; соответствие квалификации; социальный климат в коллективе; перспективы должностного и квалификационного роста; заработную плату и другие [1, 5].

Согласно данным мониторинга ценностных ориентаций и образа жизни населения (исследование European Social Survey на примере 30 европейских стран), показатель удовлетворённости трудом⁶ как интегральная характеристика субъективного восприятия различных аспектов трудовой деятельности и производственных ситуаций работающим населением имеет у российских работников низкие оценки (табл. 6). Значение показателя в 2012 году составило 6,67 балла, что на 8% больше, чем в 2006 году. Верхние строчки списка занимают Дания и Норвегия [24].

Перечисленные выше характеристики в значительной мере определяют уровень организации труда, а следовательно, и уровень его производительности на предприятии.

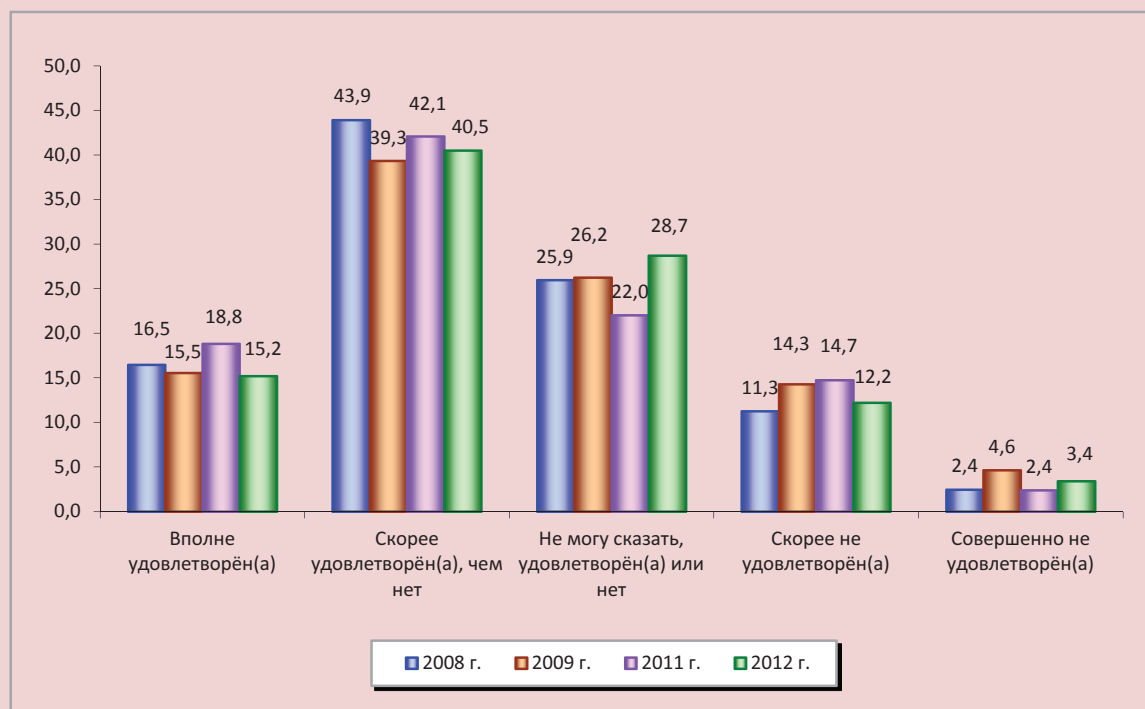
Таблица 6. Динамика ответов респондентов европейских стран и России на вопрос об удовлетворённости трудом и жизнью (по 11-балльной шкале, баллов)

Страна	Удовлетворённость работой		Удовлетворённость жизнью в целом		ВВП на час рабочего времени в 2012 г. (долл., ППС)
	2006 г.	2012 г.	2006 г.	2012 г.	
Дания	7,82	8,20	8,49	8,57	45,6
Норвегия	7,45	7,98	7,80	8,17	62,7
Швейцария	7,71	7,97	7,98	8,23	40,6
Финляндия	7,62	7,84	8,05	8,20	40,5
Швеция	7,40	7,80	7,93	7,97	44,3
Нидерланды	7,31	7,75	7,62	7,96	50,9
Бельгия	7,50	7,65	7,53	7,56	50,8
Германия	6,90	7,45	6,85	7,53	49,2
Испания	7,20	7,43	7,62	7,15	41,2
Великобритания	6,96	7,40	7,26	7,28	42,4
Польша	6,90	7,55	6,79	7,15	23,6
Эстония	6,92	7,16	6,47	6,36	22,3
Португалия	6,94	7,06	5,75	6,29	28,1
Россия	6,15	6,67	5,36	5,89	15,5

Примечание. Ранжировано по графе «Удовлетворённость работой в 2012 г.»
 Источники: данные мониторинга установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы (30 стран), European Social Survey, 2006–2012 гг.; База данных ОЭСР.

⁶ В рамках исследования удовлетворённость трудом оценивалась на основе вопроса: «Принимая во внимание все стороны Вашей работы, скажите, насколько Вы удовлетворены своей нынешней работой?» Ответы респондентов фиксировались с помощью 11-балльной шкалы, где 0 – совершенно неудовлетворён, а 11 – полностью удовлетворён.

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы условиями труда, в которых Вы работаете?» (в % от числа работающих)

Источник: здесь и далее – данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, ИСЭРТ РАН, 1997–2012 гг.

Судя по результатам мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, в 2012 году «вполне удовлетворены» условиями своего труда были только 15% работников, 40% – «скорее удовлетворены, чем нет», 12% – «скорее не удовлетворены», 3% – «совершенно не удовлетворены», 40% – «не могут сказать, удовлетворены или нет» (рис. 2).

В 2012 году, как и в 2008-м, наблюдается существенное преобладание положительных оценок условий труда – соответственно 56% против 16% отрицательных и 56% против 14%. То есть со времён кризиса удовлетворённость условиями труда не претерпела серьёзных изменений: доля положительных ответов осталась на прежнем уровне при сокращении доли отрицательных.

Социально-демографический срез показывает, что наиболее высокая удовлетворённость условиями труда отмечается у жителей Череповца. В гендерном плане группу наиболее лояльных работников составляет мужское население, по возрасту – лица моложе 35 лет, по образованию – работники с высшим и незаконченным высшим профессиональным образованием (табл. 7).

В исследовании оценка условий труда проводилась исходя из ответов на вопрос «Оцените условия, в которых Вы работаете...» по следующим направлениям: санитарно-гигиеническая и психологическая обстановка на рабочем месте, техническая оснащённость, безопасность. Ответы фиксировались с помощью 5-балльной шкалы, где 1 балл означает, что условия очень

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы условиями труда, в которых Вы работаете?» – в различных социально-демографических группах населения (в % от числа работающих)

Критерий	Группа	Варианты ответа					
		Вполне удовлетворён(а) и скорее удовлетворён(а), чем нет		Не могу сказать, удовлетворён(а) или нет		Скорее не удовлетворён(а) и совершенно не удовлетворён(а)	
		2008	2012	2008	2012	2008	2012
Территория	Вологда	57,6	56,2	29,5	29,7	12,9	14,1
	Череповец	67,4	58,8	18,8	22,5	13,9	18,6
	Районы	58,5	53,8	27,5	31,3	14,0	14,9
Пол	Мужчины	59,3	58,5	27,9	28,4	12,8	13,1
	Женщины	61,5	53,1	23,8	28,9	14,7	18,1
Возраст	До 35 лет	56,9	56,1	28,0	26,8	15,1	17,0
	Старше 35 лет	63,2	55,3	24,3	30,5	12,5	14,2
Образование	Ниже среднего и среднее	46,0	44,6	34,6	33,8	19,3	21,7
	Среднее специальное	64,0	57,3	20,4	30,6	15,6	12,1
	Высшее и н/высшее	68,0	62,1	24,1	23,7	7,8	14,1

Таблица 8. Распределение оценок работающего населения в отношении условий своего труда, %

Вариант ответа	Санитарно-гигиеническая обстановка			Психологическая обстановка			Техническая оснащённость			Безопасность		
	2008	2009	2011	2008	2009	2011	2008	2009	2011	2008	2009	2011
Хорошая и очень хорошая	48,2	46,0	50,5	48,8	49,7	45,3	50,0	49,3	46,8	49,0	48,1	44,6
Удовлетворительная	42,6	43,9	39,6	46,1	42,1	45,6	41,0	41,3	43,0	42,8	41,2	42,8
Плохая и очень плохая	9,2	10,2	9,9	5,0	8,2	9,1	9,1	9,3	10,2	8,1	10,7	12,7

плохие, а 5 – очень хорошие. В течение исследуемого периода (2008–2011 годы⁷) в ответах работающего населения Вологодской области преобладали положительные оценки условий труда, а доля отрицательных оценок в разные годы составляла от 5 до 13% (табл. 8).

Динамика оценок показывает, что удовлетворённость условиями труда зависит в первую очередь от санитарно-гигиенических условий на рабочем месте. Влияние остальных факторов менее значимо и находится примерно на одном уровне.

В 2011 году оценки снизились, что зафиксировано, за небольшим исключением, во всех социально-демографических группах (табл. 9). В наиболее хороших условиях, судя по оценкам населения,

работают жители города Вологды, по полу – женщины, по возрасту – лица младше 35 лет, по образованию – выпускники вузов. Заметим, что средние баллы в каждой социально-демографической группе превосходят середину 5-балльной шкалы, что свидетельствует о преобладании положительных оценок условий труда над отрицательными во всех группах.

Вместе с тем ненадлежащие условия труда входят в тройку наиболее значимых причин смены места работы (после низкой заработной платы и личных обстоятельств) [9, с. 120].

Результаты мониторинга качества трудового потенциала демонстрируют, что практически все качественные характеристики трудового потенциала реализуются наиболее полно в том случае, если работник удовлетворён условиями труда (табл. 10).

⁷ Этот вопрос в 2012 г. не задавался.

Таблица 9. Оценка условий своего труда различными социально-демографическими группами работающего населения, средний балл (5-балльная порядковая шкала)

Критерий	Группа	Санитарно-гигиеническая обстановка		Психологическая обстановка		Техническая оснащённость		Безопасность	
		2008	2011	2008	2011	2008	2011	2008	2011
Территория	Вологда	3,38	3,52	3,47	3,48	3,53	3,56	3,51	3,53
	Череповец	3,59	3,40	3,67	3,35	3,65	3,43	3,62	3,42
	Районы	3,47	3,61	3,46	3,42	3,35	3,40	3,41	3,28
Пол	Мужчины	3,40	3,47	3,47	3,42	3,42	3,45	3,43	3,32
	Женщины	3,55	3,60	3,57	3,41	3,53	3,45	3,55	3,43
Возраст	До 35 лет	3,48	3,56	3,50	3,42	3,50	3,49	3,49	3,36
	Старше 35 лет	3,47	3,51	3,53	3,41	3,45	3,41	3,48	3,39
Образование	Ниже среднего и среднее	3,21	3,35	3,34	3,28	3,25	3,35	3,24	3,18
	Среднее специальное	3,45	3,55	3,55	3,43	3,53	3,45	3,51	3,38
	Высшее и н/высшее	3,69	3,66	3,62	3,50	3,59	3,51	3,66	3,51

Таблица 10. Реализация компонентов трудового потенциала в сравнении с удовлетворённостью условиями труда в 2012 г. (в % от числа работающих)

Качественные характеристики трудового потенциала	Вполне удовлетворён(а) и скорее удовлетворен(а), чем нет	Не могу сказать, удовлетворён(а) или нет	Скорее не удовлетворён(а) и совершенно не удовлетворён(а)
Физическое здоровье	80,7	78,9	82,0
Психическое здоровье	83,0	75,9	79,8
Когнитивный потенциал	82,4	73,6	71,9
Творческий потенциал	73,9	65,2	61,2
Коммуникабельность	85,3	77,8	80,5
Культурный уровень	83,2	75,8	75,8
Нравственный уровень	82,9	75,4	77,8
Потребность в достижении	75,2	67,7	74,1

Исключение составляет лишь такой компонент, как физическое здоровье, что обусловлено совокупным влиянием тяжести труда на функциональные системы организма человека. Данные опросов свидетельствуют, что наиболее полная реализация интеллектуальных качеств личности (показатели творческого и когнитивного потенциалов) и социальных притязаний работника возможна только в благоприятной рабочей среде.

По оценкам респондентов, работа по специальности, полученной в учреждении профессионального образования, обеспечивает большую удовлетворённость трудом (эта категория людей больше в полтора раза по сравнению с теми, кто работает не по специальности).

В ряде зарубежных исследований отмечается, что удовлетворённость (неудовлетворённость) условиями труда оказывает значительное влияние на качество жизни работающего населения, что главным образом отражается на его удовлетворённости повседневной жизнью [24, 25]. Проведённый нами корреляционный анализ подтвердил наличие устойчивой связи между данными показателями (известно, что чем ближе значение коэффициента корреляции к единице, тем сильнее связь между двумя случайными величинами). Из представленных в *таблице 11* данных видно, что у людей, удовлетворённых жизнью в целом, наблюдается и высокая степень удовлетворённости трудом, причем значение коэффициента корреляции между

Таблица 11. Связь между удовлетворённостью условиями труда и жизнью в целом (коэффициент корреляции)

Компонент	Удовлетворённость условиями труда			Удовлетворённость трудом		
	2008 г.	2009 г.	2011 г.	2008 г.	2009 г.	2011 г.
Удовлетворённость жизнью	0,588	0,491	0,516	0,591	0,652	0,622
Источник: расчёты авторов.						

этим показателями увеличивается (с 0,591 в 2008 г. до 0,622 ед. в 2011 г.). Несколько другую картину можно наблюдать в отношении зависимости показателей «удовлетворённость жизнью» и «удовлетворённость условиями труда»: значение коэффициента корреляции ниже, чем в предыдущем случае, но связь между данными показателями также является значимой.

Следовательно, позитивное восприятие работником условий труда и работы в целом влечёт за собой положительные изменения в его оценках собственной жизни.

Таким образом, проведённый анализ показывает важность роли условий труда в жизни работника. Совершенно точно, что высококвалифицированный труд возможен только тогда, когда работник удовлетворён окружающей его рабочей средой – санитарно-гигиенической и психологической обстановкой, технической оснащённостью и безопасностью. В исследованиях крупного американского социального психолога Ф. Герцберга [26] было установлено, что условия труда, сами по себе, не являются мотивационным фактором (наряду с заработной платой, отношением с коллективом, политикой компании и т.д.), а служат средством избегания неудовлетворенности (гигиенические факторы). Поэтому улучшение качества рабочих мест входит в число первоочередных задач по увеличению трудового вклада работников.

В развитых странах сложилась такая ситуация, когда получаемое от работы удовольствие выступает одним из основных

побудителей к эффективному труду, опережая карьерный рост и высокую заработную плату. Во многом это связано с присутствием на зарубежных рынках труда большого количества высококвалифицированных рабочих мест, которые обеспечивают достойное вознаграждение. В экономике России, несмотря на все попытки государства воздействовать на качество рабочих мест, труд до сих пор преимущественно носит рутинный характер и является низкопроизводительным.

В современной экономике возрастает значимость человеческого потенциала, в то же время усиливается внимание к социальным факторам производства. Растёт понимание того, что человек представляет не только цель, но и условие социально-экономического развития. Тенденции развития экономики, происходящие в ней структурные изменения повышают требования к качеству рабочей силы, а также роль работника, квалификация и навыки которого должны соответствовать международным стандартам. Но в связи с этим возникает необходимость применения иного подхода к удовлетворению социальных потребностей человека труда. В этом ряду особое место занимает охрана здоровья, что определяется социальными (качество жизни) и экономическими (производительность) соображениями [22].

В последние десятилетия в качестве показателя «качества трудовой жизни», позволяющего по-новому взглянуть на проблему условий труда, экономистами принимается такое понятие, как «достойный труд» [15; 16].

В «Концепции достойного труда», разработанной Международной организацией труда (МОТ), обеспечение безопасности рабочего места и высокая производительность труда определены как важнейшие компоненты социально-трудовой сферы.

Современные реалии диктуют необходимость учёта фактора удовлетворённости трудом (в узком понимании – условиями труда) при формировании стратегии и тактики социально-экономической политики.

Тесная связь между состоянием здоровья работающих и условиями труда подразумевает вовлечение работодателей в дело обеспечения здоровья трудящихся. Охрана здоровья работников является одним из вариантов социальной ответственности государства и работодателей в контексте социальной политики. Обеспечение безопасных условий труда и предотвращение травматизма на производстве требует безусловного выполнения своих обязанностей работодателями, которые должны осуществлять максимально жесткий контроль мероприятий по охране труда. Требуется создание условий, при которых работодатели следовали бы определённым социальным нормам, установленным как на национальном, так и на международном уровне, что, в свою очередь, требует выработки новых подходов к социальной политике. Здесь, на наш взгляд, очень важна роль международных организаций и соглашений, прежде всего МОТ, так как в рамках своей компетенции они закрепляют

на международном уровне социальные и трудовые нормы и стандарты и тем самым способствуют обеспечению устойчивого развития. В этой связи следует добиваться эффективной отдачи от мер экономического стимулирования работодателей к улучшению условий труда за счёт оптимизации Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев и профзаболеваний» с учетом условий конкретных производств [6].

Изучение удовлетворённости работающего населения трудом необходимо на уровне государства для формирования взвешенной политики занятости и социальной защиты и на уровне отдельных предприятий для формирования программ привлечения, отбора, удержания и мотивации работников, влияния на их лояльность.

В перечне предельно критических значений показателей [4] социально-экономического развития в качестве оценочных выступают такие индикаторы, как уровень удовлетворённости медицинским обслуживанием или уровень удовлетворённости получаемым образованием. Считаем целесообразным расширить этот перечень и оценками удовлетворённости работающего населения условиями труда, установив предельно критическое значение (на уровне оценок развитых стран) 7–8 баллов, введя его в качестве целевого ориентира в стратегические программы развития территорий, что в конечном счете позволит повысить эффективность государственного управления.

Литература

1. Анкудинов, А.Б. Удовлетворенность работой и ее детерминанты: результаты статистического моделирования на панельных данных [Текст] / А.Б. Анкудинов, М.Н. Беляева, О.В. Лебедев // Социологические исследования. – 2013. – № 11. – С. 75-83.
2. Веселкова, И.Н. Здоровье и трудовой потенциал населения России [Текст] / И.Н. Веселкова // Политика народонаселения: настоящее и будущее : Четвертые Валентеевские чтения : сб. докладов / под ред. В.В. Елизарова, В.Н. Архангельского. – М. : МАКС Пресс, 2005. – С. 154-159.
3. Высокопроизводительные рабочие места в регионах России [Текст] : аналитическая записка / Торгово-промышленная палата Российской Федерации; Рейтинговое агентство «Эксперт». – М. : ТПП-Информ, 2013. – 27 с.

4. Глазьев, С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием [Текст] / С.Ю. Глазьев, В.В. Локосов // Вестник РАН. — 2012. — № 7. — С. 587-604.
5. Ильясов, Ф.Н. Удовлетворённость трудом (анализ структуры, измерение, связь с производственным поведением) [Текст] / Ф.Н. Ильясов ; под ред. В.Г. Андреевкова. — Ашхабад : Ылым (Наука), 1988. — 100 с.
6. Куликова, М.А. Условия труда и влияние их на качество жизни [Текст] / М.А. Куликова // Социально-экономические явления и процессы. — 2009. — № 2. — С. 75-78.
7. Леонидова, Г.В. Трудовой потенциал региона [Текст] : заключительный отчет о НИР / Г.В. Леонидова, Е.А. Чекмарева. — Вологда, 2009. — 117 с.
8. Монусова, Г.А. Удовлетворённость трудом: межстрановые сопоставления [Текст] / Г.А. Монусова // Мировая экономика и международные отношения. — 2008. — № 12. — С. 74-83.
9. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования [Текст] / колл. авторов ; под ред. А.А. Шабуновой. — Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. — 184 с.
10. Путин, В.В. Выступление и ответы на вопросы на инвестиционном форуме «Россия зовёт!» [Электронный ресурс] : 2 октября 2013 года. — Режим доступа : <http://pda.kremlin.ru/news/19351>
11. Путин, В.В. Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12.12.2013 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://kremlin.ru/transcripts/17118>
12. Расширенное заседание коллегии Минтруда России «Об итогах работы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в 2012 году и задачах на 2013 год» от 12 апреля 2013 г. — Режим доступа: www.gosmintrud.ru
13. Римашевская, Н.М. Пути повышения качества трудового потенциала в современной России [Текст] / Н.М. Римашевская // Народонаселение. — 2011. — № 1. — С. 25-37.
14. Рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/
15. Санкова, Л.В. Достойный труд как новое измерение качества трудовой жизни: региональный аспект [Текст] / Л.В. Санкова, Е.А. Павлова, А.С. Есипов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2012. — № 1. — С. 105-110.
16. Сомавиа, Х. Труд как средство борьбы с бедностью [Текст] / Х. Сомавиа // Человек и труд. — 2003. — № 7. — С. 16-17.
17. Состояние условий и охраны труда в Вологодской области [Электронный ресурс] : региональный обзор. — Режим доступа : http://www.depzan.info/Regionaln_obzor.docx
18. Тихонова, Г.И. Производственный травматизм как проблема социально-трудовых отношений в России [Текст] / Г.И. Тихонова, А.Н. Чуранова, Т.Ю. Горчакова // Проблемы прогнозирования. — 2012. — № 3. — С. 103-117.
19. Удовлетворенность трудом и социальная удовлетворенность [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.center-yf.ru/data/stat/Udovletvorennost-trudom-i-socialnaya-udovletvorennost.php> (23.05.2014)
20. Харченко, К.В. Диагностика удовлетворенности трудом при регулировании социально-трудовых отношений [Текст] / К.В. Харченко // Социологические исследования. — 2009. — № 7. — С. 32-38.
21. Чем выше зарплата, тем больше инноваций, считают в Росстате [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://rbcdaily.ru/economy/562949989588992> (26.05.2014)
22. Чубарова, Т.В. Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство [Текст] : монография / Т.В. Чубарова ; Рос. акад. наук, Ин-т экономики. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 318 с.
23. Шабунова, А.А. Тенденции и перспективы демографического развития России и Вологодской области [Текст] / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, М.А. Ласточкина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2012. — № 5. — С. 143-153.
24. Delhey, J. Life satisfaction in the enlarged Europe [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.eurofound.europa.eu/pubdocs/2003/108/en/1/ef03108en.pdf
25. Drobnič, S. Good Job, Good Life? Working Conditions and Quality of Life in Europe [Text] / S. Drobnič, B. Beham, P. Präg // Social Indicators Research An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement. — 2010. — V. 99. — Pp. 205-225.
26. Herzberg, F. One more time: how do you motivate employees? [Text] / F. Herzberg // Harvard business review. — 1987. — V. 65. — Pp. 109-120.

Leonidova G.V, Popov A.V.

Labor satisfaction as an indicator of public administration efficiency (sociological analysis)

Galina Valentinovna Leonidova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Laboratory for the Studies of Labor Potential Development Issues, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, galinaleonidova@mail.ru)

Andrei Vasil'evich Popov – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, ai.popov@yahoo.com)

Abstract. Labor satisfaction is an indicator of social wellbeing of the working population. The study of subjective perceptions of labor is an important indicator of public administration efficiency.

The article contains the analysis of the population's satisfaction with labor, particularly, with one of its structural components – labor conditions. It reveals the high correlation of these indicators with the satisfaction with everyday life and labor productivity. It determines the degree of employees' satisfaction with working conditions in such areas as health and psychological atmosphere at the workplace, equipment capability and security. The study discloses employees' estimates in socio-demographic and territorial-dimensional aspects.

The research demonstrates the interrelation between satisfaction with working environment and implementation of labor potential. The analysis indicates the importance of regular sociological research into the issues of satisfaction with various aspects of labor activity.

The article indicates that for the country's development it is necessary to take into account the labor satisfaction factor (in the narrow sense – working conditions) while developing strategies and approaches for social-economic policy and defining the standards of social responsibility, primarily, of the state and employers.

Key words: labor conditions, injury, job satisfaction, labor productivity, labor potential, public administration efficiency, social policy.

References:

1. Ankudinov A.B., Belyaeva M.N., Lebedev O.V. Udovletvorennost' rabotoi i ee determinanty: rezul'taty statisticheskogo modelirovaniya na panel'nykh dannykh [Satisfaction with Work and its Determinants: Results of Statistical Modelling on Panel Data]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2013, no.11, pp. 75-83.
2. Veselkova I.N. Zdorov'e i trudovoi potentsial naseleniya Rossii [Health and Labor Potential of the Population of Russia]. *Politika narodonaseleniya: nastoyashchee i budushchee : Chetvertye Valenteevskie chteniya : sb. dokladov / pod red. V.V. Elizarova, V.N. Arkhangel'skogo* [Population Policy: the Present and the Future: Fourth Valentei Readings: Collection of Reports]. Ed. by V.V. Elizarov, V.N. Arkhangel'skii. Moscow: MAKS Press, 2005. Pp. 154-159.
3. *Vysokoproizvoditel'nye rabochie mesta v regionakh Rossii: analiticheskaya zapiska* [High-Performance Workplaces in the Regions of Russia: Executive Summary]. Torgovo-promyshlennaya palata Rossiiskoi Federatsii; Reitingovoe agentstvo "Ekspert" [The Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Rating Agency "Expert"]. Moscow: TPP-Inform, 2013. 27 p.
4. Glaz'ev S.Yu., Lokosov V.V. Otsenka predel'no kriticheskikh znachenii pokazatelei sostoyaniya rossii-skogo obshchestva i ikh ispol'zovanie v upravlenii sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem [Assessment of the Critical Values of Indicators of the Russian Society State and their Use in the Management of Socio-Economic Development]. *Vestnik RAN* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2012, no.7, pp. 587-604.
5. Il'yasov F.N. *Udovletvorennost' trudom (analiz struktury, izmerenie, svyaz' s proizvodstvennym povedeniem)* [Labor Satisfaction (Structure Analysis, Measurement, Connection with Production Behavior)]. Ed. by V.G. Andreenkov. Ashkhabad: Ylym (Nauka), 1988. 100 p.

6. Kulikova M. A. Usloviya truda i vliyanie ikh na kachestvo zhizni [Working Conditions and their Influence on Quality of Life]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Socio-Economic Phenomena and Processes], 2009, no.2, pp. 75-78.
7. Leonidova G.V., Chekmareva E.A. *Trudovoi potentsial regiona: zaklyuchitel'nyi otchet o NIR* [Labor Potential of the Region: Final Research Report]. Vologda, 2009. 117 p.
8. Monusova G.A. Udovletvorennost' trudom: mezhranovye sopostavleniya [Labor Satisfaction: Inter-Country Comparisons]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2008, no. 12, pp. 74-83.
9. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Chelovecheskii kapital territorii: problemy formirovaniya i ispol'zovaniya* [Problems of Efficiency of State Management. Human Capital of the Territory: Problems of Formation and Use]. Ed. by A.A. Shabunova. Vologda: ISERT RAN, 2013. 184 p.
10. Putin V.V. *Vystuplenie i otvety na voprosy na investitsionnom forume "Rossiya zovet": 2 oktyabrya 2013 goda* [Speech and Answers to the Questions at the Investment Forum "Russia Is Calling": October 2, 2013]. Available at: <http://pda.kremlin.ru/news/19351>
11. Putin V.V. *Ezhegodnoe Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal'nomu Sobraniyu 12.12.2013* [Annual Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly, December 12, 2013]. Available at: <http://kremlin.ru/transcripts/17118>
12. *Rasshirennoe zasedanie kollegii Mintruda Rossii "Ob itogakh raboty Ministerstva truda i sotsial'noi zashchity Rossiiskoi Federatsii v 2012 godu i zadachakh na 2013 god" ot 12 aprelya 2013 g.* [Enlarged Meeting of Collegium of the Ministry of Labor "On the Results of Work of the Ministry of labor and Social Protection of the Russian Federation in 2012 and Tasks for 2013 of April 12, 2013]. Available at: www.rosmintrud.ru
13. Rimashevskaya N.M. Puti povysheniya kachestva trudovogo potentsiala v sovremennoi Rossii [Ways of Increasing the Quality of Labor Potential in Modern Russia]. *Narodonaselenie* [Population], 2011, no.1, pp. 25-37.
14. *Rynok truda, zanyatost' i zarabotnaya plata* [Labour Market, Employment and Wages]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/
15. Sankova L.V., Pavlova E.A., Esipov A.S. Dostoinyi trud kak novoe izmerenie kachestva trudovoi zhizni: regional'nyi aspekt [Decent Labor as a New Dimension of the Quality of Working Life: Regional Aspect]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2012, no.1, pp. 105-110.
16. Somavia Kh. Trud kak sredstvo bor'by s bednost'yu [Labor as Means of Fighting Poverty]. *Chelovek i trud* [Man and Labor], 2003, no.7, pp. 16-17.
17. *Sostoyanie uslovii i okhrany truda v Vologodskoi oblasti: regional'nyi obzor* [State of Conditions and Labor Protection in the Vologda Oblast: Regional Overview]. Available at: http://www.depzan.info/Regionaln_obzor.docx
18. Tikhonova G.I., Churanova A.N., Gorchakova T.Yu. Proizvodstvennyi travmatizm kak problema sotsial'no-trudovykh otnoshenii v Rossii [Work Accidents as a Problem of Socio-Labor Relations in Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Forecast Issues], 2012, no.3, pp. 103-117.
19. *Udovletvorennost' trudom i sotsial'naya udovletvorennost'* [Labor Satisfaction and Social Satisfaction]. Available at: <http://www.center-yf.ru/data/stat/Udovletvorennost-trudom-i-socialnaya-udovletvorennost.php> (23.05.2014)
20. Kharchenko K.V. Diagnostika udovletvorennosti trudom pri regulirovanii sotsial'no-trudovykh otnoshenii [Diagnostic of Labor Satisfaction while Regulating Socio-Labor Relations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2009, no.7, pp. 32-38.
21. *Chem vyshe zarplata, tem bol'she innovatsii, schitayut v Rosstate* [According to the Rosstat, the Higher the Salary is, the more Innovation is]. Available at: <http://rbcdaily.ru/economy/562949989588992> (26.05.2014)
22. Chubarova T.V. *Sotsial'naya otvetstvennost' v rynochnoi ekonomike: rabotnik, biznes, gosudarstvo: monografiya* [Social Responsibility in the Market Economy: Employee, Business, State: Monograph]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011. 318 p.
23. Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Lastochkina M.A. Tendentsii i perspektivy demograficheskogo razvitiya Rossii i Vologodskoi oblasti [Demographic Evolution Trends and Prospects in Russia and the Vologda Oblast]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2012, no.5, pp. 143-153.
24. Delhey J. *Life Satisfaction in the Enlarged Europe*. Available at: www.eurofound.europa.eu/pubdocs/2003/108/en/1/ef03108en.pdf
25. Drobnič S., Beham B., Präg P. Good Job, Good Life? Working Conditions and Quality of Life in Europe. Social Indicators Research. *An International and Interdisciplinary Journal for Quality-of-Life Measurement*, 2010, vol. 99, pp. 205-225.
26. Herzberg F. One more time: how do you motivate employees? *Harvard Business Review*, 1987, vol. 65, pp. 109-120.

Особенности внешней миграции населения в Псковскую область

**Павел Владимирович
ВАСИЛЕНКО**

аспирант, Псковский государственный университет (180000, Россия,
г. Псков, ул. Советская, д. 21, spitfire7-11@mail.ru)

Аннотация. Миграция населения рассматривается современными исследователями как средство, позволяющее перераспределять важнейший на сегодняшний день ресурс — человеческий капитал. При этом особый интерес для изучения представляют периферийные регионы страны, в том числе имеющие приграничный статус, где влияние миграционных процессов на структуру населения наиболее заметно. Псковская область в настоящее время является лидером по депопуляции в России. Естественная убыль населения региона лишь отчасти компенсируется за счет миграции. В этой связи возрастает роль миграций в решении демографических проблем регионального развития. В статье представлен анализ миграционных процессов Псковской области в постсоветский период, основанный на обработке статистических данных. Автором предпринимается попытка объяснить основные тенденции в миграционных процессах в рамках Псковской области за последние 20 лет. Информационную базу исследования составили материалы Псковстата. Результаты исследования могут быть использованы при выработке и корректировке концепции демографического развития региона.

Ключевые слова: Псковская область, демографический кризис, депопуляция, миграция, внешняя миграция, миграционный баланс, миграционный прирост, СНГ.

Численность населения на территории Псковской области неуклонно уменьшается с момента обретения ею современных границ (1957 г.). На четверть века раньше, чем в среднем по России, в регионе зафиксировано превышение показателей смертности над рождаемостью [5].

В течение двух последних десятилетий Псковская область держит беспорное лидерство в стране по показателям смертности и естественной убыли населения [7]. Согласно пессимистическому прогнозному сценарию, при сохранении наметившихся в конце XX — начале XXI в. темпов депо-

пуляции, население в Псковской области с современных 661,5 тыс. чел. (2013 г.) может уменьшиться через двадцать лет на 150 тыс. чел. [4], то есть почти на четверть. Население Псковской области составляет 1/215 (или 0,46%) населения страны, при этом показатели плотности выше среднероссийских (2012 г.). В рейтинге регионов по количеству населения за последние 20 лет область потеряла три позиции, заняв 66 место в 2012 г. В период с 1990 г. доля региона в населении России уменьшилась с 1/175 до 1/215. Долевая интерпретация данных применяется автором с целью объективной, пропорциональной оценки параметров и определения степени достаточности, в частности, показателей внешней миграции.

В демографической структуре доля лиц старше трудоспособного возраста составляет более четверти населения региона (около трети в сельской местности) и продолжает расти, что влияет на увеличение смертности. Наряду с высокой смертностью среди лиц трудоспособного возраста и низкой рождаемостью это формирует естественную убыль населения. Доля миграции в структуре прироста (убыли) населения региона растет.

В настоящее время миграционный отток в столичные регионы компенсируется притоком мигрантов из зарубежных стран, вследствие чего миграционный баланс области приближается к нулю. С 1990 г. отрицательное сальдо наблюдалось по итогам семи лет (2001 г., 2005–2010 гг.), а суммарное сальдо составило +56,9 тыс. чел., которое, тем не менее, не смогло перекрыть естественной убыли населения. Максимальные значения прибытия наблюдались в периоды с 1990 по 1996 г. и с 2011 по 2012 г., при этом максимальное за весь период сальдо принадлежит первому интервалу. Это связано с вынужденными миграциями первой половины 1990-х гг.

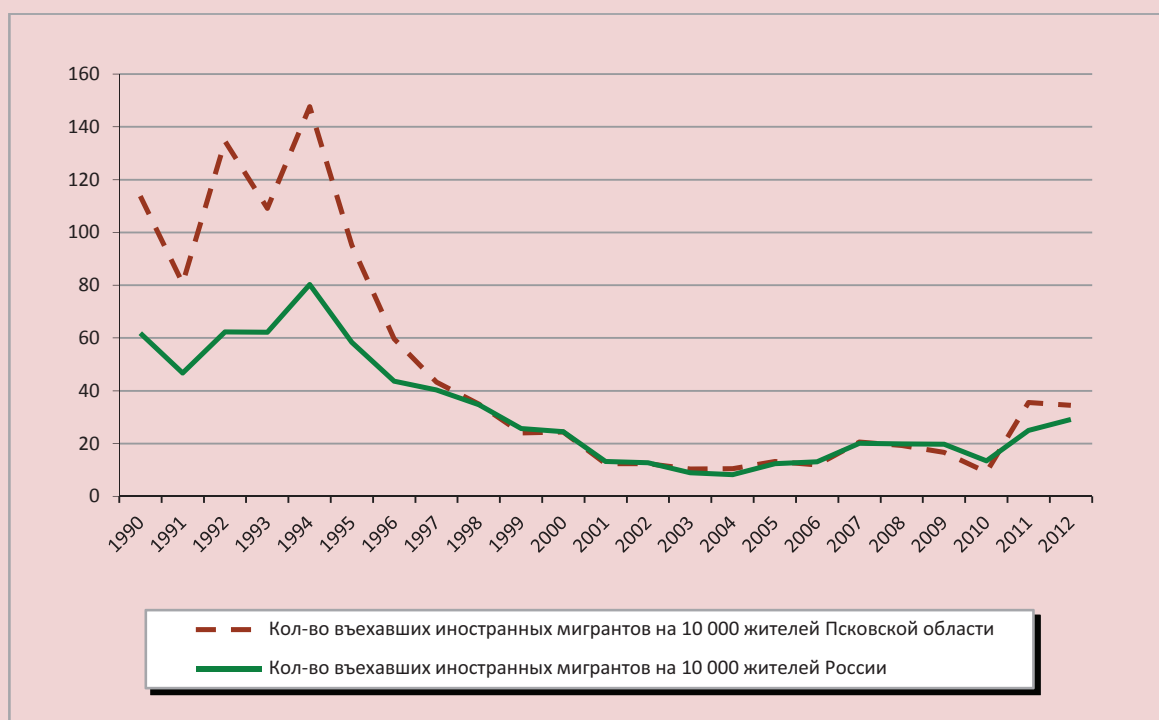
преимущественно из республик бывшего СССР (в дальнейшем — стран Балтии и СНГ). Особенно следует отметить пиковый 1994 год, когда общее миграционное сальдо фактически совпадало с количеством въехавших в том году зарубежных мигрантов.

Среди субъектов Российской Федерации регион занимает 53 место по общему количеству мигрантов, въехавших из-за рубежа за последние 20 лет. В этот период мигранты из стран СНГ, Балтии и Грузии составляли в среднем 95% миграционного потока в Россию. Пограничные с Псковской областью страны Балтии и Белоруссия способны отдавать гораздо меньше мигрантов, чем Казахстан и государства Средней Азии, сформировавшие миграционный прирост населения Поволжья и казахстанского пограничья. К тому же для стран Балтии, состоящих в Евросоюзе, «западный дрейф» актуален, как и для всего постсоветского пространства, поэтому центр притяжения для них находится в противоположной от России стороне. Если выстраивать ряд по тому же показателю, но среди регионов, граничащих на суше с другими странами, то Псковская область будет занимать 23 место из 38-ми, что пропорционально общему рейтингу. Если рассматривать регион с точки зрения не положения, способного обеспечить миграционное притяжение, а численности населения, то здесь регион уступает 65-ти субъектам из 83-х.

Так как численность населения Псковской области в абсолютном выражении последние полвека стремительно уменьшается, лучше использовать для анализа относительный показатель численности зарубежных мигрантов на 10 000 чел. населения области в год (*рис. 1*).

В пиковый 1994 год по этому показателю Псковская область занимала 11 место (с показателем 148 чел./10 000 жит.) после

Рисунок 1. Количество въехавших иностранных мигрантов на 10 000 жителей

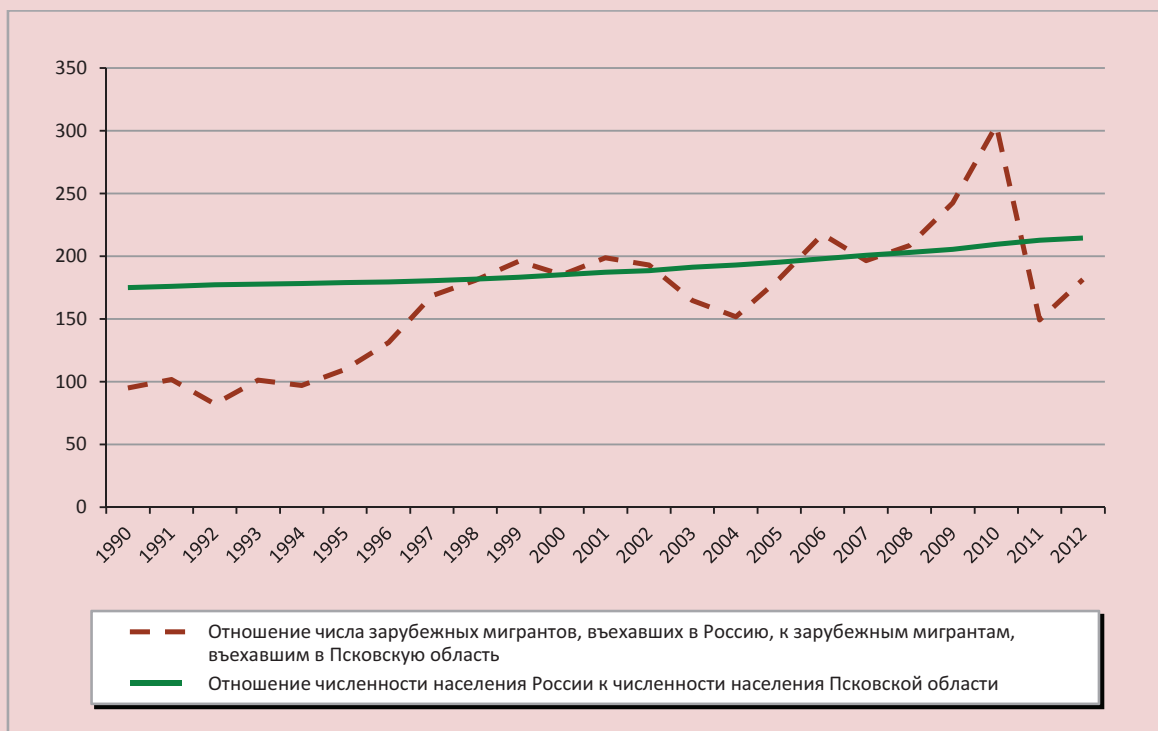
Источник: данные Псковстата.

Магаданской и Смоленской областей, но перед Поволжьем и столичными регионами; среди приграничных регионов — 5 место, опережая Курскую и Воронежскую области, но уступая Калининградской и Белгородской. К 2003 г. Псковская область опустилась на 28 место (15 место среди приграничных регионов), все так же уступая Белгородской и Калининградской областям. В 2011–2012 гг. регион уверенно вошел в третий десяток по количеству зарубежных мигрантов на 10 000 жит. (9 и 12 место среди приграничных регионов соответственно), чем обязан не только незначительному увеличению количества мигрантов, но и уменьшению населения. Средняя величина показателя с 1993 по 2012 г. составляет в Псковской области 38 чел./10 000 жит., и она занимает 22 место в общем рейтинге и 12 место в рейтинге приграничных регионов.

На *рисунке 2* представлен график, на котором отражены две функции: отношение числа зарубежных мигрантов, въехавших в Россию, к числу въехавших в Псковскую область и отношение численности населения России к числу жителей Псковской области.

К примеру, в 2000 г. Псковскую область, население которой составляет 1/185 долю населения России, выбрала 1/185 доля в общем числе всех въехавших иностранных мигрантов. Приблизительно схожие значения были в 1998 и 2007 гг. — 1/182 и 1/181, 1/201 и 1/197 соответственно. Максимальные значения соотношения показателей наблюдались в период до 1994 года — пикового для внешней миграции в Россию. К этому периоду сохранялась тенденция возвращения русскоязычного населения из бывших советских республик в Россию, начавшаяся задолго до распада

Рисунок 2. Отношение числа зарубежных мигрантов, въехавших в Россию, к числу въехавших в Псковскую область и отношение численности населения России к числу жителей Псковской области

Источник: данные Псковстата.

СССР. Абсолютный максимум за 23 года наблюдался в 1992 г. (1/83), сразу же после распада Советского Союза. Тогда сказалось приграничное положение Псковской области, в которой обосновалось относительно большее число мигрантов. Соотношение показателей выравнивалось к 1998 г., когда вынужденные миграции заметно сократились. Далее происходило колебание показателя в коридоре от 1/152 в 2004 г., что выше соотношения численности населения Псковской области и России в этом году, до абсолютного минимума 1/304 в посткризисном 2010 году, что соответствовало минимуму въехавших в Россию и, по всей видимости, усилению роли экономических факторов.

Таким образом, доля мигрантов в общем числе всех внешних мигрантов России, выбравших Псковскую область, с 1990 г. изменялась от 1/83 до 1/304, а доля региона в общем населении страны, как уже отмечалось, уменьшилась с 1/175 до 1/215. При этом, как видно из графика, линии тренда показателей сонаправлены, а график доли въехавших на территорию Псковской области в общем числе всех въехавших в страну колеблется вокруг функции населения.

В целом, если принимать во внимание структуру потока, то он соответствует гравитационному закону миграции, согласно которому интенсивность миграционного потока прямо пропорциональна разнице в количестве населения точек прибытия

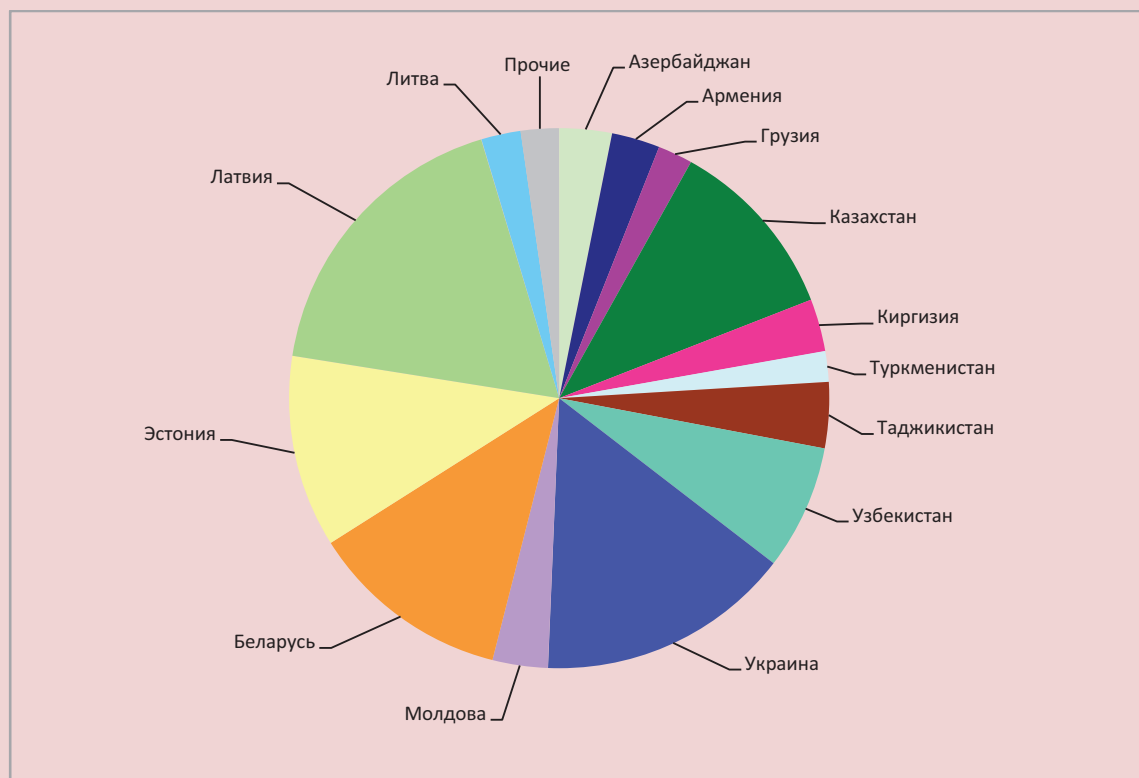
и выбытия и обратно пропорциональна расстоянию между ними [2]. Несмотря на то что изобретение и широкое применение гравитационного закона миграции относится к середине XX в., модель используется при анализе современных миграционных процессов [1, 8]. В 1990-х годах, оказавшись в непосредственной близости от стран-доноров, Псковская область приняла больше мигрантов (сказалось малое расстояние). Затем поток из западных соседних стран уравнился с потоком из государств Средней Азии и на долю региона выпала своя «квота», соответствовавшая численности населения области.

В последние годы, когда среднеазиатские мигранты начинают преобладать, вновь сказывается расстояние (значительная удаленность Псковской области от

места выбытия), в результате регион недополучает мигрантов (хотя здесь вмешиваются экономические факторы и новые особенности миграционного учёта, вследствие чего ситуация не выглядит так однозначно).

Рассмотрим структуру зарубежной миграции Псковской области в период 1990–2011 гг. по странам выбытия (рис. 3). Доля государств СНГ, Балтии, а также Грузии в этой структуре за исследуемый период в среднем составила 97,7%. Разделим эти государства на 4 группы: страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония), Белоруссия, Молдова и Украина, государства Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия) и страны Средней Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

Рисунок 3. Суммарная структура зарубежной миграции Псковской области в 1990–2011 гг. по странам выбытия

Источник: данные Псковстата.

Около трети въехавших мигрантов (32,4%) прибыли из стран Балтии, эта группа государств занимает первое место среди стран-поставщиков мигрантов в Псковскую область с 1990 г. Такой показатель обусловлен высокой долей приезжих из Латвии (18,3%) и Эстонии (11,8%) вследствие массовых миграций первой половины 1990-х гг., когда начался выезд русскоязычного населения из стран Балтии. Доля Литвы незначительна (2,4%). Псковская область имеет общую границу с Эстонией, при этом исторически регион тесно взаимосвязан со своими западными соседями не только общей границей, но и населением. Русскоязычное население в странах Балтии продолжает оставаться многочисленным – это 29,5% населения Латвии, 25,5% населения Эстонии и 5,8% населения Литвы, судя по данным переписей 2011 г.

Кроме того, русскоязычная диаспора в Латвии является самой большой по числу русских на одного её жителя. Каждый третий житель приграничных районов Псковской области имеет родственников по другую сторону границы, то есть в Эстонии и Латвии [6].

Несмотря на тесное взаимоотношение и высокий потенциал диаспоры, массовая миграция из стран Балтии прекратилась во второй половине 1990-х гг. С одной стороны, общий пик миграции русскоязычного населения в Россию к этому времени прошел, и это соответствовало общей тенденции (все, кто хотел уехать сразу, – уехали). С другой стороны, в конце 1995 г. страны Балтии подали заявки на вступление в Евросоюз, и для жителей Эстонии, Латвии и Литвы обозначились новые перспективы. Начало нарастать социально-экономическое неравенство. Вследствие уменьшения количества потенциальных мигрантов миграционный поток истощился.

Для Эстонии и Латвии в эту категорию входили прежде всего лица без гражданства, количество которых значительно уменьшилось, а многие из них вошли в предпенсионный и пенсионный возраст, когда сокращается вероятность миграции. Дети, рожденные после обретения республиками независимости, автоматически получали гражданство (отчасти закрепляя родителей на месте) и сейчас, являясь гражданами ЕС, не связывают свое будущее с Россией. Для миграции из Латвии как в Псковскую область, так и в Россию в целом характерно снижение показателя в период с 2002 по 2008 г. Примечательно, что в Латвии в этот период существовал специальный орган – Секретариат Министра по особым поручениям по делам общественной интеграции. Он был призван вести диалог между правительством и этническими меньшинствами Латвии (в т.ч. русскими), бороться с дискриминацией, решать существующие проблемы, способствовать созданию общества с единой системой ценностей и т.д. Деятельность секретариата подвергалась постоянной критике, и в 2008 г. он прекратил свое существование. После этого миграционный отток из Латвии в Псковскую область вновь увеличился. Стоит добавить, что программа по содействию добровольному переселению соотечественников распространяется и на жителей стран Балтии.

Доля мигрантов из стран Балтии, въехавших в Псковскую область, в численности въехавших в Россию высока – в среднем 1/27 за период 1993–2011 гг. Максимальные значения наблюдались до 1998 г. для Эстонии – тогда более 1/10 всех мигрантов из этой страны оседали в Псковской области. Схожие значения в этот период наблюдались для Латвии (около 1/10). В последующем имело место незначительное колебание показателя для обеих стран (до 1/20).

Доля мигрантов из Литвы, выбравших Псковскую область, была максимальной в 2007 г. — $1/28$ и минимальной в 2010 г. — $1/217$, со средним значением $1/57$. Для региона, где проживает $1/191$ населения России, это высокие показатели, обусловленные соседством с этими странами. Рассмотрим распределение среднего значения показателя количества въехавших из стран Балтии мигрантов на 10 тыс. населения по линии Псков — Москва, по мере удаления от границ. Наибольшее значение наблюдается в Псковской области — 11,6 чел./10 000 жит. Затем следуют Новгородская и Смоленская области — 4,6 и 3,1 чел./10 000 жит. соответственно. Интересно, что соотношение показателей этих областей пропорционально соотношению расстояния от Риги до Великого Новгорода и от Риги до Смоленска. Замыкают ряд Тверская область — 2,7 чел./10 000 жит. и Московская область вместе с Москвой, низкий показатель которых (0,6 чел./10 000 жит.) обеспечен не только удаленностью, но и большой численностью населения столичного региона. Таким образом, по мере отдаления российской территории от границ количество въехавших из стран Балтии на 10 тыс. населения уменьшается, то есть интенсивность миграции находится в прямой зависимости от расстояния. Общая же доля стран Балтии в структуре миграций в Псковскую область уменьшилась с 39% в 1994 г. до 17% в 2011 г.

Следующая группа стран — Белоруссия, Украина и Молдова, в 1990–2011 гг. обеспечившие 31,3% зарубежных мигрантов Псковской области. Доля приезжих из Украины за период составила 15,6%, Белоруссии — 12,3%, Молдовы — 3,4%. Динамика миграций этой группы отличается от динамики миграций группы стран Балтии. Пик приходился на 1990 год, затем, к 1992 г., наблюдалось резкое снижение (можно предположить, что потенциальные

мигранты раздумывали, переезжать им или оставаться). К знаковому 1994 году произошел новый рост. Общее количество мигрантов до 1996 г. уступало числу приехавших из стран Балтии, а в 1994 г. и из Средней Азии. Однако падение общего числа мигрантов во второй половине 1990-х гг. не оказалось таким стремительным, как для стран Балтии: с 1998 г. в Псковскую область стабильно приезжало в среднем 450 чел. в год из Белоруссии, Украины и Молдовы против 180 чел. в год из Эстонии, Латвии и Литвы.

В отличие от стран Балтии, Белоруссия, Украина и Молдова имеют более многочисленные русские диаспоры. Самая большая из них расположена в Украине (более 8 млн. чел. согласно переписи 2001 г.); количество русских в Белоруссии также велико (7,9 млн. по переписи 2009 г.), в Молдавии проживают около 200 тыс. русских (по данным переписи 2004 г.). Несмотря на то что численность русских диаспор постсоветских Литвы и Молдовы сопоставимы, численность мигрантов, въехавших в Россию из этих стран, исчисляется сотнями из Литвы и тысячами из Молдовы. Доля мигрантов из Белоруссии, Украины и Молдовы, выбравших Псковскую область, в общем количестве мигрантов из этих трех стран, выбравших Россию за период 1993–2011 гг., невысока — $1/133$. Однако внутри этой группы существуют различия: для Белоруссии, имеющей общую границу с Псковской областью, этот показатель равен $1/48$. Для Украины этот показатель составляет $1/225$, свидетельствуя, что Псковская область в целом оказалась менее привлекательной, чем «средний» регион России, хотя и имеют место колебания соотношения. Доля въехавших в Псковскую область в общем числе всех въехавших в Россию из Молдовы за период 1993–2011 гг. в среднем равна $1/126$, причем периоды роста показателя плавно сменяются периодами снижения. В свете

политических событий в Украине в конце 2013 – начале 2014 г. и ожидаемого увеличения миграционного потока возрастает роль этой страны в качестве миграционного донора России, в том числе и Псковской области, расположенной на западных рубежах.

Рассмотрим распределение среднего значения показателя количества мигрантов, въехавших из Белоруссии, Украины и Молдовы, на 10 тыс. населения по линии Брянск – Санкт-Петербург. Здесь показатель также плавно убывает от Брянской области (17,5 чел./10 000 жит.), зажатой между Белоруссией и Украиной, через приграничные Смоленскую (15,2) и Псковскую (11,2) области к относительно удаленной Новгородской области (9,7) и многонаселенному Санкт-Петербургу (вместе с Ленинградской областью – 7,7 чел./10 000 жит.).

Третья по численности группа стран-поставщиков мигрантов для Псковской области – государства Средней Азии. Жители Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана обеспечили 28% зарубежной иммиграции в период с 1990 по 2011 г. Динамика миграций в Псковскую область из стран Средней Азии более стабильна, чем динамика двух предыдущих групп стран – разница между минимумом и максимумом мигрантов за исследуемый период составляет 3233 чел., тогда как для стран Балтии – 5818 чел., а для Белоруссии, Украины и Молдовы – 4468 чел.

Наблюдается традиционный пик в 1994 г., а затем локальные максимумы в общей динамике, когда мигранты «доезжают» из довольно отдаленных от Псковской области республик. В общей структуре стран-поставщиков мигрантов республики Средней Азии являются явно преобладающими в 1998, 2001, 2004 гг., а также начиная с 2009 г.

Среди группы среднеазиатских стран можно выделить Казахстан и Узбекистан, лидирующие по численности населения в своем регионе и обеспечившие соответственно 11 и 8% всей зарубежной миграции в Псковскую область за период с 1990 по 2011 г. Однако уже с 2006 г. количество мигрантов из менее благополучного Узбекистана начинает преобладать.

За 1990–2011 гг. из Средней Азии в Псковскую область приехало 22 910 чел., в среднем 208 чел. в год из каждой из пяти республик. Русскоязычные диаспоры Средней Азии многочисленны, на фоне других выделяются Казахстан с 23% русских (около 4 млн. чел.) и Узбекистан (около 1 млн. чел.). Отток населения из республик Средней Азии начался еще в 1970-е гг., с этническими конфликтами 80–90-х гг. XX в. и распадом СССР он усилился. В настоящее время политика коренизации кадров, «национализации» образования и усиления роли национальных языков заставляет русскоязычное население покидать Среднюю Азию. Таким образом, миграционный потенциал республик остается большим. Согласно прогнозу М.Б. Денисенко и Н.В. Мкртчяна [3], в период до 2030 г. в Россию выедет половина оставшегося русскоязычного населения Средней Азии, то есть около 2,5 млн. чел. (125 тыс. в год). При сохранении тенденции последних 5 лет это будет около 350 чел. для Псковской области в год.

Доля среднеазиатских мигрантов, приехавших в Псковскую область, от всего количества среднеазиатских мигрантов в Россию за период 1993–2011 гг. невелика – 1/264. Наиболее безразличны к Псковской области бывшие жители Казахстана (1/378) и Узбекистана (1/269). Однако были и локальные максимумы – в 1994 г. регион выбрали 1/71 и 1/91 всех мигрантов Таджикистана и Туркменистана. После начала работы государственной программы

по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, количество мигрантов из Средней Азии увеличилось на порядок больше, чем мигрантов из остальных стран. Несмотря на удаленность республик от Псковской области и наличие прибалтийских русскоязычных диаспор с большим потенциалом, в скором времени это может вывести среднеазиатские страны на первое место среди поставщиков мигрантов в Псковскую область.

Рассмотрим распределение среднего значения показателя количества въехавших из стран Средней Азии мигрантов на 10 тыс. населения по линии Оренбург–Псков. Динамика здесь не такая однозначная, как у предыдущих двух групп стран. Однако если не принимать в расчет Москву и Московскую область, Мордовию и Рязанскую область, можно сказать, что показатель убывает от Оренбурга, Самары и Ульяновска к Твери и Пскову.

Последняя группа постсоветских стран, оказывающих влияние на миграционную картину Псковской области, – республики Закавказья. Их доля в общем количестве въехавших в период 1990–2011 гг. зарубежных граждан невелика – 8,3% (6789 чел.). В динамике въезда с 1990 г. после максимума 1994 г. следует продолжительный спад до роста в 2007 г., в преддверии экономического кризиса. Интересно, что количество мигрантов из других стран СНГ в эти годы не росло либо росло незначительно.

Русскоязычная диаспора Закавказья малочисленна, особенно после массовых миграций начала 1990-х гг. В миграционном движении участвуют не только русские, но и представители титульных наций – согласно переписи населения 2010 г. в России проживает около 2 млн. азербайджанцев, армян и грузин (в т.ч. около 4 тыс. на территории Псковской области), что предполагает контакт мощных зарубежных диа-

спор с родными странами. Однако Псковская область не является привлекательным регионом для мигрантов из Закавказья – в период с 1990 г. её выбрал только каждый четырехсотый приезжий из Азербайджана, Армении или Грузии.

Судя по распределению среднего значения показателя количества въехавших из стран Закавказья мигрантов на 10 тыс. населения по линии Северная Осетия – Псковская область, все переселенцы почти равномерно оседают по дороге, не добравшись до Псковской области.

В качестве вывода можно отметить, что, занимая приграничное положение, Псковская область привлекательна в миграционном плане. Общее миграционное сальдо за последние 20 лет является положительным. Зарубежная миграция представлена в основном выходцами из постсоветских республик, причем с 1990 г. в абсолютных показателях, почти в равной степени как из Балтии, Украины и Белоруссии, вследствие их территориальной близости, так и из Средней Азии и в несколько меньшей степени из Закавказья и Молдовы.

Согласно существующим тенденциям, в структуре внешней миграции в ближайшее время следует ожидать преобладание среднеазиатского направления и существенное уменьшение доли балтийского. В связи с политическими событиями в Украине и возможностью усиления миграционного потока в Россию необходимо на уровне местных властей принять меры по созданию ряда преимуществ с целью перераспределения части потока в пользу Псковской области. Во внешнемиграционной картине Псковской области можно также отметить следующую особенность: количество зарубежных мигрантов относительно пропорционально количеству населения региона и сонаправленно колеблется во времени вместе с ним. При этом прослеживается связь интенсив-

ности миграции и расстояния, что, вместе с предыдущим наблюдением, позволяет говорить о влиянии гравитационных сил на внешнемиграционную картину региона. При составлении миграционной концепции Псковской области рекомендуется обратить внимание на ожидаемое изме-

нение структуры её зарубежной миграции в связи с демографическими и политическими процессами в странах-поставщиках мигрантов. В решении демографических проблем Псковской области в целом особое внимание необходимо уделять привлечению и адаптации зарубежных мигрантов.

Литература

1. Василенко, П.В. Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской областей / П.В. Василенко // Псковский регионологический журнал. – Псков : Изд-во ПсковГУ, 2013. – № 15. – С. 83-90.
2. Власов, М.П. Моделирование экономических процессов / М.П. Власов, П.Д. Шимко. – Ростов н/Д. : Феникс, 2005. – 409 с.
3. Денисенко, М.Б. Миграционный потенциал Средней Азии [Электронный ресурс] / М.Б. Денисенко, Н.В. Мкртчян // Стратегия 2020. – 2011. – 14 июля. – Режим доступа: strategy2020.rian.ru/load/366063112
4. Евдокимов, С.И. Прогноз основных демографических показателей Псковской области на первую треть XXI века / С.И. Евдокимов // Псковский регионологический журнал. – Псков : Изд-во ПсковГУ, 2012. – № 14. – С. 67-74.
5. Кривуля, И.В. Депопуляционные процессы в Псковской области и ключевые направления демографической политики / И.В. Кривуля, А.Г. Манаков // Псковский регионологический журнал. – Псков : ПГПУ, 2005. – № 1. – С. 57-69.
6. Кувенева, Т.Н. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе / Т.Н. Кувенева, А.Г. Манаков // Социологические исследования («СОЦИС»). – 2003. – № 7. – С. 77-84.
7. Манаков, А.Г. Динамика численности, естественное и механическое движение населения Псковского региона (XVI – начало XXI в.) / А.Г. Манаков, С.И. Евдокимов // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Естественные и физико-математические науки». – № 1. – Псков : Изд-во ПсковГУ, 2012. – С. 91-103.
8. Andrienko, Yuri. Determinants of interregional mobility in Russia: evidence from panel data / Andrienko Yuri, Guriev Sergei // William Davidson working paper. – 2003. – С. 7.

Vasilenko P.V.

Specifics of external migration into the Pskov Oblast

Pavel Vladimirovich Vasilenko – Graduate Student, Pskov State University (21, Sovetskaya Street, Pskov, 180000, Russia, spitfire7-11@mail.ru)

Abstract. Modern scientists consider migration to be a tool that makes it possible to redistribute human capital, which is currently the most important resource. At that, of special interest are the peripheral regions of the country, including those with the cross-border status, where the influence of migration processes on the structure of population is most noticeable. The Pskov Oblast is currently the leader in Russia in terms of depopulation. Natural decline in the region's population is only partially compensated by migration. In this regard, the role of migration in the solution of demographic issues of regional development is becoming more and more important. The article presents the analysis of migration processes in the Pskov Oblast in the post-Soviet period; the analysis is based on the processing of statistical data. The author attempts to explain the main trends in migration processes in the framework of the Pskov Oblast for the last 20 years. Informational base of the research is formed by the materials of Pskovstat. The research findings can be used in the drafting and adjustment of a concept for demographic development of the region.

Key words: Pskov Oblast, demographic crisis, depopulation, migration, external migration, migration balance, migration gain, CIS countries.

References

1. Vasilenko P.V. Primenenie gravitatsionnoi modeli dlya analiza vnutrioblastnykh migratsii na primere Novgorodskoi i Pskovskoi oblasti [Application of the Gravity Model for the Analysis of Intraregional Migrations on the Example of the Novgorod and Pskov oblasts]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Journal for Regional Studies], 2013, no.15, pp. 83-90.
2. Vlasov M.P., Shimko P.D. *Modelirovanie ekonomicheskikh protsessov* [Modeling of Economic Processes]. Rostov-on-Don: Feniks, 2005. 409 p.
3. Denisenko M.B., Mkrtchyan N.V. Migratsionnyi potentsial Srednei Azii [Migration Potential in Central Asia]. *Strategiya 2020* [Strategy 2020], 2011, July 14. Available at: strategy2020.rian.ru/load/366063112
4. Evdokimov S.I. Prognoz osnovnykh demograficheskikh pokazatelei Pskovskoi oblasti na pervuyu tret' XXI veka [The Forecast of the Main Demographic Indicators of the Pskov Oblast for the First Third of the 21st Century]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Journal for Regional Studies], 2012, no.14, pp. 67-74.
5. Krivulya I.V., Manakov A.G. Depopulyatsionnye protsessy v Pskovskoi oblasti i klyuchevye napravleniya demograficheskoi politiki [Depopulation in the Pskov Oblast and the Key Directions of Demographic Policy]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Journal for Regional Studies], 2005, no.1, pp. 57-69.
6. Kuveneva T.N., Manakov A.G. Formirovanie prostranstvennykh identichnostei v porubezhnom regione [Formation of Spatial Identities in the Border Region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2003, no.7, pp. 77-84.
7. Manakov A.G., Evdokimov S.I. Dinamika chislennosti, estestvennoe i mekhanicheskoe dvizhenie naseleniya Pskovskogo regiona (XVI – nachalo XXI v.) [Population Dynamics, Natural and Migratory Movement of the Pskov Oblast Population (16th century – early 21st century)]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki"* [Bulletin of Pskov State University. Series "Natural, Physical and Mathematical Sciences"], 2012, no.1, pp. 91-103.
8. Andrienko Yu., Guriev S. Determinants of Interregional Mobility in Russia: Evidence from Panel Data. *William Davidson Working Paper*, 2003, p. 7.

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 658.14/.17:336.531.2(470+571), ББК У29
© Кормишкина Л.А., Юленкова И.Б.

Финансирование инвестиционного процесса в российском бизнесе: оценка, тенденции, проблемы*

**Людмила Александровна
КОРМИШКИНА**

доктор экономических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68, larisa-mist@rambler.ru)

**Ирина Борисовна
ЮЛЕНКОВА**

кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68, larisa-mist@rambler.ru)

Аннотация. В современных условиях обеспечение финансирования инвестиционного процесса становится важнейшей задачей государственной экономической политики, направленной на достижение устойчивого роста и динамичного развития российской экономики в целом. Решение этой проблемы требует её дальнейшего теоретического осмысления, а также разработки соответствующего методологического обеспечения, методических и практических рекомендаций. Финансирование развития инвестиционной деятельности должно базироваться на использовании системного подхода, который позволяет рассматривать данный процесс как элемент системы финансовой поддержки инновационного развития государства. Необходимы научные исследования с целью расширения финансовой составляющей такой поддержки, создания стимулов для развития инвестиционного процесса, улучшения финансовых отношений в сфере формирования и использования объектов интеллектуальной собственности, выработки комплекса мер по изучению возможностей реализации нововведений на практике. Несмотря на то что различным аспектам рассматриваемой проблемы в экономической науке уделено достаточно много внимания,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 134-02-00046а «Развитие теории и методологии исследования и обеспечения посткризисного экономического роста в контексте парадигмы неоиндустриального развития»).

в настоящее время отсутствуют исследовательские работы, посвященные изучению источников финансирования инвестиционного процесса. Требуется разработка методических и практических рекомендаций по созданию в стране системы его финансирования с учетом современных мировых экономических тенденций. Авторами определено общеэкономическое значение прибыли предприятий в обеспечении финансовыми ресурсами устойчивого экономического роста. Теснота взаимосвязи рассчитывается на основе регрессионной модели, характеризующей отраслевое распределение валовой прибыли. Корреляционно-регрессионный анализ в рамках статьи позволил дать оценку степени влияния на индекс инвестиций в основной капитал в Российской Федерации основных источников его формирования, которые в силу своей экономической природы определяют его величину и динамику.

Ключевые слова: инвестиционный процесс, инвестиционный климат, бизнес, активизация, прибыль, источник финансирования, инвестиционные затраты, регрессионная модель, индексы, динамика, инвестиционная деятельность, инвестиционная активность, уровень налогообложения.

Инвестиционный климат каждой страны формируется при активном участии государства. Оно определяет внешнюю и внутреннюю политику; вводит налоги; устанавливает процентные ставки, меняя их в зависимости от экономической ситуации и сдерживая их рост специальными экономическими методами; воздействует на уровень собираемости налогов; активно занимается разработкой законодательных актов, формируя тем самым экономические, политические, правовые условия, определяющие функционирование предприятий.

«Изучение теоретико-методологических основ обеспечения устойчивого экономического роста позволяет заключить, что главную роль в решении данной задачи играют инвестиции» [1, с. 48]. Под воздействием функционирующего в экономике России так называемого механизма гашения инвестиционной активности в 1999–2007 гг. спад общественного производства сменился более тяжелой формой экономического кризиса в виде спада воспроизводства [2, с. 38–39]. При спаде воспроизводства ввод активной части основных фондов либо намного отстает от их выбытия, либо не компенсирует последнего. К основным причинам сло-

жившейся ситуации можно отнести 48% износ основных фондов [3, с. 345]. Следует помнить, что обеспечение экономического развития возможно лишь за счет обеспечения расширенного воспроизводства, что предполагает возобновление основных элементов производительных сил во все увеличивающихся масштабах и их качественное совершенствование.

Казалось бы, с 2000 г. в отечественной экономике удалось преодолеть негативную тенденцию опережения выбытия активной части основных фондов над их вводом. Однако объемы вводимого оборудования остаются явно недостаточными, если исходить из индикаторов экономической безопасности и народно-хозяйственной задачи модернизации производственных мощностей и рабочих мест. Для сравнения: в 1970 году, определяемом как «эпоха застоя», коэффициент обновления составил 10,2%, а выбытия – 1,7%, т.е. обновление основных фондов шло в несколько раз быстрее, чем в 2011 году, когда коэффициенты их обновления и выбытия составили соответственно 4,6 и 0,8% [3, с. 345]. Естественно, что при такой динамике обновления основных фондов сохраняется тенденция их высокого физического и морального износа.

«Не способствует решению задачи инвестирования модернизации экономики и бюджетно-финансовая политика российского государства. Система государственного регулирования в этой сфере нуждается в существенной корректировке. Как показывают исследования ИСЭРТ РАН, повышение собираемости налогов и ряд непопулярных мер, прежде всего в среде крупного бизнеса, позволили бы привлечь в бюджетную систему страны 8–13 трлн. руб. в год. Однако практических шагов в этом направлении пока не сделано. Кроме того, в настоящее время не участвуют в решении приоритетных задач социально-экономического развития и мощные финансовые активы в виде средств резервного фонда, национального фонда благосостояния» [1, с. 56].

Подобная ситуация далеко не безобидна для национальной экономики, поскольку существенно снижается способность к инновационному развитию. Действие механизма гашения инвестиционной активности в производстве и экономического роста в современной экономике России означает, что само национальное хозяйство не может преодолеть сложившуюся ситуацию и обеспечить устойчивое экономическое развитие. Для этого требуются целый комплекс мер государственного регулирования и огромные затраты, способные прежде всего активизировать инвестиционную деятельность. В противном случае остается надеяться только на привлечение иностранного капитала, что в конечном счете приводит к возникновению угрозы экономической безопасности страны.

В результате приходится констатировать, что в современной российской экономике все еще присутствуют проявления многостороннего (общего) финансового кризиса. Его основные формы: убыточность, разрушение основного капитала,

неплатежеспособность, криминализация финансового менеджмента, сознательное сокрытие финансовых потоков от учета, контроля, налогообложения, хищения финансовых ресурсов и др. Необходимо подчеркнуть, что формирование налоговой базы, способность предприятий к уплате налогов неразрывно связаны с финансовым состоянием последних.

Не вызывает сомнения справедливость вывода ученых и практиков о том, что высокий уровень налогообложения в России крайне негативно сказывается на инвестиционной деятельности.

В условиях современной рыночной экономики активизация инвестиционной деятельности предприятий прежде всего связана с поиском источников и видов финансовых ресурсов, которые должны обеспечить баланс между инвестиционными затратами и финансовыми возможностями.

Как известно, в результате приватизации главным источником финансирования инвестиционной деятельности являлись собственные средства организаций, на долю которых в РФ в 2011 г. приходилось почти 70% всего объема инвестиций. Эти средства формируются преимущественно за счет прибыли и амортизационных отчислений организации (*табл. 1*).

Прибыль является основным внутренним источником формирования финансовых ресурсов предприятия, обеспечивающих его развитие. Чем выше уровень генерирования прибыли в процессе хозяйственной деятельности, тем меньше потребность в привлечении финансовых средств из внешних источников и, при прочих равных условиях, тем выше уровень самофинансирования его развития и конкурентные позиции на рынке. При этом, в отличие от некоторых других внутренних источников формирования финансовых ресурсов предприятия, при-

Таблица 1. Источники финансирования в основной капитал в российской экономике, % к итогу

Показатель	Год											
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Инвестиции в основной капитал	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
В том числе по источникам финансирования: собственные средства	47,5	49,4	45,0	45,2	45,4	44,5	42,1	40,4	39,5	37,1	41,0	42,7
Из них: – прибыль, остающаяся в распоряжении организации (фонд накопления)	23,4	24,0	19,1	17,8	19,2	20,3	19,9	19,4	18,4	16,0	17,1	17,2
– амортизация	18,1	18,5	21,9	24,2	22,8	20,9	19,2	17,6	17,3	18,2	20,5	21,6
– привлеченные средства	52,5	50,6	55,0	54,8	54,6	55,5	57,9	59,6	60,5	62,9	59,0	57,3
Из них: – кредиты банков	2,9	4,4	5,9	6,4	7,9	8,1	9,5	10,4	11,8	10,3	9,0	7,7
– бюджетные средства	22,0	20,4	19,9	19,6	17,8	20,4	20,2	21,5	20,9	21,9	19,5	18,8

Составлено по: Промышленность России 2012: стат. сб. – М.: Росстат, 2012. – 445 с.

быль является постоянно воспроизводимым источником и ее воспроизводство в условиях успешного хозяйствования осуществляется на расширенной основе.

Из таблицы 1 видно, что собственные средства предприятий в инвестициях в основной капитал занимают весьма существенный удельный вес – 42,7%, в том числе прибыль предприятий в их сумме составляет примерно 17,2%. Это почти сумма амортизации, предназначенная для воспроизводства основного капитала.

Прибыль не является гарантированным доходом предпринимателя, вложившего свой капитал в тот или иной вид бизнеса, это результат умелого и успешного осуществления бизнеса. Но в процессе ведения бизнеса предприниматель вследствие своих неудачных действий или объективных причин внешнего характера может не только лишиться ожидаемой прибыли, но и полностью или частично потерять вложенный капитал. Поэтому прибыль представляет в определенной мере и плату за риск осуществления предпринимательской деятельности.

В то же время необходимо видеть общеэкономическое значение прибыли предприятий в обеспечении финансовыми ресурсами устойчивого экономического роста.

Корреляционно-регрессионный анализ в рамках данной работы позволит провести оценку степени влияния на индекс инвестиций в основной капитал в Российской Федерации основных источников его формирования, которые в силу своей экономической природы определяют его величину и динамику.

Индекс инвестиций в основной капитал в Российской Федерации был выбран в качестве результативного признака (Y) и заложен в основу исследования как самый информативный и наиболее полно отражающий развитие инвестиционной составляющей в стране. В качестве факторных признаков (X), оказывающих влияние на динамику исследуемого показателя, отображены следующие источники формирования:

X_1 – индекс фондов накопления в Российской Федерации, % к предыдущему году;

X_2 – индекс амортизации в Российской Федерации, % к предыдущему году;

X_3 – индекс привлеченных кредитов банков, % к предыдущему году.

Исходные данные для корреляционно-регрессионного анализа представлены в таблице 2.

Изучение взаимосвязи между явлениями начинается с установления ее тесноты, что производится методами корреляционного анализа. Основой измерения связей служит матрица парных коэффициентов корреляции. По этой матрице можно судить о тесноте связи факторов с результативным признаком и между собой. Парные коэффициенты корреляции рассчитываются следующим образом:

$$r = \frac{\sum (x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x - \bar{x})^2 \sum (y - \bar{y})^2}}, \quad (1)$$

где \bar{x} и \bar{y} – средние значения результативного признака и соответствующего фактора.

С использованием ППП «Statistica» была получена матрица парных коэффициентов корреляции, используемая для анализа влияния на индекс инвестиций в основной капитал в Российской Федерации основных

источников его формирования (табл. 3). Кроме полученных коэффициентов корреляции, в матрице указаны также вероятности принятия гипотезы об их незначимости (p), установленные нами в рамках данного исследования в пределах 0,1 (или 10%).

Величина рассчитанных коэффициентов корреляции позволяет судить о степени влияния факторных признаков на результативный показатель, а полярность («+» или «-») коэффициентов корреляции показывает тип влияния – прямое или обратное. Все рассчитанные коэффициенты корреляции имеют положительные значения, из которых следует, что наибольшее влияние на индекс инвестиций в основной капитал (Y) оказывают индексы фондов накопления (X_1) и привлеченных кредитов банков (X_3), т.е. с ростом значений этих индексов происходит рост индекса инвестиций в основной капитал. Заметное, но все же меньшее влияние на результативный признак оказывает индекс амортизации (X_2). Коэффициент его корреляции с результативным показателем имеет наименьшее значение ($r_{YX_2} = 0,6117$), его увеличение также способствует росту индекса инвестиций в основной капитал.

Таблица 2. Исходные данные для проведения корреляционно-регрессионного анализа степени влияния источников формирования на индекс инвестиций в основной капитал в РФ, % к предыдущему году

Год	Индекс инвестиций в основной капитал в РФ (Y)	Индекс фондов накопления в РФ (X_1)	Индекс амортизации в РФ (X_2)	Индекс привлеченных кредитов банков (X_3)
2001	126,8	129,8	129,8	191,3
2002	109,0	86,7	128,9	145,4
2003	125,4	117,0	138,2	136,5
2004	123,1	133,2	116,1	151,8
2005	128,8	135,9	118,3	133,5
2006	131,7	129,3	120,5	154,5
2007	137,0	133,0	126,1	149,4
2008	128,5	122,3	126,2	145,6
2009	90,1	78,0	94,8	78,5
2010	109,7	117,3	123,4	95,9
2011	116,2	117,5	122,4	99,7

Составлено по: Данные Росстата (<http://www.gks.ru>).

Таблица 3. Матрица парных коэффициентов корреляции

	Y	X_1	X_2	X_3
Y	1 -	0,8812 $\rho = 0,000$	0,6117 $\rho = 0,045$	0,7252 $\rho = 0,012$
X_1	0,8812 $\rho = 0,000$	1 -	0,4076 $\rho = 0,213$	0,5496 $\rho = 0,080$
X_2	0,6117 $\rho = 0,045$	0,4076 $\rho = 0,213$	1 -	0,5677 $\rho = 0,069$
X_3	0,7252 $\rho = 0,012$	0,5496 $\rho = 0,080$	0,5677 $\rho = 0,069$	1 -

Важным этапом проведения корреляционно-регрессионного анализа является отбор факторных признаков для последующего включения в уравнение множественной регрессии. Сложность формирования ее модели заключается в том, что факторные признаки нередко находятся в зависимости друг от друга, то есть являются мультиколлинеарными. На практике выявление случаев мультиколлинеарности осуществляется на основании матрицы парных коэффициентов корреляции. Индикатором ее наличия служит значение коэффициента корреляции $r > 0,8$.

Анализ матрицы парных коэффициентов корреляции (см. табл. 3) указывает на отсутствие мультиколлинеарности между факторными признаками X_1 , X_2 и X_3 , в связи с чем нет необходимости в исключении или замене какого-либо из них. Следовательно, в дальнейшую процедуру регрессионного анализа необходимо включить все три отобранных факторных признака. К тому же они оказывают существенное прямое влияние на величину результативного признака, и вероятность включения всех их в регрессионную модель, на наш взгляд, достаточно высока.

Перейдем к построению регрессионной модели. Данная математическая задача

формулируется следующим образом: требуется найти аналитическое выражение зависимости экономического явления от определяющих его факторов, то есть необходимо найти функцию

$$Y = f(X_1, X_2, \dots, X_k). \quad (2)$$

Цель состоит в том, чтобы раскрыть характер и степень влияния аргументов на функцию. Регрессионный анализ дает возможность установить, как в среднем изменяется зависимая величина с изменением одной или нескольких независимых величин при фиксированном значении неучтенных факторов. Кроме того, изучение парной зависимости между функцией и одним из аргументов обычно малоэффективно, поскольку экономические явления, как правило, многофакторны, а между факторами также существуют сложные взаимосвязи.

Процесс регрессионного анализа состоит из последовательности этапов:

- построение уравнения регрессии;
- проверка значимости коэффициентов уравнения регрессии;
- проверка значимости уравнения регрессии;
- расчет характеристик регрессии.

В результате проведенного регрессионного анализа получено уравнение регрессии, которое имеет следующий вид:

$$Y = 21,496 + 0,466 X_1 + 0,247 X_2 + 0,103 X_3, \quad (3)$$

где Y – оценочное значение результативного показателя.

Проверка значимости уравнения регрессии осуществляется с помощью F-критерия Фишера, расчетное значение которого находится по следующей формуле:

$$F_{\text{расч.}} = \frac{D_{\text{общ.}}^2}{D_{\text{ост.}}^2}, \quad (4)$$

Общая дисперсия $D_{\text{общ.}}^2$ рассчитывается по следующей формуле:

$$D_{\text{общ.}}^2 = \frac{\sum(\bar{y} - y)^2}{k + 1}, \quad (5)$$

где k – число факторов;

$(k+1)$ – это число исследуемых факторов плюс свободный член в уравнении регрессии a_0 ;

\bar{y} – среднее значение уровней результативного показателя.

Остаточная дисперсия D определяется из выражения:

$$D_{\text{ост.}}^2 = \frac{\sum(\tilde{y} - y)^2}{n - k - 1}. \quad (6)$$

Расчетное значение F-критерия сравнивается с табличным, найденным при заданном уровне значимости p и степенях

свободы $(k + 1)$ и $(n - k - 1)$. Если расчетное значение критерия больше табличного, то гипотеза о незначимости построенного уравнения регрессии отвергается. Поэтому представляет интерес проверка значимости отдельных коэффициентов регрессии, осуществляемая с помощью t-критерия Стьюдента:

$$t_{a_j} = \frac{a_j}{S_{a_j}}, \quad (7)$$

где S_{a_j} – это среднее квадратическое отклонение коэффициентов уравнения a_j .

$$S_{a_j} = S_e \sqrt{b_{jj}}, \quad (8)$$

где $S_e = \sqrt{\frac{\sum(y - \tilde{y})^2}{n - k - 1}}$ – стандартное отклонение случайных ошибок;

b_{jj} – диагональные элементы матрицы $(X^T X)^{-1}$.

Коэффициент регрессии признается значимым, если расчетное значение t-критерия Стьюдента больше табличного. Все факторные признаки, коэффициенты регрессии при которых оказались незначимыми, исключаются из уравнения регрессии, процесс построения модели повторяется заново, т.е. с первого шага регрессионного анализа, и уравнение регрессии строится только на тех независимых переменных, коэффициенты при которых оказались значимыми. Затем снова проверяется значимость уравнения регрессии и его коэффициентов. Так делается до тех пор, пока в уравнении не останутся только факторы со значимыми коэффициентами.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа на трех факторных признаках

Коэффициент корреляции $R = 0,9416$. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,8867$				
Значение критерия $F(3,7) = 18,259, p < 0,00109$				
	β -коэффициенты	параметры уравнения	значение t-критерия Стьюдента (I)	уровень значимости p
Константа		21,496	1,056	0,326
X_1	0,664	0,466	4,317	0,003
X_2	0,202	0,247	1,292	0,238
X_3	0,246	0,103	1,441	0,093

С вероятностью 0,90 полученные регрессионные коэффициенты многофакторной модели следует признать значимыми только у факторных признаков X_1 и X_3 , так как вероятность принятия обратной гипотезы для них не превышает 0,1. При этом вероятность принятия обратной гипотезы для факторного признака X_2 (индекс роста амортизации) оказалась больше – 0,238 (табл. 4).

Исключим факторный признак X_2 из анализа и повторим процесс снова, т.е. построим уравнение регрессии только на тех независимых переменных, коэффициенты при которых признаны значимыми (X_1 и X_3) (табл. 5).

В итоге получено уравнение регрессии, в которое вошли два значимых фактора:

$$Y = 43,785 + 0,485X_1 + 0,144X_3. \quad (9)$$

F-критерий Фишера и t-критерий Стьюдента при уровне значимости 90% свидетельствуют о статистической значимости полученного уравнения и включенных в него факторных признаков.

Коэффициент детерминации, показывающий, какая часть общей вариации зависимой переменной определяется факторами, включенными в статистическую модель, рассчитывается по следующей формуле:

$$R^2 = \frac{\sum(\bar{y} - \tilde{y})^2}{\sum(y - \tilde{y})^2} \times 100\%. \quad (10)$$

Коэффициент детерминации, равный 0,8597, говорит о том, что на 85,97% динамика индекса инвестиций в основной капитал объясняется вошедшими в модель показателями X_1 и X_3 , а уровень остаточной вариации составляет 14,03%. Следовательно, на уровень инвестиций в основной капитал в Российской Федерации наибольшее влияние оказывают два источника формирования инвестиций – фонды накопления и объем привлеченных кредитов. Этот вывод подтверждает значение коэффициента множественной корреляции, равное 0,9271, свидетельствующее о высокой связи между результативным показателем и факторами, включенными в регрессионную модель.

Коэффициенты уравнения показывают абсолютный размер влияния факторов на уровень результативного показателя, характеризуют степень и тип влияния каждого фактора на анализируемый показатель. Их интерпретация позволяет сделать вывод о том, что индекс инвестиций в основной капитал (Y) будет увеличиваться при увеличении индексов фондов накопления (X_1) и привлеченных кредитов банков (X_3). Согласно полученным данным, при повышении индекса фондов накопления на 1% индекс инвестиций в основной капитал увеличится на 0,485%, а при росте индекса привлеченных кредитов банков на 1% индекс инвестиций в основной капитал возрастет на 0,144%.

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа на двух факторных признаках

Коэффициент корреляции $R = 0,9272$. Коэффициент детерминации $R^2 = 0,8597$				
Значение критерия $F(2,8) = 24,507$, $p < 0,00039$				
	β -коэффициенты	параметры уравнения	значение t-критерия Стьюдента (t)	уровень значимости p
Константа		43,785	3,896	0,005
X_1	0,692	0,485	4,363	0,002
X_2	0,345	0,144	2,177	0,061

Качество модели характеризует относительная ошибка аппроксимации $|\bar{\varepsilon}|$ рассчитываемая на основе разности между фактическими уровнями результативного признака y и его расчетными уровнями S , т.е. уровнями, рассчитываемыми по регрессионной зависимости

$$|\bar{\varepsilon}| = \frac{1}{n} \sum \frac{|y_t - \tilde{y}_t|}{y_t} \times 100 \%. \quad (11)$$

В нашем случае относительная ошибка в приближении для полученной модели составляет 3,64% при норме 10–12%.

Таким образом, можно достаточно обоснованно утверждать, что прибыль является важнейшим финансовым ресурсом инвестиционной активности современной организации. По отношению к валовому внутреннему продукту общая (валовая) прибыль предприятий составляет 12–15%, а в наиболее благоприятные годы достигает почти 20%. Убыточные предприятия не только снижают экономический и финансовый потенциал экономики, но и на деле лишены возможности проводить какую-либо политику в области экономического развития, не говоря уже об инвестициях и инновациях. Удельный вес убыточных организаций в Российской Федерации (в процентах от их общего числа) в 2011 г. составил в целом по экономике 30,0%. Следует отметить, что на таком высоком уровне он держится на протяжении всего периода реформирования отечественной экономики, хотя до этого считалось недопустимым его превышение 15–16%.

Без кардинального решения данной проблемы говорить о повышении конкурентоспособности наших предприятий и создании благоприятных условий для инвестиционного и инновационного развития экономики не приходится. Убыточность не только нарушает воспроизводственный процесс конкретного предприятия, но и пагубно сказывается на воспроизводстве

всего народного хозяйства, платежно-расчетных отношениях, что порождает цепочки аномалий в сложившейся экономической системе.

В то же время нужно иметь в виду, что удельный вес прибыльных организаций, по данным органов статистики, находится на весьма низком уровне.

В 2000–2011 гг. российская экономика имела весьма неустойчивые результаты финансовой деятельности как по сальдированной, так и по валовой прибыли. Ежегодные показатели в анализируемом периоде колебались от 30,9% спада до 75,7% прироста сальдированной прибыли. Кроме того, даже у прибыльных предприятий наблюдалось весьма неустойчивое финансовое положение. Валовая прибыль в отдельные годы снижалась (в 2001 г. – на 15,6%, в 2008 – на 16,5%), а в 2010–2011 гг., на фазе выхода из экономического кризиса, наблюдалось ее увеличение в пределах 26 и 20% соответственно. Из этого можно сделать вывод, что инновационно-инвестиционная политика большинства российских предприятий не имела устойчивой ресурсной базы.

Отмечая важную роль прибыли в капитале корпоративного сектора, необходимо отметить происходящее в последнее время существенное уменьшение ее доли в общем объеме финансовых ресурсов. С одной стороны, число убыточных предприятий сокращается (если в 2003 г. их было 54 839, то в 2011 г. – 22 837), а с другой стороны, суммарная задолженность организаций по обязательствам на 2011 г. составила 1 654 030 млн. руб.

Несмотря на наметившуюся в российской экономике тенденцию к сокращению числа убыточных предприятий (организаций), сохранение низкого уровня рентабельности означает отсутствие налогооблагаемой базы для ряда налогов, прежде всего налога на прибыль. «Рационально

разработанный налог на прибыль является налогом на отдачу от капитала, инвестированного в корпоративный сектор и, кроме того, налогом на дополнительную отдачу от инвестиций, скорректированную на риск. То есть налог на прибыль в действительности представляет собой предварительную (или частичную) часть налога на полный (совокупный) доход индивидуума» [4, с. 122].

Инвестиции, особенно в инновационную деятельность, по мере роста экономики диверсифицируются, становясь более эластичными к посленалоговой доходности. Становится невозможной дальнейшая эксплуатация правительством фиксированных инвестиций прошлых периодов с целью извлечения дохода в долгосрочном периоде. По этой же причине в развитых экономиках действует тенденция к снижению эффективных ставок налога на прибыль и оптимизации налогообложения.

Приведенный выше корреляционно-регрессионный анализ определяющего влияния валовой прибыли на инвестиционную активность предприятия подтверждает справедливость вывода о том, что налог на прибыль может вызвать нежелательные диспропорции в использовании факторов производства (труда и капитала), порождая неэффективную комбинацию этих факторов, тем самым снижая стимулы к инновационно-инвестиционной деятельности.

В сложившейся ситуации конкретная задача эффективной налоговой политики состоит в том, чтобы формирование налоговой ставки на прибыль осуществлялось в максимально стимулирующей форме с учетом эффекта Лаффера. Кроме того, необходимо обеспечить соответствие уровней номинального и фактического налогового бремени предприятий. Пока не ясно, на каком уровне от ВВП или добавленной

стоимости такое соответствие может быть достигнуто. Вместе с тем можно назвать диапазон возможных значений номинального налогового бремени (по действующим налогам), который, как показывает опыт зарубежных стран, колеблется в пределах 30–40% от ВВП. Причем если при уровне налогообложения 30% от ВВП (согласно опыту США) могут быть обеспечены более быстрое развитие экономики и рост налоговых поступлений в будущем, то при 40% можно иметь большие текущие поступления в бюджет при меньших темпах развития экономики.

Налоговый механизм, обеспечивающий формирование благоприятного экономического климата для развития инвестиционной деятельности, должен соответствующим образом взаимодействовать с кредитно-банковской политикой, процентными ставками, предоставляя определенные преимущества предприятиям, использующим долгосрочные ссуды на инвестиционные цели.

Логика экономического развития такова, что ставки по кредитам в целом должны быть ниже уровня средней прибыли в экономике. Только при этих условиях у предпринимателей появится возможность пользоваться заемными средствами. В свою очередь, кредитные ставки коммерческих банков должны быть выше ставки рефинансирования и ставок по вкладам, иначе банки просто не смогут эффективно работать. И наконец, все участники кредитного рынка должны иметь реальный процентный доход, т.е. уровень номинальных процентных ставок должен быть выше инфляции.

В российской экономике на современном этапе можно наблюдать достаточно неблагоприятную картину: средний уровень рентабельности бизнеса сравнительно ниже уровня средневзвешенных ставок по кредитам и финансовым организациям.

Такое соотношение между рентабельностью реального сектора российской экономики и ставкой по кредитам объясняет многие существующие на сегодняшний момент проблемы отечественной экономики, связанные с недостаточным инвестированием и уходом капитала в спекулятивные операции, а также его оттоком за границу. Итак, чем выше эффективность инвестиционных проектов и чем ниже банковский процент, тем интенсивнее инвестиционная деятельность и предпринимательская активность. Чем дороже кредитные ресурсы, тем меньше в экономике эффективных бизнес-проектов, тем меньше на них спрос инвесторов.

Высокие процентные ставки по ссудам препятствуют перемещению кредитных ресурсов в реальный сектор и обуславливают его технологическую деградацию, что делает российский рынок малопривлекательным для инвесторов. Для российских предпринимателей оказывается выгоднее вкладывать капиталы за границу, где реальный сектор дает возможность получать прибыль, пользуясь кредитными ресурсами по умеренным ставкам.

В последние десятилетия в мировой практике используется ряд специфических финансовых инструментов, направленных на участие государства в разделении кредитных и инвестиционных рисков при осуществлении инвестиционных проектов. Нередко применяются такие механизмы, как предоставление предприятиям государственных гарантий для получения долгосрочных займов от частных кредитных учреждений, долевое акционерное участие государства в формировании фондов венчурного капитала и инвестиционном бизнесе, защита национальных производителей от иностранных конкурентов и др.

Гарантированные кредиты дают возможность поддерживать наукоемкие про-

екты, связанные с высокими или трудно поддающимися оценке кредитными рисками. Существующая практика предусматривает участие в инвестиционном процессе третьей стороны (гаранта), берущей на себя всю полноту ответственности за выполнение обязательств заемщика перед кредитором. Таким образом, заемщики могут брать кредиты, на получение которых в иных условиях практически нельзя было бы рассчитывать.

Другая распространенная форма снижения инвестиционных рисков — долевое акционерное участие государства в тех или иных проектах на правах партнера с ограниченной ответственностью.

Механизмы государственных гарантий способствуют усилению частно-государственного партнерства благодаря разделению рисков между частными инвесторами и уполномоченными государственными организациями, осуществляющими предоставление таких гарантий. В результате не только увеличивается приток частного капитала, но и повышается эффективность использования ограниченных бюджетных ресурсов.

Акционерное финансирование позволяет аккумулировать крупные финансовые ресурсы путем размещения акций среди неограниченного круга инвесторов (заем денег у покупателей акций на неопределенное время) для осуществления перспективных инновационных проектов. Посредством эмиссии ценных бумаг производится замена инвестиционного кредита рыночными долговыми обязательствами, что способствует оптимизации структуры финансовых ресурсов, инвестируемых в инновационный проект.

Понятно, что ни один инвестор не желает рисковать в одиночку, ему будет спокойнее, если его деятельность будет поддерживаться государственной властью.

Хорошей страховкой риска, по нашему мнению, станет совместное участие в проекте государственного и частного капиталов, которые одинаково заинтересованы в том, чтобы не только вернуть свои деньги, но и получить прибыль.

Усилия по стимулированию инвестиционной деятельности должны быть сконцентрированы на устранении основных причин незаинтересованности бизнеса в долгосрочных проектах. Среди наиболее важных проблем, которые требуют первоочередной разработки механизмов государственного регулирования инвестиционного процесса, можно назвать следующие:

- поддержка и развитие новых форм кредитования инвестиционных проектов в Российской Федерации;

- предложения об условиях предоставления государственных гарантий в отношении привлеченных в инвестиционную сферу кредитов;

- развитие механизмов консолидации финансовых ресурсов государственного и частнопредпринимательского секторов экономики для реализации приоритетных научно-технических задач, содействие формированию и регулирование деятельности партнерств частного сектора и государства;

- разработка механизмов оценки государственных инвестиционных программ и доведения результатов этой оценки до делового и экспертного сообщества;

- содействие формированию международных и региональных технологических стратегических альянсов.

Становится все более очевидным тот факт, что обеспечение высоких и устойчивых темпов развития России невозможно без взаимовыгодного партнерства государственных муниципальных органов власти, коммерческих банков и представителей бизнеса.

Экономические стратегии и программы, ориентированные только на использование бюджетных средств и базирующиеся на ортодоксальной неоклассической доктрине, недостаточны для развития инновационной экономики, лежащей в основе высокой конкурентоспособности страны.

Взаимодействие государства и бизнеса при финансировании инвестиционного процесса должно базироваться на развитии паритетно-партнерских отношений, которые предполагают взаимовыгодное сотрудничество и обеспечивают необходимые условия для «формирования качественно нового государства, способного выполнить план национального развития и решить многие, в том числе непростые геополитические, задачи» [5, с. 6].

В заключение необходимо отметить, что только реализация комплекса предложенных мер будет способствовать активизации инвестиционного процесса в Российской Федерации.

Литература

1. Ильин, В. А. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов / В. А. Ильин, А. И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – 128 с.
2. Кормишкина, Л. А. Деформации общественного воспроизводства: причины, анализ, противодействие [Текст] / Л. А. Кормишкина, Д. А. Колосков. – Саранск: [б. и.], 2011. – 144 с.
3. Российский статистический ежегодник / Росстат. – М., 2012. – 786 с.
4. Проблемы налоговой системы России: теория, опыт, реформа [Текст] / под ред. М. Алексева, С. Синельникова: в 2 т. – М.: Ин-т экономики переход. периода, 2000. – Т. 1. – 606 с.
5. Федоров, Е. А. За частным бизнесом – приоритет в государственном партнерстве [Текст] / Е. А. Федоров // Государственно-частное партнерство. Пути совершенствования законодательной базы / под общ. ред. А. А. Зверева. – М., 2009. – 238 с.

Kormishkina L.A., Yulenkova I.B.

Investment process financing in Russian business: assessment, trends, problems

Lyudmila Aleksandrovna Kormishkina – Doctor of Economics, Professor, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Ogarev Mordova State University” (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia, larisa-mist@rambler.ru)

Irina Borisovna Yulenkova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Ogarev Mordova State University” (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia, larisa-mist@rambler.ru)

Abstract. In modern conditions the provision of investment process financing is the most important task of state economic policy aimed at achieving sustainable growth and dynamic development of the Russian economy in general. This problem solution requires further theoretical consideration and development of appropriate methodological, methodical and practical recommendations. Financing of investment activity development should be based on the systemic approach, which considers this process as an element of the financial support system of the state innovation development. It is necessary to conduct research in order to expand the financial component of this support, encourage the investment process development, enhance financial relations in the sphere of forming and using the intellectual property objects and develop a complex of measures to study the innovations implementation possibilities. Although economic science pays a lot of attention to various aspects of the issue, there is currently no research work, devoted to the study of sources of the investment process financing. Development of methodical and practical recommendations to establish the system of its financing, taking into account modern world economic trends is required. The authors have revealed the enterprises' general economic profit while promoting sustainable economic growth by means of provision of financial resources for it. The closeness of the relationship is calculated on the basis of regression models that characterize the sectoral distribution of gross profit. The correlation-regression analysis has helped to assess the influence of the main sources of the RF fixed assets on the investment index. The economic nature of the sources determines its value and dynamics.

Key words: investment process, investment climate, business, intensification, profit, source of financing, investment costs, regression model, indices, dynamics, investment operations, investment activity, the level of taxation.

References

1. Пуйин В.А., Поварова А.И. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya. Byudzhetniy krizis regionov* [Public Administration Efficiency. The Fiscal Crisis of the Regions]. Vologda: ISERT RAN, 2013. 128 p.
2. Kormishkina L.A., Koloskov D.A. *Deformatsii obshchestvennogo vosproizvodstva: prichiny, analiz, protivodeistvie* [Deformation of Social Reproduction: Causes, Analysis, Counteraction]. Saransk, 2011. 144 p.
3. *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Rosstat, Moscow, 2012. 786 p.
4. *Problemy nalogovoi sistemy Rossii: teoriya, opyt, reforma* [Problems of the Russian Tax System: Theory, Experience, Reform]. Ed. by M. Alekseev, S. Sinel'nikova: in 2 volumes. Moscow: In-t ekonomiki perekhod. perioda, 2000. Vol. 1. 606 p.
5. Fedorov E.A. *Za chastnym biznesom – prioritet v gosudarstvennom partnerstve* [Private Business is a Priority of State Partnership]. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo. Puti sovershenstvovaniya zakonodatel'noi bazy* [Public-Private Partnership. Ways of Legislative Base Betterment]. Under general editorship of A.A. Zverev. Moscow, 2009. 238 p.

Проблемы асимметрии корпоративных и общественных интересов на рынке продовольственных товаров

**Наталья Ивановна
УСЕНКО**

кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики, Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Кузбасский институт экономики и права (650065, Россия, г. Кемерово, ул. 40 лет Октября, д. 2, N.I.Usenko@yandex.ru)

**Юлия Сергеевна
ОТМАХОВА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения наук Российской академии наук (630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17, к. 266, serdukovajulia@yandex.ru)

**Александр Геннадьевич
ОЛОВЯНИШНИКОВ**

кандидат экономических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский Томский государственный университет (634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, д. 36, olov.aleks@gmail.com)

Аннотация. В статье анализируется современное состояние российского продовольственного рынка с точки зрения согласования интересов населения и корпоративных интересов производителей. Показано, что условия действующих нормативных документов по регулированию качества и безопасности пищевой продукции способствуют асимметрии указанных интересов. Рассматриваются проявления дисбаланса и последствия потребления продуктов питания, произведенных с использованием новых технологических приемов и рецептов. Предложены направления выравнивания асимметрии интересов путем повышения значимости роли экспертного обеспечения в процессе разработки проектов государственных решений по развитию национального продовольственного рынка с позиции соблюдения принципов безопасности пищевой продукции.

Ключевые слова: рынок продовольственных товаров; качество; корпоративные интересы; транснациональные компании; продовольственная безопасность; экспертное сообщество.

Производство и реализация продовольственных товаров тесно связаны с такими показателями, как качество и безопасность пищевой продукции, физическая и экономическая доступность продовольствия. Для предприятий пищевой индустрии и продовольственного ритейла всегда актуальны задачи расширения ассортимента, создания новых высокотехнологичных продуктов питания, удовлетворяющих разнообразные потребительские предпочтения.

Вместе с тем задачи расширения ассортимента товаров, создания новых формул продуктов связаны не только с учетом потребностей населения, но и отвечают, прежде всего, корпоративным приоритетам операторов продовольственного рынка в сфере обеспечения конкурентоспособности предприятий и повышения эффективности производства.

Суть корпоративных приоритетов заключается, в первую очередь, в максимизации ожидаемого дохода за счет увеличения доли рынка, снижения затрат и т.д. Поэтому актуален вопрос о том, как в условиях развития современного рынка продовольственных товаров согласуется задача реализации данных корпоративных приоритетов с удовлетворением интересов потребителей? Достигается ли баланс или имеет место асимметрия интересов? В рамках данной статьи авторы попытались дать ответы на эти вопросы.

Основные корпоративные сегменты российского рынка пищевой промышленности

В настоящее время российский рынок продовольственных товаров занимает важное место в экономике России. В структуре

оборота розничной торговли за 2012 год удельный вес продовольственных товаров составил 46,5%, или 9,9 трлн. рублей.

По данным Росстата, доля производства пищевых продуктов, включая напитки, и табака в общем объеме продукции обрабатывающих производств в 2012 году составила 15,9%, а динамика индексов производства пищевых продуктов (*табл. 1*) в 2005–2012 годах устойчиво характеризуется положительными значениями. Однако стоит отметить снижение значений индексов в конце анализируемого периода.

Для большинства отраслей пищевой промышленности характерен короткий производственный цикл, быстрая окупаемость вложенных средств. Ввиду данных характеристик пищевая промышленность представляла (и представляет) одну из наиболее привлекательных сфер приложения капитала во всем мире. В качестве аналитической оценки инвестиционной привлекательности пищевого сектора промышленности используют международные фондовые индексы, которые позволяют оценивать общее изменение направления и текущее состояние рынка, например промышленный индекс Доу-Джонса (Dow Jones Industrial Average DJIA).

В мировой список компаний, которые охватывает индекс Доу-Джонса, входят три самых влиятельных мегамагната пищевой индустрии, занимающихся производством пищевых продуктов и напитков: безалкогольные напитки – Coca-Cola Co., продуктов питания – Kraft Foods Inc., сфера общественного питания – McDonald's Corp.

Таблица 1. Индексы производства пищевых продуктов в 2000–2013 гг.

	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Индексы производства	105,3	106,6	105,4	101,0	104,1	100,6

Индекс S&P 500 (Standart & Poor's 500) конкурирует по популярности с промышленным индексом Доу-Джонса и представляет собой средневзвешенное значение цен акций 500 крупнейших компаний из различных секторов экономики США. В этот индекс входят 27 (!) компаний из сектора продуктов и напитков (исключая ритейлеров). Согласно данным, представленным на портале Foodinnovation.ru [1], компании пищевого сектора показали за пять лет после кризиса 20%-ный рост. Такой рост сопоставим только с ростом индекса высокотехнологичных компаний NASDAQ, но с большим уровнем устойчивости в период рецессии, что связано с наличием стабильного денежного потока, обусловленного слабой изменчивостью потребительского спроса.

Основными тенденциями развития продовольственного рынка России в настоящее время являются продолжающаяся

концентрация собственности, сокращение доли малых и средних предприятий, укрепление позиций крупных консолидированных компаний. За период перехода к рыночной модели экономики в стране сформировался большой круг развивающихся компаний, успешно конкурирующих на внутреннем продовольственном рынке и рынках государств – участников СНГ, а также активно привлекающих капитал для своего развития [2].

Пищевая и перерабатывающая промышленность остается инвестиционно привлекательной для российского и иностранного бизнеса, что демонстрирует составленная по данным Росстата динамика объемов инвестиционных вложений (рис. 1) и значимый удельный вес в общем объеме инвестиций (табл. 2).

В целом за 2010–2012 гг. общая величина инвестиций в пищевую индустрию России составила 8796 млн. долл. США.

Рисунок 1. Динамика поступлений иностранных инвестиций по видам экономической деятельности, млн. долл. США

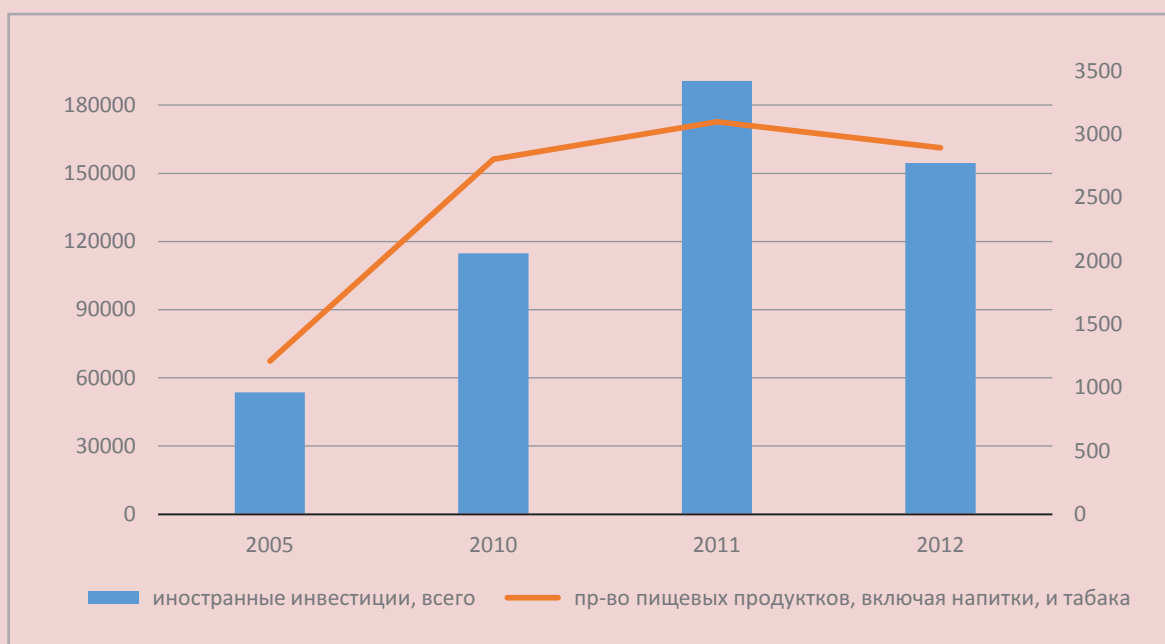

Таблица 2. Поступление иностранных инвестиций, млн. долл. США

Показатель	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Иностранные инвестиции, всего	53 651	114 746	190 643	154 570
В том числе по виду деятельности: производство продуктов питания, включая напитки, и табака	1210	2803	3099	2894
Уд. вес иностранных инвестиций по виду деятельности: производство продуктов питания, включая напитки, и табака в общем объеме инвестиций, %	2,2	2,4	1,6	1,9

На сегодняшний день в России свои производства имеют почти все ведущие мировые компании по производству продуктов питания, напитков и табачных изделий. Значительная часть современной пищевой индустрии России сосредоточена в руках крупных транснациональных компаний (ТНК), большинство из которых являются многофункциональными корпорациями.

К числу зарубежных компаний, имеющих российские подразделения, относятся: «Юниливер», «Нестле», «Юнимилк-Даннон», «Кока-кола компани», «ПепсиКо», «Группа Бондюэль», «Хортекс», «Группа Секаб», компания «Оркла Брэндс Россия», компания «Марс», «Крафт Фудс», «Ахмад Ти», «САН ИнБев», «Карлсберг», «САБ Миллер РУС» и др.

Показательным является тот факт, что по данным ежегодного рейтинга [3] крупнейших компаний, составляемого журналом «Эксперт»¹, в 2013 году первое место среди предприятий пищевой промышленности и 50 место среди компаний всех сфер деятельности по объему реализации продукции занимает российское подразделение «ПепсиКо» (Пепсико Холдингс) — крупнейший производитель продуктов питания и напитков.

¹ Рейтинг «Эксперт-400» — это наиболее репрезентативный список ведущих российских компаний, получивший признание как в России, так и за ее пределами.

По данным официального сайта транснациональной компании PepsiCo [4] в России компания имеет более 40 предприятий и около 25 тысяч сотрудников. «PepsiCo» активно инвестирует в свой бизнес на территории России. В 2011 г. компания «PepsiCo» расширила свой основной ассортиментный профиль (включающий газированные и негазированные напитки, чипсы) путем приобретения компании «Вимм-Билль-Данн» — крупнейшего российского производителя молочных продуктов, детского питания и соков.

В результате российское подразделение компании «PepsiCo» получило еще и статус ведущего переработчика молока в России. Данная сделка явилась рекордной по объему иностранных инвестиций (5,4 млрд. долл.) в сырьевой сектор России.

Пивоваренная компания «Балтика», крупнейший производитель пива в России, также входит в число лидеров рейтинга «Эксперт-400» в 2013 году и занимает 88 место в общем списке и второе среди предприятий пищевой промышленности. В ноябре 2012 года завершилась процедура принудительного выкупа акций ОАО «Пивоваренная компания «Балтика», в результате чего доля «Карлсберг», датской пивоваренной компании, составила в акционерном капитале «Балтики» 100%. Общая численность персонала пищевого гиганта «Карлсберг» — 38,6 тыс. человек (2012 год).

Доля иностранного капитала в пищевой промышленности согласно оценкам Министерства сельского хозяйства России составляет 60% [5] и имеет тенденцию дальнейшего роста в значительной степени за счет сделок слияния и поглощений на продовольственном рынке. Иностранные инвестиции обеспечили необходимый финансовый рычаг для развития пищевой индустрии, а процесс сделок слияний и поглощений в пищевой индустрии обусловил плавный переход к олигополии, то есть к сокращению на рынке числа мелких производителей.

Сфера интересов иностранных инвесторов — сегмент FMCG (fast moving consumer goods) — представляет собой товары повседневного спроса с быстрым оборотом, её значительная часть в минимальной степени связана с местной сырьевой базой. Ориентация на высокодоходный сегмент пищевой продукции с низкой долей натурального сырья дает возможность производителям не зависеть от нестабильности свойств и цен на него.

Масштабный приток иностранного капитала явился главным фактором высоких темпов роста в пищевой промышленности в России за последние десять — пятнадцать лет. Кроме того, успешное применение в российских подразделениях зарубежных компаний международных систем контроля производства и обеспечения качества продукции, новейшего оборудования, логистики и передовых систем организации сбыта продукции способствовало тому, что формирование российского рынка продовольственных товаров в значительной степени стало зависеть от стратегических приоритетов в развитии производства транснациональных компаний или их подразделений.

Предприимчивые и энергичные усилия по отстаиванию интересов транснациональных компаний с целью максимального

отражения их бизнес-интересов во многом определяют направления вектора продовольственной политики России, особенно в части промышленного производства продуктов питания. Лоббирование осуществляется как в прямой, так и в непрямой форме (через поддержку научных и выставочных мероприятий, форумов и конгрессов), реализуется через членов различных коллегиальных консультационных органов при региональных и муниципальных органах власти и общественных организаций.

В регионах местные органы власти, степень влияния которых на размер налоговых льгот может быть весьма значительной, зачастую принимают решения в пользу «понятного» бизнеса ТНК — крупного налогоплательщика и инвестора региона. Такая форма поддержки редко оказывается «своим», не столь эффективным местным компаниям, пытающимся устоять в конкурентной борьбе с титанами продовольственного рынка, что приводит к дальнейшему ослаблению малого и среднего бизнеса.

Таким образом, к настоящему времени структура российской пищевой промышленности отчетливо сегментирована по двум секторам: отечественный сектор — мелкие и средние предприятия, находящиеся в собственности российских граждан, и сектор российских подразделений зарубежных корпораций, представляющий собой наиболее развитую часть корпоративного бизнеса.

Проблема асимметрии интересов потребителей и производителей пищевой продукции в условиях действия законов и технических регламентов по регулированию ее качества и безопасности

Проблема асимметрии с точки зрения авторов статьи находит свое выражение в том, что большинство производителей пищевой продукции ориентируются на

высокодоходный сегмент пищевой продукции с низкой долей натурального сырья в ущерб качеству и пищевой ценности продуктов питания промышленного производства. В этой связи важно изучить, оказывают ли сдерживающее влияние действующие регламентирующие законы и регламенты на процессы выпуска продукции с низкой пищевой ценностью.

В настоящее время в России действует Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [6], в соответствии с которым качество определяется как совокупность характеристик пищевых продуктов, способных удовлетворять потребности человека в пище при обычных условиях их использования. В данном случае имеет место трактовка категории «качество» без учета требований полезности потребительских свойств выпускаемой продукции.

Следует отметить, что технические регламенты, которыми заменили ГОСТы, устанавливают лишь минимально необходимые требования, обеспечивающие применительно к продуктам питания их биологическую, химическую и радиационную безопасность.

При этом серия стандартов ISO, которые применяются при создании и совершенствовании систем менеджмента качества организаций, не является стандартом качества собственно продукта, а представляет собой, прежде всего, модель или схему организации процессов, предназначенную для обеспечения максимально высокого качества управления организацией. При этом, когда большинство крупнейших предприятий пищевой индустрии на своих сайтах и в рекламных буклетах указывают при маркировке продуктов, что их качество обеспечено международными системами сертификации, то в сознании потребителя происходит подмена понятия «качество организации» понятием «качество продукта».

Таким образом, в действительности имеет место терминологическая «ловушка». В соответствии с установками систем управления качества качественный продукт означает готовую стандартизированную продукцию, отвечающую требованиям безопасности, произведенную в соответствующих условиях и прошедшую необходимые процедуры контроля. Такая трактовка вступает в противоречие с ассоциативным представлением большинства потребителей о качестве продукции.

Необходимо отметить, что неоднозначность трактовки понятия качества и эффективности во многом обусловили иллюзию восприятия деятельности высокоэффективных компаний на рынке продовольственных товаров как компаний, которые заинтересованы в выпуске только качественной продукции, в максимальной степени отвечающей интересам потребителей. При этом организация выпуска определенных видов продукции зачастую призвана обеспечить лишь получение стандартизированных продуктов питания, то есть все чаще имеет место асимметрия интересов потребителей и производителей пищевой продукции, что вызывает серьезные диспропорции в развитии продовольственного рынка.

«Эффективность» в западном понимании — это не полезность, то есть никто не требует от фирм, чтобы они соревновались в полезности своей продукции, степени удовлетворения потребностей населения» [7, с. 13].

В современных условиях конкурентоспособность пищевой продукции в значительной степени определяет торговля, присутствие продукции в розничных сетях делает ей широкую рекламу и обеспечивает узнаваемость. Вместе с тем крупные торговые сети выступают катализатором формирования деформированной структуры

товарного предложения, ориентируясь на продажу привлекательной продукции независимо от ее пищевой ценности. Задача торговых сетей заключается в увеличении количества покупателей и средней суммы чека, и фактически продается не продукт как таковой, а «место на полке».

Крупный ритейл предпочитает работать с крупными пищевыми компаниями, а продуктовая политика в крупных торговых компаниях строится по тем же принципам, что и в пищевых ТНК.

В рамках формирования единого экономического пространства в настоящее время Таможенным союзом сделаны серьезные шаги по регулированию продовольственного рынка наднационального уровня, обеспечивающие согласованную политику в части стандартов, технических регламентов, качества и безопасности продукции.

Так, с 1 июля 2013 года вступили в силу семь технических регламентов в области пищевой промышленности: «О безопасности пищевой продукции», «Пищевая продукция в части ее маркировки», «Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей», «Технический регламент на масложировую продукцию», «О безопасности отдельных видов специализированной пищевой продукции, в том числе диетического лечебного и диетического профилактического питания», «О безопасности зерна», «Требования безопасности пищевых добавок, ароматизаторов и технологических вспомогательных средств».

Последний технический регламент вышеназванного перечня имеет на сегодняшний день особое значение, так как искусственные красители, ароматизаторы и консерванты стали неотъемлемым свойством современных продуктов питания.

Как известно, использование пищевых добавок не безвредно для человеческого организма. Питание человека может быть не только источником необходимых организму пищевых и биологически активных веществ, но и источником накопления различных метаболитов пищевых добавок, что является крайне нежелательным, а в некоторых случаях представляет прямую угрозу здоровью человека из-за нарушения клеточного метаболизма.

На наш взгляд, перечни разрешенных добавок в условиях развивающегося знания о них и в свете результатов последних научных исследований должны постоянно актуализироваться на предмет разрешения их к использованию. Безусловно, это сложный процесс, затрагивающий значительное количество коммерческих интересов, а результаты их противостояния не всегда решаются в пользу потребителей.

Так, широко известен пример, когда группа специалистов университета Саутгемптон, исследовавшая наиболее популярные пищевые добавки, представила результаты эксперимента в распоряжение Агентства по пищевым стандартам Великобритании (АПСВ). Согласно этим данным ряд пищевых красителей – E102, E104, E110, E122, E129 – способны вызывать гиперчувствительность организма и, как следствие, «гиперактивность» в поведении детей. Несмотря на представленные доказательства, во многих странах Евросоюза не стали запрещать «скандальные» красители, а ограничились лишь рекомендациями производителям о необходимости отказаться от использования данных пищевых добавок.

Вышеуказанные проблемы нашли отражение в новом техническом регламенте (о маркировке) Таможенного союза, однако их решение носит половинчатый характер.

Так, в регламенте указано: «Для пищевых продуктов, содержащих красители (E122, E104, FCF, E110, очаровательный АС, E129, понсо 4R E124 и E102) должна наноситься предупреждающая надпись: “Содержит краситель (красители), который (которые) может (могут) оказывать отрицательное влияние на активность и внимание детей”». При этом, как следует заметить, значительная часть разноцветной и привлекательной продукции (кондитерские изделия, газированные напитки, мороженое) с использованием данных красителей предназначена именно для детей.

В этой связи представляются весьма интересными выводы диссертационного исследования И.А. Мартынюк [8] по оценке токсичности вышеуказанных пищевых добавок. Пищевые красители E102, E122, E142, E110 стали предметом диссертационного исследования, в рамках которого разработана экспресс-методика определения их интегральной токсичности при помощи биотестов. За короткое время эксперимента была исследована степень воздействия веществ на нескольких поколениях животных-биотестов.

По итогам выполненных экспериментов получены следующие результаты: данные пищевые красители не оказывали острого и хронического токсического действия на гидробионтов (лабораторные дафнии), по этому показателю исследовавшиеся вещества можно считать безопасными в экологическом отношении. Однако с точки зрения воздействия на репродуктивную функцию и развитие потомства они заметно влияют на плодовитость исследуемых особей, что более сильно проявляется в последующих поколениях.

Таким образом, исследуемые пищевые красители могут быть опасными для здоровья: они влияют на активность детей и могут оказывать вредное воздействие на

репродуктивную функцию людей, так как вызывают гонадотропный² эффект.

Столь серьезные данные этого исследования, позволяющие увидеть долгосрочные последствия отрицательного влияния химических элементов, должны не только рассматриваться в рамках получения научных результатов, но и использоваться в прикладных приложениях в качестве доказательной базы закладываемых в регламенты принципов, положений и требований нормативного и законодательного характера в сфере применения пищевых добавок.

Последствия изменений в структуре товарного предложения на рынке пищевой продукции

В рыночных условиях рецептура продукта является коммерческой тайной, что создает на продовольственном рынке асимметрию информации и реальные возможности для злоупотреблений со стороны производителей продуктов питания путем создания разнообразных рецептов с использованием замены натурального сырья. При этом обеспечиваются подобные вкусовые характеристики (или лучше) готового продукта посредством введения химических добавок и ингредиентов, идентичных натуральным. Инновационные разработки осуществляются в виде формул продуктов, обеспечивающих достижение максимума функционала, а именно прибыли компании.

У западных компаний накоплен огромный опыт по разработке высокотехнологичных видов продукции. В результате в структуру российского продовольственного рынка был имплантирован серьезный сегмент пищевой продукции, который

² Гонадотропное действие — способность химических веществ оказывать вредное воздействие на репродуктивную функцию людей, животных и растений.

можно охарактеризовать как в значительной степени искусственный, синтетический. Появилось такое понятие, как «искусственная пища»³.

В настоящее время синтетическая пища, производимая пищевыми гигантами, появляется под видом натуральной, а по количеству используемых химических ингредиентов пищевая индустрия превращается в химическую отрасль. На особенностях данных метаморфоз авторы более подробно останавливались в опубликованных ранее статьях [9].

Появление «новых продуктов» обеспечило разнообразие товарного предложения на рынке продовольственных товаров, что в условиях высокого уровня монополизации привело к информационной асимметрии, когда появилась возможность манипуляции потребительским поведением в области питания в сторону увеличения покупок новых продуктов, экономически выгодных для предприятий-производителей, но бесполезных и даже вредных для здоровья потребителей.

В статье З. Биктимировой, опубликованной еще в 2004 году, отмечается, что среди рисков, порождаемых глобализацией, имеет место усиление угрозы манипулирования общественным сознанием. Причем негативным следствием данного манипулирования в отношении продовольственной безопасности может стать создание стереотипов поведения и ценностных установок, которые соответствуют интересам лиц, контролирующих эти средства, но представляют опасность для здоровья человека и долгосрочных перспектив развития общества [10, с. 82]. Время подтверждает справедливость

³ Искусственная пища — пищевые продукты, которые получают из различных пищевых веществ (белков, аминокислот, липидов, углеводов), предварительно выделенных из природного сырья или полученных направлением синтезом из минерального сырья, с добавлением пищевых добавок, а также витаминов, минеральных кислот, микроэлементов и т.д.

данного высказывания. В условиях недостаточной просвещенности населения в сфере потребления продуктов питания, морально-психологического воздействия агрессивной рекламы производителей продуктов питания, использующей слабость человека перед соблазнами пищевого рынка, возникает ситуация, когда потребители выбирают продукцию, идущую во вред своему здоровью.

В мае 2013 года британская консалтинговая компания «Maplecroft» опубликовала новый индекс — Obesity Risk Index (ORI), предназначенный для оценки риска ожирения и избыточного веса по 188 странам. Результаты ранжирования индексов показывают 10 стран самого высокого риска. Россия находится на третьем месте в мире среди стран, где ожирение плохо сказывается на экономике, уступая только Мексике и США. Экономические последствия включают в себя прямые расходы системы здравоохранения и косвенные расходы, связанные с утратой экономической производительности, а также индивидуальные расходы граждан на лекарства [11].

По данным отчета Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), в июле 2013 г. первое место в рейтинге самых «толстых» стран заняла Мексика, США отодвинулись на вторую строчку рейтинга. В 1989 году, до того как система быстрого питания получила широкое распространение, всего 10% взрослых мексиканцев имели какие-либо проблемы с лишним весом, а в 2013 г., по данным рейтинга, уже 32,8% жителей Мексики страдают ожирением, большая часть из них — молодые люди из бедных слоев населения. Соединенные Штаты незначительно уступили Мексике — диагноз ожирение получили 31,8% американцев [12]. Россия в вышеназванном рейтинге занимает 19 место среди 20 самых «толстых» стран мира. Практически четверть россиян (24,9%) страдает ожирением.

Специалистами АНО «Национальный центр «Здоровое питание» было проведено исследование, результаты которого свидетельствуют, что проблема лишнего веса наиболее характерна для жителей Сибирского федерального округа. Уровень заболеваемости ожирением взрослого населения (18 лет и старше) в Омской, Новосибирской, Кемеровской, Иркутской областях, Алтайском и Забайкальском краях, в Хакасии, Алтае и Бурятии почти в 1,5 раза выше среднего по стране [13]. По мнению директора НП «Сибирский федеральный центр оздоровительного питания» Я. Новоселова, приведенному в журнале «Эксперт», не менее 45% неинфекционных заболеваний сибиряков связаны с неправильным питанием. «Наш организм каждый день сталкивается с огромным количеством совершенно непривычных для него элементов – химических добавок, консервантов, заменителей. И как они скажутся на нас и наших детях, точно сказать не может никто» [14].

Примеры согласования интересов потребителей и производителей пищевой продукции

Возможно ли в современных реалиях формирование продуктовых матриц производственными предприятиями и торговыми сетями в соответствии с принципами здорового питания?

В последние годы на российском продовольственном рынке просматриваются «ростки нового», то есть примеры отдельных компаний, которые готовы не только выпускать натуральные и полезные продукты, но и вкладывать силы в создание нового сегмента рынка «хороших» продуктов. К таким компаниям относится томская торгово-производственная компания «Лама», которая два года назад, по инициативе президента компании, поддерживающего здоровый образ жизни,

пересмотрела свою миссию, обозначив ее так: «Мы обеспечиваем продовольственную безопасность России». Одним из способов достижения поставленной миссии был сбор подписей против ГМО, включая электронное голосование на официальном сайте компании. Поскольку компания «Лама» занимается и розничной торговлей, и производством различных продуктов, она начала осуществлять активную политику по защите собственного бизнеса и собственных производств от ГМО продукции.

Но как отразилось на затратах предприятия изменение рецептур и выведение всех химических добавок из продукции? В рамках подготовки статьи состоялось интервью с заместителем директора по экономике ООО «Терминал-групп», входящего в группу компаний «Лама», М. Рябыкиным, который ответил на некоторые вопросы. Так, для реализации требований в сфере контроля качества компании пришлось создать свою лабораторию, привлечь большой штат специалистов, построить бизнес-процессы по приемке и проверке качества сырья и продукции, а также пересмотреть часть контрактов, связанных с поставкой некачественной продукции. В результате возросшие затраты на производство и реализацию данной полезной продукции, по словам М. Рябыкина, привели к потере определенной доли прибыли, поскольку цена на продукцию не могла быть увеличена на тот уровень, на который выросла ее себестоимость.

На наш взгляд, необходима государственная поддержка усилий подобных производителей по созданию нового сегмента рынка, чтобы в обозримый период они могли выйти на средний уровень прибыли и получить поддержку потребителей, так как постепенно покупатель переориентируется на покупку более полезной для здоровья продукции.

Роль экспертной составляющей в задачах выравнивания асимметрии в обеспечении качества пищевой продукции

Транснациональный характер пищевой индустрии существенно изменил технологии производства пищевой продукции. Необходимо критически осмыслить, кто выигрывает и кто проигрывает от происходящих трансформаций. Важно понимать, чем вызваны подобные изменения и являются ли они необходимыми.

Авторы статьи уже высказывали в печати [15] свое мнение о необходимости повышения значимости роли экспертного обеспечения в процессе разработки и оценки нормативных документов, а также проектов государственных решений по развитию национального продовольственного рынка, особенно в части соблюдения принципов безопасности пищевой продукции.

Экспертиза – особый тип прикладных исследований, предполагающий критическое рассмотрение документов (решений и проектов решений), с тем чтобы максимально сократить вероятность ошибочного решения.

В настоящее время в России в большинстве случаев процедуры подбора экспертов сроки экспертизы, содержание и качество экспертного заключения, обязательность его публикации и прочее слабо регламентированы.

В качестве негативных аспектов организации и проведения экспертизы нормативных и регламентирующих документов федерального уровня, регулирующих производственную деятельность на рынке продовольственных товаров, можно выделить следующее:

1. В процессе подготовки решений необходимо обязательное наличие экспертных заключений как от бизнеса, так и от науки. Например, в Государственной Думе есть правовая и лингвистическая экспертиза законов, но нет научной. Экс-

перт может быть выдвинут заинтересованной стороной, что дает возможность формировать и поддерживать лоббистские каналы [16].

2. В экспертизе нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, проводимой Департаментом оценки регулирующего воздействия Минэкономразвития России, активно участвуют члены некоммерческого партнерства «Союз участников потребительского рынка» (СУПР) в целях выявления в них положений, необоснованно затрудняющих ведение предпринимательской и инвестиционной деятельности. При этом позиция СУПР отражает прежде всего консолидированную политику лоббирования корпоративных интересов входящих в нее членов.

В список участников данного некоммерческого партнерства входит большое количество производителей продуктов питания, в том числе такие пищевые гиганты, как Mars, Nestle, Coca-Cola, Ferrero, Nutricia, Danon, Unilever, Kraft foods и др. Основной целью партнерства является обеспечение наиболее полного учета позиции членов НП «СУПР» при разработке и реализации требований законодательства Российской Федерации и Таможенного союза в сфере производства и обращения пищевой продукции и в других вопросах регулирования пищевой промышленности.

По заявлению «Союза участников потребительского рынка» [17], он представляет интересы добросовестных предпринимателей в интересах потребителей. Однако список участников данного союза и объявленные цели функционирования некоммерческого партнерства дают основания усомниться в их заинтересованности в защите интересов потребителей.

3. Лоббирование интересов предприятий становится политикой и такого государственного органа, как Росстандарт –

Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии, которое находится в ведении Министерства промышленности и торговли Российской Федерации.

Согласно пункту 5.3.2 Положения о данном ведомстве, осуществление экспертизы проектов национальных стандартов входит в полномочия Росстандарта. Глава этого ведомства Григорий Элькин в своем выступлении в апреле 2013 года на заседании Федерального межотраслевого совета «Деловой России» высказал свою позицию относительно целевых установок при экспертизе стандартов: «Наша цель – лоббирование интересов наших предприятий, нашей промышленности, наших достижений. Потому что международная стандартизация, как и вообще стандартизация, – это один из способов лоббирования» [18].

Возникает вопрос: как тогда будут реализовываться идеи, изложенные в Концепции развития национальной системы стандартизации, согласно которым данная система в условиях глобализации призвана обеспечить баланс интересов государства, хозяйствующих субъектов, общественных организаций и потребителей? Хотя стоит отметить, что именно национальному органу по стандартизации, в соответствии с вышеуказанной Концепцией, вменяется в перечень обязательств задача разработки механизмов участия заинтересованных сторон в формировании общей политики в области стандартизации.

В сложившейся ситуации подготовка на законодательном уровне стандартов качества применительно к пищевым продуктам без должного уровня научной и общественной экспертизы по влиянию на биобезопасность человека является опасной политикой, позволяющей компаниям реализовывать свои коммерческие интересы во вред потребителям.

Нами предлагается ряд направлений по повышению значимости экспертной составляющей в процессе оценки неизученных последствий использования новых технологий и сырьевых ингредиентов в пищевой индустрии.

1. В условиях, когда главной мотивирующей силой производителей продовольствия и торговли является прибыль, современная система нормативных и законодательных актов в области регулирования рынка продовольственной продукции должна представлять собой рациональную систему «сдержек и противовесов», для того чтобы наступающая «биоэкономика» в сфере продовольствия не пошла во вред природе человека. При формировании и создании такой регулирующей системы особая роль должна принадлежать науке. Считаем необходимым дополнить список приоритетных научных исследований РФ тематикой, связанной с предложениями по разработке прогнозных сценариев развития продовольственного рынка России с учётом современных вызовов и угроз, обусловленных новыми процессами в технологиях пищевых производств, био- и нанотехнологиях, подходами к управлению затратами пищевых холдингов-конгломератов на рынках продовольственных товаров. Результаты научных исследований должны быть положены в основу формирования информационных баз данных в сфере регулирования пищевой продукции на общероссийском уровне, которые могут и должны быть использованы при разработке проектов технических регламентов как доказательная база закладываемых в регламенты принципов, положений и требований.

2. Для задания вектора по дальнейшему развитию научных исследований в сфере продовольствия необходимо дополнение списка критических технологий федерального уровня технологиями, связанными с

обеспечением биобезопасности человека. Развитие данной отрасли знаний будет способствовать правильной расстановке приоритетов в целях принятия в будущем соответствующих мер вмешательства в процессы формирования и развития национального рынка продовольствия.

3. Междисциплинарный характер исследования проблем современной пищевой индустрии обуславливает необходимость координации экспертных заключений при подготовке документов по регулированию продовольственного рынка, обеспечивающих гармонизацию корпоративных и общественных интересов

Необходимо расширение палитры инструментов партнерства в экспертном сообществе путем создания ассоциаций аналитиков и экспертов, которые могли бы объединить различные категории специалистов.

4. Необходимо обеспечение транспарентности в процессе подготовки решений. Публичное освещение позволит населению критично оценивать товарное предложение на рынке продовольствия и выбирать продукты, соответствующие принципам здорового питания.

Население как главный потребитель продовольственной продукции может реально участвовать в процессе формирования системы регулирования товарного предложения «голосуя рублем». Считается, что население в полной мере отвечает за выбор полезной и качественной продукции для своего потребления.

Однако среднестатистическому покупателю не просто разобраться во всем многообразии предлагаемого ассортимента в условиях агрессивного маркетинга производителей, который направлен на поддержание политики консюмеризма (чрезмерного потребления товаров и услуг) и выдает за инновацию любое новшество как в содержимом, так и в упаковке. Пока массовый потребитель не начнет разби-

раться в продуктах, отличать «полезное и натуральное» от просто «красивого и вкусного», торговые сети будут делать выбор в пользу последних.

Следует признать, что большинство населения оказалось не готовым к восприятию здорового питания, и этим воспользовались производители, когда ответственность за качество продукции возлагается не на регулирующие органы, а на предприятия непосредственно. Население в основном сохранило прежний образ мышления и верит в то, что «все, что есть на прилавке, проверено, допущено, разрешено и принесет им пользу». Так, приверженность населения к консервативной модели потребления на продуктовых рынках подтверждается результатами масштабного исследования маркетинговой компании «Старт маркетинг» [19].

Для того чтобы помочь населению сделать осознанный шаг в борьбе за свои интересы, считаем необходимым расширить функции экспертного сообщества по просветительской работе в части формирования рационального пищевого поведения у населения и информирования покупателей о современных особенностях промышленного производства сырья и готовой пищевой продукции.

Заключение

На современном этапе развития рынка продовольственных товаров имеет место усиливающаяся асимметрия интересов потребителей и производителей пищевой продукции в части ее качества и пищевой ценности. Анализ показал, что Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» и технические регламенты не обеспечивают согласование указанных интересов и требуют дальнейшего совершенствования в интересах населения.

К характерным особенностям современного промышленного производства продуктов питания следует отнести увели-

чение выпуска продукции, содержащей большое количество химических ингредиентов, позволяющих снизить издержки предприятий, обеспечить возможность увеличения сроков продаж и хранения продуктов. Стратегии эффективности производства и торговли, продвигающей продовольственные товары к потребителям без учета требований к полезности продуктов питания, становятся главными движущими силами инновационного процесса в пищевой индустрии.

В этих условиях необходимо усиление роли экспертизы и ее публичного освещения в области разработки новых продуктов и новых технологий производства пищевых продуктов, регламентирующих и нормативных документов, чтобы не допустить превращения рынка продовольствия в глобальную сферу практических экспериментов. На наш взгляд, наличие грамотной экспертизы позволит выработать адекватные механизмы, регулирующие производство продовольственных товаров.

Источники

1. URL: <http://foodinnovation.ru/articles/5190.html> (дата обращения: 07.11.2013).
2. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности Российской Федерации на период до 2020 года» от 17.04.2012 г. №559-р. – URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=128940> (дата обращения: 07.11.2013).
3. URL: <http://www.raexpert.ru/ratings/expert400/> (дата обращения: 07.11.2013).
4. Официальный сайт компании PepsiCo. – URL: http://www.pepsico.ru/company/pepsico_in_russia/ (дата обращения: 07.11.2013).
5. Участие иностранного капитала в пищевой промышленности. – URL: <http://www.mcx-consult.ru> (дата обращения: 12.11.2013).
6. О качестве и безопасности пищевых продуктов: федеральный закон от 02.01. 2000 г. № 29. – URL: <http://www.flexa.ru/law/zak/zak057-3.shtml> (дата обращения: 07.11.2013).
7. Паршев, А. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остается здесь / А. Паршев. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – 350 с.
8. Мартынюк, И.А. Проблемы экологической безопасности пищевых добавок и определения их токсичности методом биотестирования: автореферат дис. на соискание ученой степени канд. биол. наук / И.А. Мартынюк. – Москва: Московская сельскохозяйственная академия имени К.А. Тимирязева, 2002.
9. Усенко, Н.И. Против «мусорной» еды: метаморфозы пищевой индустрии и продовольственная безопасность / Н.И. Усенко, В.М. Позняковский // ЭКО. – 2012. – № 8. – С. 175-189.
10. Биктимирова, З. Качество жизни: продовольственная безопасность / З. Биктимирова // Экономист. – 2004. – № 2. – С. 78-84.
11. URL: <http://maplecroft.com/portfolio/new-analysis/2013/05/13/maplecrofts-new-obesity-risk-index-highlights-global-nature-obesity-epidemic/> (дата обращения: 10.11.2013).
12. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2358439/Mexico-takes-America-fattest-nation-earth.html> (дата обращения: 10.11.2013).
13. URL: <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=55123> (дата обращения: 10.11.2013).
14. URL: <http://expert.ru/siberia/2013/44/ochen-vrednyj-perekus/> (дата обращения: 08.11.2013).
15. Усенко, Н.И. Мифы о качестве (особенности современного промышленного производства пищевой продукции) / Н.И. Усенко, В.М. Позняковский, А.Г. Оловянишников // ЭКО. – 2013. – № 6 (9468). – С. 133-148.
16. Барсукова, С.Ю. Рынок соков в России: прошлое, настоящее и будущее / С.Ю. Барсукова // ЭКО. – 2009. – № 12. – С. 111-121.
17. Официальный сайт НП «Союз потребительского рынка». – URL: <http://www.np-supr.ru/> (дата обращения: 12.11.2013).
18. URL: http://rostandart.ru/news/standartizaciya_odin_iz_sposobov_lobbirovaniya_interesov_rossijskih_predpriyatij (дата обращения: 07.11.2013).
19. URL: <http://www.startmarketing.ru/news/121> (дата обращения: 12.11.2013).

Usenko N.I., Otmakhova Y.S., Olovyanishnikov A.G.

The issues of asymmetry of corporate and public interests in the food market

Natal'ya Ivanovna Usenko – Ph.D. in Economics, Professor at the Department of Economics, Non-Governmental Educational Institution of Higher Professional Education “Kuzbass Institute of Economics and Law” (2, 40 Let Oktyabrya Street, Kemerovo, 650065, Russia, N.I.Usenko@yandex.ru)

Yuliya Sergeevna Otmakhova – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate at the Department of Economic Informatics, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics and Organization of Industrial Production, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Academician Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russia, serdukovajulia@yandex.ru)

Aleksandr Gennad'evich Olovyanishnikov – Ph.D. in Economics, Senior Lecturer at the Department of System Management and Entrepreneurship Economics, National Research Tomsk State University (36, Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia, olov.aleks@gmail.com)

Abstract. The article analyzes the present-day condition of Russia's food market from the viewpoint of coordination of interests of population and corporate interests of producers. The author points out that the provisions of the existing legal documents regulating the quality and safety of foodstuffs facilitate the growth of asymmetry in these interests. The article considers the manifestation of imbalance and the consequences of consumption of foodstuffs, produced with the use of new technology and receipts. It proposes the ways to smooth the asymmetry of interests by enhancing the role of experts in drafting the state decisions on the development the national food market from the standpoint of complying with the principles of food products safety.

Key words: food market, quality, corporate interests, multinational companies, food security, expert community.

References

1. Available at: <http://foodinnovation.ru/articles/5190.html> (access date: November 07, 2013).
2. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF "Ob utverzhdenii Strategii razvitiya pishchevoi i pererabatyvayushchei promyshlennosti Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda" ot 17.04.2012g. №559-r* [RF Government Resolution “On Approval of the Strategy for the Development of Food and Processing Industry in the Russian Federation for the Period till 2020” of April 17, 2012 No.559-r]. available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=128940> (access date: November 07, 2013).
3. Available at: <http://www.raexpert.ru/ratings/expert400/> (access date: November 07, 2013).
4. *Ofitsial'nyi sait kompanii PepsiCo* [Official Website of PepsiCo]. Available at: http://www.pepsico.ru/company/pepsico_in_russia/ (access date: November 07, 2013).
5. *Uchastie inostrannogo kapitala v pishchevoi promyshlennosti* [The Participation of Foreign Capital in the Food Industry]. Available at: <http://www.mcx-consult.ru> (access date: November 12, 2013).
6. *O kachestve i bezopasnosti pishchevykh produktov: federal'nyi zakon ot 02.01. 2000g. № 29* [About the Quality and Safety of Food Products: the Federal Law of January 02, 2000 No.29]. Available at: <http://www.flexa.ru/law/zak/zak057-3.shtml> (access date: November 07, 2013).
7. Parshev A. *Pochemu Rossiya ne Amerika. Kniga dlya tekhn, kto ostaetsya zdes'* [Why Russia Is Not America. The Book for Those Who Remain Here]. Moscow: AST: Astrel', 2009. 350 p.
8. Martynyuk I.A. *Problemy ekologicheskoi bezopasnosti pishchevykh dobavok i opredeleniya ikh toksichnosti metodom biotestirovaniya: avtoreferat dis. na soiskanie uchenoi stepeni kand. biolog. nauk* [The Issues of Ecological Safety of Food Additives and Determining Their Toxicity by the Method of Biotesting. Ph.D. in Biology Thesis Abstract]. Moscow: Moskovskaya sel'skokhozyaistvennaya akademiya imeni K.A. Timiryazeva, 2002.

9. Usenko N.I., Poznyakovskii V.M. Protiv "musornoi" edy: metamorfozy pishchevoi industrii i prodovol'stvennaya bezopasnost' [Against "Junk" Food: the Transformations of the Food Industry and Food Security]. *EKO*, 2012, no.8, pp. 175-189.
10. Biktimirova Z. Kachestvo zhizni: prodovol'stvennaya bezopasnost' [Quality of Life: Food Security]. *Ekonomist* [Economist], 2004, no.2, pp. 78-84.
11. Available at: <http://maplecroft.com/portfolio/new-analysis/2013/05/13/maplecrofts-new-obesity-risk-index-highlights-global-nature-obesity-epidemic/> (access date: November 10, 2013).
12. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2358439/Mexico-takes-America-fattest-nation-earth.html> (access date: November 10, 2013).
13. Available at: <http://www.medlinks.ru/article.php?sid=55123> (access date: November 10, 2013).
14. Available at: <http://expert.ru/siberia/2013/44/ochen-vrednyij-perekus/> (access date: November 08, 2013).
15. Usenko N.I., Poznyakovskii V.M., Olovyanishnikov A.G. Mify o kachestve (osobennosti sovremennogo promyshlennogo proizvodstva pishchevoi produktsii) [Myths about the Quality (Specifics of Modern Industrial Production of Foodstuffs)]. *EKO*, 2013, no.6(9468), pp. 133-148.
16. Barsukova S.Yu. Rynok sokov v Rossii: proshloe, nastoyashchee i budushchee [Juice Market in Russia: Past, Present and Future]. *EKO*, 2009, no.12, pp. 111-121.
17. Ofitsial'nyi sait NP "Soyuz potrebitel'skogo rynka" [Official Website of the Union of Consumer Market Participants]. Available at: <http://www.np-supr.ru/> (access date: November 12, 2013).
18. Available at: http://rostandart.ru/news/standartizaciya_odin_iz_sposobov_lobbirovaniya_interesov_rossijskih_predpriyatij (access date: November 07, 2013).
19. Available at: <http://www.startmarketing.ru/news/121> (access date: November 12, 2013).

Что препятствует развитию малого бизнеса: взгляд предпринимателей Мурманской области

**Татьяна Игоревна
БАРАШЕВА**

кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина Кольского научного центра РАН (184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 24а, barasheva@iep.kolasc.net.ru)

Аннотация. Замедление в последние годы темпов роста российского сектора малого и среднего предпринимательства вновь выводит на первый план поиск новых путей и механизмов в сфере управления его субъектами. Необходимым условием такого поиска служит ориентация на проблемы, которые препятствуют развитию данного сектора и которые могут быть установлены исключительно в ходе формирования ценной и достоверной информации – коллективного мнения его представителей.

В связи с этим информационной базой для анализа явились результаты ряда исследований, инициированных Общероссийской общественной организацией «Опора России» (г. Москва), ее региональным отделением (г. Мурманск) и Северной торгово-промышленной палатой, полученные в ходе анкетного опроса, который проводился среди предпринимателей с целью выявления их оценки в отношении условий ведения предпринимательской деятельности.

Обобщение результатов исследований, а также дополнительной информации, полученной автором при взаимодействии с представителями субъектов малого бизнеса и работниками прокуратуры, позволило определить основные проблемы, причины их возникновения и последствия их воздействия на деятельность предпринимательского сектора Мурманской области.

По мнению значимой части предпринимателей, решающую роль в создании и развитии в рассматриваемом регионе данного сектора играет такой фактор, как предпринимательский климат.

Несмотря на сложность ситуации, предприниматели не теряют надежды на решение их проблем и видят залог этого в эффективной работе органов власти субъекта РФ и муниципальных образований.

Сделанные автором выводы могут стать ориентиром для дальнейших преобразований в сфере управления субъектами малого предпринимательства Мурманской области.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства; предпринимательский климат; факторы, препятствующие развитию малого и среднего бизнеса.

Для российских регионов и муниципальных образований развитие малого и среднего бизнеса, способного обеспечить положительные социально-экономические эффекты, является одной из наиболее актуальных задач сегодняшнего дня. С целью решения данной задачи необходимо создавать благоприятные условия для функционирования субъектов малого и среднего предпринимательства и действенные механизмы управления ими и их поддержки, чему способствует широкий опыт проведения российскими и зарубежными специалистами научных исследований и экспертных оценок, позволяющий всесторонне и комплексно изучить проблемы развития данного сектора экономики.

Так, в ходе исследования, выполненного КПМГ¹ более чем в 110 городах в 14 странах мира и охватившего такие отрасли экономики, как промышленность, цифровые технологии, НИОКР и т.д., был осуществлен анализ возможностей для ведения бизнеса, базирующийся на оценке стоимости труда, страхования, подключения к коммуникациям, транспортных расходов, налогообложения и привлечения финансирования. По результатам исследования выявлено, что из развитых стран наиболее привлекательные условия с точки зрения стоимости затрат на ведение бизнеса предлагает Великобритания, а среди быстроразвивающихся рынков по этому показателю лидирует Китай. Россия в рейтинге самых дешевых стран для ведения бизнеса заняла четвертое место из девятнадцати, опередив США и ряд развитых стран, но пропустив вперед Индию, Китай и Мексику [6].

Несмотря на оптимистичные выводы из приведенного выше исследования, оценивающего Россию как обладателя низких затрат на ведение бизнеса, что, безусловно,

¹ КПМГ – это международная сеть фирм, предоставляющих аудиторские, налоговые и консультационные услуги [6].

должно стимулировать субъекты малого и среднего предпринимательства к развитию, практика, однако, свидетельствует об обратном: по масштабам развития малого и среднего бизнеса Россия существенно уступает большинству зарубежных государств.

Причины такого состояния дел раскрывает исследование, инициированное Общероссийской общественной организацией «Опора России» и направленное на выявление качества предпринимательского климата в российских регионах [7]. Как показал анализ данных исследования, участниками которого стали шесть тысяч российских собственников и руководителей предприятий малого и среднего бизнеса из сорока регионов Российской Федерации, отнюдь не стоимость ведения бизнеса выступает определяющим фактором для принятия решения о его открытии.

Представители российского малого бизнеса – участники опроса – называют наиболее значимыми препятствиями как на этапе создания новых малых и средних предприятий, так и в ходе их дальнейшего развития низкий уровень обеспеченности персоналом требуемой квалификации, спад спроса, низкую доступность финансовых ресурсов, коррупцию и др. (табл. 1). И если острота проблем, связанных с падением спроса и низкой доступностью финансовых ресурсов, в целом по России к 2012 году несколько снизилась, то подбор персонала требуемой квалификации вызывает наибольшую озабоченность среди предпринимателей. Данная ситуация характерна для большинства субъектов РФ, в том числе и для Мурманской области.

Судя по данным этого опроса, 37% представителей субъектов малого и среднего предпринимательства Мурманской области заявили о низкой доступности персонала, из них 62% – испытывают трудности в найме квалифицированных рабочих, в том числе 20% – отмечают, что

Таблица 1. Препятствия для развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации (в % от числа опрошенных)

Препятствие	2011	2012
Нехватка на рынке труда «персонала требуемой квалификации»	43	47
Падение спроса	33	18
Низкая доступность финансовых ресурсов	30	22
Развитие небольших компаний сдерживает коррупция	13	8
Высокий уровень социальных платежей	0	36
Составлено автором по: Что мешает предпринимателям в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dasreda.ru/club/power/2546/		

рабочих необходимого уровня квалификации найти практически невозможно. В то же время 56% респондентов испытывают трудности в поиске кадров инженеров и технических специалистов, причём 18% участников опроса полностью исключают возможность их привлечения.

Профессионально-квалификационное несоответствие между спросом и предложением рабочей силы на рынке труда области является давним и большим вопросом [2, с. 76]. Одна из причин этого заключается в том, что структура вакансий, заявляемых работодателями в центр занятости, не отличается стабильностью. Так, был период, когда наибольшее число работников требовалось на предприятиях, деятельность которых связана с операциями с недвижимым имуществом. В настоящее время наибольшее количество работников требуется в сфере торговли и добычи полезных ископаемых, несколько меньшее число вакансий заявляют компании, специализирующиеся на операциях с имуществом, учреждения сферы здравоохранения и предприятия обрабатывающих производств.

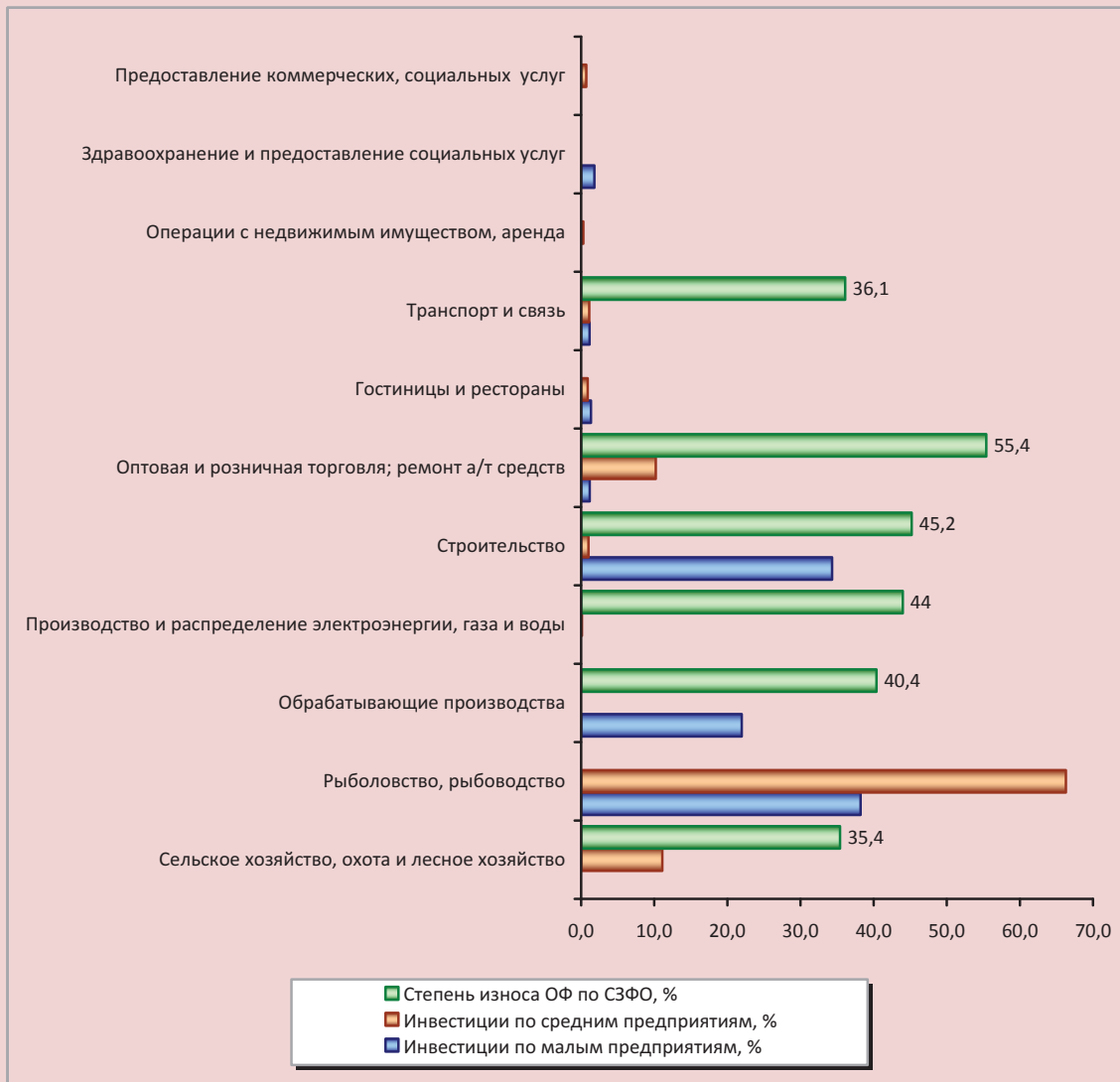
Кроме того, диспропорции в размещении производительных сил и специфика деятельности хозяйствующих субъектов также могут вызывать у предприятий рост потребности в квалифицированных кадрах на фоне общего избытка рабочей силы на рынке труда муниципальных образований. Например, в городе Мурманске работода-

телям было заявлено 343 вакансии рыбообработчиков, обратились 104 человека, а в связи с отсутствием у большинства из них требуемого квалификационного разряда на работу приняты лишь 39 человек [10].

Не снизило остроты этой проблемы и создание за период рыночных преобразований высших и средних учебных заведений в городах области. Так, доля выпускников учреждений ВПО и СПО в Мурманской области превышает 70%, а учреждений НПО – 30%. Среди вакансий, заявленных в службу занятости, около 80% приходится на рабочие профессии, 20% – на специалистов. Эти данные свидетельствуют, что система профессионального образования продолжает наращивать подготовку кадров по невостребованным специальностям [5]. Отсутствие рациональной государственной политики еще на этапе подготовки молодого кадрового состава приводит к несоответствию профессионально-квалификационной структуры выпускников потребностям экономики и составу имеющихся вакансий.

Другим препятствием для развития своего бизнеса предприниматели Мурманской области называют низкую доступность финансовых ресурсов (34% респондентов), особенно получение «длинных» денег. Больше половины участников опроса утверждает, что долгосрочные кредиты получить сложно, а 23% – практически невозможно, тогда как потребность

Рисунок 1. Структура инвестиций и степень износа основных фондов малых и средних предприятий Мурманской области по видам экономической деятельности, в %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. - М., 2011. - 990 с.

в заемных средствах, испытываемая представителями малого бизнеса, огромна. На фоне высокой степени износа активной части основных фондов малых и средних предприятий (рис. 1), уровень которого по отдельным видам экономической деятельности достигает критического [4, с. 58], объемы инвестирования по предприятиям малого и среднего бизнеса продолжают оставаться низкими, о чем также свидетельствует 69 место, занимаемое

Мурманской областью среди всех регионов Российской Федерации по показателю объема инвестиций в основной капитал малых предприятий, исчисленному на душу населения [8].

В связи с тем что большее число субъектов предпринимательского сектора области задействовано в сфере оптовой и розничной торговли, свыше 60% респондентов отмечают постоянную потребность в оборотных средствах, признавая, как

правило, в качестве возможного источника их пополнения банковский кредит. Вместе с тем, несмотря на то что банковский кредит является для них удобным инструментом увеличения оборотного капитала, его высокая стоимость и ограниченный срок использования делают этот вид финансирования малодоступным для бизнеса. При этом и сами банки недостаточно активно участвуют в данном процессе по причине непрозрачности деятельности малого бизнеса и отсутствия у него ликвидного залогового обеспечения. Если первое основание не позволяет банку сформировать объективную оценку потенциального заемщика с точки зрения жизнеспособности и рентабельности его бизнеса, то второе — способствует увеличению кредитных рисков. В связи с этим кредитные учреждения большее предпочтение отдают кредитованию физических лиц, нежели субъектов малого и среднего предпринимательства [11].

С целью повышения интереса финансовых учреждений к заемщикам в лице субъектов малого предпринимательства органы управления используют различные механизмы государственного регулирования — через фонды поддержки малого предпринимательства, целевые программы, разработанные на региональном уровне [1, с. 80], и другие механизмы, предусматривающие субсидирование затрат по договорам кредитования и предоставление госгарантий. Использование госгарантий позволяет снизить банковские риски, а система субсидирования затрат на погашение ставки облегчает доступ малого бизнеса к кредитным ресурсам [3].

Так, материалы Министерства экономического развития Мурманской области позволяют оценить масштабы реализации системы субсидирования в регионе. В 2010 году в структуре субсидируемых договоров

наибольшая доля (82,8%) приходилась на субсидирование затрат по договорам кредитования (займы, кредитная линия) в части оплаты процентной ставки за пользование кредитом на реализацию инвестиционных проектов. Однако в 2011 году удельный вес договоров, приходящихся на погашение кредитов, сократился на 30%. В 2012 году начали преобладать договоры о субсидировании затрат финансовой аренды (лизинг) в части оплаты услуг лизингового процента, а также в части оплаты первого взноса (аванс) при заключении договора лизинга на оборудование и доля этих договоров достигла 80,5% от общего объема всех заключенных договоров.

Следует обратить внимание на то, что, при фактически действующих 6934 единицах микро-, малых и средних предприятий, а также более чем 17 тысячах индивидуальных предпринимателей, участниками процесса субсидирования становится весьма ограниченный круг субъектов малого и среднего предпринимательства — в 2010 году было рассмотрено 103 заявки и назначена субсидия 96 нуждающимся, в 2011 году из 140 заявителей удовлетворены были 140 единиц. Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что система субсидирования, реализуемая в регионе, не достигла пика своей популярности среди субъектов малого предпринимательства, а ее ограниченные масштабы не способны изменить ситуацию со сложившимся дефицитом инвестиционных ресурсов и значительной изношенностью основных фондов.

К другим не менее важным проблемам предприниматели области относят: низкую доступность земельных участков, промышленных и складских помещений (отметили 15% респондентов); низкую доступность новых энергетических мощностей и высокие тарифы на электроэнергию (13%).

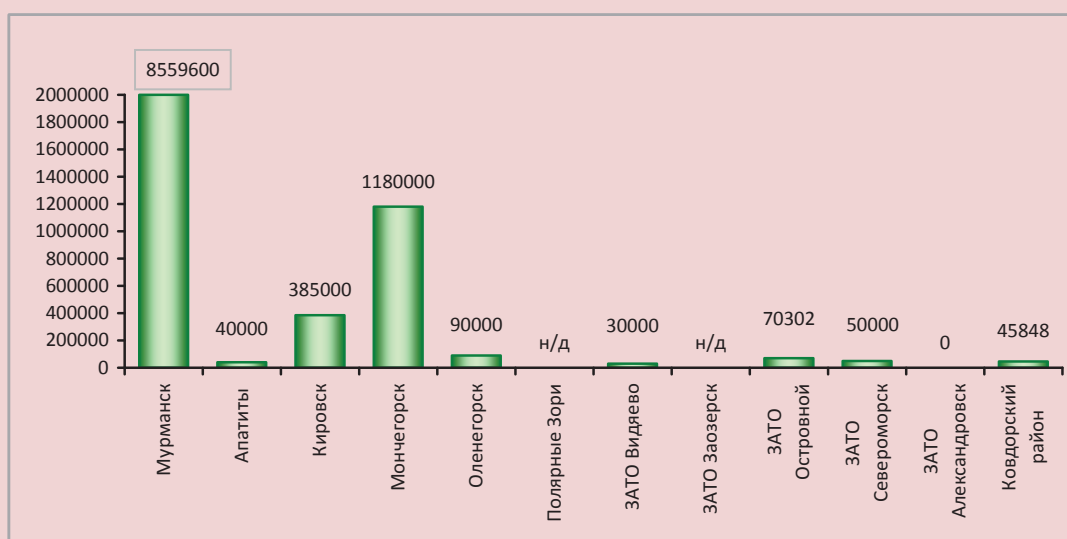
По мнению 39% респондентов, подбор земельных участков и недвижимости сложен, а 15% – считают его крайне сложным или невозможным по причине роста кадастровой стоимости земли, высокой аренды и коррупции при выделении земельных участков. По оценкам около 75% руководителей компаний, организация подключения к энергетическим мощностям значительно осложнена, в т.ч. 45% – утверждают, что подключение осуществить практически невозможно из-за высокой стоимости операций, технологических сложностей, а также распространения коррупции в данной сфере.

Таким образом, хотя в регионе разработаны и приняты программы поддержки предпринимательского сектора и малый бизнес высоко осведомлен о их реализации (на что указало свыше 71% респондентов), участниками государственных программ сегодня стали лишь 3%, а муниципальных – 1% общего числа субъектов малого и среднего предпринимательства области.

В ходе личных контактов автора с представителями малого и среднего бизнеса установлены некоторые причины низкой вовлеченности предпринимателей в государственные программы поддержки, а именно: неуверенность в достижении результата; большой объем документов, который требуется для участия в программах, и длительность процесса; низкая осведомленность о программах развития инфраструктуры поддержки; ограничение средств на реализацию программ, особенно муниципальных.

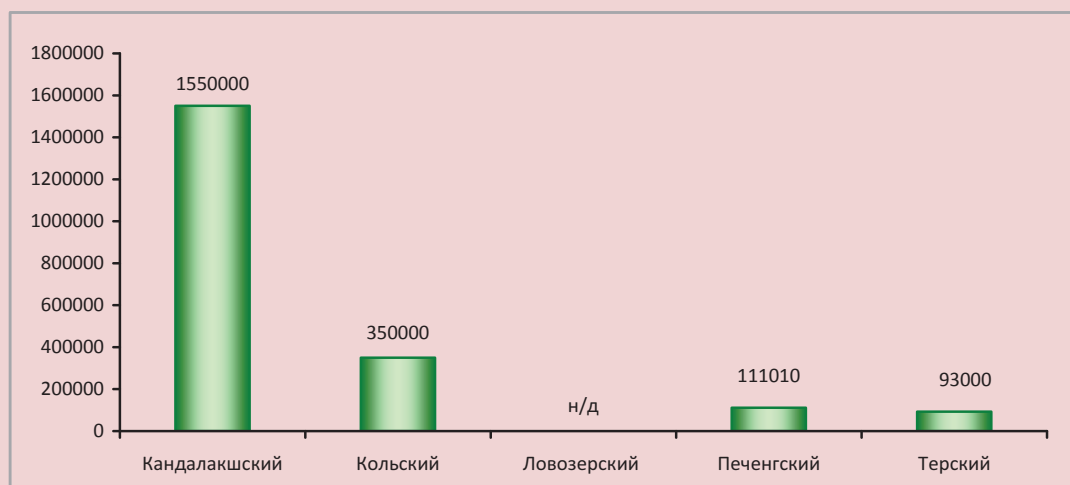
Рисунки 2 и 3 показывают невысокий уровень финансирования муниципальных программ, составляющий в среднем чуть выше 600 тысяч рублей. Только в двух муниципалитетах объем финансирования превысил средний показатель. В то же время в городе Апатиты, втором в регионе муниципальном образовании по численности населения и масштабам развития малого бизнеса, уровень финансирования соответствует одному из самых низких значений.

Рисунок 2. Объем финансирования программ в городских округах Мурманской области в 2012 г., руб.

Источник: Результаты сравнительного анализа предпринимательского климата в муниципальных образованиях Мурманской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opora51.ru/klimatt.html>.

Рисунок 3. Объем финансирования программ в муниципальных районах в 2012 г., руб.

Источник: Результаты сравнительного анализа предпринимательского климата в муниципальных образованиях Мурманской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opora51.ru/klimatt.html>

Кроме того, денежные средства, предназначенные на развитие малого и среднего бизнеса и заложенные в расходы бюджетов городов и районов области, можно назвать условными, поскольку их величина колеблется в расчете на 1000 человек от 0 до 32 тысяч рублей.

Участники опроса высказали также нарекания в части низкой активности деятельности региональных администраций и, соответственно, сдержанно оценили её (около 80% респондентов говорят о недостаточном внимании органов власти и управления к малому бизнесу). И только 5% субъектов малого предпринимательства заявляют, что этот сектор экономики является приоритетным для региональной администрации.

Другим препятствием для развития бизнеса участники опроса (8%) называют высокий уровень коррупции. Более 53% респондентов испытывают коррупционное давление при получении господдержки (субсидии, предоставление помещений на льготных условиях и др.), 53% – при выделении земли, 44% – в доступе к государственным и муниципальным заказам.

В подтверждение сказанного приведем факты нарушений в сфере государственной поддержки, которые были выявлены в ходе проверки и представлены работниками прокуратуры Мурманской области на заседании «круглого стола», проведенного в рамках дней предпринимательства на торгово-промышленной выставке-ярмарке «Имандра-2013». Отмечались такие случаи, как: навязывание платных услуг представителями бизнес-инкубатора (выдача за дополнительную плату документов, справок); без проведения торгов осуществлялась передача помещений в аренду; должностное лицо препятствовало уплате арендных платежей, что в дальнейшем явилось причиной начисления штрафов предпринимателю. По результатам проверок, инициированных самими предпринимателями, со стороны государственных органов выявлены нарушения закона, число которых увеличилось более чем в 2 раза по сравнению с уровнем 2011 года.

Вместе с тем работники прокуратуры отмечают снижение числа обращений субъектов малого и среднего предприни-

мательства в судебные органы по вопросам, связанным с коррупционными действиями чиновников. Так, за 2012 год в прокуратуру области от субъектов малого бизнеса поступило 49 заявлений, в то время как число обращений от граждан превысило восемь тысяч. Это может свидетельствовать о том, что предприниматели смирились с фактами коррупции – данное явление признается ими как повседневное и повсеместное. Из 42% респондентов, давших согласие на участие в обсуждении вопроса о коррупции, 16% решают такие проблемы самостоятельно, практикуя неформальные выплаты чиновникам в виде «откатов», различного рода «поборов», благодарности.

Хотя представители предпринимательского сектора Мурманской области не выделяют коррупцию как один из первостепенных факторов, препятствующих развитию компаний, тем не менее в сравнении с общей усредненной оценкой, учитывающей мнение участников опроса из сорока регионов РФ, коррупция в области проявляется более масштабно, особенно в сфере господдержки (табл. 2).

Что касается административных барьеров, то их наличие признают более 75% респондентов. О высоком и крайне высо-

ком уровне их распространенности высказываются около 30% опрошенных, что обусловлено, как считают предприниматели, несовершенным законодательством и неэффективной работой государственных служб. Как выявлено, только 25% участников опроса озабочены ростом числа внеплановых проверок (по данным прокуратуры Мурманской области, нарушения, связанные с этим, были выявлены в деятельности пожарной инспекции и Санэпиднадзора), однако большинство респондентов, подвергшихся данным процедурам, утверждают, что проверяющие инстанции ориентируются не на количество, а скорее на качество, что выражается в избыточном «рвении» при проверках.

Как показал опрос, перестала тревожить предпринимателей проблема давления криминальных структур и большее беспокойство вызывает процесс взаимодействия с правоохранительными органами.

Значительная роль на этапе развития бизнеса, по мнению предпринимателей, отводится федеральным законодательным инициативам. Среди них положительными бизнес считает: введение патентной системы налогообложения; добровольное решение о переходе на единый налог на

Таблица 2. Оценка распространенности коррупции и ее влияние на малый и средний бизнес Мурманской области

Сфера коррупции	Среднее	
	по сорока регионам	по Мурманской области
Подключение к инфраструктуре (энергетика, тепло, газ и др.)	29	68
Выделение земли	31	53
Получение господдержки (субсидии, помещения на льготных условиях и др.)	30	53
Прохождение проверок (санитарные, пожарные и др.)	32	53
Доступ к госзаказу, а также муниципальному заказу	32	44
Получение сертификатов, лицензий (техрегулирование)	27	41
Прохождение таможенных процедур	17	14
Расчет и уплата налогов	17	14
Судебные процессы	15	13
Наем иностранной рабочей силы	9	4

Составлено автором по: Предпринимательский климат в России: индекс ОПОРЫ 2010–2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nisse.ru/business/article/article_1756.html?effort=

временный доход; увеличение до 60 млн. критерия (выручка от реализации продукции / работ, услуг), позволяющего перейти на упрощенную систему налогообложения; реформирование налога на имущество.

Введение закона, который ужесточил условия продажи алкогольной продукции, в ходе реализации которого произошло закрытие 38% функционирующих ларьков и перепрофилирование 20% ларьков на продажу непродовольственных товаров, а также более серьезное новшество – увеличение вдвое обязательных взносов в Пенсионный фонд, которое в 2011 году коснулось малых и средних предприятий, а с 2013 года распространилось и на индивидуальных предпринимателей, – негативно восприняты малым и средним бизнесом, что выразилось в отрицательной динамике показателей их развития. По данным ФНС России, в 2010 году закрылось 2,4 млн., в 2011 году – 3 млн., в 2012 году – 3,7 млн., а за три месяца 2013 года – 300 тыс. индивидуальных предпринимателей.

В Мурманской области нововведениями были полностью перечеркнуты результаты работы органов власти и общественных организаций по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства, включающие создание 400 индивидуальных предпринимателей по результатам реализации программы «Шаг за шагом», а также создание только за полтора месяца 2013 года более 700 индивидуальных предпринимателей в связи с разработкой и принятием на территории региона обновленной патентной системы. За два первых месяца 2013 года после введения повышенных тарифов страховых взносов в государственные внебюджетные фонды более 1200 человек сдали свидетельства и перестали осуществлять предпринимательскую деятельность.

Влияние бизнес-климата на развитие предпринимательского сектора, как комментируют участники опроса, оценивается следующим образом: в посткризисный период состояние бизнеса ухудшилось. Это признали 60% респондентов, в том числе 35% – утверждают, что ухудшилось существенно. Более 60% – отмечают, что очень сложно организовать новый бизнес, можно сказать, практически невозможно.

В итоге, несмотря на все минусы, выявленные в работе региональных органов власти и управления в части формирования предпринимательского климата, субъекты малого и среднего предпринимательства не теряют надежды на то, что именно руководство области может способствовать росту активности предпринимательского сектора и созданию благоприятной конкурентной среды для их функционирования.

С этой целью деятельность органов власти, как информирует Северная ТПП, ссылаясь на результаты опроса предпринимателей Мурманской области, должна быть направлена: на снижение коррупции (отметили 45% респондентов), регулирование цен и тарифов на энергоносители (40%), снижение налогового бремени (35%) и административных барьеров (30%), повышение доступности помещений (25%) и создание прозрачного законодательства (20%).

Как можно заметить, выводы в части проблем, выявленных в ходе опроса, проведенного «Опорой России», идентичны результатам исследования, выполненного Северной ТПП, и свидетельствуют, что именно бизнес-климат, а совсем не стоимость ведения бизнеса играет решающую роль в создании и развитии предпринимательского сектора в Мурманской области.

Литература

1. Барашева, Т.И. Перспективы развития малого предпринимательства Мурманской области в условиях активизации мер государственного регулирования / Т.И. Барашева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 6. – С. 78-84.
2. Барашева, Т.И. Снижение напряженности на рынке труда Мурманской области / Т.И. Барашева // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2011. – Т. 2. – № 28. – С. 76-78.
3. Ефимова, Ю.В. Как клиенты оценивают кредитные продукты для малого и среднего бизнеса? [Электронный ресурс] / Ю.В. Ефимова // КонсультантПлюс.
4. Кобылинская, Г.В. Структурные особенности инвестиционных процессов в регионах Европейского Севера / Г.В. Кобылинская // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2013. – Т. 1. – № 32. – С. 57а-62.
5. Костюкевич, В.Ф. О прогнозе кадровых потребностей экономики и социальной сферы Мурманской области и подходах к формированию контрольных цифр приема в учреждения профессионального образования [Электронный ресурс] / В.Ф. Костюкевич. – Режим доступа: <http://www.mstu.edu.ru/news/files/doklad.pdf>.
6. КПМГ опубликовала результаты исследования развитых и быстроразвивающихся стран с точки зрения затрат на ведение бизнеса за 2012 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kpmg.com/RU/ru/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/press-releases/Pages/KPMG-has-published-the-results-of-the-survey-Competitive-Alternatives-2012.aspx>
7. Предпринимательский климат в России: индекс ОПОРЫ 2010–2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nisse.ru/business/article/article_1756.html?effort=
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
9. Результаты сравнительного анализа предпринимательского климата в муниципальных образованиях Мурманской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opora51.ru/klimatt.html>
10. Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socpol.ru/atlas/portraits/Murm.shtml> <http://>
11. Чертопруд, С. Чемодан без ручки [Электронный ресурс] / С. Чертопруд // КонсультантПлюс.
12. Что мешает предпринимателям в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dasreda.ru/club/power/2546/>

Barasheva T.I.

What hinders the development of small businesses: the view of the Murmansk Oblast entrepreneurs

Tat'yana Igorevna Barasheva – Ph.D. in Economics, Associate Professor, head of the Sector, Federal State-Financed Scientific Institution G.P. Luzin Institute of Economic Problems of Kola Scientific Centre of RAS (24A, Fersman Street, Apatity, Murmansk Oblast, 184209, Russia, barasheva@iep.kolasc.net.ru)

Abstract. In recent years there has been a slowdown in the growth rate of Russia's sector of small and medium entrepreneurship; this issue once again brings to the fore the search for new ways and mechanisms in the management of its subjects. A necessary condition for such a search consists in focusing on the problems that hinder the development of this sector and that can be revealed exclusively in the formation of valuable and accurate information – the collective views of its representatives.

In this regard, the information base for the analysis was found in the results of several studies initiated by the all-Russian public organization “OPORA Rossii” (Moscow), its regional branch in Murmansk and the Northern Chamber of Commerce and Industry; the results were obtained in the course of the questionnaire survey, which was conducted among entrepreneurs with the purpose of revealing their assessment of the terms of doing business.

The generalization of the research results and information obtained by the author in cooperation with representatives of small business and workers of the Prosecutor's Office has identified the main problems, their causes and consequences of their impact on the activity of the Murmansk Oblast business sector.

In the opinion of a significant part of businessmen, such factor as business climate plays a decisive role in the creation and development of the sector in the region.

Despite the complexity of the situation, entrepreneurs do not lose hope of solving their problems and see the solution to the problem in efficient work of the regional and municipal authorities.

The author's conclusions may become a reference point for further reforms in the sphere of management of small enterprises in the Murmansk Oblast.

Key words: small and medium enterprises; business climate; factors impeding the development of small and medium business.

References

1. Barasheva T.I. Perspektivy razvitiya malogo predprinimatel'stva Murmanskoi oblasti v usloviyakh aktivizatsii mer gosudarstvennogo regulirovaniya [Small Entrepreneurship Development Prospect in the Murmansk Region under State Regulation Measures Activization Circumstances]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2009, no.6, pp. 78-84.
2. Barasheva T.I. Snizhenie napryazhennosti na rynke truda Murmanskoi oblasti [Reduction of Tension in the Murmansk Oblast Labor Market]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Formation of Economic Order], 2011, vol. 2, no.28, pp. 76-78.
3. Efimova Yu.V. Kak klienty otsenivayut kreditnye produkty dlya malogo i srednego biznesa? [How do Customers Evaluate Loan Products for Small and Medium Business?]. *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
4. Kobylinskaya G.V. Strukturnye osobennosti investitsionnykh protsessov v regionakh Evropeiskogo Severa [Structural Specifics of Investment Processes in the Regions of the European North]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Formation of Economic Order], 2013, vol. 1, no.32, pp. 57a-62.
5. Kostyukevich V.F. *O prognoze kadrovyykh potrebnoy ekonomiki i sotsial'noi sfery Murmanskoi oblasti i podkhodakh k formirovaniyu kontrol'nykh tsifr priema v uchrezhdeniya professional'nogo obrazovaniya* [On the Forecast of Personnel Requirements of the Economy and Social Sphere in the Murmansk Oblast and Approaches to the Formation of the Target Figures of Enrolment in Institutions of Professional Education]. Available at: <http://www.mstu.edu.ru/news/files/doklad.pdf>.
6. *KPMG opublikovala rezul'taty issledovaniya razvitykh i bystrorazvivayushchikhsya stran s tochki zreniya zatrat na vedenie biznesa za 2012 god* [KPMG has Published the Results of Research into Developed and High Developing Countries from the Viewpoint of the Cost of Doing Business for 2012]. Available at: <http://www.kpmg.com/RU/ru/IssuesAndInsights/ArticlesPublications/press-releases/Pages/KPMG-has-published-the-results-of-the-survey-Competitive-Alternatives-2012.aspx>
7. *Predprinimatel'skii klimat v Rossii: indeks OPORA 2010–2011* [Business Climate in Russia: 2010–2011 Index of OPORA]. Available at: http://www.nisse.ru/business/article/article_1756.html?effort=
8. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2011: stat. sb.* [The Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2011: Statistical Digest]. Rosstat. Moscow, 2011. 990 p.
9. *Rezul'taty sravnitel'nogo analiza predprinimatel'skogo klimata v munitsipal'nykh obrazovaniyakh Murmanskoi oblasti* [The Results of Comparative Analysis of Business Environment in the Murmansk Oblast Municipalities]. Available at: <http://opora51.ru/klimatt.html>
10. *Sotsial'nyi atlas rossiiskikh regionov* [Social Atlas of Russian Regions]. Available at: <http://www.socpol.ru/atlas/portraits/Murm.shtml> <http://www.socpol.ru/atlas/portraits/Murm.shtml>
11. Chertoprud S. Chemodan bez ruchki [a Suitcase without a Handle] *Konsul'tantPlyus* [ConsultantPlus].
12. *Chto meshaet predprinimatel'yam v Rossii* [What Interferes with Entrepreneurs in Russia]. Available at: <http://dasreda.ru/club/power/2546/>

Выявление направлений и путей трансформации научно-инновационного пространства регионов разного типа

**Михаил Александрович
ГУСАКОВ**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем региональной экономики РАН (190013, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, д. 38, e-mail: migus37@yandex.ru)

Аннотация. В статье предлагается подход к определению направлений трансформации научно-инновационного пространства, а также путей его развития с позиции улучшения взаимодействия регионов разного типа, расширения вовлечения регионов в научно-инновационный процесс с целью обеспечения более масштабного распространения научных результатов и основанных на них инноваций. Исследование проводится в контексте необходимости расширения роли науки в постиндустриальную эру. В основу подхода положена методика автора по выделению регионов разного типа по оценке степени их инновационного развития. Методика заключается в построении статистического распределения регионов России по отобранным показателям, выявлении групп близких по степени инновационного развития регионов на основе параметра стандартного отклонения и установлении связи между выявленными группами регионов, отражающей возможность взаимодействия групп регионов по потенциалу создания научных результатов и их продвижения в пространственном измерении. Проводится анализ направлений и путей реализации поляризации научно-инновационного пространства, развития в регионах научно-инновационной деятельности, в т.ч. в регионах с близкими конкурентными преимуществами, путей вовлечения большего числа средних и малых городов в научную и инновационную деятельность, комплексирования деятельности регионов по повышению степени инновационного развития и других. Выявлен ряд резервов совершенствования организации научно-инновационного пространства путем конкретизации возможных связей групп регионов между этапами научно-инновационного процесса, сравнения регионов, включаемых в одну группу, что дает возможность реальнее формировать инновационную стратегию регионов.

Ключевые слова: трансформация, научно-инновационное пространство, степень и пути инновационного развития, регионы.

Проблема необходимости роста степени инновационного развития страны и регионов обостряется в связи с повышением роли науки в постиндустриальную эру. Экономика стала переходить к новому типу экономического роста – инновационному типу развития.

Вместе с тем в нашей стране в последние 10 и более лет реализовывался инерционный сценарий развития науки и технологии, не произошло принципиальных изменений в отношении динамики технологического и инновационного развития [13, с. 110, 150-151; 18, с. 38-39, 76-77].

Реализация всех видов инновационной стратегии – собственной прорывной по ряду принципиально новых технологий, технологического заимствования (догоняющей), реиндустриализации – страдает, по нашему мнению, от слабого – не широкого и медленного – распространения научных результатов и основанных на них инноваций, подчеркнем, – от малой сферы их распространения. Причем здесь значительной может стать роль регионов с их малым инновационным предпринимательством, одной из важнейших задач которого является приспособление новшества к широкому кругу потребителей, к локальным рынкам. Речь идет о распространении как по всей вертикали организаций – от академических до малых инновационных и корпоративной науки, а также по горизонтали – в пространственном измерении.

Таким образом, одной из главных возможностей повышения степени инновационного развития регионов в постиндустриальную эру является распространение научных результатов, их трансфера, адаптации к ним и, тем самым, *вовлечение максимального числа регионов в инновационную деятельность, расширение пространства инновационного развития как формы его трансформации, научно-инновационного пространства (НИП).*

Научно-инновационное пространство есть территория как арена действий с распределенными на ней субъектами хозяйствования научно-инновационной сферы, взаимодействующими в рамках сложившихся связей, включая в условиях глобализации мирохозяйственные связи, в организационной и институциональной среде для проведения научно-инновационного процесса.

Эффективность расширения пространства заключается в подтягивании регионов по пути инновационного развития, в более интенсивном изменении институциональной среды, в позитивном изменении в социально-экономическом развитии (диверсификации экономики, кластеризации, росте предпринимательства), в преодолении неравенства развития регионов, расширении масштаба экономики страны.

Таким образом, существенное влияние на развитие потенциала научных исследований и продвижение их результатов может и должен оказывать пространственный фактор, фактор формирования научно-инновационного пространства, весьма сильно различающегося по регионам разного типа. Могут быть отмечены такие основные тенденции построения НИП, как существенная неравномерность пространственного распределения инновационного потенциала [20, с. 82-85, 106-111, 174-175], низкая степень связности НИП страны и регионов [3], формирование территорий инновационного развития [9], значительная часть регионов не является инновационно активной.

Такое искривление НИП, наличие неоднородностей в структуре, диспропорциональность в элементах региональных инновационных систем приводят к ослаблению взаимодействия регионов по генерации и разработке новых технологий и по адаптации инноваций, создают серьезные

препятствия для распространения результатов науки и инноваций, т.е. мешают росту степени инновационного развития, особенно его становлению в слабых в инновационном отношении регионах.

Трансформация НИП подразумевает как интенсивные изменения, так и экстенсивные, т.е. как лучшую организацию научно-инновационного процесса (научно-инновационной деятельности), так и увеличение масштаба научно-инновационного процесса (объема научно-инновационной деятельности). Можно говорить, соответственно, о развитии или расширении научно-инновационного пространства. Хотя в чистом виде ни развития, ни расширения не бывает, поэтому можно принять эти понятия как синонимы.

Одна из важнейших проблем трансформации НИП состоит в том, чтобы наладить взаимодействие регионов разных по степени инновационного развития типов. Это положение корреспондируется с теоретическими основаниями академика П.А. Минакира о том, «...что национальные экономические пространства принципиально неоднородны, но состоят из однородных в институциональном и экономическом отношении множеств экономических агентов» [12]. Академик А.И. Татаркин обращает внимание на возможность инновационного развития не только крупных городов, но и в рамках агломераций – окраинных территорий приграничных областей, глубинных территорий и малых городов как участников кластерных проектов, сельских территорий на базе диверсификации экономики [21].

Существование значительного регионального разнообразия ставит задачу необходимости разработки своеобразного методического инструментария для выявления пространства инновационного развития регионов разного типа и подхода к определению путей реализации направлений трансформации НИП.

Предлагаемый подход к определению потенциальной возможности территориального освоения потенциала науки и инноваций заключается в выявлении порогов, отражающих степень инновационного развития регионов, на которой они находятся в настоящее время, а также в установлении связи между соответствующими группами регионов, отражающей возможность их взаимодействия по научно-инновационному процессу. Совокупность порогов характеризует последовательно разную, всё более повышающуюся степень инновационного развития [6] (рис. 1).

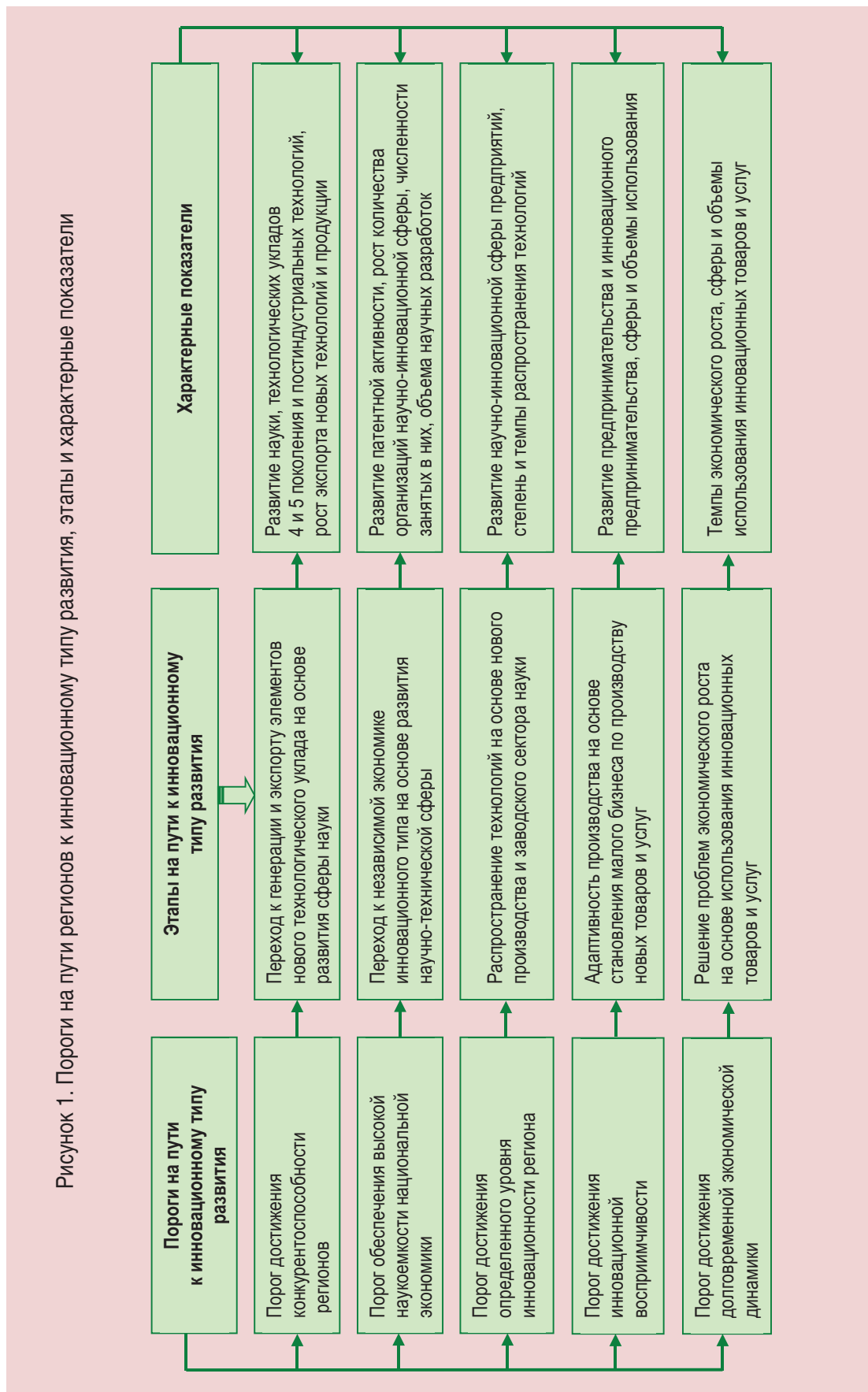
Группы регионов представляют разные типы по степени инновационного развития. При этом реализуется разнокритериальный подход к выделению групп регионов, обладающих существенно разными конкурентными преимуществами по созданию потенциала новых продуктов, а именно выступающих в качестве генераторов создания, трансляторов, адаптеров, распространителей и пользователей.

Данный способ выделения регионов на основе использования региональных конкурентных преимуществ является принципиально важным при определении степени инновационного развития. И в более широком смысле не может быть, по нашему мнению, конкуренции регионов с разными конкурентными преимуществами, регионы конкурируют в рамках определенного типа регионов. Некорректно применение одних и тех же критериев ко всем группам регионов.

Выявление направлений и путей трансформации НИП проводится на основе существенно усовершенствованной методики автора по оценке степени инновационного развития регионов^{1,2}.

¹ Опробование методического подхода по отличающемуся алгоритму и другим показателям приведено в [8].

² В исследовании – разработке метода, обосновании показателей, расчетах, интерпретации результатов – принимала участие аспирант ИПРЭ РАН О.А. Буркацкая.

Методика заключается в построении статистического распределения регионов России (83 региона) по отобранным показателям (фрагмент исходных данных приведен в *таблице*), выявлении группы близких по степени инновационного развития регионов на основе параметра стандартного отклонения и установлении связи между выявленными группами регионов, отражающей возможность взаимодействия групп регионов по потенциалу создания научных результатов и их продвижения в пространственном измерении.

С учетом разнокритериального подхода расчет проводился по разным для каждого порога показателям, начиная с показателя, характеризующего наиболее инновационно развитые регионы, с выделением регионов по максимальной величине показателя, превышающей стандартное отклонение («сигма» σ). На следующем шаге расчет ведется по показателю, характеризующему следующий порог инновационного развития и т.д. по убыванию степени инновационного развития.

Применяется «мягкий» вариант алгоритма. Он предполагает проводить отсеивание регионов более высокой степени инновационного развития из каждой последующей группы регионов, относящихся к разным порогам инновационного развития, уже после расчетов при выделении групп регионов. Расчеты по более «жесткому» алгоритму (с отсеиванием группы регионов уже начиная с первого шага, проводя дальнейший расчет без этой группы регионов) не учитывают наличие совокупности последовательности функций (этапов), присущих регионам более высокой степени инновационного развития.

Построенные статистические распределения представлены на *рисунке 2* (отобрано по одному показателю от каждого порога).

Распределения подтверждают вероятностный характер значений показателей по регионам РФ.

Предложенный подход требует дальнейшей проработки как в части алгоритма выделения групп регионов, так и в части отбора показателей в том числе, поскольку разные статистические показатели зачастую учитывают в регионах разные группы отраслей (обрабатывающие, добывающие, высокотехнологичные), не сопоставимых по типу инновационной деятельности и инновационной продукции, что существенно сказывается, в частности, и в пределах одной группы регионов на представлении о степени их инновационного развития. Например, коэффициент обновления производства в добывающих отраслях, происходящего путем смены оборудования, т.е. отражающий этап обновления и распространения технологий, оказывается существенно меньшим, чем в машиностроительных отраслях, а значит, и в соответствующих регионах.

Далее устанавливается связь между выделенными в результате построения статистических распределений группами регионов, отражающая возможность их взаимодействия по потенциалу создания научных результатов и их продвижения в пространственном измерении (*рис. 3*). Следует отметить, что выявленные группы типов регионов не существенно отличаются от типологии, обоснованной с помощью других методических подходов.

Исследование проблем организации НИП, отечественного и зарубежного опыта реальных инновационного развития регионов, проблем расширения пространства фундаментальной науки — как по этапам научно-инновационного процесса, так и от федерального к региональному уровню — позволяет выделить в обобщенном виде направления трансформации НИП.

Статистические данные показателей по порогам на пути к инновационному типу развития регионов РФ (фрагмент)

Федеральный округ, регион	Показатели										
	Порог достижения долговременной экономической динамики		Порог достижения инновационной восприимчивости		Порог достижения определенного уровня инновационности региона		Порог обеспечения высокой наукоёмкости национальной экономики		Порог достижения конкурентоспособности регионов в контексте глобализации		
	2010 год		2011 год		2010 год		2010 год		2010 год		
	ВРП в расчете на одного занятого в экономике региона, тыс.руб./чел.	Удельный вес малых предприятий, осуществляющих технологические инновации, %*	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг малых предприятий, %*	Эффективность коммерциализации результатов НИОКР, %	Средний удельный выпуск продукции инновационно-активных организаций, %	Число организаций, выполняющих научных исследований и разработки, ед.*	Число патентов на изобретения, выданных Роспатентом российским заявителям, в расчете на 1 млн. человек населения, ед.**	Экспорт технологий и услуг технического характера, число соглашений, ед.***	Экспорт инновационных товаров, работ, услуг, %****		
Центральный	722,07	5,00	1,46	1,01	0,50	1358	285,7	659	3,9		
Белгородская область	574,42	5,36	0,98	10,53	0,24	16	60,7	-	0,7		
....	
Северо-Западный	582,90	5,93	0,88	1,70	0,44	502	121,5	489	2,4		
Республика Карелия	357,92	5,50	0,48	1,86	0,19	16	23,3	1	2,4		
....	
Южный	382,42	4,04	0,96	6,64	0,87	231	97,6	78	1,8		
Республика Адыгея	309,68	8,59	0,09	17,81	0,90	6	15,9	-	15,3		
....	
Северо-Кавказский	269,06	3,45	0,74	10,49	1,38	92	63,6	3	35,4		
Республика Дагестан	289,10	-	-	2,29	0,88	29	81,3	-	0,3		

Источники: * Официальная статистика: Национальные счета. Наука, инновации и информационное общество. Наука и инновации [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/#
 ** Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации. Табл. 1.2.20. Число патентов на изобретения, выданных Роспатентом российским заявителям, в расчете на 1 млн. человек населения [Электронный ресурс] / Росстат. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/monitor_rf.xls
 *** Регионы России. Социально-экономические показатели 2011 [Текст]: стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – С.220-222.
 **** Индикаторы инновационной деятельности: 2012: стат. сб. Табл. 6.4. Экспорт товаров, работ, услуг. С. 353-360 [Электронный ресурс] / ВШЭ. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/prmatydata/i2012>

Рисунок 2. Статистическое распределение регионов по показателям, характеризующим пороги на пути перехода к инновационному развитию

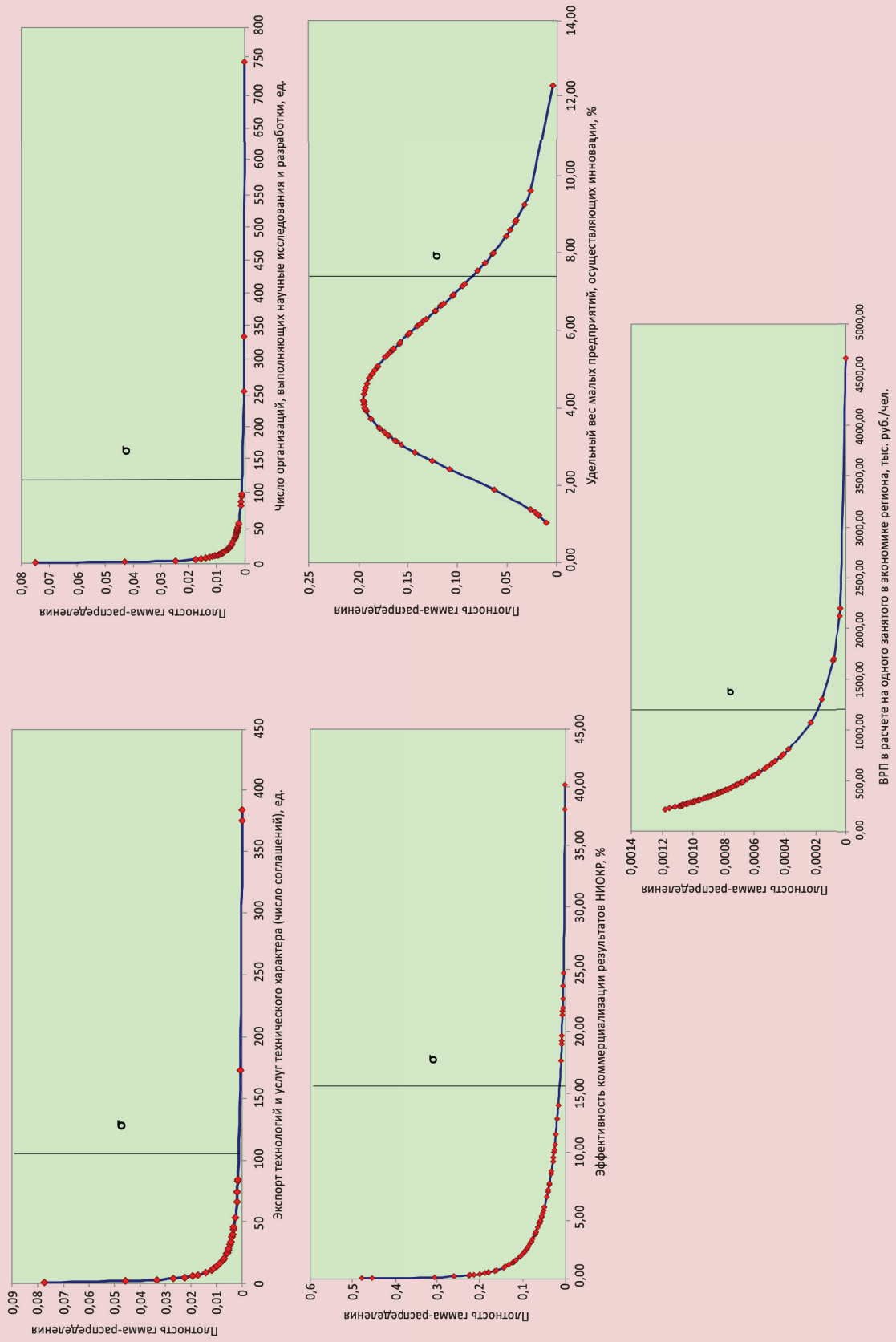
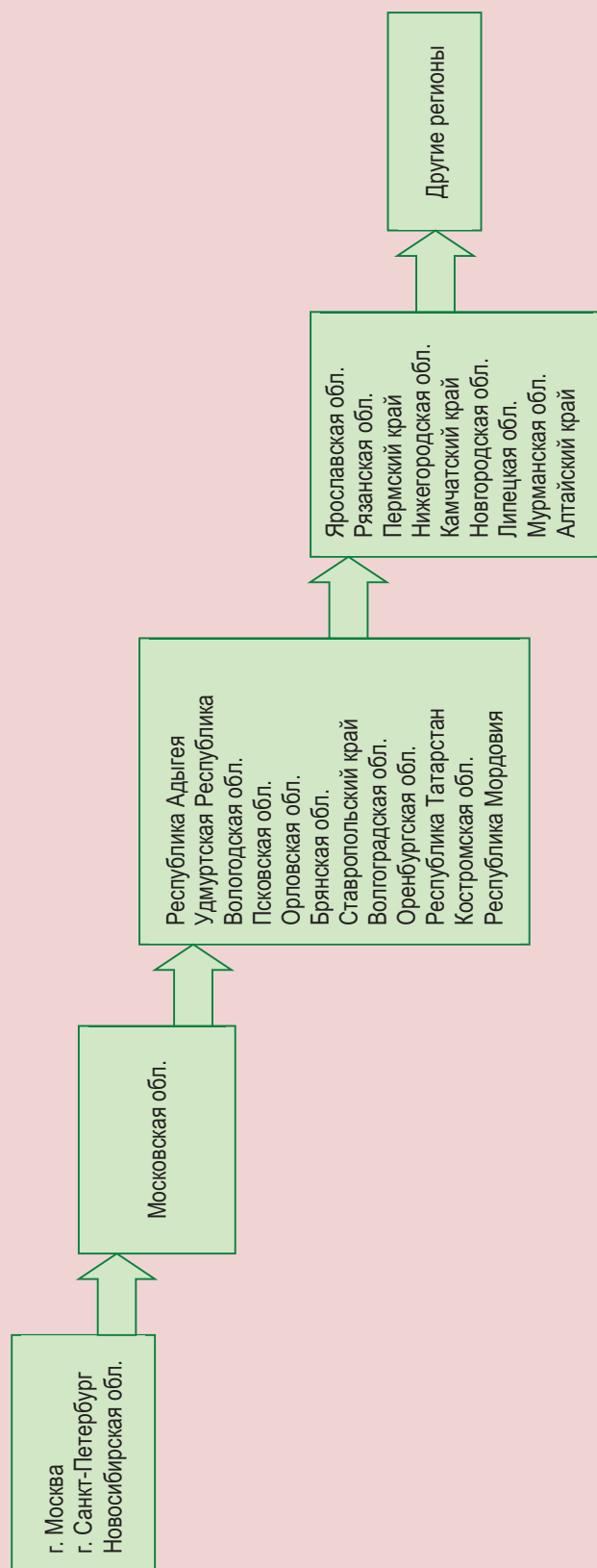

Рисунок 3. Взаимодействие групп регионов по потенциалу создания научных результатов и их продвижения в пространственном измерении

В рамках выявленных направлений с учетом анализа состояния степени и потенциала инновационного развития регионов определяем пути – формы, методы, инструменты – реализации направлений трансформации НИП.

В процессе расчета опробуется целый ряд показателей, в конечном итоге из трех пятерок показателей по пяти порогам выбирается одна. Отбор показателей проводится с позиций более объективного отражения порога и этапа научно-инновационного процесса: фундаментальные исследования – прикладные НИР и разработки – освоение нового производства – инновации и распространение технологий – применение инноваций. Дело в том, что, как показали расчеты, ряд статистических показателей не отвечают указанному прямому и однозначному их предназначению. Например, показатель «инновационная активность организаций (удельный вес организаций, осуществляющих технологические, организационные, маркетинговые инновации)», по сути, является эклектичным, отражая, с одной стороны, инновации и их распространение, а с другой – применение и распространение уже новых продуктов (маркетинг). Последнее превалирует в отчетности и тем самым сильно искажает суть и однозначность инновационной активности, не отражает реального состояния инновационной деятельности региона.

Кроме того, расчеты при использовании показателей инновационного уровня предприятий и организаций искажают оценки степени инновационного развития регионов, поскольку зависят от количества предприятий в регионе (при малом их числе регион попадает в группу с более высоким порогом) и размера (при многочисленности и малом размере с суммарной существенной наукоемкостью регион также попадает в группу с более высоким порогом).

В то же время в ряде регионов отсутствует соответствие между удельным весом инновационно активных предприятий и удельным весом инновационной продукции ввиду различия в инновационной отдаче. Например, можно отметить сниженную отдачу в таких регионах Северо-Западного федерального округа, как Архангельская, Ленинградская, Мурманская и Псковская области, Республика Карелия. Есть и другие искажения. Например, показатель «эффективность коммерциализации результатов НИОКР» по Липецкой области составил 473%, по Ямало-Ненецкому округу – 1201%. Этот показатель рассчитывается как отношение «объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг» к «внутренним затратам на научные исследования и разработки». Причиной получения «некорректной» величины показателя является незначительный размер внутренних затрат на НИР по сравнению с относительно высоким значением числителя данного отношения.

Поэтому такого рода регионы были отсеяны из соответствующей группы.

Группы регионов, выявленные по степени инновационного развития, подтверждают отмеченные тенденции реальных конфигураций научно-инновационного пространства, в первую очередь его поляризации.

Направления и пути реализации поляризации достаточно очевидны и отмечены в литературе:

– **повышение наукоемкости территорий** и доли высокотехнологичных инноваций постиндустриальной экономики в регионах на основе развития и создания новых центров инновационной экономики, в т.ч. на базе формирования крупных федеральных научных центров и исследовательских университетов, наукоградов, научных центров корпораций, строительства крупных городских объектов на базе мегапроектов;

— **формирование «полюсов» концентрации научного и инновационного потенциала в стране**, рост «притяжения» территорий к центрам науки и технологии, активизация «искривления» НИП страны и регионов, в т.ч. на базе развития агломераций и крупных городов, процесса синергии.

Из сопоставления регионов одной группы с наиболее высокой степенью инновационного развития видно, что некоторые из них попадают и в другие группы, поскольку решают задачи и других этапов на пути к инновационному типу развития. Так, города Москва и Санкт-Петербург попадают еще и в группу с высоким показателем «число организаций, выполняющих научные исследования и разработки», относящимся к порогу обеспечения высокой наукоемкости национальной экономики. Кроме того, Москва имеет высокий показатель «ВРП в расчете на одного занятого в экономике региона», относящийся к характеристике порога достижения долговременной экономической динамики, тогда как Санкт-Петербург имеет высокий «удельный вес малых предприятий, осуществляющих технологические инновации» — показатель, относящийся к характеристике порога достижения инновационной восприимчивости. Для данных и подобных регионов это можно считать выявленным резервом, который может быть реализован, как показывает практика (см., например [16]), при расширении межрегионального сотрудничества традиционных научных центров и регионов-потребителей НИОКР, создании в последних программ поддержки малого и среднего бизнеса, организации образовательных программ, помощи малым предприятиям при вузах и компаниям, находящимся в бизнес-инкубаторах.

Такого рода резерв характерен, как показывает проведенный анализ, для целого ряда регионов.

Другим направлением трансформации может быть **развитие научно-инновационной деятельности в регионах путем вовлечения в нее большего числа регионов**, что не столь активно пропагандируется и разрабатывается. Между тем возможный потенциал расширения НИП является существенным, поскольку обнаруживается значительное число такого рода регионов.

Во-первых, большее число регионов может вовлекаться в научную и инновационную деятельность на основе их инновационной модернизации, в т.ч. на базе регионов нового освоения [15, с. 17-24], путем обновления промышленности регионов и городов сырьевой направленности.

Здесь также выявлены аналогичные резервы с учетом попадания ряда регионов нового освоения в несколько групп (до их отсеивания): Вологодская и Костромская области — в группу регионов по порогу достижения определенного уровня инновационности региона по показателю «эффективность коммерциализации результатов НИОКР»; Камчатский край и Мурманская область — в группу регионов по порогу достижения инновационной восприимчивости по показателю «удельный вес малых предприятий, осуществляющих технологические инновации»; Сахалинская область и Ямало-Ненецкий автономный округ — в группу регионов по порогу достижения долговременной экономической динамики по показателю «ВРП в расчете на одного занятого в экономике региона».

Масштабной основой расширения НИП по данному направлению, как видно из графиков расчета степени инновационного развития регионов, являются регионы с преобладанием отраслей машиностроения (например, Новосибирская область), химико-технологических отраслей (например, Пермский край), агропромышленные с плотным сельским населением (например, Поволжье), монопромышленные и

старопромышленные регионы, поскольку, по-видимому, трансформационные процессы активнее проявляются в сырьевых регионах, где инновационный потенциал корпораций растет интенсивно [4, с. 19-21].

Здесь имеются две возможности роста научно-инновационной активности, два пути. Один путь опирается на системность действий региона по реализации стратегии инновационного развития и по большему вовлечению в него ключевых субъектов инновационного развития территории. По данным критериям отмечены комплексные усилия регионов, вошедших в инновационную десятку в рейтинге, — Красноярский край, Калужская и Челябинская области [16, 17].

Другой путь состоит в непосредственном формировании полюсов инновационного развития в городе и регионе — кластеров, университетов, научно-образовательных центров, а также в умелой организации и интенсификации инновационной деятельности — разработке карт распределения креативного человеческого капитала, проектировании разумного города на основе широкого использования прорывных информационных технологий в сфере услуг и управления [22].

Еще более выпукло возможности этого и других направлений проявляются при рассмотрении выделения во всей совокупности регионов разного типа по признаку многоукладности в дополнение к типам регионов по порогам инновационного развития.

Поэтому для представительности результатов приходится объединять регионы в группы по более или менее схожим конкурентным преимуществам, расширяя экономический профиль и спектр производственной специализации в группе регионов: науконасыщенные (старые и новые научные, образовательные и инновационные центры); старопромышленные

(центры машиностроения, химико-технологических отраслей и др., агропромышленные); регионы нового освоения (сырьевые, топливно-энергетического комплекса); пограничные (в т.ч. северные, портовые).

При таком анализе могут быть значительно глубже учтены отраслевые различия групп регионов, различия в характере научных исследований (фундаментальные или прикладные, имеющие разную отдачу), а следовательно, более объективно отнесены к группам регионов по типу инновационного развития.

Для наглядности может быть сделан анализ пограничных регионов, имеющих весьма значительное различие. Новосибирская область обладает высоким показателем «экспорта технологий и услуг технического характера» и, соответственно, отнесена к группе регионов с наиболее высоким уровнем инновационного развития. При примерно равном научном потенциале в группу с высоким показателем «эффективность коммерциализации результатов НИОКР» отнесены Псковская, Брянская, Волгоградская и Оренбургская области, а в группу по показателю «удельный вес малых предприятий, осуществляющих технологические инновации» отнесены Мурманская область и Алтайский край. Причины такого разброса видны из доминирующих для каждого из регионов характерных показателей, относящих регионы к тому или иному уровню по степени инновационного развития. Кроме того, как показывает практика (см., например, [16, 17]), в тех или иных регионах могут быть не развиты другие составляющие потенциала, влияющие на степень инновационного развития, такие как образовательная, управленческая, пространственная (в смысле недостатка комплексирования с другими регионами). Это и дает некоторые резервы инновационного развития и пути его реализации.

Во-вторых, большее число регионов может быть вовлечено в научную и инновационную деятельность на основе развития территорий средних и малых городов, имеющих определенные задатки инновационного развития или потенциал для формирования такого рода задатков, а именно национальных научных и культурных феноменов, в частности феноменов инновационного развития, в т.ч. в области общественных наук. Заметим, что потенциал развития регионов в данном случае может опираться в первую очередь на самоорганизацию, на предпринимательство. Кроме того, научно-инновационное пространство в аспекте постиндустриального производства может иметь новый вектор развития в освоении интеллектуальных услуг на базе развития когнитивных технологий. Справедливо подчеркивается значимость творческого процесса как фактора развития потенциала для создания региональной инновационной системы в тех регионах, где «...пока нет признаков инновационной деятельности» [19, с. 56].

Средние и малые города, в первую очередь вокруг агломераций, могут включаться также в поддержку инновационного развития высоких ступеней. В большей мере речь может идти о преобразовании провинциальных «мегаполисов» из «центров индустрии» в «центры торговли и услуг» (специфика инновационного развития – создание 50 новоградов) [2]. Кроме того, потенциал инновационного предпринимательства может быть задействован для производства разнообразных видов услуг – от наукоемкого ресурсного сервиса и научного предпринимательства при университетах и наукоградах до агроиндустриальных и монопрофильных промышленных периферийных регионов [19, с. 56-59].

Развитие специфических музеев, традиционных интересных ремесел, интеллектуальных услуг для разных слоев населения –

умных услуг с целью обслуживания интересов, здоровья, образования – приводит к другой организации городского пространства [5]. Примерами могут служить города: Касли Челябинской области, Мышкин Ярославской области, Плес Ивановской области, Коломна Московской области и др. Например, город Коломна угасал, но предприниматели организовали фабрику-музей «Пастильная фабрика в Коломне», а затем открыли турагентство, гостиницы, что составило основную сферу занятости населения [14].

Одним из направлений научно-инновационной политики по вовлечению в инновационную деятельность средних и малых городов могло бы быть включение менее инновационных регионов в сферу деятельности более инновационных на основе кластеризации экономики [21, с. 102-107]. «Поглощение» более инновационным регионом неинновационного или слабоинновационного послужит стимулом для развития в последнем предпринимательства.

Искажение НИП проистекает также вследствие искажения его структуры – неполноты региональных инновационных систем и отсутствия взаимосвязей между ними. Отсюда выявляется необходимость формирования такого направления трансформации, как **комплексирование деятельности регионов по повышению степени инновационного развития** путем, во-первых, интеграции научно-инновационной деятельности регионов, а во-вторых, развития структуры национальной инновационной системы в стране и регионах по всем фазам научно-инновационного процесса.

Практика показывает, что большее взаимодействие регионов в научно-инновационной сфере строится через развитие горизонтальных, радиальных и вертикальных связей субъектов научно-инновационного процесса разных регионов, образования

разных форм кооперации, объединения элементов научно-инновационного потенциала и составляющих региональных инновационных систем, концентрации научно-инновационных ресурсов, формирования общих для регионов структур и производств, особенно в сфере высоких технологий, организации полюсов инновационного развития в регионе и городе, активизации ключевых субъектов инновационного развития территории.

В качестве позитивного яркого примера комплексирования следовало бы отметить замысел межрегионального проекта «Кавказская кремниевая долина» по созданию серии производств, связанных с альтернативной энергетикой (планируется потратить более 32 миллиардов рублей) [16], таких как: производство поликристаллического кремния (в Ставропольском крае), монокристаллического кремния (в Кабардино-Балкарии), мульткристаллического кремния (в Карачаево-Черкесии), фотоэлектрических преобразователей (в Северной Осетии), солнечных модулей (в Дагестане).

Среди форм взаимодействия все большее применение получают научно-инновационные кластеры, технологические платформы, федеральные и региональные научно-технические программы. Однако, например, регионы и города, в которых находятся организации, формирующие ядро сетевых структур развития критической технологии «Биомедицина» (один из консорциумов научно-технологической платформы «Живые системы»), относятся в основном к наукоемкой группе регионов, и только 10% организаций действуют в регионах средней степени инновационного развития [10, с. 58-61]. Возможности для консолидации усилий регионов в рамках программ также ограничены, поскольку существенным образом раз-

личается профильность промышленности регионов, поэтому они участвуют в разных программах.

По-видимому, технологические платформы и научно-инновационные программы пока еще не стали активным фактором формирования научно-инновационного пространства регионов, — скорее пространственный фактор опирается на существующую структуру НИП, никак ее не трансформируя и не реализуя сетевой принцип организации научно-инновационного процесса.

Наряду с целостными направлениями трансформации НИП, могут быть сформулированы следующие её направления, характеризующие отдельные стороны развития научно-инновационного пространства, отдельные составляющие и структуры научно-технического потенциала, этапы научно-инновационного процесса.

1. Целенаправленное и активное использование конкурентных преимуществ региона — развитой базы энергетики; высококвалифицированных кадров — ученых, конструкторов, проектировщиков, технологов, рабочих; высокого инвестиционного потенциала; мощного и всестороннего инфраструктурного обеспечения промышленного производства (энергетическая, транспортная, информационная, финансовая инфраструктура); высокого уровня концентрации научно-технического потенциала (академическая, отраслевая, вузовская, заводская наука); наличия значительного количества наукоемких и высокотехнологичных производств.

Например, Чеченская Республика является регионом с трудоизбыточным населением, его территория может использоваться для различных видов бизнеса. Этим бизнесом мог бы стать туризм как конкурентное преимущество республики. Кстати, термин «трудоизбыточное» населе-

ние представляется в принципе неверным — точнее считать, что это люди, временно не нашедшие себя в труде, не занятые. Другой пример — наличие местных природных конкурентных преимуществ моносырьевых опорных экспортноориентированных регионов (Тюменская, Кемеровская области).

2. Повышение качества человеческого потенциала как основного фактора инновационного развития в регионах с низким научно-технологическим потенциалом, в первую очередь за счет совершенствования системы образования [1].

3. Интеграция научных и образовательных организаций в стране на пути формирования системы их конкурентного сотрудничества — университетов и вузов при наукоградах и академических институтов при университетах [7].

Целый ряд наукоградов имеет в своем составе образовательные учреждения, например г. Дубна Московской области, г. Мичуринск Тамбовской области, г. Обнинск Калужской области, г. Петергоф — в Санкт-Петербурге, а многие осуществляют подготовку высококвалифицированных кадров в тесном контакте с крупнейшими университетами РФ [11, с. 22, 33, 35, 38].

Таким образом, на основе выделения порогов территориального освоения потенциала науки и инноваций и обоснованного нового методологического подхода и методического инструментария для анализа и измерения степени инновационного развития регионов выявлены направления и намечены пути трансформации научно-инновационного пространства применительно к регионам разного типа.

Среди предложенных направлений трансформации обоснованы и проанализированы такие, которые недостаточно активно разрабатываются и пропагандируются.

К ним относятся:

- вовлечение в научно-инновационную деятельность большего числа регионов; показано, что возможный потенциал расширения научно-инновационного пространства является существенным, поскольку выявляется значительное число такого рода регионов на основе их инновационной модернизации, в т.ч. на базе регионов нового освоения путем обновления промышленности регионов и городов сырьевой направленности;

- развитие территорий средних и малых городов, имеющих определенные задатки инновационного развития или потенциал для формирования такого рода задатков, а именно национальных научных и культурных феноменов, в частности феноменов инновационного развития, в т.ч. в области общественных наук, с опорой на самоорганизацию и предпринимательство;

- включение неинновационных или слабоинновационных регионов в сферу деятельности более инновационных на основе кластеризации экономики;

- целенаправленное и активное использование конкурентных преимуществ региона;

- интеграция научных и образовательных организаций на пути формирования системы их конкурентного сотрудничества.

Разработанный методический инструментарий анализа степени инновационного развития регионов разного типа позволил выявить ряд новых резервов трансформации научно-инновационного пространства, таких как:

- конкретизация возможных связей групп регионов между этапами научно-инновационного процесса, сравнение регионов, включаемых в одну группу, но обладающих разными потенциалами инновационного развития, причем по любой характеристике — генерации новшества, трансферу технологий и т.д.;

– некоторые регионы более высокой степени инновационного развития имеют высокие показатели, относящиеся к характеристике тех или иных последующих порогов;

– некоторые регионы, близкие по конкурентным преимуществам, обладают разными потенциалами – генерации новшеств, трансформации, адаптации и т.д., попадая в разные группы регионов по степени инновационного развития;

– при близких конкурентных преимуществах регионы с одинаковым научным

потенциалом попадают в разные группы регионов по степени инновационного развития.

Выявление резервов трансформации научно-инновационного пространства помогает более целенаправленно и конкретно находить пути, реализующие направления трансформации применительно к регионам разного типа, формировать стратегии и научно-инновационную политику регионов, в т.ч. с учетом регионов с разными конкурентными преимуществами.

Литература

1. Аносова, Л.А. Общее собрание Отделения общественных наук РАН на тему «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России» / Л.А. Аносова // Экономика и управление – 2009. – № 1 – С. 132.
2. Бирюков, С. Проект «20 агломераций»: шанс для провинциальной России? [Электронный ресурс] / С. Бирюков // АПН. – 2010. – 30 декабря. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article23519.htm>
3. Васин, В.А. Пространственные аспекты формирования и развития национальной инновационной системы / В.А. Васин., Л.Э. Миндели // Инновации. – 2011. – № 11. – С. 25.
4. Герасимов, А.В. Развитие инновационного потенциала экономики регионов Российской Федерации (методология, механизмы и инструменты): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством / А.В. Герасимов. – Санкт-Петербург, 2012. – 45 с.
5. Глазычев, В.Л. Интервью в Новой газете, Екатерина Жирицкая / В.Л. Глазычев // Новая газета. – 2012. – 28 апреля. – № 31. – С. 16.
6. Гусаков, М.А. Принципы и подходы к управлению инновационной экономикой в регионах разного типа / М.А. Гусаков // Инновации. – 2004. – № 10. – С. 3-5.
7. Гусаков, М.А. Инновационная среда создания прорывных технологий / М.А. Гусаков // Инновации. – 2012. – №6 (164). – С. 26-27.
8. Гусаков, М.А. Территориальное освоение потенциала инновационного развития / М.А. Гусаков, О.А. Буркацкая // Экономика и управление. Российский научный журнал. – СПб, 2013. – № 10. – С. 39-41.
9. Иванов, В.В. Пространственное развитие национальной инновационной системы / В.В. Иванов // Инновации. – 2011. – № 2. – С. 40.
10. Информационно-аналитический бюллетень. Серия «Экономика и менеджмент в сфере науки и инноваций». – М.: ЦИСН, 2011. – № 1. – 62 с.
11. Информационно-аналитический бюллетень. Серия «Экономика и менеджмент в сфере науки и инноваций». – М.: ЦИСН, 2011. – № 2. – 65 с.
12. Минакир, П.А. Эволюция пространственных экономических теорий / П.А. Минакир // Трансформация социально-экономического пространства регионов России: вопросы теории и практики. Пленарные доклады Всероссийской научно-практической конференции, 20–21 декабря 2012 г. / ИПРЭ РАН. – СПб.: ГУАП, 2013. – С. 70.
13. Наука России в цифрах, 2012: стат. сб. – М.: ЦИСН, 2012. – 226 с.
14. НКО: законы развития. Организация фабрики-музея «Пастильная фабрика в Коломне» [Электронный ресурс]. – 2011. – 30 сентября. – Режим доступа: <http://nkozakon.ru/best-practices/organizatsiya-fabriki-muzeya-pastil-naya-fabrika-v-kolomne/>.

15. Полякова, А.Г. Модернизация экономики регионов нового освоения: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук по специальности 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством / А.Г. Полякова. – Санкт-Петербург, 2011. – 40 с.
16. Рейтинг инновационной активности в России в 2011 году [Электронный ресурс] // 2.3. Инновационная активность регионов. П.18 / Фонд «Петербургская политика»; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ // газета «РБК-Daily». – 2012. – 12 января. – Режим доступа: <http://old.fpp.spb.ru/news.php?id=60>
17. Рейтинг инновационной активности в России (весна 2012 года) [Электронный ресурс] // Инновационная десятка российских регионов. П.1.1., 1.5 / Фонд «Петербургская политика», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ // газета «РБК-Daily». – 2012. – 08 июня. – Режим доступа: http://old.fpp.spb.ru/iRating_2012-03_05.php.
18. Российский инновационный индекс / под ред. Л.М. Гохберга. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011. – 84 с.
19. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки / отв. ред. А.Н. Пилясов. – Смоленск: Ойкумена, 2012. – 760 с.
20. Суховой, А.Ф. Инновационные возможности саморазвития региона / А.Ф. Суховой, И.Н. Голова. – Екатеринбург: Институт экономики УРО РАН, 2010. – 200 с.
21. Татаркин, А.И. Формирование региональных институтов пространственного развития Российской Федерации / А.И. Татаркин // Трансформация социально-экономического пространства регионов России: вопросы теории и практики. Пленарные доклады Всероссийской научно-практической конференции, 20–21 декабря 2012 г. / ИПРЭ РАН. – СПб.: ГУАП, 2013. – С. 100.
22. Intelligent Enterprise Express [Электронный ресурс] // выпуски: 4.04.2012, 13.04.2012, 20.04.2012, 17.05.2012, 3.07.2012, 9.07.2012, 9.08.2012, 20.09.2012, 13.10.2012. – Режим доступа: www.iemag.ru. (подробнее iemagexpress@iemag.ru).

Gusakov M.A.

Identification of directions and ways to transform the scientific and innovation space in different regions

Mikhail Aleksandrovich Gusakov – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute for the Issues of Regional Economy, the Russian Academy of Sciences (38, Serpukhovskaya Street, Saint Petersburg, 190013, Russia, migus37@yandex.ru)

Abstract. The article proposes an approach to the definition of the directions of transformation of scientific and innovation space, and ways of its development from the viewpoint of improving the interaction between different regions, expansion of the involvement of regions in the research and innovation process for ensuring greater dissemination of research findings and innovation. The research is conducted in the context of the necessity to expand the role of science in the post-industrial era. This approach is based on the author's methodology of selecting different regions by assessing their innovation development. The methodology consists in making the statistical distribution of Russian regions by selected indicators, identifying groups of regions that are close to each other by the degree of innovation development, on the basis of the standard deviation, and establishing the link between the identified groups of regions that reflects the possibility of interaction between the groups of regions on creating scientific results and their promotion in the spatial dimension. The author analyzes directions and ways of implementation of polarization of scientific and innovation space, development of scientific-innovation activity in the regions, also in the regions with similar competitive advantages, ways of participation of a larger number of medium-sized and small towns in the scientific and innovation activities, integration of the regions' activities seeking to increase the degree of innovation development and so on. The author identified a number of opportunities

for the improvement of organization of scientific and innovation space by specifying the possible links of the groups of regions between the stages of the research and innovation process, comparison of the regions, included into one group, which gives a real opportunity to shape the innovation strategy in the regions.

Key words: transformation, research and innovation space, extent and ways of innovation development, regions.

References

1. Anosova L.A. Obshchee sobranie Otdeleniya obshchestvennykh nauk RAN na temu “Nauchno-tekhnologicheskii prognoz – vazhneishii element strategii razvitiya Rossii” [General Meeting of the Department of Social Sciences of RAS on the Subject “Scientific and Technological Forecast – the Most Important Element in the Strategy of Development of Russia”]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2009, no.1, p. 132.
2. Biryukov S. Proekt “20 aglomeratsii”: shans dlya provintsial’noi Rossii? [The Project “20 Agglomerations: a Chance for Provincial Russia?”. *APN* [Political News Agency], 2010, December 30. Available at: <http://www.apn.ru/publications/article23519.htm>
3. Vasin V.A., Mindeli L.E. Prostranstvennye aspekty formirovaniya i razvitiya natsional’noi innovatsionnoi sistemy [Spatial Aspects of Formation and Development of the National Innovative System]. *Innovatsii* [Innovation], 2011, no.11, p. 25.
4. Gerasimov A.V. *Razvitiye innovatsionnogo potentsiala ekonomiki regionov Rossiiskoi Federatsii (metodologiya, mekhanizmy i instrumenty): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora ekonomicheskikh nauk po spetsial’nosti 08.00.05 – Ekonomika i upravlenie narodnym khozyaistvom* [Development of Innovation Potential of the Economy in the Regions of the Russian Federation (Methodology, Mechanisms and Tools): Doctor of Economics Dissertation Abstract, Specialty 08.00.05 – Economics and Management of National Economy]. Saint Peterburg, 2012. 45 p.
5. Glazychev V.L. Interv’yu v Novoi gazete, Ekaterina Zhiritskaya [An Interview to Novaya Gazeta, Ekaterina Zhiritskaya]. *Novaya gazeta* [New Newspaper], 2012, April 28, no.31, p. 16.
6. Gusakov M.A. Printsipy i podkhody k upravleniyu innovatsionnoi ekonomikoi v regionakh raznogo tipa [Principles and Approaches to the Management of Innovation Economy in Different Regions]. *Innovatsii* [Innovation], 2004, no.10, pp. 3-5.
7. Gusakov M.A. Innovatsionnaya sreda sozdaniya proryvnykh tekhnologii [Innovation Environment for the Creation of Breakthrough Technology]. *Innovatsii* [Innovation], 2012, no.6(164), pp. 26-27.
8. Gusakov M.A., Burkatskaya O.A. Territorial’noe osvoenie potentsiala innovatsionnogo razvitiya [Territorial Development of the Potential of Innovation Development]. *Ekonomika i upravlenie. Rossiiskii nauchnyi zhurnal* [Economics and Management. Russian Scientific Journal], 2013, no.10, pp. 39-41.
9. Ivanov V.V. Prostranstvennoe razvitiye natsional’noi innovatsionnoi sistemy [Spatial Development of the National Innovation System]. *Innovatsii* [Innovation], 2011, no.2, p. 40.
10. *Informatsionno-analiticheskii byulleten’. Seriya “Ekonomika i menedzhment vsfere nauki i innovatsii”* [Information and Analytical Bulletin. Series “Economics and Management in Science and Innovation”]. Moscow: TsISN, 2011. No.1. 62 p.
11. *Informatsionno-analiticheskii byulleten’. Seriya “Ekonomika i menedzhment vsfere nauki i innovatsii”* [Information and Analytical Bulletin. Series “Economics and Management in Science and Innovation”]. Moscow: TsISN, 2011. No.2. 65 p.
12. Minakir P.A. Evolyutsiya prostranstvennykh ekonomicheskikh teorii [Evolution of Spatial Economic Theories]. *Transformatsiya sotsial’no-ekonomicheskogo prostranstva regionov Rossii: voprosy teorii i praktiki. Plenarnye doklady Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 20–21 dekabrya 2012g.* [Transformation of the Socio-Economic Space of the Russian Regions: Issues of Theory and Practice. Plenary Reports of the All-Russian Research-to-Practice Conference, December 20–21, 2012]. IPRE RAN. Saint Petersburg: GUAP, 2013. P. 70.
13. *Nauka Rossii v tsifrah: 2012. stat. sb* [Russian Science in Figures: 2012. Statistical Digest]. Moscow: TsISN, 2012. 226 p.
14. *NKO: zakony razvitiya. Organizatsiya fabriki-muzeya “Pastil’naya fabrika v Kolomne”* [NGOs: the Laws of Development. Organization of the Mill-Museum “Pastila factory in Kolomna”], 2011, September 30. Available at: <http://nkozakon.ru/best-practices/organizatsiya-fabriki-muzeya-pastil-naya-fabrika-v-kolomne/>.

15. Polyakova A.G. *Modernizatsiya ekonomiki regionov novogo osvoeniya: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora ekonomicheskikh nauk po spetsial'nosti 08.00.05 – ekonomika i upravlenie narodnym khozyaistvom* [Modernization of Economy in the Newly Developed Regions: Doctor of Economics Dissertation Abstract, Specialty 08.00.05 – Economics and Management of National Economy]. Saint Petersburg, 2011. 40 p.
16. *Reiting innovatsionnoi aktivnosti v Rossii v 2011 godu* [The Rating of Innovation Activity in Russia in 2011]. 2.3. Innovatsionnaya aktivnost' regionov. P.18 [Innovation Activity in the Regions. P.18]. Fond "Peterburgskaya politika" ["Saint Petersburg Policy" Fund]; Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF [The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration], gazeta "RBK-Daily" [RBC-Daily Newspaper], 2012 January 12. Available at: <http://old.fpp.spb.ru/news.php?id=60>
17. *Reiting innovatsionnoi aktivnosti v Rossii (vesna 2012 goda)* [The Rating of Innovation Activity in Russia (Spring 2012)]. Innovatsionnaya desyatka rossiiskikh regionov. P.1.1.,1.5 [The First Ten Innovation Regions of Russia. P. 1.1.,1.5]; Fond "Peterburgskaya politika" ["Saint Petersburg Policy" Fund], Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente RF [The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration], gazeta "RBK-Daily" [RBC-Daily Newspaper], 2012, June 08. Available at: http://old.fpp.spb.ru/iRating_2012-03_05.php.
18. *Rossiiskii innovatsionnyi indeks* [Russian Innovation Index]. Ed. by L.M. Gokhberg. Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki", 2011. 84 p.
19. *Sinerhiya prostranstva: regional'nye innovatsionnye sistemy, klasteri i peretoki* [Synergy of the Space: Regional Innovation Systems, Clusters and Cross-Flows]. Executive editor A.N. Pilyasov. Smolensk: Oikumena, 2012. 760 p.
20. Sukhovei A.F., Golova I.N. *Innovatsionnye vozmozhnosti samorazvitiya regiona* [Innovation Opportunities for Self-Development of the Region]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki URO RAN, 2010. 200 p.
21. Tatarkin A.I. *Formirovanie regional'nykh institutov prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [Formation of the Regional Institutions of Spatial Development in the Russian Federation]. *Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva regionov Rossii: voprosy teorii i praktiki. Plenarnye doklady Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 20–21 dekabrya 2012 g.* [Transformation of the Socio-Economic Space of the Russian Regions: Issues of Theory and Practice. Plenary Reports of the All-Russian Research-to-Practice Conference, December 20–21, 2012]. IPRE RAN. Saint Petersburg: GUAP, 2013. P. 100.
22. *Intelligent Enterprise Express*. Issues: 4.04.2012, 13.04.2012, 20.04.2012, 17.05.2012, 3.07.2012, 9.07.2012, 9.08.2012, 20.09.2012, 13.10.2012. Available at: www.iemag.ru.

Инновационное развитие строительного комплекса региона на основе кластерного подхода

**Юлия Георгиевна
ЛАВРИКОВА**

доктор экономических наук, заместитель директора, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, K515L@mail.ru)

**Светлана Николаевна
КОТЛЯРОВА**

кандидат экономических наук, доцент, заведующий сектором, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, Sv_gavrilova@mail.ru)

Аннотация. Обосновывается необходимость использования кластерного подхода в развитии строительного комплекса региона с целью повышения его инновационной активности. Формирование и развитие региональных строительных кластеров может способствовать формированию инновационной системы в строительном комплексе и интеграции разных видов инноваций. Кластеры являются также одним из действенных механизмов в условиях рыночной экономики, способных объединить независимые организации на выполнение единой стратегической цели. На примере строительного кластера Урала рассматривается возможность использования его потенциала, в том числе для инвестиционного освоения арктических территорий. Показано, что кластер способен удовлетворить инновационно неактивные территории Севера комплексными инновационными строительными решениями.

Ключевые слова: кластер, инвестиции, строительный комплекс, Уральский строительный кластер, инновационное развитие.

Инновационное развитие и лидерство инноваций в экономике являются общемировой тенденцией развития научно-технической политики. Однако уровень использования инноваций в отдельных странах мира, регионах и отраслях неравномерен. Как правило, он зависит от готовности государства и региона организовывать инновационный процесс, управлять им и регулировать отношения, возникающие в инновационной сфере.

Инновации в строительстве играют значительную роль в развитии экономики страны. В том числе потому, что внедрение новых технологий для выпуска новых материалов, новой продукции в различных отраслях связано со строительством. Внедрение инноваций в жилищном строительстве приводит к улучшению условий жизни людей, повышает их комфортность. Строительство инновационных зданий и сооружений влияет на улучшение социального климата социальной направленности (больниц, школ, санаториев, стадионов и т.п.). Вновь возведенные здания, оснащенные новой техникой в отдельных отраслях, также представляют собой инновации.

С технологической точки зрения строительная отрасль является наиболее консервативной и инерционной. Инерционность может быть объяснена несколькими причинами.

Во-первых, это продолжительная история технологического развития строительного комплекса, в ходе которой уже были опробованы и внедрены различные материалы и технологии строительства.

Во-вторых, длительное время эксплуатации зданий и сооружений, в течение которого могут быть выявлены недостатки используемой технологии. Именно поэтому строители крайне осторожно относятся к выбору новых технологий и новых строительных материалов, так как в конечном итоге они ответственны за результат.

В-третьих, преобладание мелких фирм, низкий уровень интеграции в отрасли, чрезмерная зависимость от субподрядчиков. Ну и наконец, отсутствие доступа к информации о новых продуктах, материалах и технологиях.

Уровень инновационного развития строительного комплекса в РФ можно оценить только по уровню инновационной активности организаций в сфере производства строительных материалов, изделий и конструкций, т.е. по виду экономической деятельности «Производство прочих неметаллических минеральных продуктов», к которой относится промышленность строительных материалов. Данные, представленные на *рисунке 1*, показывают, что в рассматриваемой сфере отмечается невысокий уровень инновационной активности по сравнению с другими видами экономической деятельности¹.

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, производящих строительные материалы, составляет примерно 9% (*табл. 1*).

Использование новых строительных материалов имеет высокую социальную значимость и потенциал. В историческом аспекте разработка и внедрение новых строительных материалов представляет собой основу инновационных процессов в строительстве².

Появление и внедрение новых материалов приводит к повышению энергоэффективности жилых и производственных помещений, снижению себестоимости

¹ Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистическая информация [Электронный ресурс] // Наука, инновации и информационное общество. Наука и инновации. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.04.2014).

² Котлярова С.Н. Инновационные барьеры и перспективы развития отраслевых рынков на примере строительной отрасли // Экономика региона. – 2010. – №3. – С. 251-254.

Рисунок 1. Инновационная активность организаций по видам экономической деятельности

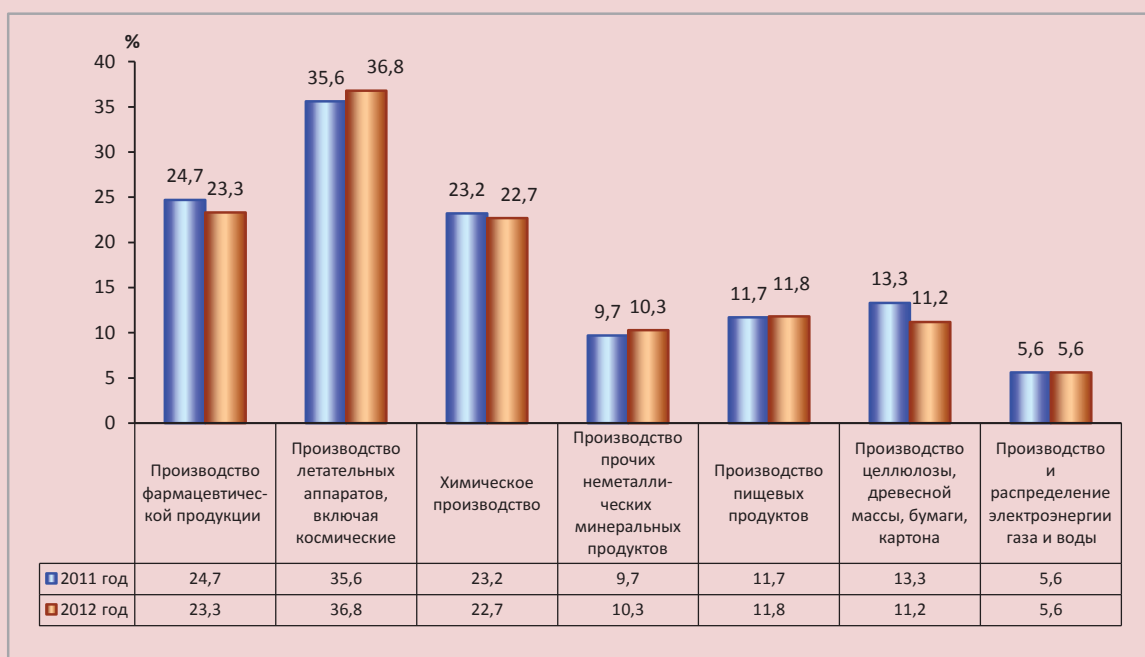

Таблица 1. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций, в %*

Вид экономической деятельности	2011 год	2012 год
Производство фармацевтической продукции	22,4	23,3
Производство летательных аппаратов, включая космические	33,6	36,1
Химическое производство	21,1	20,9
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	8,4	8,9
Производство пищевых продуктов	9,4	9,1
Производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона	12,4	10,6
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	4,7	4,9

* Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистическая информация [Электронный ресурс] // Наука, инновации и информационное общество. Наука и инновации. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.04.2014).

строительства и эксплуатационных расходов, повышению комфортности зданий и сооружений. Так, пришедший на смену глине кирпич повысил прочность строений и позволил увеличить их этажность. Появление технологии монолитного строительства позволяет уменьшить сроки строительства и при этом существенно экономить. Монолит позволяет также осуществлять свободные планировки помещений. Применение пластиковых оконных блоков позволило более каче-

ственно изолировать обитателей домов от воздействия внешних факторов. Разработка и внедрение новых материалов дает постоянный толчок новым архитектурным решениям.

Для обеспечения сопоставимости с международными стандартами (Руководство Осло, единая программа обследования – EU CIS) в статистике выделяется несколько видов инноваций: технологические, маркетинговые, организационные, управленческие и др.

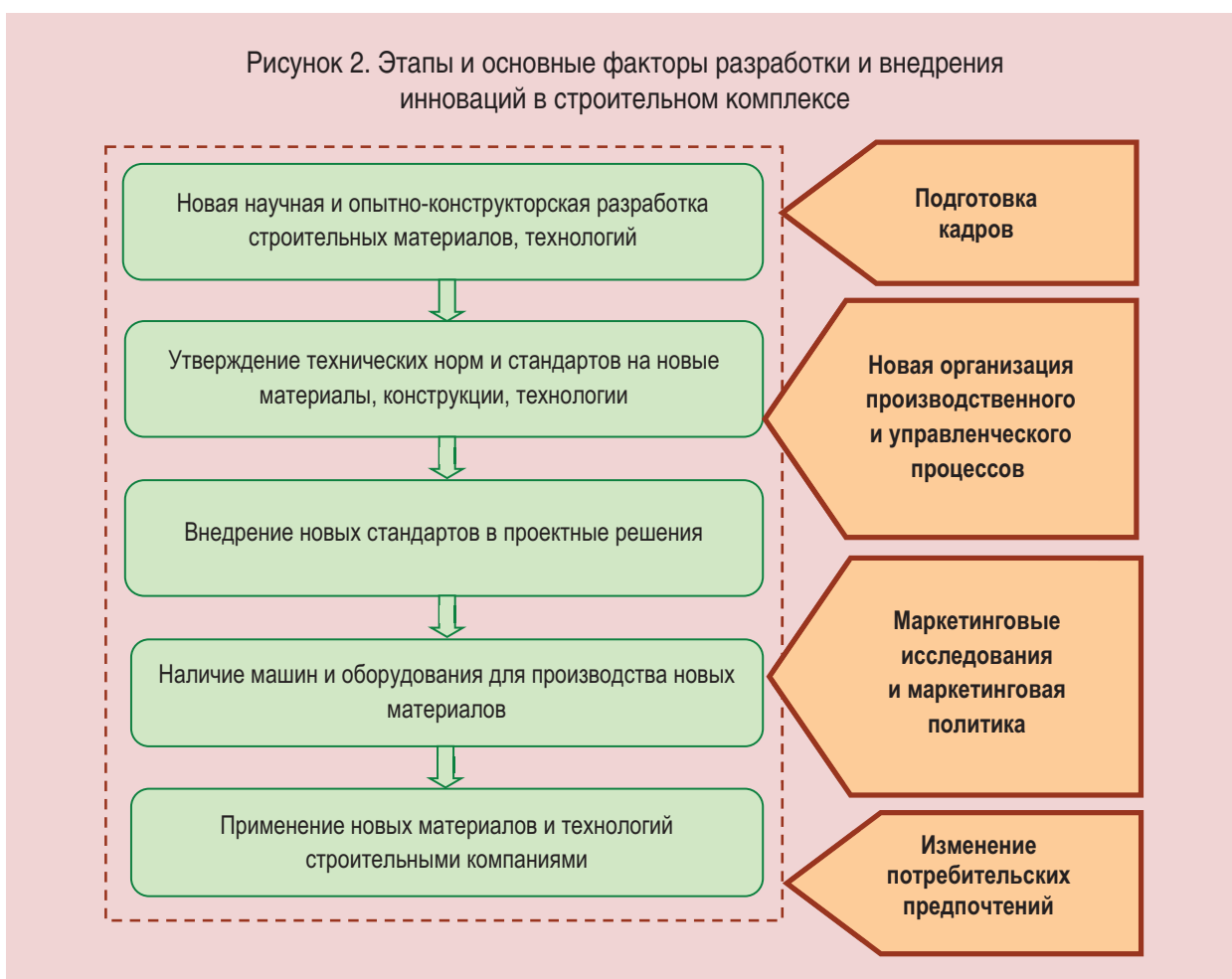
Однако в строительстве инновации носят комплексный характер и не должны рассматриваться как отдельные типы инноваций. Поскольку технологические продуктовые инновации имеют значение, только если они попадают на потребительский рынок. Но особенность инноваций в строительном комплексе состоит в том, что существует необходимость пройти через длительную цепочку взаимосвязанных инновационных решений, а это сложный и трудоемкий процесс (рис. 2).

Инновационные прорывы в строительстве сдерживаются административными барьерами и нормативами. Причинами, сдерживающими внедрение новых технологий в строительстве, являются: отсутствие

или долгое утверждение технических норм и стандартов на новые материалы, конструкции, технологии; медленное внедрение новых стандартов в проектные решения.

Еще одним инновационным барьером является коррупционность и консерватизм властей, поддерживающих порой крупные домостроительные комбинаты, исчерпавшие свой потенциал. В то время как панельные дома в прежних «советских» объемах уже давно не нужны крупным и современным городам. Понижает динамику внедрения инноваций плохое качество строительных материалов, которые зачастую выпускаются на технологических линиях 1960–70-х годов³, и низкая квалификация подрядчиков.

Рисунок 2. Этапы и основные факторы разработки и внедрения инноваций в строительном комплексе

³ Ступин И. Враги строительных инноваций // Эксперт. – 2007. – № 27 (568). – 16 июля.

Инновационные решения не в полной мере востребованы проектировщиками и архитекторами, хотя именно они должны быть связующим звеном между крупными застройщиками и промышленностью строительных материалов, закладывая в проекты современные материалы и инновационные технологии.

Отсутствие информационного взаимодействия производителей строительных материалов и лиц, ответственных за принятие решения в строительных фирмах, также не способствует внедрению инновационных материалов. Таким образом, барьеры внедрения новых технологий и материалов в строительстве носят не идейный, а больше административный характер.

Вступление России в члены Всемирной торговой организации еще больше актуализировало необходимость повышения инновационной активности предприятий строительного комплекса. Эксперты прогнозируют усиление влияния зарубежных поставщиков на рынке стройматериалов, увеличение импорта строительных материалов по более низкой цене (из Китая и Турции) и, как следствие, повышение конкуренции на российском рынке строительства⁴. Необходимо формировать барьеры на пути дешевой, но некачественной импортной продукции и на уровне государства обеспечить поддержку новых инновационных производств в строительстве.

Формированию инновационной системы в строительной отрасли и интеграции разных видов инноваций в рамках строительного комплекса может способствовать **формирование и развитие региональных строительных кластеров**. Поскольку в рамках кластера образуются устойчивые

связи между участниками, повышается доля конкурентоспособных строительных материалов, произведенных местными строительными предприятиями за счет внедрения инновационных методов в организацию производства⁵.

В настоящее время региональные строительные кластеры сформированы и активно функционируют в трех субъектах РФ: в Свердловской области (Уральский строительный кластер), Саратовской области (Межрегиональный научно-производственный кластер), Вологодской области (Международный кластер деревянного домостроения и деревообработки). Каждый кластер в зависимости от потребности отрасли и региона создавался для разных целей. Уральский строительный кластер ставит целью повышение эффективности и конкурентоспособности строительного комплекса региона, сохранение рыночных позиций и расширение рынков сбыта. В Саратовском межрегиональном научно-производственном кластере цель сформулирована как формирование машиностроительного комплекса для внедрения инновационных материалов в строительство с целью уменьшения стоимости квадратного метра жилья. Формирование такого кластера в сфере строительных технологий позволит преодолеть технологическое отставание и дает новый импульс развитию строительного комплекса. Вологодский международный кластер нацелен на привлечение зарубежных передовых технологий с целью развития новой отрасли — деревянного домостроения. В рамках строительного кластера развиваются индустриальное малоэтажное деревянное домостроение и металлоконструкционное строительство.

⁴ После вступления в ВТО российский строительный рынок ожидают перемены [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.interfax.ru/realty/realtyinf.asp?sec=1457&id=261655> (дата обращения: 20.01.2014).

⁵ Ямщикова И.В., Кудрявцева В.А. Кластерная инициатива как путь инновационного развития промышленности строительных материалов региона // Ползуновский вестник. — 2012. — №4. — С. 127-131.

Свердловская область отличается огромным строительным и индустриальным потенциалом и занимает ключевое место на Урале. Именно поэтому Уральский строительный кластер нацелен прежде всего на развитие рынков сбыта для продукции своих строительных предприятий. Развитие жилищного строительства в соседних регионах сопровождается повышением спроса и исчерпыванием региональных мощностей по производству стройматериалов⁶. В этой ситуации для Уральского строительного кластера перспективны большинство рынков сбыта, и в первую очередь, рынки соседних Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Однако выход на эти рынки возможен только при условии согласованной политики Свердловской области, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов в сфере развития и размещения предприятий промышленности стройматериалов, выполнения жилищных программ и развития транспортно-логистической инфраструктуры. Таким образом, развитие Уральского строительного кластера позволит решить задачу оптимального размещения и развития производительных сил крупного региона.

Особую значимость освоение северных территорий приобретает в связи с реализацией масштабной программы социально-экономического развития Арктической зоны РФ. Эта программа предполагает реализацию множества проектов в Арктике: создание глобальных транспортных, энергетических, информационных и телекоммуникационных систем. Общий объем инвестиций за 7 лет должен составить 1 793 млрд. рублей, в том числе за счет федерального бюджета – 623,3 млрд. руб.

⁶ Лощенко А.Л., Копша С.П., Бикбау М.Я. Строительно-индустриальный кластер – передовые технологии и машиностроение для строительства // Технология бетонов. – 2013. – № 8.

Таким образом, инвестиционный вектор в Российской Федерации смещается с южных регионов (строительство объектов Олимпиады 2014) в Арктику и прилегающие северные территории страны. Как видно из данных *рисунка 3*, наибольшие объемы инвестиций в приоритетные инвестиционные проекты сосредоточены в северных территориях Урала⁷, в связи с чем Уральский строительный кластер намерен заняться развитием северных сырьевых территорий.

Важным является то, что подавляющая часть инвестиций в северные территории означает новое строительство (возведение промышленных, транспортных, энергетических, жилых объектов), учитывающее особенности ведения строительных работ на Севере и проектные, инженерные, технологические решения для условий Арктики. Данные строительные решения должны носить комплексный, законченный и объемный характер, который одна организация или даже несколько строительных организаций предложить и освоить не в силах⁸.

Одним из действенных в условиях рыночной экономики механизмов, способных объединить независимые организации на выполнение единой стратегической цели, выступает кластер. В связи с этим важным условием инвестиционного освоения Арктики и выполнения масштабных задач по ее освоению является привлечение кластерных групп.

Сравнивая удельный вес организаций, которые осуществляют технологические инновации по субъектам РФ, можно отме-

⁷ Министерство регионального развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.minregion.ru/Priorit_invest (дата обращения: 20.10.2012).

⁸ Лаврикова Ю.Г. Кластерный подход в освоении северных и арктических территорий // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2014. – № 6 (43). – С. 71-74.

Рисунок 3. Объем инвестиций в приоритетные инвестиционные проекты, млрд. руб.

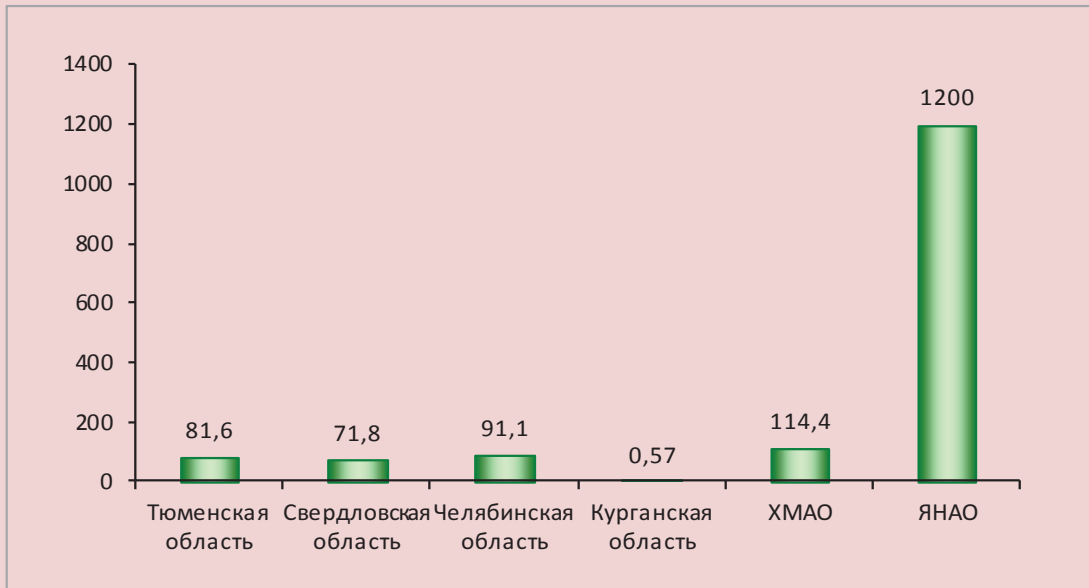
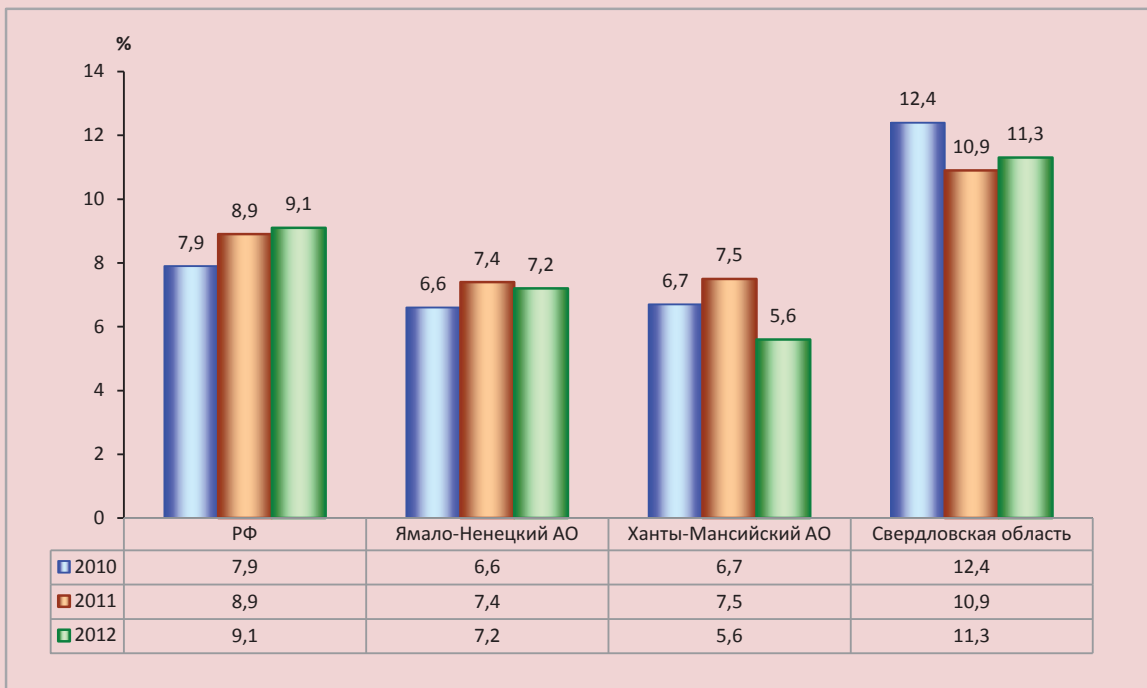

Рисунок 4. Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации по субъектам РФ: 2010–2012 гг., %

тить, что в Свердловской области наблюдаются более высокие показатели, чем в среднем по РФ (рис. 4). Инновационная активность организаций ЯНАО и ХМАО – невысокая. Таким образом, северные тер-

ритории с низкой инновационной активностью нуждаются в комплексных инновационных решениях, которые могут быть предоставлены предприятиями Уральского строительного кластера.

Потребители продукции строительного комплекса заинтересованы не просто в получении приемлемых по цене и качеству строительных материалов, а, прежде всего, в получении конечных результатов в виде объектов строительства – быстровозводимого и качественного жилья, промышленных и инфраструктурных зданий и сооружений. Следовательно, на рынок нужно предлагать готовые решения. Уральский строительный кластер построен по принципу обеспечения всеми участниками конечного результата. В состав кластера входят проектировщики, производители строительных материалов, строительные фирмы, образовательные и научные организации, инжиниринговые компании, представители отраслевых федеральных и региональных министерств, инфраструк-

турные организации, банки, страховые компании⁹. Такой подход к объединению позволяет в настоящее время предприятиям кластера гарантированно выполнять полный цикл строительных работ объемом до 40 млрд. руб. в год со своими проектировщиками, генподрядчиками, подрядчиками, банками с готовыми кредитными линиями. Это важно для масштабных инвестиционных проектов.

Своего рода инновационным организационным подходом к формированию Уральского строительного кластера можно считать создание в рамках кластера шести консорциумов по различным направлениям строительной индустрии (рис. 5). Консорциумы имеют территориальную и отраслевую направленность, у каждого из них свои особенности и цели создания¹⁰.

Рисунок 5. Структура Уральского строительного кластера

⁹ Концепция и практика формирования Уральского строительного кластера / кол. авт.: Ю.Г. Лаврикова, С.Н. Котлярова, Ю.Н. Чумерин, Я.Ю. Девярых. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 142 с.

¹⁰ Там же.

Консорциум транспортного строительства объединил в своих рядах более 40 компаний транспортного строительства, имеющих опыт работы более 20 лет, 3 института, соответствующие заводы стройматериалов, филиал федерального банка и страховую компанию. В таком составе консорциум может выходить на электронные торги и конкурсы, причем на самые крупные и дорогие заказы. Целями транспортного Консорциума является строительство железнодорожных и автомобильных дорог любой сложности с полной инфраструктурой.

Консорциум промышленного строительства ставит своей задачей строительство крупных промышленных объектов металлургии, химической промышленности, строительной индустрии, машиностроения и энергетики любой сложности с полной инфраструктурой. Предприятия консорциума являлись участниками федеральных программ подготовки к Саммиту стран АТЭС 2012 года во Владивостоке и Олимпиаде 2014 года в г. Сочи. В состав консорциума вошли институты «Уралгипромет» и «УралНИИАС».

Екатеринбургский и Нижнетагильский консорциумы организованы по территориальному принципу и включают в себя предприятия стройиндустрии и строительные компании, городские институты, учебные заведения, банки. Обязательное условие работы – реализация любого из объектов в качестве Генподрядчика. Это прерогатива «лидера» консорциума по данному виду работ, который своими силами способен выполнить до 40% работ на данном объекте. Предпосылками формирования данных консорциумов являются: реализация ряда крупных инвестиционных проектов в области строительства в городах; наличие большого числа предприятий, выпускающих строительную продукцию; наличие профильного образовательного учреж-

дения; необходимость своевременного удовлетворения потребностей территории в современных строительных материалах, изделиях и конструкциях для выполнения жилищных программ или реализации крупных инвестиционных проектов.

Задачей *Михайловского и Ирбитского консорциумов* является развитие производства современных строительных материалов, основанного на эффективной кооперации предприятий, с целью уменьшения затрат и себестоимости продукции, а также необходимости обеспечения потребности в строительных материалах при ожидаемом росте объемов строительства жилья. Будет создана общая инфраструктура сетей и подъездных путей, начнут решаться кадровые и социальные проблемы в этих двух поселках.

Консорциум малоэтажного строительства объединяет застройщиков коттеджных поселков и намерен решать вопросы с органами власти по обеспечению жилых малоэтажных поселков дорогами и инженерной инфраструктурой.

Северный строительно-логистический кластер основной задачей ставит объединение производителей стройматериалов, в первую очередь расположенных в Нижнем Тагиле, Краснотурьинске, Североуральске, Серове и других северных территориях Свердловской области, для комплексного выхода в северные регионы Уральского федерального округа, особенно в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Свердловская область традиционно являлась поставщиком стройматериалов для них, а также для Тюменской области. Но сейчас объекты строительства ушли далеко на север и даже за полярный круг. Север Свердловской области, ХМАО и ЯНАО являются зонами роста промышленного строительства, так как это быстро развивающиеся промышленные регионы.

Реализация крупных инвестиционных проектов повысит спрос на строительные материалы, в том числе необходимые в жилищном строительстве.

Таким образом, основной целью создания таких отраслевых и территориальных объединений является организация современных инновационных производств энергоэффективных и ресурсосберегающих строительных материалов, изделий и конструкций, повышение конкурентоспособности местных производителей стройматериалов. Создание Уральского строительного кластера позволит повысить

объемы поставок стройматериалов в регионы Уральского федерального округа. А в дальнейшем позволит не только снизить затраты на строительство, но и расширить рынок сбыта производимых в регионе инновационных стройматериалов.

Инновационное развитие строительного комплекса возможно на основе комплексного понимания инноваций как совокупности технологических, организационных, маркетинговых и других видов инноваций, что в современных условиях целесообразно реализовывать на основе кластерной модели развития.

Литература

1. Инновации в строительном кластере: барьеры и перспективы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.inno-expert.ru/consulting/building> (дата обращения: 2.01.2014).
2. Концепция и практика формирования Уральского строительного кластера / кол. авт.: Ю.Г. Лаврикова, С.Н. Котлярова, Ю.Н. Чумерин, Я.Ю. Девярых. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. – 142 с.
3. Котлярова, С.Н. Инновационные барьеры и перспективы развития отраслевых рынков на примере строительной отрасли / С.Н. Котлярова // Экономика региона. – 2010. – №3. – С. 251-254.
4. Лаврикова, Ю.Г. Кластерный подход в освоении северных и арктических территорий / Ю.Г. Лаврикова // СЕВЕР И РЫНОК: формирование экономического порядка. – 2014. – № 6 (43). – С. 71-74.
5. Лощенко, А.Л. Строительно-индустриальный кластер – передовые технологии и машиностроение для строительства / А.Л. Лощенко, С.П. Копша, М.Я. Бикбау // Технология бетонов. – 2013. – № 8.
6. Министерство регионального развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.minregion.ru/Priorit_invest (дата обращения: 20.10.2013).
7. После вступления в ВТО российский строительный рынок ожидают перемены [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.interfax.ru/realty/realtyinf.asp?sec=1457&id=261655> (дата обращения: 20.01.2014).
8. Ступин, И. Враги строительных инноваций / И. Ступин // Эксперт. – 2007. – №27 (568).
9. Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистическая информация [Электронный ресурс] // Наука, инновации и информационное общество. Наука и инновации. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.04.2014).
10. Ямщикова, И.В. Кластерная инициатива как путь инновационного развития промышленности строительных материалов региона / И.В. Ямщикова, В.А. Кудрявцева // Ползуновский вестник. – 2012. – № 4. – С. 127-131.

Lavrikova Yu.G., Kotlyarova S.N.

Innovation development of the construction complex in the region on the basis of cluster approach

Yuliya Georgievna Lavrikova – Doctor of Economics, Deputy Director, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russia, K515L@mail.ru)

Svetlana Nikolaevna Kotlyarova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Sector, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russia, Sv_gavrilova@mail.ru)

Abstract. The article substantiates the necessity of using cluster approach in the development of the region's construction complex for increasing its innovation activity. The formation and development of the regional construction clusters can facilitate the formation of innovation system in the construction complex and integration of different types of innovation. Clusters are also an effective mechanism under the conditions of the market economy; they can unite independent organizations for achieving common strategic goals. Taking the construction cluster of the Ural as an example, the authors discuss the opportunities of using its potential for different purposes, including for the investment development of the Arctic territories. The article shows that cluster can provide innovation-inactive Northern territories with complex innovation construction solutions.

Key words: cluster, investment, construction complex, Ural construction cluster, innovation development.

References

1. *Innovatsii v stroitel'nom klaster: bar'ery i perspektivy* [Innovation in the Construction Cluster: Obstacles and Prospects]. Available at: <http://www.inno-expert.ru/consulting/building> (accessed January 02, 2014).
2. Lavrikova Yu.G., Kotlyarova S.N., Chumerin Yu.N., Devyatykh Ya.Yu. *Kontsepsiya i praktika formirovaniya Ural'skogo stroitel'nogo klastera* [The Concept and Practice of Formation of the Ural Construction Cluster]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2013. 142 p.
3. Kotlyarova S.N. Innovatsionnye bar'ery i perspektivy razvitiya otraslevykh rynkov na primere stroitel'noi otrasli [Innovation Barriers and Perspectives of the Industrial Markets Development on the Example of Construction Industry] *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2010, no.3, pp. 251-254.
4. Lavrikova Yu.G. Klasternyi podkhod v osvoenii severnykh i arkticheskikh territorii [The Cluster Approach in the Development of the Northern and Arctic territories]. *SEVER I RYNOK: formirovanie ekonomicheskogo porjadka* [The North and the Market: Formation of Economic Order], 2014, no.6(43), pp. 71-74.
5. Loshchenko A.L., Kopsha S.P., Bikbau M.Ya. Stroitel'no-industrial'nyi klaster – peredovye tekhnologii i mashinostroenie dlya stroitel'stva [Construction-Industrial Cluster – Advanced Technology and Machinery for Construction]. *Tekhnologiya betonov* [Technology of Concrete], 2013, no.8.
6. *Ministerstvo regional'nogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [The Ministry of Regional Development of the Russian Federation]. Available at: http://www.minregion.ru/Priorit_invest (accessed October 20, 2013).
7. Posle vstupleniya v VTO rossiiskii stroitel'nyi rynek ozhidayut peremeny [After accession to the WTO the Russian Construction Market is Expecting Changes]. Available at: <http://www.interfax.ru/realty/realtyinf.asp?sec=1457&id=261655> (accessed January 20, 2014).
8. Stupin I. Vragi stroitel'nykh innovatsii [The Enemies of Construction Innovation]. *Ekspert* [Expert], 2007, no.27(568).
9. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Ofitsial'naya statisticheskaya informatsiya [Federal State Statistics Service. Official Statistical Information]. *Nauka, innovatsii i informatsionnoe obshchestvo. Nauka i innovatsii* [Science, Innovation and Information Society. Science and Innovation]. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed April 20, 2014).
10. Yamshchikova I.V., Kudryavtseva V.A. Klasternaya initsiativa kak put' innovatsionnogo razvitiya promyshlennosti stroitel'nykh materialov regiona [Cluster Initiative as a Way of Innovation Development of the Region's Construction Materials Industry]. *Polzunovskii vestnik* [Polzunov Bulletin], 2012, no.4, pp. 127-131.

Снижение фискальной функции налога на прибыль организаций: факторы и пути повышения

**Анна Ивановна
ПОВАРОВА**

старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, aip150663@yandex.ru)

Аннотация. Статья продолжает цикл публикаций по исследованию проблем налогового администрирования¹.

Налог на прибыль является одним из основных инструментов налоговой политики. Он выполняет не только фискальную, но и регулирующую функцию, позволяющую государству активно влиять на темпы развития экономики. Однако, несмотря на довольно высокую ставку, равную 20%, поступления налога на прибыль, прежде всего в региональные бюджеты, в последние годы сокращаются.

В статье рассматриваются факторы снижения мобилизующей функции налога на прибыль. Особый акцент делается на отдельных положениях налогового законодательства, влияющих на эффективность фискальной политики в сфере налогообложения прибыли. Анализ этих положений позволил предложить некоторые варианты совершенствования действующего механизма администрирования прибыли, способного достичь оптимального соотношения фискальной и регулирующей функции налога на прибыль организаций.

Ключевые слова: налогообложение прибыли, налог на прибыль организаций, налоговые преференции.

Налог на прибыль занимает особое место в национальной экономике. С одной стороны, это значительный источник доходов бюджета, а с другой — весомый элемент в структуре расходов органи-

заций, поэтому от эффективности администрирования данного налога зависит результативность мер фискального воздействия государства на экономическую активность.

¹ Поварова А.И. Неэффективное администрирование НДС как угроза экономической безопасности России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 2. — С. 126-140; Поварова А.И. Проблемы распределения налоговой нагрузки в российской экономике // Там же. — 2013. — № 6. — С. 170-188.

Налог на прибыль формирует 3% налоговых доходов федерального бюджета, а для бюджетов субъектов РФ он является системообразующим, обеспечивая более 30% налоговых поступлений (в 2005–2008 гг. – более 40%).

В ходе налоговых реформ, проведённых в РФ в 2000–2009 гг., структура налоговых доходов субфедеральных бюджетов претерпела существенные трансформации. Наиболее собираемые налог на добавленную стоимость и налог на добычу полезных ископаемых были централизованы и переданы в федеральный бюджет. Ряд региональных и местных налогов (налог с продаж, сбор на нужды образовательных учреждений, налог на содержание жилищного фонда и др.) были отменены. В результате территориальные бюджеты лишились 35% доходных источников, а их наполняемость стала зависеть преимущественно от двух платежей, привязанных к экономическому росту, – налога на прибыль организаций и налога на доходы физических лиц (табл. 1).

В течение 2000–2013 гг. динамика поступлений налога на прибыль и его роль в формировании налоговых доходов бюд-

жетов регионов менялись (рис. 1), что было обусловлено корректировками ставки, правил определения налоговой базы, а также изменением макроэкономических условий.

Первое сокращение сборов налога на прибыль наблюдалось в 2002 г. в связи со снижением максимальной налоговой ставки с 35 до 24%. В последующие годы поступления налога динамично росли вплоть до кризисного 2009 г., когда ухудшение финансового состояния налогоплательщиков, а также очередное снижение ставки с 24 до 20% вызвали падение платежей почти на 700 млрд. руб., или на 40% по сравнению с уровнем 2008 г. В посткризисный период поступления налога на прибыль вновь демонстрировали положительную динамику, однако в 2013 г. эта тенденция была переломлена: бюджеты регионов недосчитались более 260 млрд. руб., что явилось основной причиной крайне низких темпов прироста налоговых доходов и резкого повышения бюджетного дефицита (табл. 2).

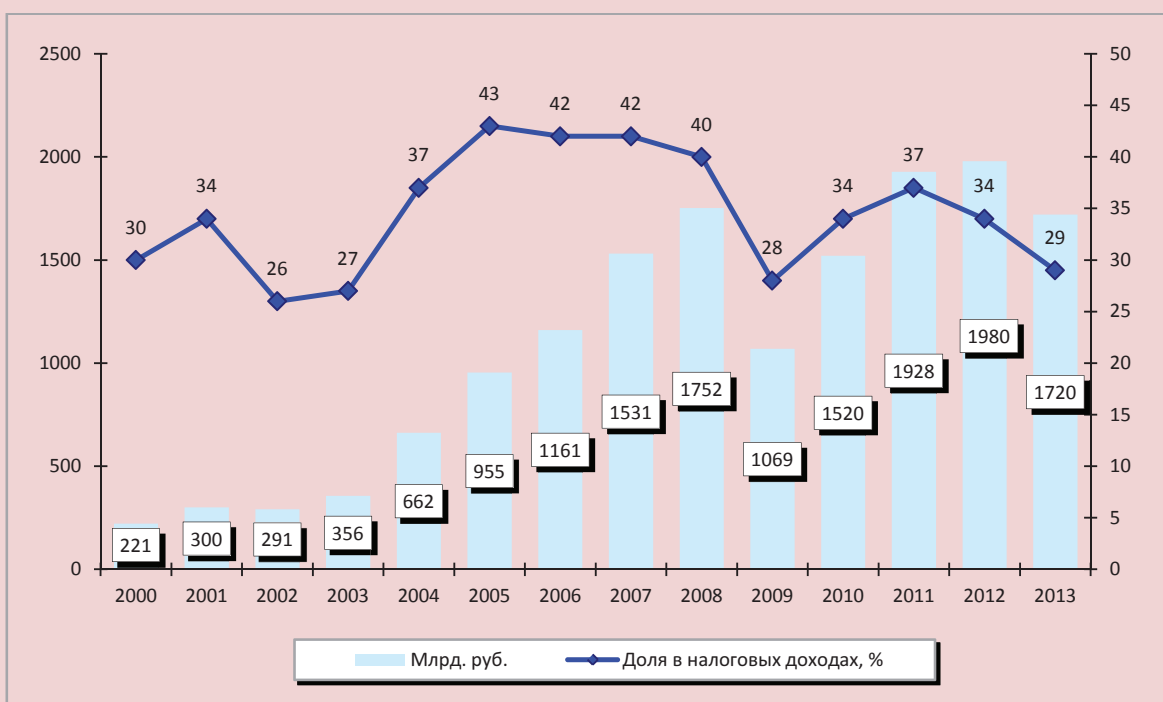
В чём же причины заметного снижения участия налога на прибыль в мобилизации доходных источников территорий в 2013 г.?

Таблица 1. Структура налоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в 1999 и 2013 гг.

Налоговые доходы	1999		2013	
	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%
Всего	497,8	100,0	5966,4	100,0
Налог на прибыль организаций	139,9	28,1	1719,7	28,8
Налог на доходы физических лиц	97,3	19,5	2499,1	41,9
Налог на добавленную стоимость	67,1	13,5	0	0
Акцизы	24,9	5,0	491,7	8,2
Налог с продаж	19,3	3,9	0	0
Налоги на совокупный доход	5,7	1,1	292,8	4,9
Налоги на имущество	52,5	10,5	900,7	15,1
Платежи за пользование природными ресурсами	34,7	7,0	43,2	0,7
Прочие налоги, пошлины и сборы	56,4	11,3	19,2	0,4

Источники: данные Федерального казначейства [3]; расчёты автора.

Рисунок 1. Динамика поступлений налога на прибыль в бюджеты субъектов РФ в 2000–2013 гг.

Источник: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 2. Налоговые доходы и дефицит консолидированных бюджетов субъектов РФ в 2011–2013 гг.

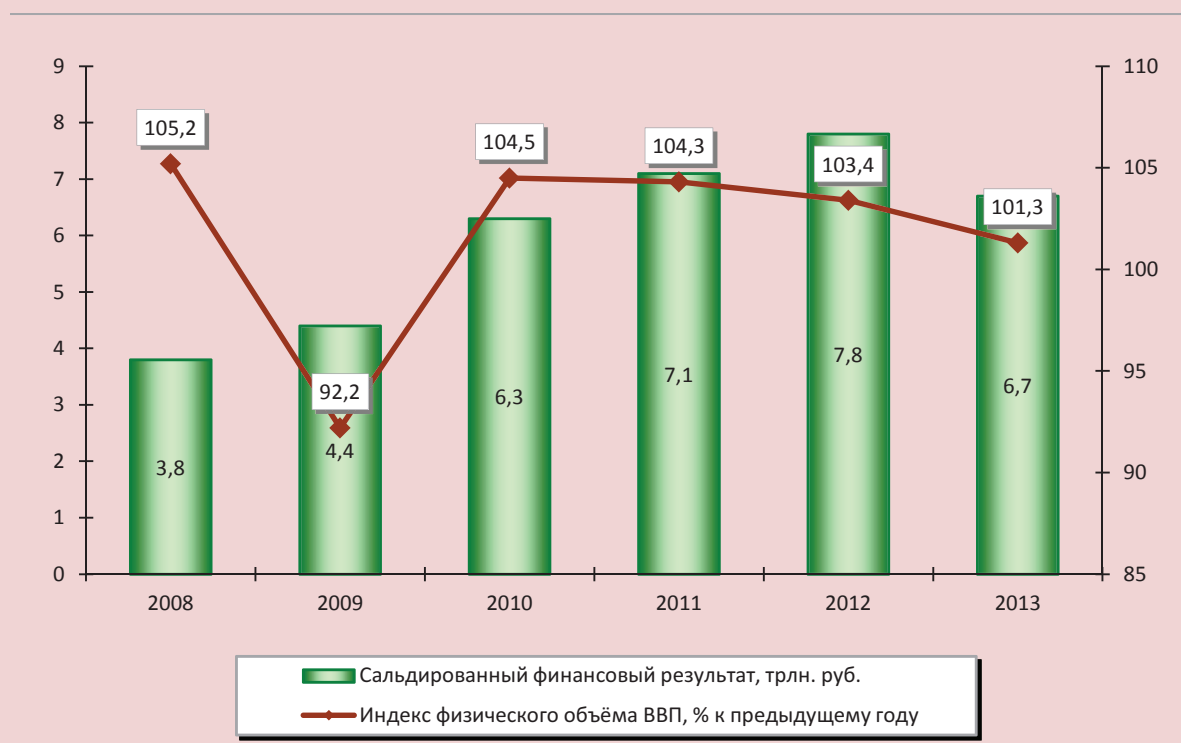
Показатели	2011		2012		2013	
	Млрд. руб.	В % к 2010	Млрд. руб.	В % к 2011	Млрд. руб.	В % к 2012
Налоговые доходы	5272,9	116,7	5800,2	110,0	5966,4	102,9
Налог на прибыль	1927,9	126,9	1979,9	102,7	1719,7	86,9
Дефицит	35,4	35,4	278,5	7,9 р.	642,0	2,3 р.

Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Важной фискальной особенностью этого налога служит то обстоятельство, что экономическим основанием его взимания является финансовый результат организаций, в силу чего в периоды ухудшения макроэкономической конъюнктуры поступления налога на прибыль сразу же реагируют на изменение ситуации. В 2013 г. на фоне замедления экономического роста наблюдалось падение прибыли, повлекшее за собой значительное сужение базы налогообложения (рис. 2).

Волатильность сборов налога на прибыль создаёт высокие риски неустойчивости бюджетных систем крупных промышленных территорий, крайне уязвимых от этого источника доходов. Так, в кризисном 2009 году в ресурсодобывающих регионах и регионах с металлургической специализацией обвал платежей по налогу на прибыль оказался настолько глубоким, что они и в 2013 г. не смогли его восполнить. В результате в целом по субъектам РФ поступления налога на прибыль в 2013 г. были ниже, чем в 2008 г. (табл. 3).

Рисунок 2. Динамика сальдированного финансового результата и индекса физического объема ВВП в 2008–2013 гг.

Источник: данные Росстата [5].

Таблица 3. Поступления налога на прибыль в бюджеты субъектов РФ

Субъект	2008		2009			2013		
	Млрд. руб.	Уд. вес, %*	Млрд. руб.	Уд. вес, %*	В % к 2008	Млрд. руб.	Уд. вес, %*	В % к 2008
Тюменская область	68,4	46,8	47,1	45,2	68,9	66,0	62,0	96,5
Республика Коми	12,7	35,6	9,5	28,8	74,8	12,2	25,3	96,1
Пермский край	36,0	42,9	17,2	27,4	47,8	33,1	33,1	91,9
Нижегородская область	28,4	35,8	16,9	24,5	59,5	24,2	22,4	85,2
Красноярский край	52,6	49,2	23,3	24,9	44,3	42,6	30,7	81,0
Ханты-Мансийский АО	70,3	46,7	43,4	33,7	61,7	53,6	31,3	76,2
Белгородская область	18,7	47,4	6,0	21,3	32,1	13,6	27,3	72,7
Челябинская область	30,4	38,1	4,9	9,7	16,1	17,5	17,2	57,6
Липецкая область	16,6	54,4	5,1	21,9	30,7	9,2	25,9	55,4
Кемеровская область	34,7	42,1	9,4	16,8	27,1	15,1	18,4	43,5
Вологодская область	21,8	51,2	4,8	18,9	22,0	6,0	15,3	27,3
Российская Федерация	1751,9	40,0	1069,0	28,2	61,0	1719,7	28,8	98,2

* Удельный вес налога на прибыль в общем объеме налоговых доходов бюджета субъекта РФ.
Источники: данные Федерального казначейства; расчёты автора.

Вместе с тем важнейший фактор существенного сокращения сборов платежей по налогу на прибыль, на котором хотелось бы более подробно остановиться, лежит в плоскости действующих механизмов его законодательного регулирования и администрирования.

Необходимо отметить, что Налоговый кодекс не предусматривает льготы по налогу на прибыль². С точки зрения Минфина РФ установление пониженной ставки налога не может отождествляться с предоставлением налоговой льготы, поскольку налоговая ставка, в отличие от льготы, является обязательным элементом налогообложения.

Таким образом, рассматривая преимущества по налогу на прибыль для отдельных категорий его плательщиков, можно говорить только о преференциях, не имеющих официального статуса налоговых льгот. Подобные пробелы в законодательстве не позволяют налоговым органам в ходе проведения контрольных мероприятий истребовать у налогоплательщиков документы, подтверждающие право на применение преференций (такое право распространяется только на случаи использования налоговых льгот),

и пресекать их неправомерное использование с целью снижения обязательств перед бюджетом.

В целом налоговым законодательством предусмотрено 128 преференций, снижающих изъятие в бюджет налога на прибыль [6], что, несомненно, затрудняет их администрирование. Рассмотрим применение наиболее важных из них.

Доходы, не учитываемые при определении налоговой базы

Налоговый кодекс устанавливает более 60 преференций по перечню доходов, не учитываемых при формировании базы налогообложения. К числу наиболее часто встречающихся необлагаемых доходов относятся: суммы предварительной оплаты товара (работы, услуги) при использовании метода начисления; суммы полученных кредитных (заёмных) средств; стоимость имущества, полученного в качестве вклада в уставной капитал; стоимость имущества, полученного в виде залога или задатка; средства целевого финансирования и т.д.

Среднегодовой объём необлагаемых доходов за 2008–2012 гг. составил 1,7 трлн. рублей (*табл. 4*).

Таблица 4. Налог на прибыль, недополученный в результате исключения отдельных видов доходов из прибыли в 2008–2012 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	Итого за 2008–2012	В среднем за 2008–2012
Объём доходов, исключаемых из прибыли	1099,9	2151,9	1473,7	1686,0	2142,1	8553,5	1710,7
Недополученный налог на прибыль, всего	264,0	430,4	294,7	337,2	428,4	1755,0	351,0
- в федеральный бюджет	71,5	43,0	26,5	33,7	42,8	217,5	43,5
- в бюджеты субъектов РФ	192,5	387,4	265,2	303,5	385,6	1537,5	307,5
Источники: данные ФНС [4]; расчёты автора.							

² С вступлением в силу с 01.01.2002 г. главы 25 Налогового кодекса РФ «Налог на прибыль организаций» значительная часть льгот и вычетов по налогу на прибыль была отменена. Однако целый ряд льгот был сохранён за счёт определения правил вычета расходов из налогооблагаемой базы. Анализ изменений налогового законодательства показал, что налоговые льготы в виде тех или иных преференций постепенно восстанавливаются.

Таблица 5. Дивиденды, распределённые российским организациям в 2009–2012 гг., млрд. руб.

Показатели	2009	2010	2011	2012	Итого за 2009–2012	В среднем за 2009–2012
Дивиденды, всего	395,6	557,7	1124,9	1117,5	3195,7	798,9
В том числе дивиденды, налог с которых исчисляется по ставке 0%	260,9	394,6	915,6	923,9	2495,0	623,8
- доля в общей сумме дивидендов, %	66,0	70,8	81,4	82,7	х	78,1
Выпадающие доходы по налогу на прибыль от применения нулевой ставки*	23,5	35,5	82,4	83,2	224,6	56,2

* Расчёт по ставке налога на прибыль 9%.
Источники: данные ФНС; расчёты автора.

Исключение отдельных видов доходов из состава налогооблагаемой прибыли привело к ежегодному уменьшению поступлений налога на прибыль в сумме более 350 млрд. руб., в том числе в региональные бюджеты — 307,5 млрд. руб.

Установление пониженных ставок и нулевой ставки налога на прибыль от выплаченных дивидендов

Налоговым законодательством предусмотрены следующие режимы налогообложения дивидендов с точки зрения устанавливаемых ставок:

- ♦ для российских организаций — 0–9%;
- ♦ для иностранных организаций — 15%, в том числе по международным соглашениям — 0–15%.

В налоговых системах развитых стран действует механизм освобождения от налогообложения доходов, полученных в виде дивидендов от дочерних компаний. Поэтому, с целью развития конкурентоспособности налоговой системы России и создания дополнительных стимулов для привлечения иностранных инвесторов, с 1 января 2008 г. была введена нулевая ставка налога на прибыль, начисляемая на дивиденды от стратегического участия³ российской организации в других компаниях.

За 2009–2012 гг. доля дивидендов, распределяемая по нулевой ставке, варьировалась от 66 до 83%, а сумма выпадающих доходов от применения этой ставки составила 225 млрд. руб., или 56 млрд. руб. ежегодно (табл. 5).

К примеру, если обратиться к публичной финансовой отчётности крупнейших нефтегазовых и металлургических корпораций, то можно увидеть, что только за 2013 г. за счёт исключения доходов от участия в других организациях⁴ налогооблагаемая прибыль была занижена на 250 млрд. руб., в результате в бюджет недополучено налога на прибыль 50 млрд. руб. (табл. 6).

Между тем введение нулевой ставки не привело к существенному росту иностранных инвестиций в экономику страны, хотя формально, по данным Росстата, их динамика демонстрировала положительный тренд. Однако рассмотрение структуры этих инвестиций кардинально меняет картину (табл. 7).

Как видно, в 2013 г. из общего объёма 170 млрд. долл. прямые иностранные инвестиции составляли всего 26 млрд. долл., или 15,3%. Но и из этой суммы на инвестиции в основной капитал приходилось 10 млрд. долл., остальные 16 миллиардов долларов, причисленные к прямым инве-

³ Стратегическим признаётся участие, если оно отвечает требованиям, установленным Налоговым кодексом РФ: акции находятся в собственности более 365 календарных дней, а доля в уставном капитале превышает 50%.

⁴ Согласно финансовой отчётности корпораций, все они являются стратегическими инвесторами — доля владения материнской компании в уставном капитале организаций, от которых получены дивиденды, составляет более 50%, а, значит, доходы от дивидендов не подлежат обложению налогом на прибыль.

Таблица 6. Доходы крупнейших корпораций от участия в других организациях и недополученный налог на прибыль в 2013 г., млрд. руб.

Показатели	Газпром	Газпромнефть	Роснефть	Северсталь	НЛМК	Итого
Доходы	110,4	35,3	73,3	9,0	21,0	250,0
Недополученный налог на прибыль*	22,1	7,1	14,7	1,8	4,2	50,0

* Согласно отчётности корпораций, доходы от участия в других организациях исключены из доходов, облагаемых по ставке 20%, в связи с этим недополученный налог на прибыль рассчитан по этой же ставке.
Источники: отчётность о прибылях и убытках корпораций; расчёты автора.

Таблица 7. Структура иностранных инвестиций в РФ в 1995–2013 гг.

Показатели	1995		2005		2008		2013		2013 к 2008, %
	Млрд. долл.	%	Млрд. долл.	%	Млрд. долл.	%	Млрд. долл.	%	
Инвестиции, всего	3,0	100	53,7	100	103,8	100	170,2	100	164,0
В том числе прямые инвестиции	2,0	67,7	13,1	24,4	27,0	26,0	26,1	15,3	96,6
- взносы в основной капитал	1,5	48,8	10,4	19,3	15,9	15,3	9,98	5,9	62,8
- прочие инвестиции	0,5	18,9	2,7	5,1	11,1	10,7	16,1	9,5	145,0
Портфельные инвестиции (акции, ценные бумаги)	0,04	1,3	0,5	0,8	1,4	1,4	1,1	0,6	77,2
Прочие инвестиции (торговые и прочие кредиты)	0,96	31,0	40,1	74,8	75,4	72,6	143,0	84,1	189,7

Источники: данные Росстата; расчёты автора.

стициям, являлись кредитами, полученными от зарубежных совладельцев российских компаний.

Обращает на себя внимание неуклонное снижение доли инвестиций в основной капитал. Если в 1995 г. она составляла 49% в общем объёме иностранных инвестиций, то в 2013 г. — 6%. Абсолютный объём капиталовложений с 2008 г., то есть после введения нулевой ставки налогообложения дивидендов, сократился почти на 40%.

Подавляющая часть иностранных инвестиций представлена динамично растущими торговыми и прочими кредитами, причём направления использования этих кредитов мало связаны с модернизацией экономики. Так, например, по данным Росстата, в 2010 г. из общего объёма прочих иностранных инвестиций в финансовый сектор было направлено 33%, в сырьедобывающие отрасли — 12%, а в машиностроение, производство электронного оборудования и транспортных средств — всего 4%.

Таким образом, введение нулевой ставки налогообложения дивидендов оказалось малоэффективным с точки зрения активизации зарубежных инвесторов. Прибывающие в страну инвестиции, по сути, не являются таковыми, так как основная их часть имеет возвратный характер, что кроме всего прочего свидетельствует и о качественной деградации структуры этих вложений.

Преференция в виде нулевой ставки налога на прибыль не повлияла и на сокращение дивидендов, выплачиваемых зарубежным инвесторам российскими организациями. Наоборот, за 2009–2012 гг. они увеличились в 2,5 раза (табл. 8). А налог на прибыль по дивидендам, выплаченным российскими компаниями иностранным налоговым резидентам, в десятки раз превышал налог на прибыль по дивидендам, полученным российскими организациями от зарубежных, что указывает на устойчивый отток капитала из России.

Таблица 8. Дивиденды, начисленные иностранным организациям в 2009–2012 гг., млрд. руб.

Показатели	2009	2010	2011	2012
Дивиденды, начисленные иностранным организациям	406,8	540,4	740,6	1035,1
Налог на прибыль с доходов, полученных в виде дивидендов от российских организаций иностранными организациями	44,8	54,7	65,9	97,1
Налог на прибыль организаций с доходов, полученных в виде дивидендов от иностранных организаций российскими организациями	2,7	2,5	1,8	1,2
Источники: данные ФНС; Федерального казначейства.				

Таблица 9. Структура дивидендных выплат иностранным организациям в 2009–2012 гг.

Показатели	2009		2010		2011		2012		Итого за 2009–2012	
	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%	Млрд. руб.	%
Дивиденды, всего	333,2	100	506,9	100	637,7	100	878,1	100	2355,9	100
В том числе по ставкам										
0%	0,3	0,08	0,5	0,1	0,6	0,09	0,8	0,09	2,2	0,09
от 0 до 5%	256,9	77,1	410,9	81,1	518,3	81,3	676,2	77,0	1862,3	79,0
от 5 до 10%	34,1	10,2	36,1	7,1	35,9	5,6	49,5	5,6	155,6	6,6
свыше 10%	42,0	12,6	59,4	11,7	82,9	13,0	151,7	17,3	335,8	14,3
Источники: данные ФНС; расчёты автора.										

Затрагивая проблему вывоза капитала, нельзя не сказать о том, что на начало 2013 г. действовало 78 соглашений об избежании двойного налогообложения (СИДН), заключённых Россией и ориентированных на предоставление налоговых льгот компаниям, зарегистрированным в офшорных юрисдикциях, что стимулирует их использование в целях минимизации налогообложения. Так, в 2009–2012 гг. львиная доля дивидендов, выплаченных зарубежным бенефициарам, облагалась по ставке до 5% (табл. 9).

Применение низких ставок налогообложения ставит в выгодное положение находящиеся в иностранной собственности отечественные крупные корпорации со стратегической долей участия в капитале российских организаций. При этом, как уже было сказано, дивиденды, получаемые такими корпорациями от дочерних компаний, не подлежат налогообложению, а вывод этих же дивидендов в офшорные юрисдикции облагается по ставке 5%.

В то же время российские компании с долей в капитале других организаций менее 50% платят дивиденды по ставке 9%. Такие подходы, безусловно, приводят к отклонению от основных принципов налоговой системы – нейтральности и справедливости.

По нашим расчётам, если бы все выплачиваемые виды дивидендов облагались налогом на прибыль по стандартной ставке 20%, то всего поступления этого платежа в федеральный бюджет⁵ могли бы увеличиться на 80% и составить в среднем 227 млрд. руб. в год (табл. 10).

Представляется, что оптимизация преференций по налогообложению огромных дивидендов, выплачиваемых преимущественно крупным корпорациям, рассмотрение вопроса о возможности повышения ставок в отношении отдельных режимов налогообложения дивидендных выплат позволили бы в какой-то степени изыскать дополнительные источники увеличения

⁵ Налог на прибыль по выплаченным дивидендам вносится исключительно в федеральный бюджет.

Таблица 10. Расчётный налог на прибыль, недополученный в результате предоставления преференций по налогообложению дивидендов в 2009–2012 гг.

Показатели	2009	2010	2011	2012	Итого за 2009–2012	В среднем за 2009–2012
Налог на прибыль, фактически поступивший в федеральный бюджет	195,4	255,0	342,6	375,8	1168,8	292,2
Расчётный налог на прибыль, недополученный в результате предоставления преференций по налогообложению дивидендов	114,7	166,9	297,0	328,0	906,6	226,7
В % к фактически поступившему налогу	58,7	65,5	86,7	87,3	77,6	77,6

Источники: данные ФНС; Федерального казначейства; расчёты автора.

финансовой помощи из федерального бюджета регионам⁶ на выполнение задач социально-экономического развития, поставленных Президентом РФ в указах от 7 мая 2012 г.

Учёт убытков прошлых лет

В соответствии с Налоговым кодексом налогоплательщики, понесшие убыток в предыдущих налоговых периодах, вправе уменьшить налоговую базу отчётного периода на всю сумму полученного ими убытка или на часть этой суммы (перенести убыток на будущее).

Налоговое законодательство устанавливает, что на сумму полученного убытка налоговая база может быть уменьшена в течение 10 лет⁷. Это в определённой степени создаёт предпосылки для сознательного формирования убытков и снижения налогообложения. Так, за 2008–2012 гг. в связи с уменьшением налоговой базы на сумму убытка или части убытка потери

⁶ При общей потребности субъектов РФ в средствах на повышение оплаты труда работников бюджетного сектора в 2014–2016 гг. в сумме 1,5 трлн. руб., в федеральном бюджете предусмотрены дотации территориальным бюджетам – всего 0,4 трлн. руб.

⁷ До 2007 г. в РФ действовало ограничение на вычет убытков прошлых лет пределом в 30% налоговой базы, определённой до вычета убытков. В некоторых странах (Франция, Германия, Великобритания) перенос убытков допускается на неограниченный срок. В Канаде разрешён перенос убытков в пределах 7 лет, Италии – 5 лет. Налоговым законодательством Беларуси перенос убытков не предусмотрен [7].

платежей по налогу на прибыль составили 440,7 млрд. руб., из них в федеральный бюджет – 50,2 млрд. руб., в региональные бюджеты – 390,5 млрд. руб. (табл. 11).

По сути, такая преференция не имеет стимулирующей функции, а является лишь механизмом налоговой компенсации убытков. Существенные недопоступления доходов из-за списания убытков указывают на необходимость пересмотра подходов к применению этой налоговой выгоды.

Установление понижающих ставок налога на прибыль по законодательству субъектов РФ

Значительная сумма недопоступлений налога на прибыль связана с установлением представительными органами власти субъектов РФ пониженных ставок для отдельных категорий налогоплательщиков. Объём этих преференций вырос с 41,5 млрд. руб. в 2008 г. до 63,1 млрд. руб. в 2013 г.

Например, в 2012 г. только 17 регионов не пользовались правом снижения ставок. Самые заметные недопоступления платежей имели место в субъектах РФ, бюджеты которых наиболее зависимы от налога на прибыль (табл. 12).

К сожалению, статистическая налоговая отчётность не содержит информации о конкретных субъектах экономики, получавших послабления в виде снижения налоговых ставок. Однако, как видится, в условиях дестабилизации территориальных бюджетных систем региональным властям

Таблица 11. Налог на прибыль, недополученный в 2008–2012 гг.
в связи со списанием убытков, млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	Итого за 2008–2012	В среднем за 2008–2012
Списанные убытки	152,5	316,2	551,7	476,4	672,0	2168,8	433,8
Налог на прибыль, всего	36,5	64,2	110,3	95,3	134,4	440,7	88,1
В том числе							
- в федеральный бюджет	9,9	6,4	11,0	9,5	13,4	50,2	10,0
- в бюджеты субъектов РФ	26,6	57,8	99,3	85,8	121,0	390,5	78,1

Источники: данные ФНС; расчёты автора.

Таблица 12. Преференции по налогу на прибыль, предоставленные в соответствии
с региональным законодательством в субъектах РФ в 2010–2012 гг.

Субъект	2010		2011		2012	
	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*	Млрд. руб.	%*
Ханты-Мансийский АО	12,9	24,5	22,1	28,9	16,2	21,7
Пермский край	6,3	25,0	9,4	27,6	5,3	14,8
Оренбургская область	2,0	11,7	3,1	13,6	3,4	13,8
Калужская область	0,4	6,1	0,8	11,1	1,2	10,2
Ленинградская область	0,5	2,6	0,9	4,4	1,3	5,0
Тюменская область	5,4	7,6	6,3	5,8	4,2	3,9
Российская Федерация	50,7	3,3	63,7	3,3	63,1	3,2

* В % к общему объёму налога на прибыль, поступившего в бюджет.
Источники: данные ФНС; Федерального казначейства; расчёты автора.

Таблица 13. Влияние амортизационной премии
на поступления налога на прибыль в 2008–2012 гг., млрд. руб.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	Итого за 2008–2012	В среднем за 2008–2012
Расходы на капиталовложения	170,2	456,8	559,5	691,7	845,3	2723,5	544,7
Недополученный налог на прибыль, всего	40,8	91,4	111,9	138,3	169,1	551,5	110,3
В том числе							
- в федеральный бюджет	11,0	9,2	11,2	13,8	16,9	62,1	12,4
- в бюджеты субъектов РФ	29,8	82,2	100,7	124,5	152,2	489,4	97,9

Источники: данные ФНС; расчёты автора.

при предоставлении преимуществ по налогу на прибыль необходимо учитывать, как они впоследствии повлияют на обеспеченность собственными доходными источниками.

Амортизационная премия

Амортизационная премия была введена в 2006 г. с целью привлечения инвестиций в основной капитал. Её суть заключается в том, что налогоплательщик вправе от 10 до 30% расходов на капитальные вложения

учитывать в составе расходов, уменьшающих налогооблагаемую базу по налогу на прибыль.

Из таблицы 13 видно, что в 2008–2012 гг. данные затраты, а соответственно, и бюджетные потери ежегодно увеличивались.

Всего в результате предоставления амортизационной премии, учтённой при расчёте налога на прибыль, его поступления были уменьшены на 552 млрд. руб., или на 110 млрд. руб. в год.

При этом, по данным Росстата, коэффициент обновления основных фондов увеличился незначительно – с 4,4 до 4,8%, а темпы роста инвестиций в основной капитал снизились со 110 до 107%. Таким образом, с позиции повышения инвестиционной активности действие амортизационной премии пока остаётся малорезультативным.

Итоги проведённого анализа позволяют сделать вывод о том, что использование множественных преференций по налогу на прибыль не способствовало достижению целей, заявленных при их введении, а приводило лишь к росту издержек для экономики, прежде всего в виде чистых потерь бюджетных доходов.

В целом только в рамках рассмотренных нами преференций ежегодные выпадающие доходы по налогу на прибыль оцениваются в 827,5 млрд. руб., в том числе федерального бюджета – 75,8 млрд. руб., региональных бюджетов – 535 млрд. руб. (табл. 14).

Оценивая последствия реформы налога на прибыль, можно заключить, что предпринятые изменения не принесли желаемого фискального эффекта. За 1995–2013 гг. доля налога на прибыль в консолидированном бюджете страны уменьшилась вдвое – с 32 до 16% (рис. 3).

Практика действия ряда преференций по налогу на прибыль с целью стимулирования экономического развития, что в

дальнейшем должно было бы отразиться на росте налоговых поступлений, также себя не оправдала. По данным Росстата, основные показатели эффективности российской экономики в 2008–2012 гг. снижались (табл. 15).

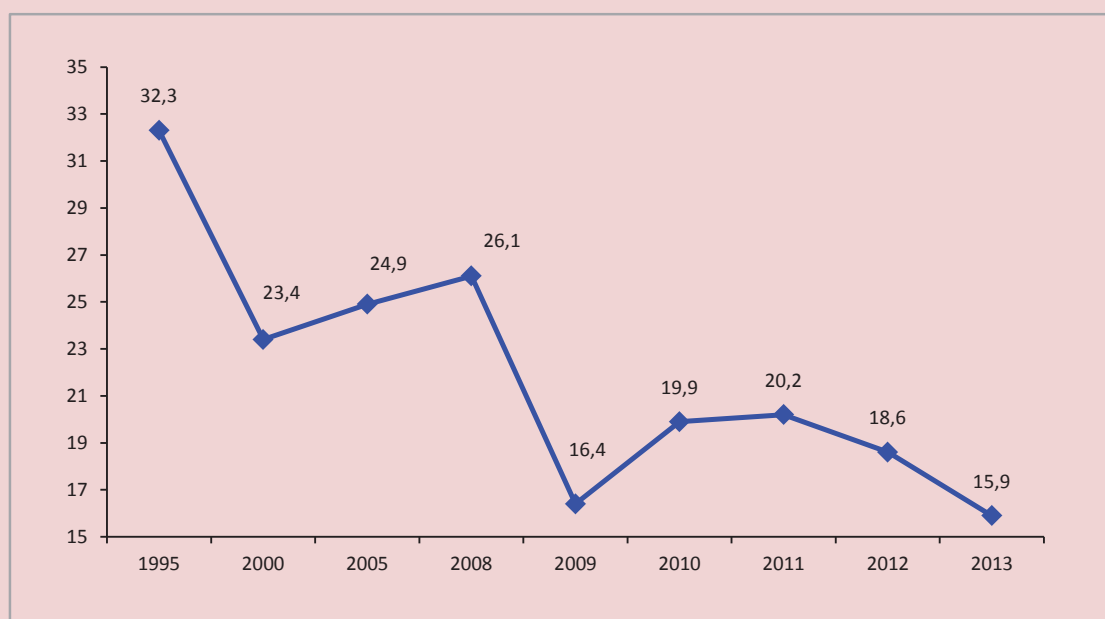
При принятии Налогового кодекса в 2002 г. отмена целого ряда льгот по налогу на прибыль была отчасти компенсирована снижением ставки налогообложения с 35 до 24%, а в 2009 г. – с 24 до 20%. Кроме того, как мы уже выяснили, часть льгот после реформы была сохранена в виде преференций, однако это не помешало отдельным категориям налогоплательщиков лоббировать получение дополнительных налоговых выгод. Речь идёт о собственниках крупнейших транснациональных холдингов, усилиями которых в 2008 г. была введена нулевая ставка налогообложения дивидендов, а в 2012 г. созданы консолидированные группы налогоплательщиков (КГН), ставшие настоящим бедствием для большинства региональных бюджетных систем.

Уже первые два года действия режима консолидированного налогообложения показали его низкую эффективность. По данным Счётной палаты РФ, треть общего объёма снижения поступлений налога на прибыль в 2013 г. пришлась на КГН, а всего субфедеральные бюджеты недополучили от консолидированных групп 63,8 млрд. руб. [8]

Таблица 14. Налог на прибыль, недополученный бюджетной системой РФ в результате предоставления налоговых преференций в 2008–2012 гг.

Налоговая преференция	Недополученный налог на прибыль, млрд. руб.		
	Консолидированный бюджет РФ	Федеральный бюджет	Бюджеты субъектов РФ
Доходы, исключаемые из прибыли	351,0	43,5	307,5
Дивиденды, облагаемые по нулевой или пониженным ставкам	226,6	226,7	0
Списание убытков прошлых лет	88,1	10,0	78,1
Установление пониженных ставок органами власти субъектов РФ	51,5	0	51,5
Амортизационная премия	110,3	12,4	97,9
Всего	827,5	292,6	534,9
В % к объёму поступившего налога на прибыль	43,4	75,8	32,4

Рисунок 3. Доля налога на прибыль в налоговых доходах консолидированного бюджета РФ в 1995–2013 гг., %

Источники: данные Федерального казначейства; Росстата; расчёты автора.

Таблица 15. Показатели эффективности экономики РФ в 2008–2012 гг.

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012
Индекс физического объёма ВВП, %	105,2	92,2	104,5	104,3	103,4
Доля добавленной стоимости высокотехнологичных и наукоёмких производств в ВВП, %	22,8	24,4	22,8	21,9	22,3
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %	21,4	20,9	20,6	20,3	20,8
Индекс фондоотдачи, %	102,0	89,1	101,3	100,8	99,8
Коэффициент обновления основных фондов обрабатывающих производств	6,9	6,2	5,9	6,4	6,5

Основным фактором снижения платежей в рамках КГН стало легитимное суммирование прибылей и убытков участников, что позволяет намеренно включать убыточные предприятия в состав группы и тем самым существенно снизить налоги рентабельных предприятий.

Кроме того, введение режима консолидированного налогообложения не сопровождалось созданием административных механизмов, которые позволили бы обеспечить надлежащий контроль налоговых органов за деятельностью КГН. В силу того что администрирование консолидирован-

ных налогоплательщиков осуществляется межрегиональными инспекциями, находящимися в Москве, налоговые управления ФНС на местах не имеют прямого доступа к налоговой отчётности и не владеют достоверной информацией о деятельности находящихся на их территориях участников КГН.

Ещё одна группа проблем в области администрирования налога на прибыль связана с методологией определения налогооблагаемой прибыли. Дело в том, что существуют разные подходы к определению прибыли как экономической категории и

прибыли для целей налогообложения, поэтому величина прибыли как объекта налогового администрирования отличается от величины прибыли как результата производственной деятельности. Если последняя формируется в основном под влиянием рыночных факторов, то порядок определения налогооблагаемой прибыли носит специфический характер, учитывающий особые подходы к признанию и оценке доходов и расходов. В результате организации обязаны вести наряду с бухгалтерским учётом специальный налоговый учёт, что не вполне оправданно, поскольку, на наш взгляд, именно бухгалтерский учёт должен быть базой для исчисления налогов. Его достоинствами являются точность, достоверность, полнота отражения финансово-хозяйственных операций, чего нет в налоговом учёте, сама концепция которого исходит из необходимости максимально полного учёта затрат налогоплательщиков. Кроме того, ведение двойного учёта неизбежно влечёт увеличение издержек администрирования и порождает налоговые споры, разрешение которых также требует определённых финансовых затрат.

Результаты исследований ИСЭРТ РАН показали, что исчисление налога на прибыль в соответствии с методикой налогового учёта приводит к снижению размера платежей, исчисленных в бухгалтерском учёте [1]. Например, судя по отчётности крупнейших налогоплательщиков за 2013 г., условный налог на прибыль,

исчисленный по стандартам бухгалтерского учёта (то есть по ставке 20% от прибыли до налогообложения), был существенно больше, чем текущий налог на прибыль, исчисленный к уплате по правилам налогового учёта (табл. 16).

Таким образом, отсутствие согласованности прибыли как объекта налогового администрирования с экономическим содержанием прибыли как объективной категории указывает на несовершенство налогового законодательства, усложняет механизм формирования базы налогообложения, что нередко влечёт возвраты из бюджета налога на прибыль, искажающие его фискальную функцию, а в конечном итоге снижает эффективность государственного воздействия на социально-экономические процессы.

Исходя из результатов проведённого анализа, а также обобщая мнение отдельных экспертов, выскажем предложения, направленные на корректировку действующего механизма администрирования налога на прибыль организаций.

Во-первых, необходим пересмотр подходов к установлению преференций в части налогообложения прибыли и выбора контингента налогоплательщиков, для которых эти преференции были бы действительно востребованными. Предоставление налоговых преимуществ должно носить крайне взвешенный характер, учитывающий превышение потенциальных выгод над издержками.

Таблица 16. Условный и текущий налог на прибыль, исчисленный в отчётности крупных корпораций за 2013 г., млрд. руб.

Корпорация	Прибыль до налогообложения	Условный налог на прибыль	Текущий налог на прибыль	Разница
Северсталь	9,2	1,8	0,0005	1,8
Газпром	854,8	171,0	118,9	52,1
Сургутнефтегаз	313,1	62,6	38,1	24,5
Роснефть	154,8	31,0	18,3	12,7
Газпромнефть	82,1	16,4	15,6	0,8

Источники: отчёты о прибылях и убытках корпораций; расчёты автора.

Во-вторых, важнейшей задачей является достижение оптимальной согласованности налогооблагаемой прибыли с её экономическим содержанием, которое, по нашему мнению, должно стать приоритетным в процессе налогового администрирования.

В-третьих, для создания системы мониторинга и оценки эффективности налоговых преференций представляется целесообразным дополнить налоговые декларации полным отражением информации об использовании преференций с последующим её включением в статистическую отчётность ФНС.

В-четвёртых, требуется пересмотреть подходы к применению такого налогового преимущества, как списание убытков: в частности, запретить организациям, неоднократно получавшим убыток по итогам налогового периода, переносить его на последующие периоды.

В-пятых, разумно было бы скорректировать не соответствующие принципу справедливости налоговой системы правила налогообложения дивидендов, получаемых стратегическими инвесторами.

Кроме того, знаковым моментом в данном плане был бы кардинальный пересмотр большинства соглашений об избежании двойного налогообложения, заключённых Россией, и перенос центра тяжести налогового стимулирования инвесторов в российскую юрисдикцию [9].

В-шестых, необходимы срочные меры по дополнительной проработке закона о КГН, в первую очередь касающиеся правил корректировки налоговой базы [10] и установления обязанности для каждого участника группы раскрывать налоговым органам всю информацию о финансовых результатах деятельности.

В-седьмых, заметный фискальный эффект может быть получен путём активизации усилий по работе с организациями, имеющими задолженность по уплате налога на прибыль, которая по состоянию на 1 мая 2014 г. составила 255 млрд. руб., в том числе в региональные бюджеты – 205 млрд. руб.

Безусловно, законодательная корректировка действующей системы регулирования налога на прибыль явится существенным резервом повышения его фискальной функции.

Литература

1. Ильин, В.А. Проблемы эффективности государственного управления / В.А. Ильин, А.И. Поварова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 185 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Официальный сайт Федерального казначейства России. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/>
4. Официальный сайт Федеральной налоговой службы России. – Режим доступа: <http://www.nalog.ru/>
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>
6. Проверка эффективности предоставления и применения налоговых льгот и преференций в части администрирования налога на прибыль организаций: Отчёт о результатах контрольного мероприятия // Официальный сайт Счётной палаты РФ. – Режим доступа: <http://audit.gov.ru/activities/control/>
7. Синельников-Мурылев, С. Совершенствование налога на прибыль в Российской Федерации в среднесрочной перспективе / С. Синельников-Мурылев, Е. Шкрёбела. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 264 с.

8. Титов, С. Голикова: формирование консолидированных групп налогоплательщиков привело к снижению уплаты налога на прибыль [Электронный ресурс] / С. Титов // Ведомости. – 2014. – 15 мая. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/26534761/>
9. Хейфец, Б.А. Деофшоризация российской экономики: возможности и пределы / Б.А. Хейфец. – М.: Институт экономики, 2013. – 63 с.
10. Юрзинова, И.Л. Консолидированная группа налогоплательщиков: анализ возможных достоинств и недостатков / И.Л. Юрзинова // Официальный сайт журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». – Режим доступа: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/--ep13-05/index.php>

Povarova A.I.

Reduction of the fiscal function of corporate tax: the factors and ways of increase

Anna Ivanovna Povarova – Senior Research Associate at the Department of the Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, anna631506@mail.ru)

Abstract. The article continues the series of publications on research into tax administration issues.

Profit tax is one of the main tools of tax policy. It fulfills not only a fiscal, but also a regulatory function, allowing the state to influence the pace of economic development. However, despite the relatively high rate equal to 20%, the receipt of profit tax, primarily in the regional budgets has reduced in recent years.

The article considers the factors that reduce mobilizing functions of profit tax. It highlights the individual provisions of the tax legislation that influence the effectiveness of the fiscal policy in the sphere of profit taxation. The analysis of these provisions offers some options for improving the existing mechanism of profit administration that makes it possible to achieve an optimal balance between fiscal and regulatory functions of corporate tax.

Key words: profit taxation, corporate tax, tax preferences.

References

1. Ilyin V.A., Povarova A.I. *Problemy effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya* [Public Administration Efficiency]. Vologda: ISERT RAN, 2014. 185 p.
2. Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii [Tax Code of the Russian Federation]. *Spravochno-poiskovaya sistema "Konsul'tantPlyus"* [Reference-and-Search System "Consultant Plus"].
3. *Ofitsial'nyi sait Federal'nogo kaznacheistva Rossii* [Official Website of the Federal Treasury of Russia]. Available at: <http://www.roskazna.ru/>
4. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi nalogovoi sluzhby Rossii* [Official Website of the Federal Tax Service of Russia]. Available at: <http://www.nalog.ru/>
5. *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki* [Official Website of the Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru/>
6. Proverka effektivnosti predostavleniya i primeneniya nalogovykh l'got i preferentsii v chasti administrirovaniya naloga na pribyl' organizatsii: Otchet o rezul'tatakh kontrol'nogo meropriyatiya [Inspection of the Efficiency of Provision and Application of Tax Privileges and Preferences in the Administration of Corporate Tax: the Report on the Results of Control Measures]. *Ofitsial'nyi sait Schetnoi palaty RF* [Official Website of the Accounts Chamber of the Russian Federation]. Available at: <http://audit.gov.ru/activities/control/>

7. Sinel'nikov-Murylev S., Shkrebela E. *Sovershenstvovanie naloga na pribyl' v Rossiiskoi Federatsii v srednesrochnoi perspective* [Improvement of Profit Tax in the Russian Federation in the Medium Term]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2011. 264 p.
8. Titov S. Golikova: formirovanie konsolidirovannykh grupp nalogoplatel'shchikov privelo k snizheniyu uplaty naloga na pribyl' [According to Golikova, the Formation of Consolidated Groups of Taxpayers Resulted in Reduction of Profit Tax Payments]. *Vedomosti* [News], 2014, May 15. Available at: <http://www.vedomosti.ru/finance/news/26534761/>
9. Kheifets B.A. *Deofshorizatsiya rossiiskoi ekonomiki: vozmozhnosti i predely* [De-Offshorization of the Russian Economy: Opportunities and Limits]. Moscow: Institut ekonomiki, 2013. 63 p.
10. Yurzinova I.L. Konsolidirovannaya gruppa nalogoplatel'shchikov: analiz vozmozhnykh dostoinstv i nedostatkov [Consolidated Group of Taxpayers: an Analysis of Possible Advantages and Disadvantages]. *Ofitsial'nyi sait zhurnala "Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki"* [Official Website of the Journal "Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice"]. Available at: <http://www.vipstd.ru/nauteh/index.php/---ep13-05/index.php>

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗ

УДК 314, ББК 60.7

© Молчанова Е.В., Кручек М.М., Кибисова З.С.

Построение рейтинговых оценок субъектов Российской Федерации по блокам социально-экономических показателей

**Екатерина Владимировна
МОЛЧАНОВА**

кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Карельского научного центра РАН (185030, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50, molchanova@karelia.ru, molch@yandex.ru)

**Марина Марленовна
КРУЧЕК**

кандидат физико-математических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Петрозаводский государственный университет (185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33, kruchek@psu.karelia.ru, kruchek@mail.ru)

**Зоя Сергеевна
КИБИСОВА**

студент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Петрозаводский государственный университет (185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33, zoia591@mail.ru)

Аннотация. Население России не только уменьшается, но и становится все менее и менее здоровым, а значит, теряет способность служить движущей силой экономического возрождения страны. Поэтому построение рейтинговых оценок территорий с целью принятия социально-экономических и политических решений для стабилизации и улучшения сложившейся ситуации на региональном уровне представляет собой актуальную задачу для научного сообщества. Целью данной статьи является реализация эконометрического подхода к построению рейтинговых оценок субъектов Российской Федерации. Выделяется три блока показателей для построения интегральных индексов: «качество населения», «благополучие населения» и «качество социаль-

ной сферы». На их основе определяется значение единого сводного интегрального индикатора. В данной работе использовалась методика С.А. Айвазяна, которая реализовалась численно на статистических данных по Российской Федерации за 2012 г. в несколько этапов. Как показали полученные результаты, существуют значительные расхождения ранговых мест регионов России в зависимости от анализируемого блока показателей. «Качество населения» напрямую взаимосвязано с «благополучием населения» и «качеством социальной ниши». Построенные таким образом рейтинговые оценки позволяют определить приоритеты социально-экономической политики на региональном уровне.

Ключевые слова: рейтинг, эконометрический подход, качество населения, медико-демографическая ситуация.

Качество населения представляет собой неотделимую от жизнедеятельности населения и вытекающую из самого факта его существования определенность, интегральную совокупность более частных свойств, которыми обладает население и которые проявляются во взаимодействии с различными явлениями окружающего мира [1]. Представление о качестве населения складывается на основании следующих данных: медико-демографических индикаторов (рождаемость, смертность, заболеваемость, ожидаемая продолжительность жизни); уровня образованности (доля населения со средним и высшим образованием, средняя продолжительность срока обучения); уровня квалификации. В данном исследовании сделан акцент именно на медико-демографических индикаторах, как наиболее значимых показателях качества населения, отражающих физическое, психическое и социальное здоровье нации.

Качество населения оказывает непосредственное влияние на будущие поколения, поэтому уже сейчас необходим комплекс экономических, социальных, медицинских и экологических мероприятий, направленных на предотвращение неблагоприятных тенденций. Успех не может быть достигнут усилиями только медицинского сектора. Являясь самой большой страной по площади, Россия в последнее время существенно сдает свои позиции по численности и качеству населе-

ния. Численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2012 г. составляла 143,1 млн. человек, из которых 105,7 млн. человек (73,9%) — горожане и 37,4 млн. человек (26%) — сельские жители. За период с 1990 по 2011 г. население сократилось на 5,3 млн. человек.

Несмотря на заметный рост ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения в период с 2005 по 2011 г. (с 65,3 до 69,83 года), Российская Федерация по этому показателю стоит в одном ряду с Азербайджаном — 68 лет, Боливией — 66, Гватемалой — 69 лет, опережая лишь страны Африки и ряд стран Азии. ОПЖ в среднем по населению в России на 11 лет ниже, чем в экономически развитых европейских странах, в том числе у мужчин — на 15 лет, а у женщин — на 8 лет. При этом наблюдаются значительные территориальные различия. Так, ОПЖ по федеральным округам различается почти — на 5 лет. Наиболее высокие показатели ожидаемой продолжительности жизни сохраняются в республиках Северного Кавказа и г. Москве. В этих регионах ОПЖ при рождении у мужчин в 2011 году превысил 71 год, у женщин — 79 лет. Наиболее низкая продолжительность жизни и мужчин, и женщин отмечается в Республике Тыва и Чукотском АО (у мужчин 56 лет, у женщин 66 лет).

По данным Росстата [10], за период с 2006 по 2012 г. отмечалось незначительное снижение смертности населения, в том числе и от несчастных случаев, отравлений,

травм, но даже с учетом этого получается, что россияне умирают от внешних причин в три раза чаще, чем население в странах Евросоюза. Среди всех умерших почти 30% приходится на лиц трудоспособных возрастов (более 560 тыс. человек в год), из них 80% – мужчины.

Население России не только уменьшается, но и становится все менее и менее здоровым. Медико-демографические данные свидетельствуют о кризисе народонаселения и усугубляющемся кризисе общественного здоровья. Как отмечает Н.М. Римашевская, серьезные проблемы связаны не только с численностью, но и с качеством населения, с состоянием его генофонда как основы развития общества и государства. Достаточно взглянуть на физическое, психическое и социальное здоровье людей, на изменение их морально-нравственных ориентиров [9].

Поэтому построение рейтинговых оценок территорий по показателям «Качество населения», «Благосостояние населения» и «Качество социальной сферы» с целью принятия социально-экономических и политических решений для стабилизации и улучшения сложившейся ситуации на региональном уровне представляет собой актуальную задачу для научного сообщества. Сложность проблемы заключается в том, что она носит междисциплинарный характер и для ее решения требуется применение специальных методов математической статистики и моделирования.

Рейтинг (rating) – совокупность объектов или явлений, упорядоченная по числовому или порядковому показателю, отображающему важность, значимость, распространенность, популярность и другие подобные качества этого объекта или явления, а также методика этого упорядочения. В качестве примеров можно привести кредитный рейтинг, рейтинг банков, инвестиционный рейтинг регионов и др. [4, 6, 7, 8].

Например, рейтинговое агентство «РИА Рейтинг» предложило методику рейтинговых оценок, которая строилась на основе комплексного анализа социально-экономической ситуации в субъектах РФ. Анализируемые показатели условно были распределены на четыре группы-подмножества: масштаб экономики, эффективность экономики, бюджетная сфера, социальная сфера.

Рейтинг строился путем ранжирования субъектов РФ в порядке убывания по значению интегрального рейтингового балла. Интегральный рейтинговый балл по каждому региону рассчитывался в три этапа. На первом этапе определялся рейтинговый балл по отдельным показателям, на втором этапе – рейтинговый балл по группе показателей и на третьем – интегральный рейтинговый балл субъекта РФ. Рейтинговый балл субъекта РФ по каждому показателю рассчитывался в интервале значений от 100 до 1 путем обработки множества значений данного показателя всех субъектов РФ таким образом, чтобы регион с наилучшим значением показателя получал 100 баллов, а с наихудшим – 1. Вместе с тем при определении рейтингового балла учитывалось не только место каждого субъекта РФ по данному показателю, но и степень отставания от лучшего результата. Рейтинговый балл по группе показателей определялся как среднее арифметическое значение рейтинговых баллов всех входящих в группу показателей. Интегральный рейтинг субъекта РФ определялся как среднее геометрическое рейтинговых баллов групп показателей [6, 7].

В настоящее время рейтинговые оценки являются очень востребованными и популярными, однако крайне мало внимания уделяется построению рейтинговых оценок по медико-демографическим индикаторам в их взаимосвязи с социально-экономическими показателями [4, 6, 7, 8].

Таблица 1. Система показателей для построения интегральных рейтинговых оценок

Блок	Показатели
Первый блок – «Качество населения»	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (оба пола)
	Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми (младенческая смертность)
	Смертность от инфекционных и паразитарных болезней (число умерших на 100 тыс. чел.)
	Смертность от новообразований (число умерших на 100 тыс. чел.)
	Смертность от болезней сердечно-сосудистой системы (число умерших на 100 тыс. чел.)
	Смертность от болезней органов дыхания (число умерших на 100 тыс. чел.)
	Смертность от болезней органов пищеварения (число умерших на 100 тыс. чел.)
	Смертность от несчастных случаев, травм и отравлений (число умерших на 100 тыс. чел.)
	Число инвалидов (на 1000 чел.)
	Контингент больных психическими расстройствами и расстройствами поведения (на 100 тыс. чел.)
	Контингент больных алкоголизмом и алкогольными психозами (на 100 тыс. чел.)
	Контингент больных наркоманией (на 100 тыс. чел.)
	Контингент больных токсикоманией (на 100 тыс. чел.)
	Контингент больных сифилисом (на 100 тыс. чел.)
	Уровень образования населения (на 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше, указавших, что имеют высшее образование, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года)
	Число образовательных учреждений высшего профессионального образования
	Выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием
Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования на 10 тыс. чел.	
Второй блок – «Благосостояние населения»	ВРП на душу населения (руб.)
	Среднедушевые денежные доходы (руб.)
	Величина прожиточного минимума (руб.)
	Соотношение среднедушевых доходов и ПМ
	Доля населения с денежными доходами ниже ПМ
	Доля общей площади жилого фонда в расчете на одного жителя (кв. м)
	Ввод общей площади жилых домов на душу населения (кв. м)
	Число автомобилей в личном пользовании (на 1000 чел.)
	Доля ветхого и аварийного жилья (%)
Третий блок – «Качество социальной сферы»	Просроченная задолженность по зарплате (млн. руб.)
	Число зарегистрированных преступлений (на 100 тыс. чел.)
	Соотношение браков и разводов (на 1000 браков приходится разводов)
	Уровень экономической активности населения (%)
	Численность врачей на 10 тыс. чел.
	Численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. чел.
	Число больничных коек на 10 тыс. чел.
	Прерывание беременности (аборт) на 1000 женщин
	Численность зрителей театров на 1000 человек населения
Число посещений музеев на 1000 человек населения	

В данной работе использовалась методика С.А. Айвазяна, подробное описание алгоритма и интерпретация результатов приведены в работе [1]. Информационной базой служили данные Росстата за 2012 г. Далее приведены основные этапы расчетов и полученные результаты.

Этап 1. В результате проведения предварительного анализа для построения индексов «Качество населения», «Благосостояние населения» и «Качество социальной сферы» были выбраны индикаторы, представленные в *таблице 1* (апостериорный набор частных критериев) [3, 5].

Этап 2. На втором этапе исследования была произведена унификация измерительных шкал всех анализируемых переменных, которая выполнялась следующим образом:

1. Если исходный показатель (частный критерий) x связан с анализируемым интегральным свойством «Качество населения», «Благосостояние населения» и «Качество социальной сферы» монотонно возрастающей зависимостью (т.е. чем больше значение x , тем выше качество), то значение соответствующей унифицированной переменной \tilde{x} вычисляется по формуле:

$$\tilde{x} = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}} \cdot N, \quad (1)$$

где x_{\min} , x_{\max} — наименьшее (самое худшее) и наибольшее (самое лучшее) значение исходного показателя.

2. Если исходный показатель (частный критерий) x связан с анализируемым интегральным свойством «Качество населения», «Благосостояние населения» и «Качество социальной ниши» монотонно убывающей зависимостью (т.е. чем больше значение x , тем ниже качество), то значение соответствующей унифицированной переменной \tilde{x} вычисляется по формуле:

$$\tilde{x} = \frac{x_{\max} - x}{x_{\max} - x_{\min}} \cdot N, \quad (2)$$

где x_{\min} , x_{\max} — наименьшее (самое худшее) и наибольшее (самое лучшее) значение исходного показателя, при этом принимается $N=10$.

Этап 3. Методика построения интегральных индикаторов по блокам включала в себя несколько вычислительных процедур. На первой стадии этапа 3 осуществляется реализация метода главных компонент по значениям частных критериев апостериорного набора показателей. Результаты представлены в *таблице 2*.

Для показателя «накопленный % объясненной вариации» было выбрано пороговое значение 50–55% и отобрано соответствующее количество главных компонент для каждого блока переменных. Вычисления проведены в модуле «Факторный анализ» статистической программы Statistica 6.0.

Формирование блочных частных критериев и их весовых коэффициентов для синтетических категорий представлены в *таблицах 3, 4, 5*.

В зависимости от количества главных компонент блок содержит либо три, либо два подблока частных критериев. Разбиение признаков по подблокам осуществлялось на основе значений собственных векторов. Число признаков в j -м подблоке обозначено p_j . Так, для первого подблока блока «Качество населения» $p_1=9$, для второго — $p_2=4$, а для третьего — $p_3=5$.

Таблица 2. Метод главных компонент для блоков «Качество населения», «Благосостояние населения» и «Качество социальной сферы»

Номер главной компоненты (j)	Собственные значения ($\lambda_j^{(1)}, \lambda_j^{(2)}, \lambda_j^{(3)}$)	% вариации, объясненной главной компонентой	Накопленный % объясненной вариации
Блок «Качество населения»			
1	4,84	26,91	26,91
2	3,12	17,33	44,24
3	2,34	13,00	57,24
Блок «Благосостояние населения»			
1	3,546	39,403	39,40
2	1,788	19,865	59,26
Блок «Качество социальной сферы»			
1	3,164	31,635	31,63
2	1,831	18,315	49,95

Таблица 3. Блочные частные критерии и их весовые коэффициенты для блока «Качество населения»

Подблок 1		Подблок 2		Подблок 3	
Переменные	Веса	Переменные	Веса	Переменные	Веса
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (оба пола)	0,143	Число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми	0,394	Смертность от инфекционных и паразитарных болезней (число умерших на 100 тыс. чел.)	0,379
Смертность от болезней органов дыхания (число умерших на 100 тыс. чел.)	0,100	Смертность от новообразований (число умерших на 100 тыс. чел.)	0,344	Смертность от болезней сердечно-сосудистой системы (число умерших на 100 тыс. чел.)	0,036
Смертность от болезней органов пищеварения (число умерших на 100 тыс. чел.)	0,105	Контингенты больных токсикоманией (на 100 тыс. чел.)	0,054	Число инвалидов (на 1000 чел.)	0,132
Смертность от внешних причин (число умерших на 100 тыс. чел.)	0,136	Численность студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования (на 10 тыс. чел.)	0,209	Контингенты больных наркоманией (на 100 тыс. чел.)	0,296
Контингенты больных психическими расстройствами и расстройствами поведения (на 100 тыс. чел.)	0,065			Контингенты больных сифилисом (на 100 тыс. чел.)	0,156
Контингенты больных алкоголизмом и алкогольными психозами (на 100 тыс. чел.)	0,107				
Уровень образования населения (на 1000 чел. населения в возрасте 15 лет и старше, указавших, что имеют высшее образование, по данным Всероссийской переписи населения 2010 года)	0,107				
Число образовательных учреждений высшего профессионального образования	0,118				
Выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием	0,118				

Таблица 4. Блочные частные критерии и их весовые коэффициенты для блока «Благосостояние населения»

Подблок 1		Подблок 2	
Переменные	Веса	Переменные	Веса
ВРП на душу населения, руб	0,180	Прожиточный минимум (руб.)	0,068
Среднедушевые денежные доходы (руб.)	0,179	Общая площадь жилого фонда в расчете на одного жителя	0,389
Соотношение среднедушевых доходов и величины прожиточного минимума	0,214	Доля ветхого и аварийного жилья (%)	0,542
Доля населения с денежными доходами ниже ПМ (%)	0,158		
Ввод в действие общей площади жилых домов	0,161		
Число автомобилей в личном пользовании (на 1000 человек)	0,109		

Таблица 5. Блочные частные критерии и их весовые коэффициенты для блока «Качество социальной сферы»

Подблок 1		Подблок 2	
Переменные	Веса	Переменные	Веса
Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек	0,129	Просроченная задолженность по зарплате (млн. руб.)	0,047
Соотношение браков и разводов (на 1000 браков приходится разводов)	0,140	Численность зрителей театров на 1000 человек населения	0,496
Уровень экономической активности населения (%)	0,046	Число посещений музеев на 1000 человек населения	0,456
Численность врачей на 10 тыс. человек	0,078		
Численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. человек	0,190		
Число больничных коек на 10 тыс. человек	0,222		
Прерывание беременности (аборты) (на 1000 женщин)	0,195		

Весовые коэффициенты $w_s(j)$ для s -го частного критерия j -го подблока определяются по компонентам $c_{1s}(j)$ первого собственного вектора $C_1(j) = (c_{11}(j), c_{12}(j), \dots, c_{1p_j}(j))$ ковариационной матрицы апостериорного набора унифицированных частных критериев $(\tilde{x}^{(1)}(j), \tilde{x}^{(2)}(j), \dots, \tilde{x}^{(p_j)}(j))$ по формуле:

$$w_s(j) = \begin{cases} c_{1s}(j) / \sum_{v=1}^{p_j} c_{1v}(j), & \text{если все } c_{1v}(j), \\ & v = \overline{1, p_j}, \text{ одного знака;} \\ c_{1s}^2(j) & \text{в противном случае.} \end{cases} \quad (3)$$

Значение подблочного индекса $y_i(j)$ для i -ой территории каждой из синтетических категорий «Качество населения», «Благополучие населения» и «Качество социальной сферы» вычислялось по формуле:

$$y_i(j) = \sum_{s=1}^{p_j} w_s(j) \cdot \tilde{x}_i^{(s)}(j), \quad (4)$$

где $\tilde{x}_i^{(s)}(j)$ – унифицированное значение s -го частного критерия j -го блока для i -территории, а $w_s(j)$ – весовые коэффициенты, определенные по формуле (3).

Так, например, для блока «Качество населения» при $j = 1$ значение $p_j = 9$, при $j = 2$ значение $p_j = 4$, а при $j = 3$ значение $p_j = 5$. Соответственно получится три подблока индексов для всех субъектов РФ –

$y_i(1), y_i(2), y_i(3)$. Аналогичные рассуждения верны для блоков «Благополучие населения» и «Качество социальной сферы».

Этап 4. Построение интегрального индикатора для каждой из анализируемых синтетических категорий. На данном этапе переходим от $k(l) = 3$ (или 2) подблочных индексов данной (l -й) синтетической категории к одному сводному интегральному индикатору – скалярному измерителю синтетической категории $\tilde{y}^{(l)}$ ($l = 1, 2, 3$):

$$\tilde{y}_i^{(l)} = N - \left[\sum_{j=1}^{k(l)} q_l(j) (y_i^{(l)}(j) - N)^2 \right]^{1/2}, \quad (5)$$

где $q_l(j) = \frac{\tilde{\lambda}_j^{(l)} \cdot s_l^2(j)}{\sum_{v=1}^{k(l)} \tilde{\lambda}_v^{(l)} \cdot s_l^2(v)}$,

$$s_l^2(j) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (y_i^{(l)}(j) - \bar{y}^{(l)}(j))^2,$$

$$\bar{y}^{(l)}(j) = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n y_i^{(l)}(j),$$

$$\tilde{\lambda}_j^{(l)} = \frac{\lambda_j^{(l)}}{\sum_{v=1}^{3(\text{либо } 2)} \lambda_v^{(l)}},$$

где n – число субъектов РФ, j – номер подблока l -го блока, $N = 10$ (эталонное значение).

Этап 5. Построение единого сводного интегрального индикатора для синтетической категории высшего уровня общности $\hat{y}^{св.}$ по трем сводным индексам для i -ой территории осуществляется по той же методике, что и построение по блочным индексам, а именно:

$$\hat{y}_i^{св.} = N - \left[\sum_{j=1}^3 \tilde{q}_j (\hat{y}_i^{(j)} - N)^2 \right]^{1/2}, \quad (6)$$

где
$$\tilde{q}_j = \frac{\tilde{\lambda}^{(j)} \cdot \tilde{s}_j^2}{\sum_{l=1}^3 \tilde{\lambda}^{(l)} \cdot \tilde{s}_l^2},$$

$$\tilde{\lambda}^{(l)} = \sum_{j=1}^{k(l)} \tilde{\lambda}_j^{(l)},$$

$$\tilde{s}_l^2 = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (\hat{y}_i^{(l)} - \bar{\hat{y}}^{(l)})^2,$$

$$\bar{\hat{y}}^{(l)} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \hat{y}_i^{(l)}.$$

Результаты расчетов по формуле (5) и (6) и ранговые места для регионов РФ представлены в *таблице 6*.

Таблица 6. Распределение субъектов РФ по единому сводному интегральному индексу на основе интегральных индексов трех блоков – «Качество населения», «Благополучие населения» и «Качество социальной сферы»

Субъект РФ	Единый сводный интегральный индекс	Ранг региона	Качество населения	Ранг региона	Благополучие населения	Ранг региона	Качество социальной сферы	Ранг региона
Город Москва	6,86	1	7,97	1	7,83	1	6,37	2
Санкт-Петербург	5,94	2	6,66	3	6,38	3	7,23	1
Воронежская область	5,30	3	5,55	18	5,01	18	3,20	33
Омская область	5,11	4	5,06	31	4,80	23	4,49	3
Новосибирская область	4,87	5	5,58	16	7,50	2	2,32	76
Московская область	4,82	6	4,97	41	5,15	13	3,44	21
Ивановская область	4,81	7	4,98	38	4,68	33	3,72	11
Нижегородская область	4,79	8	4,17	70	4,12	56	3,42	22
Республика Карелия	4,76	9	5,87	9	6,02	5	3,45	20
Республика Татарстан	4,73	10	4,74	52	4,63	35	3,37	26
Ярославская область	4,65	11	5,05	32	4,46	42	4,32	4
Тульская область	4,62	12	5,81	12	5,03	17	3,15	36
Мурманская область	4,57	13	4,61	58	4,74	26	3,47	19
Свердловская область	4,57	14	5,83	10	5,48	8	3,05	44
Белгородская область	4,54	15	4,91	44	4,73	28	3,36	27
Камчатский край	4,53	16	5,37	24	5,33	9	3,15	38
Томская область	4,52	17	5,38	23	4,05	58	3,49	18
Тюменская область	4,52	18	5,91	7	6,11	4	2,54	69
Республика Башкортостан	4,49	19	5,79	13	5,67	7	2,51	71
Краснодарский край	4,45	20	4,91	43	5,97	6	3,38	25
Ростовская область	4,44	21	5,57	17	4,80	24	3,17	34
Калининградская область	4,43	22	5,02	35	4,70	30	3,52	15
Рязанская область	4,43	23	5,17	28	4,43	43	3,22	31
Волгоградская область	4,43	24	5,21	27	5,13	14	2,75	63
Липецкая область	4,42	25	5,51	19	4,73	27	2,82	61
Архангельская область	4,40	26	5,07	30	4,28	52	3,51	16
Астраханская область	4,36	27	4,83	49	4,07	57	3,82	8
Ульяновская область	4,36	28	5,03	33	4,93	20	3,03	46

Окончание таблицы 6.

Новгородская область	4,33	29	5,11	29	4,38	48	3,35	29
Костромская область	4,32	30	4,99	37	5,07	16	2,99	50
Калужская область	4,31	31	4,94	42	4,63	36	3,31	30
Республика Марий Эл	4,31	32	4,50	62	3,32	74	3,92	7
Курская область	4,30	33	4,15	72	4,70	31	3,39	24
Красноярский край	4,30	34	5,45	21	4,41	44	3,08	41
Челябинская область	4,29	35	4,72	53	4,69	32	3,81	9
Брянская область	4,28	36	4,82	50	3,94	60	3,95	5
Орловская область	4,28	37	4,68	57	4,49	41	3,04	45
Владимирская область	4,26	38	4,70	56	5,11	15	3,01	49
Пензенская область	4,26	39	4,83	48	4,25	54	2,98	53
Пермский край	4,24	40	5,42	22	3,71	66	3,58	14
Тамбовская область	4,23	41	4,97	40	4,96	19	2,87	57
Республика Мордовия	4,23	42	4,97	39	3,89	63	3,71	12
Чувашская Республика	4,18	43	4,91	45	4,16	55	3,95	6
Самарская область	4,17	44	4,88	46	4,02	59	3,11	39
Удмуртская Республика	4,17	45	4,42	63	5,19	12	3,76	10
Вологодская область	4,16	46	4,85	47	4,37	50	2,88	55
Магаданская область	4,11	47	4,33	68	4,74	25	3,50	17
Кировская область	4,11	48	5,03	34	4,39	45	3,17	35
Республика Хакасия	4,06	49	4,08	73	3,81	64	3,07	42
Республика Коми	4,04	50	5,25	26	4,54	40	2,26	77
Приморский край	4,01	51	4,15	71	4,38	49	3,07	43
Алтайский край	3,99	52	4,57	60	5,32	10	3,10	40
Псковская область	3,99	53	4,75	51	3,57	70	2,85	58
Республика Адыгея	3,97	54	4,70	55	4,57	37	2,87	56
Хабаровский край	3,96	55	4,58	59	4,38	46	2,98	52
Смоленская область	3,93	56	4,71	54	4,38	47	2,62	67
Республика Бурятия	3,93	57	4,38	67	3,70	67	2,99	51
Оренбургская область	3,92	58	5,76	14	2,66	78	2,66	66
Амурская область	3,91	59	4,21	69	4,56	38	3,20	32
Чукотский автономный округ	3,90	60	3,28	79	5,32	11	2,81	62
Кемеровская область	3,90	61	4,56	61	3,58	69	3,35	28
Забайкальский край	3,88	62	5,02	36	4,90	22	2,34	74
Ленинградская область	3,87	63	5,49	20	3,32	75	3,15	37
Сахалинская область	3,81	64	3,99	74	4,91	21	2,83	59
Республика Калмыкия	3,80	65	3,60	77	3,90	61	2,96	54
Республика Саха (Якутия)	3,75	66	3,92	75	4,68	34	2,70	65
Курганская область	3,74	67	4,40	65	4,72	29	3,02	47
Тверская область	3,71	68	4,39	66	3,89	62	2,60	68
Республика Алтай	3,63	69	6,21	4	4,55	39	3,39	23
Республика Северная Осетия	3,61	70	7,04	2	0,83	79	2,40	72
Саратовская область	3,60	71	6,02	6	2,73	77	2,54	70
Республика Дагестан	3,58	72	5,25	25	4,27	53	3,62	13
Республика Ингушетия	3,55	73	4,42	64	3,10	76	2,07	80
Еврейская автономная область	3,40	74	3,58	78	3,39	72	2,20	78
Республика Тыва	3,18	75	5,82	11	4,30	51	2,32	75
Ставропольский край	3,08	76	6,08	5	3,57	71	2,73	64
Иркутская область	3,07	77	2,92	80	0,81	80	2,82	60
Кабардино-Балкарская Республика	2,99	78	5,90	8	3,62	68	2,40	73
Карачаево-Черкесская Республика	2,92	79	3,71	76	3,79	65	3,01	48
Чеченская Республика	2,81	80	5,70	15	3,38	73	2,15	79

Как показывают данные таблицы, в регионах существуют значительные расхождения в рангах по блокам показателей. По качеству населения первые места занимают Москва, Республика Ингушетия, Санкт-Петербург, Республика Северная Осетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Тюменская область, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Татарстан, Белгородская область. Последние – Псковская область, Новгородская область, Республика Хакасия, Сахалинская область, Кемеровская область, Иркутская область, Амурская область, Еврейская АО, Чукотский АО и Республика Тыва.

Демографические индикаторы являются основными для оценки состояния здоровья и качества населения России, обладают очень высокой региональной спецификой. Наиболее высокое значение показателя ОПЖ наблюдается в Северо-Кавказском ФО, а наименьшее – в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. Однако степень полноты регистрации смертей, а также достоверность оценок численности населения в некоторых регионах Северного Кавказа остаются под вопросом. Так, например, вызывают большие сомнения опубликованные значения показателей ОПЖ населения в республиках Ингушетия (78,3 года), Дагестан (74 года), Чеченская (73,2 года), которые сопоставимы с показателями за тот же год в Японии, Финляндии и Германии. Кроме того, структура заболеваемости и смертности сильно отличается для территорий с более молодым и более старым населением.

По сводному индексу «Благосостояние населения» лидерами выступают Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Тюменская область, Республика Татарстан, Свердловская область, Краснодарский край, Белгородская область, Республика Башкортостан, Самарская область, а аутсайдерами – Кабардино-Балкарская

Республика, Еврейская АО, республики Чеченская, Марий-Эл, Саха, Алтай, Дагестан, Калмыкия, Ингушетия и Тыва.

По индексу «Качество социальной сферы» на первых местах Санкт-Петербург, Москва, Омская область, Ярославская область, Астраханская область, Удмуртская Республика, Республика Марий Эл, Костромская область, Красноярский край, Магаданская область, а на последних – Краснодарский край, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Ленинградская область, Ставропольский край, Московская область, Еврейская автономная область, республики Адыгея, Чеченская и Алтай.

По единому сводному интегральному индексу первые 10 мест занимают Москва, Санкт-Петербург, Воронежская, Омская, Московская, Нижегородская, Новосибирская и Ивановская области, республики Татарстан и Карелия. Последние места – Республика Дагестан, Саратовская область, Республика Алтай, Еврейская АО, Ставропольский край, республики Кабардино-Балкарская, Тыва, Карачаево-Черкесская, Иркутская область и Чеченская Республика.

Представляет практический интерес выявление корреляционной зависимости между единым сводным интегральным индексом и интегральными индексами блочных показателей (табл. 7).

Все коэффициенты корреляции получились значимыми на уровне $p < 0,05$. Наибольшая взаимосвязь наблюдается между интегральным индексом и остальными блоками, что вполне объяснимо с точки зрения проведения вычислительных процедур. Однако, если из рассмотрения исключить регионы Северо-Кавказского федерального округа, где наблюдается как отмечалось выше, специфическая ситуация со статистикой, то значение корреляции резко возрастет между всеми блоками (табл. 8).

Таблица 7. Корреляция Пирсона между единым сводным интегральным индексом и интегральными индексами блочных показателей ($p < 0,05$)

Блоки показателей	«Качество населения»	«Благополучие населения»	«Качество социальной сферы»	Единый сводный интегральный индекс
«Качество населения»	1,00	0,27	0,28	0,41
«Благополучие населения»	0,27	1,00	0,37	0,67
«Качество социальной сферы»	0,28	0,37	1,00	0,70
Единый сводный интегральный индекс	0,41	0,67	0,70	1,00

 Таблица 8. Корреляция Пирсона между единым сводным интегральным индексом и интегральными индексами блочных показателей ($p < 0,05$) (исключен из расчетов Северо-Кавказский федеральный округ)

Блоки показателей	«Качество населения»	«Благополучие населения»	«Качество социальной сферы»	Единый сводный интегральный индекс
«Качество населения»	1,00	0,58	0,45	0,76
«Благополучие населения»	0,58	1,00	0,31	0,69
«Качество социальной сферы»	0,45	0,31	1,00	0,68
Единый сводный интегральный индекс	0,76	0,69	0,68	1,00

Можно сделать вывод, что качество населения напрямую взаимосвязано с благополучием населения и качеством социальной сферы. Построенные рейтинговые оценки позволяют определить приоритеты социально-экономической политики на региональном уровне. Сохранение и улучшение качества населения напрямую зависит от успешного решения широкого круга задач социально-экономического развития (обеспечение стабильного экономического роста, благополучия населения, снижения уровня бедности, интенсивности развития человеческого капитала и создания эффективной социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, социальная защита населения), рынка доступного жилья, гиб-

кого рынка труда, улучшения санитарно-эпидемиологической обстановки и т.д.). Меры по улучшению демографической ситуации должны носить комплексный характер, что обусловлено переориентацией целевых программ на решение задач демографической политики с учетом региональной специфики. Проведенные исследования и результаты расчетов в качестве приоритетных направлений по улучшению уровня здоровья населения и стабилизации медико-демографических процессов позволяют выделить следующие мероприятия: социально-экономические методы, формирование здорового образа жизни, развитие системы здравоохранения, формирование морально-этических ценностей.

Литература

1. Айвазян, С.А. Анализ качества и образа жизни населения / С.А. Айвазян. — М.: Наука, 2012. — 432 с.
2. Демографический ежегодник России 2012: стат. сб. / Росстат. — М., 2012. — 525 с.
3. Здравоохранение в России. 2011: стат. сб. — М.: Росстат, 2011. — 360 с.
4. Молчанова, Е.В. Эконометрический подход к построению рейтинговых оценок территорий (на примере Республики Карелия) / Е.В. Молчанова, М.М. Кручек // Экономический анализ: теория и практика — 2014. — № 3 (354). — С. 56-64.

5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: стат. сб. – М.: Росстат, 2012. – 999 с.
6. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ. Итоги 2012 г. Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». – М., 2013.
7. Рейтинг качества жизни в регионах РФ. Результаты и методика расчетов. Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». – М., 2012.
8. Человеческий потенциал российских регионов / Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Л.А. Мигранова, Е.В. Молчанова, М.С. Токсанбаева // Народонаселение. – 2013. – № 3. – С. 82-141.
9. Римашевская, Н.М. Социальная политика сбережения народа: радикальное изменение негативного тренда здоровья российского населения / Н.М. Римашевская // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2010. – № 4 (12). – С. 48-61.
10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

Molchanova E.V., Kruchek M.M., Kibisova Z.S.

Building of the rating assessments of the Russian Federation subjects by the blocks of socio-economic indicators

Ekaterina Vladimirovna Molchanova – Doctor of Engineering, Senior Research Associate, Institute of Economics, Karelian Scientific Centre of RAS (50, Alexander Nevsky Avenue, Petrozavodsk, 185030, Russia, molchanovamolch@yandex.ru@karelia.ru, molch@yandex.ru)

Marina Marlenovna Kruchek – Ph.D. in Physics and Mathematics, Associate Professor, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Petrozavodsk State University” (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, Karelia Republic, 185910, Russia, kruchek@psu.karelia.ru, kruchek@mail.ru)

Zoya Sergeevna Kibisova – Student, Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “Petrozavodsk State University” (33, Lenin Avenue, Petrozavodsk, Karelia Republic, 185910, Russia, zoia591@mail.ru)

Abstract. The article implements the econometric approach to the building of rating assessments of the constituent entities of the Russian Federation. The author defines three blocks of indicators for the construction of integral indices: “quality of the population”, “welfare of the population” and “quality of the social sphere”. They serve as the basis for determining the value of a single combined integral indicator. The author also gives recommendations on the improvement of the medical and demographic situation and enhancement of the “quality of the population” at the regional level.

Key words: rating, econometric approach, quality of the population, medical and demographic situation.

References

1. Aivazyan S.A. *Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya* [Analysis of the Quality and Way of Life of the Population]. Moscow: Nauka, 2012. 432 p.
2. *Demograficheskii ezhegodnik Rossii 2012: stat. sb.* [Demographic Yearbook of Russia 2012: Statistical Digest]. Rosstat. Moscow, 2012. 525 p.
3. *Zdravookhranenie v Rossii. 2011: stat. sb.* [Healthcare in Russia. 2011: Statistical Digest]. Moscow: Rosstat, 2011. 360 p.
4. Molchanova E.V., Kruchek M.M. *Ekonomicheskii podkhod k postroeniyu reitingovykh otsenok territorii (na primere Respubliki Kareliya)* [Econometric Approach to the Building of Rating Assessments of the Territories (Case Study of the Republic of Karelia)]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory and Practice], 2014, no.3(354), pp. 56-64.

5. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli. 2012: stat. sb.* [The Regions of Russia. Socio-Economic Indicators. 2012: Statistical Digest]. Moscow: Rosstat, 2012. 999 p.
6. *Reiting sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya sub"ektov RF. Itogi 2012 g.* [The Rating of the Russian Federation Subjects by Socio-Economic Position. The Results of 2012]. Reitingovoe agentstvo "RIA Reiting" [Rating Agency "RIA Rating"]. Moscow, 2013.
7. *Reiting kachestva zhizni v regionakh RF. Rezul'taty i metodika raschetov* [Rating of the Quality of Life in the Regions of the Russian Federation. The Results and Methods of Calculation]. Reitingovoe agentstvo "RIA Reiting" [Rating Agency "RIA Rating"]. Moscow, 2012.
8. Rimashevskaya N.M., Bochkareva V.K., Migranova L.A., Molchanova E.V., Toksanbaeva M.S. *Chelovecheskii potentsial rossiiskikh regionov* [Human Potential of Russian Regions]. *Narodonaselenie* [Population], 2013, no.3, pp. 82-141.
9. Rimashevskaya N.M. *Sotsial'naya politika sbrezheniya naroda: radikal'noe izmenenie negativnogo trenda zdorov'ya rossiiskogo naseleniya* [Social Policy of Nation Preservation: Drastic Change of Negative Health Trend of the Russian Population]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2010, no.4(12), pp. 48-61.
10. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 001.92, ББК 72
Третьякова О.В.

Экономический журнал: проблемы и перспективы продвижения на национальном и международном уровне

**Ольга Валентиновна
ТРЕТЬЯКОВА**

кандидат филологических наук, заведующий отделом, заместитель главного редактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий РАН (160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, olga.tretyakova@yandex.ru)

Аннотация. Возрастающая роль научных журналов как в развитии академической науки в целом, так и в выстраивании основных научных приоритетов, обеспечении связности научного пространства и преемственности научного процесса определяет новые вопросы, связанные с развитием и продвижением научных изданий на национальном и международном уровне.

В статье обобщается опыт издания журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», который выпускается Институтом социально-экономического развития территорий РАН. Представлена характеристика журнала как научного издания, посвященного вопросам анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий. Особое внимание уделяется оценке издания по ряду динамических показателей. Определяются перспективные задачи продвижения журнала на национальном и международном уровне.

Ключевые слова: научный экономический журнал, наукометрические показатели, развитие и продвижение научного журнала, индекс цитирования, импакт-фактор.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» издается Институтом социально-экономического развития территорий РАН с 2008 года. Особенно важно, что учреждение журнала было поддержано руководством других экономических институтов Российской академии наук, расположенных в

Северо-Западном федеральном округе РФ. При их непосредственном участии были сформированы редакционный совет и редколлегия. Инициатором создания журнала и его главным редактором является директор ИСЭРТ РАН доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.А. Ильин.

Обращаясь к читателям, авторам, членам редакционного совета и редколлегии первого выпуска журнала, академик А.Д. Некипелов (в то время вице-президент РАН) отметил, что новое издание окажет позитивное влияние на консолидацию усилий академических учреждений в решении задач, связанных с научным обеспечением поступательного развития отечественной экономики, установлением эффективного взаимодействия с властными и деловыми структурами за счет объединения усилий центральных и региональных академических учреждений в деле обоснования рациональных путей экономического и социального развития Северо-Запада России¹.

Первые три года журнал выходил ежеквартально. При этом каждый выпуск посвящался теме, обозначенной в годовом плане и имевшей, по мнению редсовета и редколлегии, приоритетную значимость для развития северных регионов.

В главной рубрике – «Стратегия развития» – в этот период упор был сделан на анализ тенденций и результатов рыночных трансформаций в различных регионах Северо-Запада, обоснование стратегических направлений, критериев оценки достижения намеченных рубежей и этапов их реализации².

¹ Приветствие вице-президента РАН академика А.Д. Некипелова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 1. – С. 8-9.

² См., например: Гулин К.А. Концепция долгосрочного социально-экономического развития («Россия – 2020»): вызовы для регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 4. – С. 8-14; Лаженцев В.Н. Динамика социально-экономического развития Республики Коми // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 1. – С. 18-35; Шишкин А.И. Социально-экономическое развитие Карелии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 2. – С. 6-13; Ларичкин Ф.Д., Антонов С.А. Совершенствование стратегического планирования регионального развития с учетом качества экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 2. – С. 14-20.

Тематическая программа выпусков 2008 года была посвящена обсуждению проблем перехода регионов на инновационный путь развития, вопросов повышения производительности труда как в отдельных отраслях, так и в целом в региональной экономике. Одной из главных дискуссионных тем стало развитие лесной отрасли, имеющей на Северо-Западе РФ значительные резервы роста за счет огромных площадей лесных ресурсов и многолетнего опыта их использования.

В 2009 году вышел цикл статей по проблемам активизации малого предпринимательства, агропромышленного комплекса и обеспечения продовольственной безопасности, о перспективах развития на Северо-Западе России машиностроения и регионального туризма. Обстановка потребовала размещения в журнале статей о причинах финансового кризиса мировой экономики, поразившего и Россию, а также о мерах по преодолению его последствий³.

³ См., например: Иогман Л.Г. Экономика региона: от кризиса к устойчивому развитию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 3. – С. 14-24; Костыгов Н.В. Вологодская область: антикризисная программа действий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 1. – С. 14-17; Гулин К.А., Деметьева И.Н. Экономическое положение и социальное самочувствие населения регионов Северо-Запада России в условиях кризиса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 4. – С. 18-28; Советов П.М. Реверансы антикризисных воздействий государства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 2. – С. 14-18; Селин В.С. Сценарный прогноз развития региона в условиях экономической нестабильности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 1. – С. 18-25; Леус С.М., Истомина А.В. Оценка влияния экономического кризиса на базовые отрасли и перспективные проекты в Мурманской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 2. – С. 19-29; Немкович Е.Г., Курило А.Е. Влияние кризиса на экономику Карелии и возможности его преодоления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2009. – № 1. – С. 18-25.

В рамках тематических выпусков в 2010 году на страницах журнала обсуждались вопросы совершенствования системы местного самоуправления, развития энергетической базы и обеспечения энергетической безопасности регионов, проблемы их социального развития. Вместе с тем рассматривались различные аспекты внешнеэкономической деятельности, приобретшей в регионах СЗФО существенное значение в связи с профилированием продуктов сырьевого характера и полуфабрикатов на базе добычи железных руд и других горно-минеральных ресурсов.

С увеличением количества годовых выпусков журнала с четырех до шести в 2011 году создалась возможность перехода от тематического планирования к проблемному. Тем не менее до настоящего времени в некоторые рубрики включаются тематические подборки статей.

Так, в опубликованном в 2012 году цикле статей, подготовленных в результате сотрудничества ученых академических учреждений России и Беларуси в рамках Союзного государства, раскрывается содержание этапов становления этого сотрудничества, направления развития единого научного пространства, рассматриваются проблемы развития торгово-экономической интеграции регионов СЗФО РФ и Республики Беларусь, основные тенденции

проходящих в них социально-демографических процессов, связанных в первую очередь с организацией здравоохранения, образования, повышением благосостояния населения⁴.

В преддверии проведения в городе Вологде (3–5 июля 2013 г.) IX заседания Межакадемического Совета России и Беларуси по проблемам Союзного государства и Международной научно-практической конференции «Интеграция в формате Союзного государства как основной инструмент реализации стратегии безопасности России и Беларуси» вышел тематический выпуск журнала, посвященный экономическим и социальным аспектам интеграционного взаимодействия России и Беларуси.

В 2012–2013 гг. основные усилия редакционной коллегии были направлены на подбор для публикации таких статей, в которых выявлялись бы причины замедления восстановительного тренда российской экономики в целом и в разрезе территорий, пути преодоления преград, ограничивающих переход к инновационному этапу развития страны. Качественно новый пласт журнальных публикаций открыли материалы о роли влияния интересов владельцев частных корпораций на формирование региональных бюджетов, наращивание государственного долга территорий⁵.

⁴ См., например: Дедков С.М., Егоров В.К. Российско-белорусское научное сотрудничество на первом этапе союзных отношений: восстановление единого научного пространства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2. – С. 50-59; Ускова Т.В., Селименков Р.Ю., Асанович В.Я. Моделирование внешнеэкономической деятельности регионов СЗФО РФ и Республики Беларусь // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2. – С. 60-70; Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Шухатович В.Р., Артюхин М.И. Социально-демографические аспекты развития трудового потенциала // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 2. – С. 71-82.

⁵ См.: Ильин В.А. Влияние интересов собственников металлургических корпораций на национальное и региональное развитие // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 3. – С. 14-38; Поварова А.И. Влияние интересов собственников металлургической корпорации на финансовые результаты головного предприятия (на примере ОАО «Северсталь») // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 5. – С. 36-51; Ильин В.А., Поварова А.И. Бюджетный кризис регионов в 2013–2015 годах – угроза безопасности России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 6. – С. 30-41.

В эти годы был опубликован ряд статей о содержании и этапах социокультурной модернизации, без проведения которой невозможно решение задач повышения эффективности экономики и движения по пути ликвидации избыточной дифференциации доходов граждан⁶.

Одним из показателей роста качества и научного уровня журнала стало включение его в 2010 году в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что за шесть лет, прошедших с момента первого выпуска, журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» приобрел собственную нишу в сфере периодических изданий экономической проблематики.

За этот период опубликовано порядка 500 научных статей. В последние годы объемы выпусков журнала постоянно увеличиваются (табл. 1).

Тенденция роста общего числа публикуемых статей косвенно свидетельствует о

системном увеличении количества исследований и нарастании оборотов научно-исследовательской деятельности.

В издании сложился довольно большой авторский коллектив, при этом география авторов стабильно расширяется год от года.

Редколлегия журнала последовательно реализует ряд мер по привлечению зарубежных авторов. Позиция учредителя издания исходит из того, что современный научный журнал должен быть не просто площадкой для научной дискуссии отечественных ученых, но и, в том числе, платформой, органично объединяющей наработки исследователей из разных стран. Без выполнения этого условия задача по выходу российских научных изданий на мировой уровень останется нерешенной.

В истекший период в журнале публиковались работы ученых из Китая, Польши, Франции, Финляндии, Азербайджана, Беларуси, Казахстана, Украины. При этом доля зарубежных статей в последние три года составила более 10% в общем количестве публикаций журнала (табл. 2).

Таблица 1. Динамика количества научных статей, опубликованных в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» за период 2008–2014 гг.

Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014*
Количество научных статей – всего за год	41	48	56	95	106	99	36
Количество статей в расчете на один выпуск	10,25	12,0	14,0	15,8	17,7	16,5	18,0

* Учтены статьи из выпусков №1 и 2 за 2014 год.

Таблица 2. Динамика количества зарубежных статей*, опубликованных в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» за период 2008–2014 гг.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014**
Количество зарубежных статей	2	1	8	5	14	12	4
Доля зарубежных статей в общем количестве публикаций, %	4,9	2,1	14,2	5,6	13,2	12,1	11,1

* Включая совместные публикации российских и зарубежных авторов.
** Данные за первое полугодие 2014 г.

⁶ См.: Штомпка П. Модернизация как социальное становление (10 тезисов по модернизации) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6. – С. 119-126; Ласточкина М.А., Шабунова А.А. Возможности и ограничения модернизационного развития регионов Северо-Западного федерального округа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 5. – С. 39-52.

Следует отметить, что значительная доля в общем числе зарубежных публикаций журнала принадлежит учёным из Беларуси (56,5%) и Китая (28,2) (рис. 1), что можно считать результатом тесного сотрудничества ИСЭРТ РАН с Национальной академией наук Беларуси и Академией общественных наук провинции Цзянси (Китай).

Наряду с этим, свидетельством того, что научное сотрудничество с коллегами из-за рубежа выходит на более высокий качественный уровень, являются совместные

публикации учёных ИСЭРТ РАН с зарубежными авторами, в частности белорусскими.

Как показывают данные таблицы 3, география российских авторов журнала постоянно расширяется.

Так, в среднем за рассматриваемый период публиковались авторы из восьми федеральных округов, двух городов федерального значения и более чем 20 субъектов Российской Федерации. Причём самая значительная доля публикаций принадлежит авторам из СЗФО (рис. 2).

Рисунок 1. Доля статей из зарубежных стран в общем количестве публикаций в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2008–2014 гг.

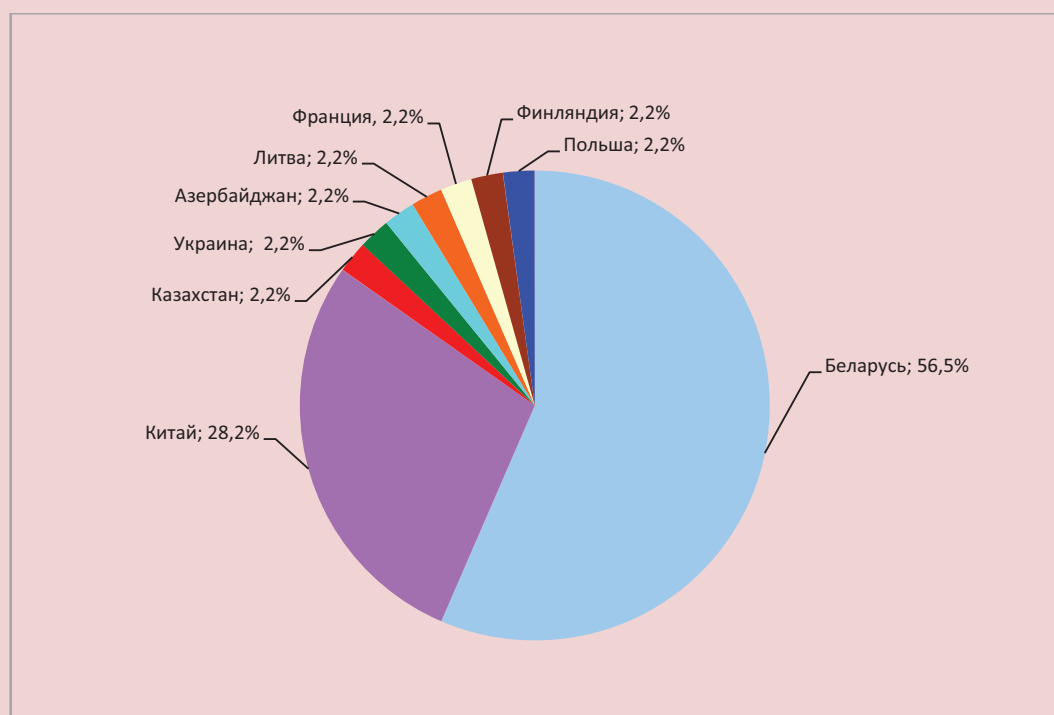
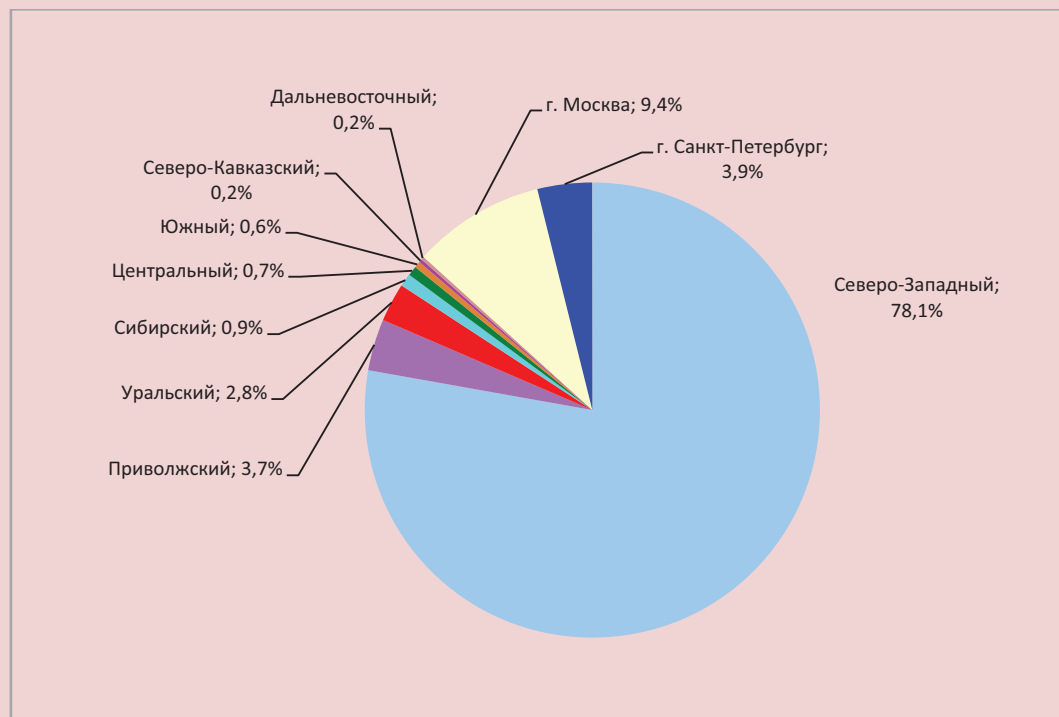

Таблица 3. Динамика количества субъектов РФ и федеральных округов*, авторы из которых опубликовали статьи в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2008–2014 гг.

Показатель	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014**
Количество субъектов РФ	7	8	8	10	15	15	11
Количество федеральных округов	3	3	5	6	7	6	7

* Включая города федерального значения.
 ** Данные за первое полугодие 2014 г.

Рисунок 2. Доля статей российских авторов в ранжировании по федеральным округам в общем количестве российских публикаций в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в 2008–2014 гг.

Что касается субъектов РФ, то в их числе можно отметить такие, как Москва, Санкт-Петербург, Красноярский, Пермский, Ставропольский и Хабаровский края, Ханты-Мансийский автономный округ, республики Коми, Карелия, Башкортостан, Мордовия и Удмуртия, Вологодская, Архангельская, Мурманская, Псковская, Калининградская, Ярославская, Костромская, Ульяновская, Свердловская, Новосибирская, Кемеровская, Волгоградская и Ростовская области.

Судя по показателям за 2008 и 2013 годы, т.е. начальный и последний периоды издания журнала, представительство в нём федеральных округов увеличилось в два раза (с трёх до шести соответственно), а субъектов РФ — более чем в два раза (с семи до 15-ти).

Расширяющаяся география авторов позволяет говорить о том, что журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» постепенно находит все большее признание в российском научном сообществе и среди читателей научной литературы.

Важную роль в становлении и развитии журнала играет редакционный совет. В его состав в настоящее время входят 23 авторитетных российских и зарубежных учёных. Это академики и члены-корреспонденты Российской академии наук, доктора наук, руководители ряда институтов РАН, академики НАН Беларуси и известные учёные из Франции, Финляндии, Китая. Члены редакционного совета принимают участие в ежегодной экспертной оценке издания, в ходе которой они не только анализируют

качество публикуемых материалов, но и вносят предложения по дальнейшему развитию журнала. Следует подчеркнуть, что вовлечение членов редакционного совета в решение конкретных задач по развитию научного журнала является продуктивным, поскольку позволяет синтезировать различные экспертные мнения и выбирать оптимальные пути продвижения издания, используя современные организационные и информационные технологии.

Что именно в этом направлении сделано и делается? Прежде всего, отметим, что информация об опубликованных в журнале статьях регулярно направляется в базу данных Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук (ВИНИТИ РАН), являющегося крупнейшим информационным центром по проблемам точных, естественных и технических наук.

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) – национальной информационно-аналитической системе, которая аккумулирует публикации российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций, получаемую из более чем 4000 российских журналов.

Данные РИНЦ позволяют сегодня провести оценку того или иного издания по ряду наукометрических показателей. И хотя в настоящее время целевыми параметрами для оценки качества и продуктивности научной деятельности отдельных ученых, научных журналов и организаций считаются данные глобальных индексов цитирования⁷, использование их показателей пока не дает объективной картины для оценки деятельности российских ученых, поскольку

⁷ Ведущими глобальными индексами цитирования признаны международные базы данных Web of Science компании Thomson Reuters (США) и Scopus издательства Elsevier (Голландия).

отечественные публикации слабо представлены в международных базах [9].

Ранее на страницах журнала приводились общие подходы к наукометрическому анализу деятельности научных учреждений и давалась оценочная характеристика публикационной активности ИСЭРТ РАН и его изданий на основе статистических данных Российского индекса научного цитирования⁸. Здесь же ещё раз подчеркнем, что при оценке публикационной активности научного журнала на основе библиометрических показателей, на наш взгляд, наиболее существенное значение имеют импакт-фактор издания и показатели цитирования. Надо иметь в виду тот факт, что общее количество публикаций может служить лишь первичным критерием оценки научной и публикационной активности учреждения. Данный показатель не несет в себе информации о качестве научной продукции и ее востребованности. Поэтому для более объективной оценки качества научного издания целесообразно использовать показатели цитирования [11,12,14,15].

Общее число цитирований журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ увеличивается. Темп роста в 2012 году по сравнению с предыдущим годом составил 338% (рис. 3). Данный показатель косвенно может свидетельствовать об улучшении качества публикуемых в журнале материалов и их востребованности.

Однако анализ показал, что одновременно с ростом числа цитирований в 2012 году заметно увеличился и коэффициент самоцитируемости журнала⁹ (рис. 4).

⁸ См.: Третьякова О.В., Кабакова Е.А. Возможности и перспективы использования индексов цитирования в оценке результатов деятельности научного учреждения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30). – С. 189-200.

⁹ Коэффициент самоцитируемости – это доля во всех полученных цитированиях ссылок журнала на самого себя.

Рисунок 3. Динамика общего числа цитирований журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (по данным на 15.06.2014)

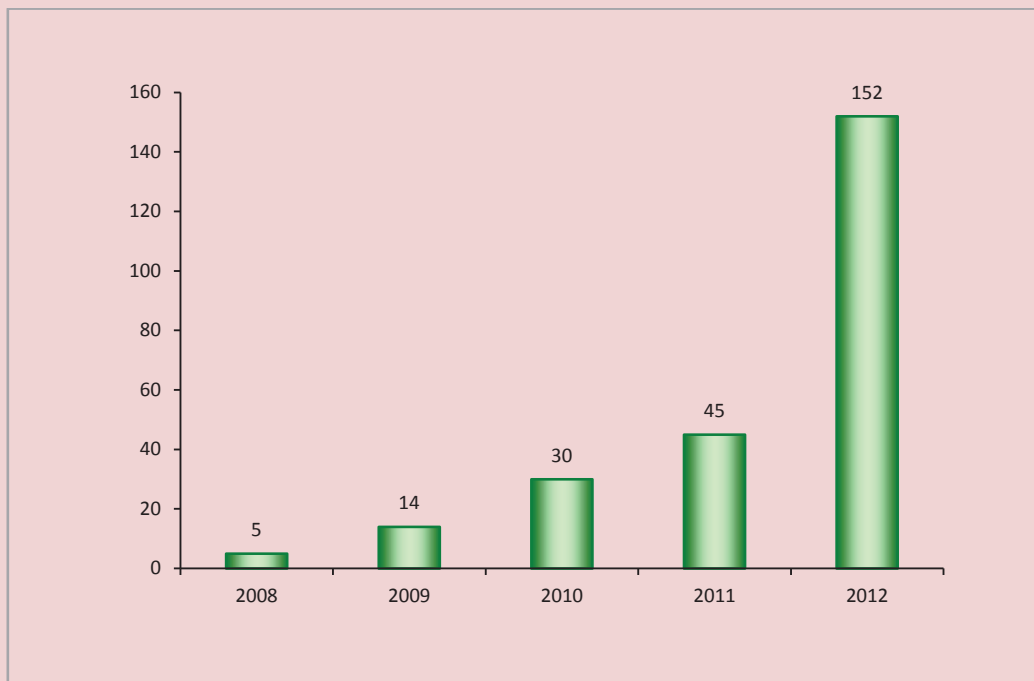
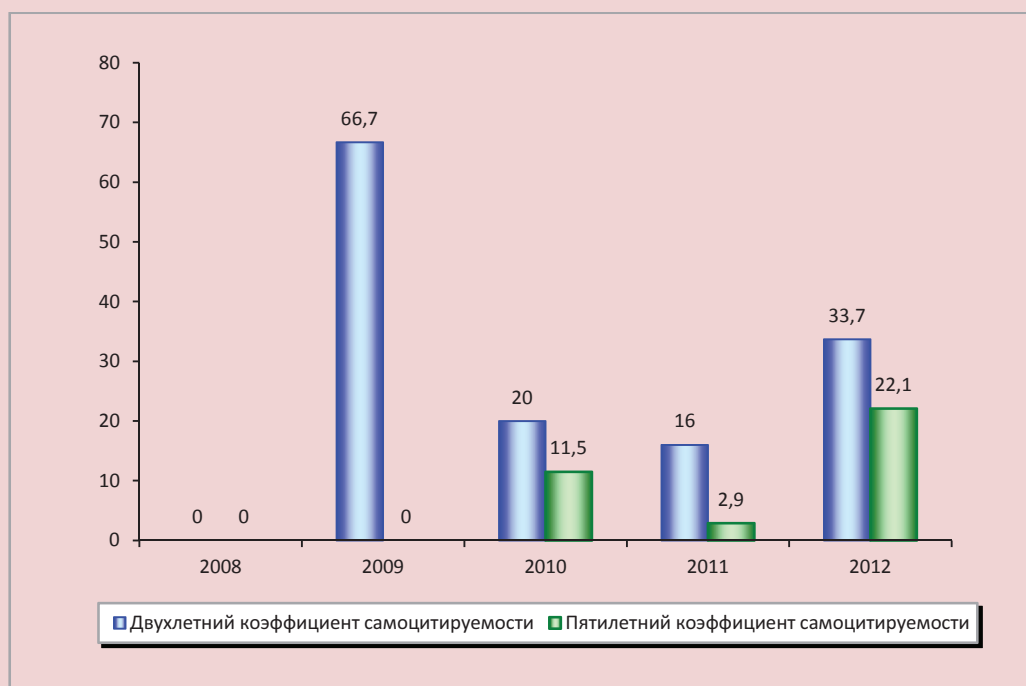

Рисунок 4. Динамика коэффициента самоцитируемости журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (по данным на 15.06.2014)

С одной стороны, рост коэффициента самоцитируемости обусловлен резким ростом общего количества цитирований журнала за 2012 год, а с другой – недостаточным использованием авторами расширяющейся базы научной информации.

Существенным положительным достижением журнала стал заметный рост импакт-фактора РИНЦ в 2012 г. Заметим при этом, что традиционной методикой является подсчет двухлетнего импакт-фактора издания [6; 13]. Мы же приводим здесь значение пятилетнего импакт-фактора (включая самоцитирование и без самоцитирования) для более объективной оценки состояния импакт-фактора журнала (табл. 4).

Данные таблицы позволяют сделать вывод, что в целом импакт-фактор журнала в РИНЦ увеличился в 2012 году по сравнению с 2011 годом более чем в 2 раза.

Существенно улучшился и интегральный показатель журнала в системе Science

Index, используемый при построении рейтинга российских научных журналов в РИНЦ (табл. 5).

За основу при расчете интегрального показателя Science Index в отношении статей, опубликованных за предыдущие 5 лет, берется количество цитирований, полученных в течение года, для которого показатель рассчитывается¹⁰.

Поскольку издание журнала и его индексация в РИНЦ начали осуществляться лишь с 2008 года, он, безусловно, уступает позиции тем журналам, цитирование которых началось раньше, т.е. их окно цитирования охватывает полный пятилетний период.

Тем не менее положение журнала в рейтинге Science Index по тематике «Экономика. Экономические науки» (первая четверть) достаточно значимо. А более взвешенно эту позицию можно будет оценить по итогам учета цитирований в 2013 году в целом за период, полностью представленный в РИНЦ.

Таблица 4. Состояние импакт-фактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в РИНЦ (данные на 15.06.2014)

Показатель	Год					Темп роста в 2012 г. по отношению к 2011 г., %
	2008	2009	2010	2011	2012	
Двухлетний импакт-фактор РИНЦ	-	0,184	0,248	0,231	0,732	317
Двухлетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования	-	0,061	0,198	0,194	0,486	251
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ	-	-	0,257	0,217	0,560	258
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ без самоцитирования	-	-	0,228	0,210	0,436	208

Таблица 5. Динамика интегрального показателя и позиций журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в рейтинге Science Index по тематике «Экономика. Экономические науки» в 2010–2012 гг. (данные на 15.06.2014)

Показатель	Год		
	2010	2011	2012
Значение интегрального показателя Science Index	698	1397	4983
Место в рейтинге Science Index по тематике «Экономика. Экономические науки»	111	111	65
Общее количество журналов в рейтинге по тематике «Экономика. Экономические науки»	221	247	269

¹⁰ Методика расчета интегрального показателя научного журнала в рейтинге SCIENCE INDEX. – Режим доступа: http://elibrary.ru/help_title_rating.asp

Важным шагом в продвижении журнала должно стать его размещение в международных базах цитирования Scopus и Web of Science. С целью решения этой задачи редколлегия последовательно реализует соответствующую политику. С 2009 г. издаётся англоязычная версия журнала. Он индексируется в международных информационных системах Ulrich's Periodicals Directory, Index Copernicus, Google Scholar и размещается в международных базах данных EBSCOhost и ProQuest.

Все выпуски журнала направляются на экспертизу в Web of Science. Целенаправленно осуществляются меры по его подготовке для подачи заявки на включение в Scopus. Добавим, что с 2014 года журнал издается в формате, соответствующем требованиям международных баз данных.

Важной составляющей политики издания является обеспечение открытого доступа к его полнотекстовой версии. По состоянию на 1 июня 2014 г. журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» соответствует критериям открытости издания. Полнотекстовые электронные версии статей и всех остальных публикуемых материалов размещаются в свободном доступе на официальном сайте журнала в сети Интернет (<http://esc.vscs.ac.ru>). До конца 2014 года планируется регистрация издания в Директории журналов открытого доступа (DOAJ).

Регулярный мониторинг различных аспектов деятельности, связанной с выпуском журнала, позволяет системно осуществлять его продвижение. Хотя ввиду ограниченности финансовых средств, которые могут быть задействованы в данном процессе, весь спектр маркетинговых мероприятий реализуется исходя из потребностей и интересов целевых групп, составляющих основную аудиторию издания. Такой подход позволяет максимально

рационально и эффективно использовать имеющиеся ресурсы для решения соответствующих маркетинговых задач.

Данные, приведённые в *таблице 6*, показывают, что основную аудиторию журнала составляют пять целевых групп, в которые входят научные деятели, преподаватели вузов, аспиранты и студенты, работники органов власти и управления, представители различных сфер социально-экономической деятельности и общественные активисты.

Интересы и потребности первых двух целевых групп, а именно научных работников, преподавателей вузов и аспирантов, совпадают в том плане, что эти категории выступают не только как читатели, но и как авторы статей, которые могут быть опубликованы в журнале. В связи с этим маркетинговые мероприятия, направленные на удовлетворение потребностей этих целевых групп, включают прежде всего адресную рассылку информационных материалов о журнале, руководства для авторов, рассылку бесплатных авторских экземпляров, размещение полнотекстовых электронных версий статей и всех остальных публикуемых материалов в свободном доступе на официальном сайте журнала, а также презентацию журнала в рамках научных семинаров, конференций, выставок научной продукции.

Для расширения аудитории, представленной работниками органов власти и управления, различных сфер социально-экономической деятельности, используется адресная бесплатная рассылка журнала и дайджестов, информирующих о новых выпусках, регулярная публикация результатов проводимого ИСЭРТ РАН мониторинга общественного мнения по оценке различных аспектов эффективности государственного управления, а также материалов на основе экспертных заключений.

Таблица 6. Характеристика целевой аудитории журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»

№ п/п	Целевая аудитория журнала	Потребности и интересы целевой группы	Маркетинговые мероприятия по продвижению журнала
1.	Научные работники	Результаты актуальных теоретических и прикладных исследований в различных областях общественных наук (экономика и управление, социология, социальная демография и др.). Публикация результатов своих исследований.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Привлечение в качестве авторов научного журнала. 2. Адресная рассылка информационных материалов о журнале, руководства для авторов. 3. Адресная рассылка бесплатных авторских экземпляров. 4. Презентация журнала в рамках научных семинаров, конференций. 5. Размещение полнотекстовых электронных версий статей и всех остальных публикуемых материалов в свободном доступе на официальном сайте журнала, в российских и зарубежных базах данных.
2.	Преподаватели вузов, аспиранты и студенты	Использование материалов научных публикаций в преподавательской и учебной деятельности. Публикация результатов своих исследований.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Привлечение в качестве авторов научного журнала. 2. Адресная рассылка информационных материалов о журнале, руководства для авторов. 3. Адресная рассылка бесплатных авторских экземпляров. 4. Презентация журнала в рамках выставок научных изданий ИСЭРТ РАН в вузах. 5. Размещение полнотекстовых электронных версий статей и всех остальных публикуемых материалов в свободном доступе на официальном сайте журнала, в российских и зарубежных базах данных.
3.	Работники органов власти и управления	Применение результатов научных исследований, представленных в научном журнале, для принятия управленческих решений, использования в долгосрочных региональных программах, проектах, концепциях развития.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Публикация результатов экспертных заключений. 2. Публикация результатов мониторинга общественного мнения по оценке различных аспектов эффективности государственного управления. 3. Адресная бесплатная рассылка журнала.
4.	Работники различных сфер социально-экономической деятельности	Использование результатов научных исследований в своей практической деятельности.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Адресная рассылка информационных дайджестов по новым выпускам. 2. Публикация результатов мониторинга общественного мнения по оценке различных аспектов эффективности государственного управления.
5.	Общественность	Знакомство посредством научного журнала с деятельностью академических институтов, результатами новейших научных исследований.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Публикация в СМИ научно-популярных заметок по материалам журнала. 2. Анонсирование выхода новых выпусков журнала на сайте института, в СМИ. 3. Бесплатная рассылка журнала в крупнейшие библиотеки. 4. Размещение полнотекстовых электронных версий статей и всех остальных публикуемых материалов в свободном доступе на официальном сайте журнала, в российских и зарубежных базах данных.

Такую целевую аудиторию, как общественность, журнал знакомит с деятельностью академических институтов и результатами научных исследований в различных областях общественных наук. Для этого на сайте ИСЭРТ РАН систематически анонсируются новые выпуски, в СМИ публикуются научно-популярные заметки о материалах журнала. Кроме того, он бесплатно рассылается в крупнейшие библиотеки страны, а его полнотекстовые электронные версии размещаются в свободном доступе на его официальном сайте и в российских и зарубежных базах данных.

Подводя итоги, следует отметить, что за шесть лет выпуска журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» удалось реализовать ряд важных задач. На его страницах публикуются результаты фундаментальных и прикладных академических исследований в области экономики; журнал стал площадкой для обсуждения различных вопросов анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Сегодня можно сказать, что журнал приобрел свою авторскую и читательскую аудиторию, которая с каждым годом расширяется. Его востребованность в оте-

чественных научных кругах косвенно подтверждается данными анализа его наукометрических показателей в национальном индексе цитирования РИНЦ.

Вместе с тем редколлегия журнала предстоит решить еще множество задач по его развитию и продвижению. Требуется прежде всего последовательно реализовывать мероприятия, направленные на повышение качества публикаций, привлечение новых авторов, в том числе ведущих зарубежных ученых, расширять публикацию результатов совместных исследований с коллегами из-за рубежа.

Важнейшей задачей на ближайший период является вывод журнала на более высокий уровень по всем качественным параметрам. Для этого необходимо не просто войти в глобальные базы данных, но и поднять качество публикаций до мировых стандартов.

В заключение отметим, что современные академические издания остро нуждаются в поддержке государства, без которой будет трудно ускорить их вхождение в ведущие системы цитирования. А без вывода экономических журналов даже на средний мировой уровень невозможно интегрироваться в международное научное пространство.

Литература

1. Балацкий, Е.В. Роль академических журналов: период неопределенности / Е.В. Балацкий // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 164-166.
2. Ильин, В.А. От главного редактора / В.А. Ильин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 1. – С. 3-4.
3. Кириллова, О.В. Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus / О.В. Кириллова. – М., 2013.
4. Клейнер, Г.Б. Миссия академического журнала: между фундаментальностью и актуальностью / Г.Б. Клейнер // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 171-173.
5. Минакир, П.А. Публиковать нельзя отклонить / П.А. Минакир // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 177-179.
6. Писляков, В.В. Методы оценки научного знания по показателям цитирования / В.В. Писляков // Социологический журнал. – 2007. – № 7. – С. 128-140.
7. Полтерович, В.М. Миссия экономического журнала и институт рецензирования / В.М. Полтерович // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 194-197.

8. Приветствие вице-президента РАН академика А.Д. Некипелова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2008. – № 1. – С. 8-9.
9. Татаркин, А.И. Академический журнал: каким он видится из регионов / А.И. Татаркин // Журнал новой экономической ассоциации. – 2011. – № 12. – С. 182-185.
10. Третьякова, О.В. Возможности и перспективы использования индексов цитирования в оценке результатов деятельности научного учреждения / О.В. Третьякова, Е.А. Кабакова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 6 (30). – С. 189-200.
11. Axaroglou, K. Diversity in economics: An analysis of journal quality perceptions / K. Axaroglou, V. Theoharakis // Journal of the European Economic Association. – 2003. – № 1 (6). – P. 1402-1423.
12. Bräuninger, M. Reputation and Relevance of Economics Journals / M. Bräuninger, J. Haucap // Kyklos. – 2003. – 56(2). – P. 175-198.
13. Garfield, E. The Agony and the Ecstasy – the History and the Meaning of the Journal Impact Factor. Report at the Fifth International Congress on Peer Review in Biomedical Publication [Электронный ресурс] / E. Garfield. – Chicago, 2005. – Режим доступа: <http://garfield.library.upenn.edu/papers/jifchicago2005.pdf>
14. Kodrzycki Y.K. New Approaches to Ranking Economics Journals / Y.K. Kodrzycki, P. Yu // Contribution to Economic Analysis and Policy. – 2006. – Vol. 5. – Art. 24.
15. Liebowitz, Stanley J. Assessing the Relative Impacts of Economics Journals / Stanley J. Liebowitz, John P. Palmer // Journal of Economic Literature. – 1984. – 22(1). – P. 77-88.

Tret'yakova O.V.

Economic journal: problems and prospects of promotion at the national and international level

Ol'ga Valentinovna Tret'yakova – Ph.D. in Philology, Head of the Department of Editorial-and-Publishing Activity and Science-Information Support, Deputy Chief Editor of the journal “Economic and social changes: facts, trends, forecast”. Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, olga.tretyakova@yandex.ru)

Abstract. The increasing importance of scientific journals for the development of academic science in general, for outlining the main research priorities, for establishing the integrity of research space and continuity of scientific process sets out new issues connected with the development and promotion of scientific titles at the national and international level.

The article generalizes the publishing experience of the journal “Economic and social changes: facts, trends, forecast”, issued by the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences. The author gives the characteristics of the Journal as a scientific publication devoted to the analysis and forecast of changes in the economy and social sphere in different countries, regions and local areas. Special attention is paid to the evaluation of the title according to several dynamic parameters. The article outlines long-term objectives for promotion of the Journal at the national and international level.

Key words: scientific economic journal, scientometric indicators for the development and promotion of scientific journal, citation index, impact factor.

References

1. Balatsky E.V. Rol' akademicheskikh zhurnalov: period neopredelennosti [The Role of Academic Journals: A Period of Uncertainty]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2011, no.12, pp. 164-166.
2. Ilyin V.A. Ot glavnogo redaktora [From the Chief Editor]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2008, no.1, pp. 3-4.

3. Kirillova O.V. *Redaktsionnaya podgotovka nauchnykh zhurnalov po mezhdunarodnym standartam. Rekomendatsii eksperta BD Scopus* [Editorial Preparation of Scientific Journals according to International Standards. Recommendations of the Scopus Database Expert]. Moscow, 2013.
4. Kleiner G.B. Missiya akademicheskogo zhurnala: mezhdunarodnyy fundamental'nost'yu i aktual'nost'yu [The Mission of an Academic Journal: Between Fundamental Approach and Topicality]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2011, no.12, pp. 171-173.
5. Minakir P.A. Publikovat' nel'zya otklonit' [To Publish Impossible to Reject]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2011, no.12, pp. 177-179.
6. Pisyakov V.V. Metody otsenki nauchnogo znaniya po pokazatelyam tsitirovaniya [Methods of Evaluating Scientific Knowledge by Citation Indicators]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2007, no.7, pp. 128-140.
7. Polterovich V.M. Missiya ekonomicheskogo zhurnala i institut retsenzirovaniya [The Mission of an Economic Journal and the Institution of Refereeing]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2011, no.12, pp. 194-197.
8. Privetstvie vitse-prezidenta RAN akademika A.D. Nekipelova [Welcome Address by RAS Vice-President, Academician A.D. Nekipelov]// *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2008, no.1, pp. 8-9.
9. Tatarin A.I. Akademicheskii zhurnal: kakim on viditsya iz regionov [An Academic Journal as Seen from the Country Regions]. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2011, no.12, pp. 182-185.
10. Tret'yakova O.V., Kabakova E.A. Vozmozhnosti i perspektivy ispol'zovaniya indeksov tsitirovaniya v otsenke rezul'tatov deyatel'nosti nauchnogo uchrezhdeniya [Opportunities for and Prospects of Using Citation Indices in Evaluating the Performance of Research Institution]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.6 (30), pp. 169-179.
11. Axaroglou K., Theoharakis V. Diversity in economics: An analysis of journal quality perceptions. *Journal of the European Economic Association*, 2003, no.1 (6), pp. 1402-1423.
12. Bräuning M., Haucap J. Reputation and Relevance of Economics Journals. *Kyklos*, 2003, no.56 (2), pp. 175-198.
13. Garfield E. *The Agony and the Ecstasy – the History and the Meaning of the Journal Impact Factor. Report at the Fifth International Congress on Peer Review in Biomedical Publication*. Chicago, 2005. Available at: <http://garfield.library.upenn.edu/papers/jifchicago2005.pdf>
14. Kodrzycki Y.K., Pingkang Yu. New Approaches to Ranking Economics Journals. *Contribution to Economic Analysis and Policy*, 2006, vol. 5, art. 24.
15. Liebowitz S.J., Palmer J.P. Assessing the Relative Impacts of Economics Journals. *Journal of Economic Literature*, 1984, no.22 (1), pp. 77-88.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

УДК 330.342.146(470.12), ББК 65.011.34(2Рос-4Вол)

© Разгулина Е.Д.

Оценка влияния крупнейших предприятий на социально-экономическое развитие территорий

**Екатерина Дмитриевна
РАЗГУЛИНА**

младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ekaterina-razgulina@yandex.ru)

Аннотация. Среди основных тенденций развития современного общества одно из главных мест занимают те, которые связаны с переходом ряда функций, традиционно реализуемых государством, к крупному бизнесу. В контексте этого в научных и общественных кругах активно ведутся дискуссии о социальном партнёрстве между властью, бизнесом и наёмными работниками, предлагаются различные варианты концепции социальной ответственности бизнеса.

В статье представлен опыт оценки социальной ответственности бизнеса на примере крупнейших химических предприятий, расположенных в Вологодской и Новгородской областях. Результаты оценки позволили выявить ряд проблем, сдерживающих формирование социально ответственного поведения корпораций, в частности: отсутствие унифицированной отчётности о корпоративной социальной ответственности; формальное представление социальных отчётов; несистемное участие бизнеса в социально-экономическом развитии территорий. По мнению авторов, для повышения социальной ответственности российского бизнеса требуется разработка специальной модели взаимоотношений участников этого процесса. Объединение интересов и ресурсов бизнеса и власти способствует выработке согласованной стратегии в сфере регионального управления социально-экономическим развитием.

Ключевые слова: региональное развитие, социальная ответственность бизнеса, химическая промышленность, бизнес-структуры.

Одной из современных форм взаимодействия власти и бизнеса, позволяющей эффективно решать социально-экономические задачи развития территорий, является корпоративная социальная ответственность (КСО). Однако в российской

деловой среде понимание данной категории только зарождается, а в исследованиях уделяется недостаточное внимание изучению конкретных механизмов, способствующих повышению роли хозяйствующих субъектов в решении социальных задач.

Между тем в зарубежной науке проблемы формирования социально ответственного бизнеса (СОБ) имеют уже длительную историю. Стратегический подход к изучению СОБ, предложенный такими исследователями, как К. Девис (1960), Р. Аккреман (1973), Р. Фриман (1984), Э. Эпштайн (1987), Т. Дональдсон и Л. Престон (1995), Р. Штойер, М. Портер и М. Креймер (2005), О. Фалк и С. Хиблич (2007), предполагает расширение границ социальной ответственности за рамки решения краткосрочных внутренних производственных и социальных задач. Он предусматривает деятельность, направленную на решение социальных, экологических и экономических проблем, как внутренних, так и внешних.

Во многих трудах российских авторов (Л.И. Абалкин, А.А. Андреев, Ю.Е. Благов, С.Е. Литовченко, Н.А. Кричевский, М.И. Либоракина, А.Н. Гаркавенко и др.) отмечается, что социальная ответственность повышает устойчивость не только самого экономического субъекта, но и экономической системы в целом — за счет стабильной наполняемости бюджета, улучшения экологической обстановки и сбережения природных ресурсов, повышения уровня и качества жизни населения.

В нынешней российской действительности тема социальной ответственности бизнеса становится все более актуальной, поскольку предприятия являются базой формирования и экономических отношений, и социальных процессов, протекающих в современном обществе. Однако документы, регламентирующие социальную ответственность бизнеса, в большинстве регионов России отсутствуют. И это в то время, когда на их территориях осуществляют деятельность крупнейшие корпорации, которые используют ресурсы территории, ее экономический и трудовой потенциал. Поэтому сложившаяся прак-

тика оценки роли предприятий в социально-экономическом развитии территории, как правило, оценивается по их доле в валовом региональном продукте, доходах регионального бюджета и по удельному весу рабочих мест в их общей численности в регионе.

Используя этот традиционный подход, оценим по данным, приведённым в *таблице 1*, роль двух крупнейших химических предприятий Северо-Запада — ОАО «ФосАгро» (Вологодская область) и ОАО «Акрон» (Новгородская область). Основной вид деятельности ОАО «ФосАгро» — производство и реализация фосфоро-азото-калийсодержащих удобрений, фторосолей и других химических продуктов. По состоянию на 01.01.2012 года среднесписочная численность персонала предприятия составила 6 224 человека, а суммарное производство азотных и фосфорсодержащих удобрений — 11 141,3 тыс. т. Вклад ОАО «ФосАгро» в региональную бюджетную систему весьма существен, особенно в 2008 году, когда предприятие сформировало 11% всех налоговых доходов области.

Однако в связи с кризисом финансовое положение предприятия ухудшилось и в 2009 году началось заметное снижение его вклада в экономику региона. По итогам 2012 года доля холдинга в общих налоговых доходах составила только 4,5%; он сформировал лишь 3,4% ВРП, что на 5,8 п.п. ниже уровня 2008 года. Тем не менее доля занятых на предприятии в общей численности занятых в регионе увеличилась с 0,68 до 1,03%.

ОАО «Акрон» также входит в число крупнейших мировых производителей минеральных удобрений. Высокая степень вертикальной интеграции — разработка калийных и фосфатных месторождений, три крупных производственных предприятия, собственная транспортная инфраструктура

Таблица 1. Показатели, характеризующие вклад ОАО «Акрон» и ОАО «ФосАгро» в социально-экономическое развитие территории присутствия

Показатель	Предприятие	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Изменение 2007 – 2012 гг.
Доля валовой добавленной стоимости предприятия в ВРП территории присутствия, %	Акрон	9,8	16,8	7,1	7,8	11,9	12,3	2,59
	ФосАгро	3,0	9,2	2,1	4,0	5,8	3,4	0,4
Налоговые платежи в территориальный бюджет, в % к общим налоговым доходам бюджета территории присутствия	Акрон	23,3	24,6	12,3	13,3	25,9	14,8	-8,5
	ФосАгро	5,0	11,0	3,0	5,0	5,6	4,5	-12,6
Соотношение средней заработной платы работников и средней заработной платы по региону, раз	Акрон	2,69	2,08	1,94	1,67	1,67	1,61	-1,08
	ФосАгро	1,45	1,38	1,55	1,44	1,42	1,51	0,06
Доля занятых на предприятии в общей численности занятых в регионе, %	Акрон	1,1	1,1	1,2	1,2	1,2	1,3	0,18
	ФосАгро	0,68	0,72	0,70	0,72	0,73	1,03	0,35

Источники: данные Федеральной службы государственной статистики, годовых отчетов ОАО «ФосАгро», ОАО «Акрон».

Таблица 2. Доля налоговых платежей, поступивших от химического производства в консолидированные бюджеты субъектов РФ в 2007–2012 гг., %

Субъект	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Изменение 2007–2012 гг.
Вологодская область	5,0	12,9	5,5	7,5	9,4	13,1	8,1
Новгородская область	19,2	32,8	17,9	15,7	20,3	10,5	-8,7

Источники: данные Федеральной службы государственной статистики; Официальный сайт Казначейства России. – Режим доступа: <http://www.roskazna.ru>

и международная сбытовая сеть — создает платформу для динамичного развития компании. В 2012 году численность её работников составила 4029 человек. Выпуск минеральных удобрений по сравнению с уровнем 2011 года увеличился на 9%, составив 2557 тыс. т. Вместе с тем, как и в «ФосАгро», здесь в последние годы происходит падение прибыли, что повлекло за собой снижение налоговых платежей от химического производства в региональный и местный бюджеты (табл. 2).

Несомненным является тот факт, что в основе социально ответственного поведения бизнеса лежит успешное и динамичное развитие производственно-хозяйственной

деятельности конкретной фирмы, которая даёт нужным обществу социальный эффект в виде рабочих мест, товарной массы, налоговых пополнений бюджетов всех уровней и возможности реализации дополнительных социальных программ.

Это в конечном счёте обеспечивает высокие и устойчивые темпы роста как экономики страны в целом, так и её отдельных административно-территориальных образований.

Однако дают ли традиционные подходы более взвешенную оценку социальной ответственности бизнеса? Тем более что одни исследователи измеряют уровень СОБ на основе социальной отчетности предпри-

ятий, что делает невозможным применение подобных методик в регионах, в которых законодательно не закреплена обязанность предприятий представлять данную отчетность. Другие определяют уровень СОБ на основе анкетных опросов предприятий, что позволяет оценить лишь уровень социальных инвестиций. В работах иных авторов данный показатель выявляется только на уровне конкретного предприятия через социально-трудовые отношения, что предполагает наличие доступа к корпоративным отчетам, который в сложившихся рыночных условиях затруднен [1, 17, 18 и др.]. Отсутствие единой методики объясняется и значительными сложностями с точки зрения получения достоверной информации на основе анализируемых отчетов о реальных объемах и источниках расходования ресурсов на финансирование тех или иных мероприятий.

На наш взгляд, для повышения достоверности оценки вклада бизнес-структур в развитие территории необходимо использовать методику, разработанную в Кемеровском государственном университете. Она основана на определении коэффициента влияния социально ответственной корпорации на развитие региона путем перемножения индексов влияния её деятельности на экономический рост, улучшение экологической ситуации, уровень и качество жизни населения [11].

По каждой составляющей при этом осуществляется расчёт темпов роста с целью обеспечения сопоставимости и соразмерности разнородных показателей. Расчёт обобщающих показателей производится через синтезирование отдельных статей на основе среднегеометрической величины, которая даёт возможность сохранять в неизменном виде не сумму, а произведение индивидуальных значений показателей, что позволяет избежать искажений результатов анализа.

Поскольку полученные индексы характеризуют изменение общих объёмов деятельности корпорации, то, по нашему мнению, целесообразно рассчитывать также интегральный коэффициент влияния социально ответственной деятельности отдельной корпорации на развитие региона с помощью среднегеометрической величины:

$$K_{\text{вл.рег.раз.}} = \sqrt{K_{\text{вэр}} \cdot K_{\text{вуж}} \cdot K_{\text{вэс}}},$$

где $K_{\text{вл.рег.раз.}}$ – коэффициент влияния социально ответственной деятельности отдельной корпорации на развитие региона;

$K_{\text{вэр}}$ – индекс влияния деятельности корпорации на экономический рост региона (определяется путем перемножения индекса роста валовой добавленной стоимости и индекса увеличения налоговых платежей в региональный и местный бюджеты в рассматриваемом периоде по сравнению с базовым);

$K_{\text{вуж}}$ – индекс влияния деятельности корпорации на уровень и качество жизни населения региона (определяется путем перемножения индекса роста средней заработной платы работников компании и индекса увеличения численности работников компании в рассматриваемом периоде по сравнению с базовым периодом);

$K_{\text{вэс}}$ – индекс влияния деятельности корпорации на экологическую ситуацию в регионе (определяется путем перемножения индекса снижения выбросов вредных веществ в водные источники и индекса снижения выбросов вредных веществ в атмосферу).

Экономический эффект для региона (индекс влияния деятельности корпорации на экономический рост) выражается в увеличении суммарного валового регионального продукта. Социальный эффект (индекс влияния деятельности корпорации на уровень и качество жизни населения региона) заключается в обеспечении условий

для сохранения социальной стабильности и достойного уровня и качества жизни населения региона. Экологический эффект (индекс влияния деятельности корпорации на экологическую ситуацию в регионе) проявляется в уменьшении негативного влияния деятельности корпорации на экологическую ситуацию в регионе.

Коэффициент влияния социально ответственной деятельности корпорации на развитие региона показывает изменение масштабов деятельности предприятия по отдельным направлениям за исследуемый период. Значит, чем больше объём продукции, выпущенной корпорацией на территории региона, сумма налогов, уплаченных корпорацией в бюджет региона, уровень занятости на предприятии и чем меньше выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и водные объекты, тем выше значение данного коэффициента, что свидетельствует о росте вклада компании в региональное развитие за исследуемый период.

Что касается получения максимального значения коэффициента влияния социально ответственной деятельности корпорации на развитие региона, то здесь целесообразно применить инструменты стратегического управления, а именно концепцию «беспроеигрышной стратегии», когда в выигрыше остаются и государство, и бизнес, и работники («игра с ненулевой суммой») [16]. Следовательно, речь идёт о стратегии компромиссного сотрудничества, которая характеризуется балансом интересов органов власти, бизнес-структур и работников предприятия.

Апробация предложенной методики осуществлена нами на примере названных выше предприятий химической отрасли – открытых акционерных обществ «ФосАгро» и «Акрон».

У первого холдинга наибольшее значение интегрального показателя (1,78) социальной ответственности было зафиксировано в 2010 году (табл. 3) в

Таблица 3. Расчёт коэффициента влияния деятельности ОАО «ФосАгро» на региональное развитие

Критерий	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Изменение 2008–2012 гг.
<i>1. Индекс влияния деятельности корпорации на экономический рост региона ($K_{взр}$)</i>	3,100	0,027	5,089	2,225	0,517	-2,58
Индекс увеличения валовой добавленной стоимости	3,74	0,16	2,33	1,77	0,60	-3,14
Индекс увеличения налоговых платежей в региональный и местный бюджеты	0,83	0,16	2,18	1,25	0,87	0,04
<i>2. Индекс влияния деятельности корпорации на уровень и качество жизни населения региона ($K_{вж}$)</i>	1,224	1,119	1,034	1,094	1,687	0,46
Индекс роста средней заработной платы работников	1,19	1,15	1,04	1,08	1,19	0,00
Индекс увеличения среднесписочной численности работников	1,03	0,97	1,00	1,01	1,42	0,39
<i>3. Индекс влияния деятельности корпорации на экологическую ситуацию в регионе ($K_{вэо}$)</i>	0,994	1,184	1,080	1,510	2,025	1,031
Индекс снижения выбросов вредных веществ в атмосферу	0,90	1,07	1,13	1,36	1,92	1,02
Индекс снижения сбросов сточных вод в водные объекты	1,10	1,11	0,95	1,11	1,05	-0,05
<i>Коэффициент влияния социально ответственной деятельности отдельной корпорации на развитие региона ($K_{вл.рег.раз}$)</i>	1,56	0,33	1,78	1,54	1,21	-0,35
Источники: данные годовых отчётов ОАО «ФосАгро»; расчёты авторов.						

результате значительного увеличения (более чем на 5 п.п.) индекса влияния деятельности корпорации на экономический рост региона. Причём высокий уровень этого индекса в данный период был обусловлен также ростом валовой добавленной стоимости (в 2,3 раза) и налоговых платежей в региональный и местный бюджеты (в 2,2 раза).

Однако в последующие годы значение интегрального показателя социальной ответственности предприятия значительно снизилось, как и доля валовой добавленной стоимости при формировании ВРП и поступления в бюджет. В 2012 году валовая добавленная стоимость и налоговые платежи сократились на 40,2 и 13,2% соответственно. В целом за 2012 год по сравнению с 2008 годом интегральный показатель социальной ответственности ОАО «ФосАгро» уменьшился на 22% и составил 1,21.

Аналогичная картина наблюдалась и в ОАО «Акрон» (для сравнения: в 2011 году рассматриваемый показатель составлял 1,61 против 0,94 в 2012 году). Нестабильная ситуация на мировом рынке удобрений, рост себестоимости продукции привели к уменьшению чистой прибыли предприятия. Вследствие этого уровень его социальной ответственности за пять лет снизился на 51% (табл. 4).

Таким образом, сводные индексы, интегрируя многообразие частных оценок, комплексно характеризуют степень экономического, социального и экологического влияния деятельности предприятий на региональное развитие. Что касается экономической и социальной сферы, то здесь она весьма значительна – это выражается прежде всего в доле в доходах региональных бюджетов и доходах населения, создании рабочих мест.

Таблица 4. Расчёт коэффициента влияния деятельности ОАО «Акрон» на региональное развитие

Критерий	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	Изменение 2008–2012 гг.
<i>1. Индекс влияния деятельности корпорации на экономический рост региона ($K_{взр}$)</i>	5,544	0,239	1,059	4,082	0,715	-4,83
Индекс увеличения валовой добавленной стоимости	2,28	0,43	1,20	1,77	1,07	-1,21
Индекс увеличения налоговых платежей в региональный и местный бюджеты	2,43	0,55	0,88	2,30	0,67	-1,76
<i>2. Индекс влияния деятельности корпорации на уровень и качество жизни населения региона ($K_{вжж}$)</i>	0,950	1,042	1,006	1,140	1,215	0,27
Индекс роста средней заработной платы работников	0,96	1,01	0,97	1,11	1,10	0,14
Индекс увеличения среднесписочной численности работников	0,99	1,03	1,03	1,02	1,10	0,11
<i>3. Индекс влияния деятельности корпорации на экологическую ситуацию в регионе ($K_{вэо}$)</i>	1,345	0,734	1,016	0,898	0,941	-0,404
Индекс снижения выбросов вредных веществ в атмосферу	1,22	0,80	1,02	0,95	0,96	-0,26
Индекс снижения сбросов сточных вод в водные объекты	1,10	0,92	0,99	0,94	0,98	-0,12
<i>Коэффициент влияния социально ответственной деятельности отдельной корпорации на развитие региона ($K_{вл.рег.раз.}$)</i>	1,92	0,57	1,03	1,61	0,94	-0,98
Источники: данные годовых отчётов ОАО «Акрон», расчёты авторов.						

В то же время в социальных отчётах анализируемых предприятий отсутствует количественная информация о работниках, прошедших лечение и оздоровление за счёт средств организации, об объёме затрат на санаторно-курортное лечение. Хотя предприятия и указывают, что направляют инвестиции на создание условий для восстановления здоровья работников, организацию их лечения, реализацию профилактических мер и др. Невозможно также проследить ежегодную динамику инвестиций в развитие инфраструктуры города и прилегающих районов, объектов культуры и спорта, в поддержку общественных объединений, проведение культурных и спортивных фестивалей. Анализ внепроизводственной сферы предприятий выявил недостаточную эффективность сотрудничества с местными и региональными органами власти.

Основная проблема в формировании социальной ответственности российского бизнеса связана с отсутствием законодательно-правовой базы в данной области и, как следствие, отсутствием унифицированной формы социальной отчётности. Это не позволяет определить ретроспективу и системную динамику социальных инвестиций в развитие как собственного персонала, так и местного сообщества.

Итак, важность функционирования объектов социальной сферы на промышленных предприятиях объясняется тем, что их персонал оказывает ключевое влияние на эффективность и результативность деятельности компании, в связи с чем наблюдается стратегическая направленность инвестиций на развитие сотрудников. Обеспечение роста инвестиций в снижение травматизма и профессиональных заболеваний необходимо в рамках стратегий функционирования предприятия, отвечающих международным стандартам в области охраны труда и промышленной безопасности.

Один из определяющих факторов устойчивого развития представляет также эффективное использование энергии и экологичность производства, что является стратегическим приоритетом для промышленных предприятий вследствие ограниченности ресурсов. При этом необходимо выдерживать соответствие мировым стандартам экологичности (ISO 14000 «Международный стандарт по созданию системы экологического менеджмента», ISO 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» и т.д.). Высокие результаты в этой сфере способствуют привлечению инвестиций в повышение энергоэффективности и сокращению выбросов в окружающую среду, снижению штрафных санкций и т.п.

Следовательно, важность оценки социальной ответственности бизнеса позволяет компании не только информировать представителей заинтересованных сторон о своём социальном развитии, вкладе в социально-экономическое развитие территории присутствия, но и выявлять слабые места и планировать мероприятия по их устранению до возникновения критичных ситуаций, способствовать привлечению дополнительных инвестиций, необходимых для создания новых рабочих мест, укрепления местной инфраструктуры, снижения уровня бедности, а также распространения передовых технологий, стимулирования межрегионального взаимодействия, ускорения экономического роста.

В этой связи необходимо выработать ряд стратегических направлений, реализация которых даст возможность повысить роль российского бизнеса в региональном развитии. В частности, со стороны государства нужно обеспечить контроль за выполнением всеми субъектами рынка социальных, налоговых и иных фискальных обязательств, оказывать поддержку развитию институтов гражданского общества. Со стороны бизнеса — в полном объёме

выполнять установленные законом обязательства, расширять сложившийся круг ключевых стейкхолдеров [2, с. 80].

Социальные программы бизнеса, направленные на развитие территорий присутствия, более эффективными может сделать, во-первых, ориентация на достижение значимого социального результата при соблюдении бизнес-интересов компании или так называемого «бизнес-эффекта». Во-вторых, разработка и реализация социальной программы в результате совместной работы компании, органов государственной власти и регионального самоуправления на основе принципов социального партнёрства, а не в качестве разовой акции «социально ответственный бизнес». В-третьих, использование инновационного подхода с целью поддержки новых социальных технологий и современных механизмов управления, прежде всего конкурсное распределение средств, доленое финансирование, мониторинг и оценка социальных и экономических результатов деятельности предприятий [6, с. 127].

В результате проведенного анализа сформирована схема взаимодействия участников социально ответственного поведения бизнеса в регионе на основе стратегии компромиссного сотрудничества (*рисунок*). Достижение целей устойчивого развития территории, успешная модернизация экономики и социальной сферы предполагает выстраивание эффективных механизмов взаимодействия между обществом, бизнесом и государством, направленных на координацию усилий всех сторон, обеспечение учёта интересов бизнеса и различных социальных групп при выработке и проведении социально-экономической политики.

Повышение роли российского бизнеса в региональном развитии предполагает необходимость:

— рассматривать социальную деятельность, которая позволяет эффективно ре-

шать социально-экономические проблемы и обеспечивать устойчивые конкурентные преимущества компании;

— активно интегрировать СОБ в систему корпоративного управления, развивать организационное обеспечение социальной деятельности путём создания профильных комитетов, внедрения принципов регулярной работы над социальной отчётностью;

— на постоянной основе взаимодействовать как с «внутренними», так и с «внешними» заинтересованными сторонами, рассматривая данные взаимовыгодные отношения как важнейший ресурс устойчивого развития компаний [7];

— поддерживать процесс обмена передовым опытом и распространения лучших практик в сфере СОБ на общественных, профессиональных и экспертных площадках.

В то же время со стороны региональных органов власти требуется:

➔ вести открытый диалог с бизнесом по совместному решению актуальных проблем развития региона, обращая особое внимание на механизмы взаимовыгодного государственно-частного и социального партнёрства;

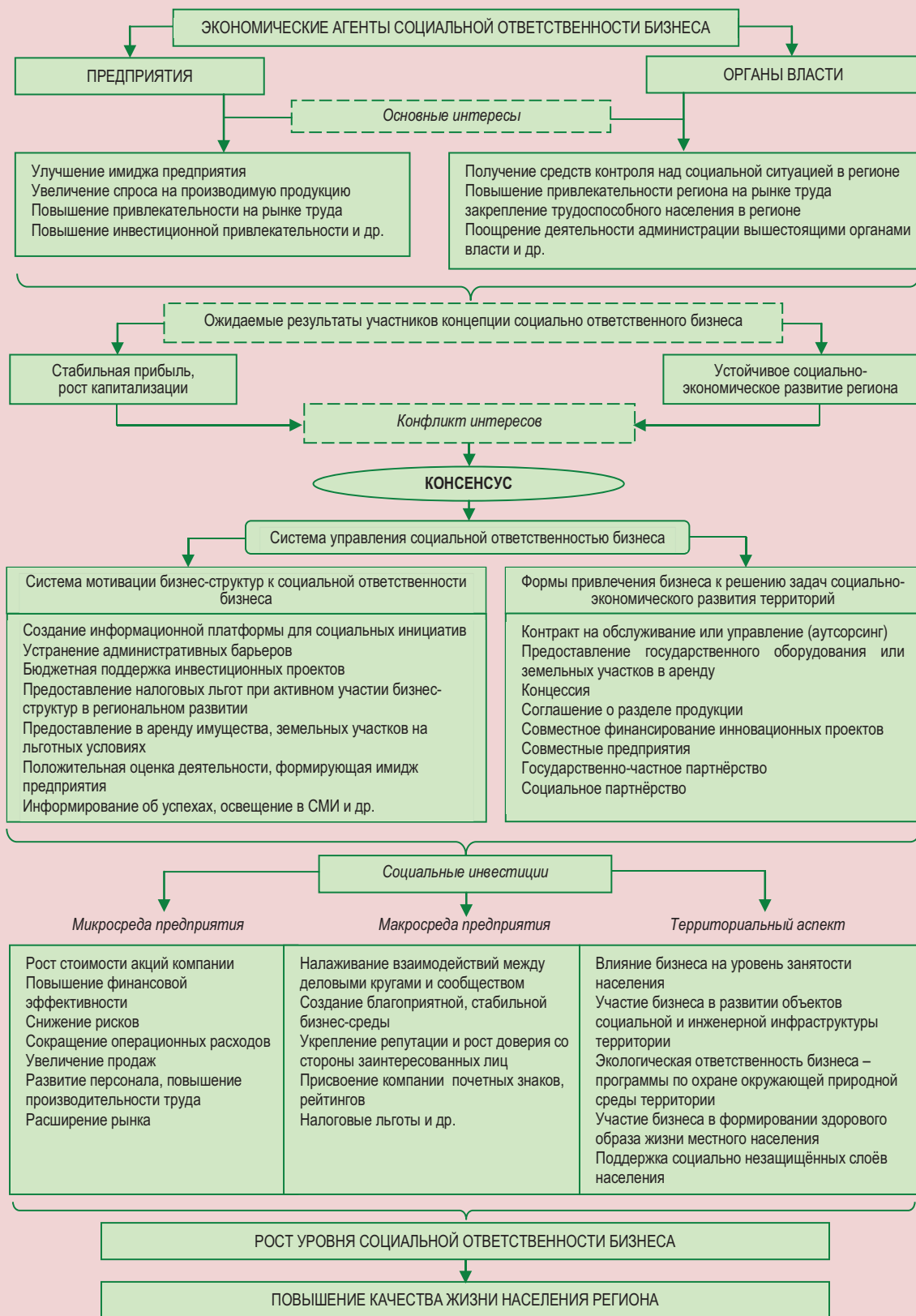
➔ развивать законодательную основу и практику материального и морального стимулирования бизнеса к участию в решении общественных проблем путём корпоративных социальных инвестиций;

➔ повышать возможности социально ответственного ведения бизнеса в результате борьбы с коррупцией и общего повышения эффективности работы государственного аппарата;

➔ способствовать, в том числе посредством конкурсного финансирования, развитию институтов гражданского общества — участников диалога с бизнесом;

➔ оказывать содействие распространению идей «устойчивого развития» через систему образования, деятельность государственных и некоммерческих организаций, средства массовой информации.

Схема взаимодействия участников социально ответственного поведения бизнеса в регионе

Таким образом, формирование социально ответственного поведения в предпринимательской среде возможно только при целенаправленной поддержке со стороны государства и его активном участии в решении социальных проблем. В первую очередь необходима детальная проработка нормативно-правовой базы и законодательного регулирования процесса формирования социальной ответственности бизнеса, а также разработка и утверждение унифицированной формы социальной отчетности. Вместе с тем механизм социально ответственного предпринимательства не может рассматриваться в качестве основного (и тем более единственного) способа смягчения социальных противоречий, обеспечения социальной защищенности

населения и устойчивого развития. Это лишь один из рычагов в системе, в которой ведущую роль должна играть последовательная социально-экономическая политика государства.

Итак, социальная ответственность должна рассматриваться как один из механизмов функционирования компании, эффективное действие которого повышает устойчивость не только самого экономического субъекта, но и региональной экономической системы в целом. При этом рост устойчивости регионального развития происходит за счёт стабильной наполняемости бюджета, улучшения экологической обстановки, сбережения природных ресурсов и благодаря повышению уровня и качества жизни населения.

Литература

1. Андреева, Е.Л. Механизмы оценки влияния социальной ответственности бизнеса на устойчивое развитие регионов [Текст] / Е.Л. Андреева. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. — 43 с.
2. Барабанов, А. Социальная ответственность бизнеса и развитие территорий [Текст] / А. Барабанов, Е. Разгулина // Проблемы теории и практики управления. — 2013. — № 5. — С. 73-81.
3. Гаркавенко, А.Н. Социальная ответственность бизнеса как механизм противодействия кризисным явлениям [Текст] / А.Н. Гаркавенко, Е.Ю. Лосева, Е.А. Пилюгин // Экономика региона. — 2009. — № 3. — С. 174-180.
4. Концептуальные основы становления социальной ответственности бизнеса в России [Текст]: сб. науч. тр. / под ред. д.э.н., проф. Е.М. Козакова. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. — 140 с.
5. Корпоративная социальная ответственность: общественные ожидания. Потребители, менеджеры, лидеры общественного мнения и эксперты оценивают социальную роль бизнеса в России [Текст] / под ред. С.Е. Литовченко, М.И. Корсакова. — М.: Ассоциация менеджеров, 2003. — 100 с.
6. Кравцова, Т.В. Технология социального инвестирования и рост социальной ответственности регионального бизнеса [Текст] / Т.В. Кравцова // Terra Economicus. — 2010. — Т. 8. — № 4-3. — С. 125-129.
7. Официальный сайт Ассоциации менеджеров России. — Режим доступа: <http://www.amr.ru/>
8. Официальный сайт ОАО «Акрон». — Режим доступа: <http://www.acron.ru/>
9. Официальный сайт ОАО «ЕвроХим». — Режим доступа: <http://www.eurochem.ru/>
10. Официальный сайт ОАО «ФосАгро». — Режим доступа: <http://www.phosagro.ru/>
11. Перекрёстов, Д.Г. Корпоративная социальная ответственность: вопросы теории и практики: монография [Текст] / Д.Г. Перекрёстов, И.П. Поварич, В.А. Шабашев. — М.: Издательский дом «Академия естествознания», 2011. — 216 с.
12. Разгулина, Е.Д. Вклад крупнейших предприятий металлургической отрасли в развитие территорий [Текст] / Е.Д. Разгулина // Проблемы развития территории. — 2013. — № 5 (67). — С. 25-32.
13. Разгулина, Е.Д. Участие бизнеса в решении социальных задач развития территорий [Электронный ресурс] / Е.Д. Разгулина // Современные научные исследования и инновации. — 2013. — № 9. — Сентябрь. — Режим доступа: URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/09/26334>

14. Татаркин, А.И. Модернизационная миссия Урала в повышении интеграционной активности российской экономики. Часть 2 / А.И. Татаркин // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2013. – № 1 (33).
15. Ускова, Т.В. Управление устойчивым развитием региона [Текст]: монография / Т.В. Ускова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009. – 355 с.
16. Хрдинова, Г. Концепция создания системы устойчивой стратегии корпоративной социальной ответственности [Текст] / Г. Хрдинова // Проблемы развития территории. – 2014. – № 2 (70). – С. 49-66.
17. Чубарова, Т.В. Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство [Текст] / Т.В. Чубарова. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 320 с.
18. Sakál, P. Corporate Social Responsibility (CSR) verzuš HCS model 3E. [Text] / P. Sakál, G. Hrdinová // In Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie „Finanční a logistické řízení podniku 2009“. – Ostrava: VŠB-TU Ostrava. – 2009. – S. 499-505.

Razgulina E.D.

Estimation of the largest enterprises' impact on the socio-economic development of territories

Ekaterina Dmitrievna Razgulina – Junior Research Associate, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, ekaterina-razgulina@yandex.ru)

Abstract. The key basic trends of modern society development are associated with the transfer of some government functions to big business. Thus, scientific and public circles argue about social partnership between government, business and employees and offer different variants of the corporate social responsibility concept.

The article presents the experience to assess social responsibility of business on the example of the largest chemical enterprises located in the Vologda and Novgorod oblasts. The evaluation results have revealed a number of problems hindering the formation of socially responsible behavior of enterprises, particularly the lack of standardized reporting on corporate social responsibility; provision of formal corporate social responsibility report; business' non-system participation in social and economic development of territories. According to the authors, the development of a special model to regulate participants' mutual relations can increase social responsibility of Russian business. Unified interests and resources of business and government promote the development of an agreed strategy in the field of regional social-economic development.

Key words: regional development, social responsibility of business, chemical industry, business structures.

References

1. Andreeva E.L. *Mekhanizmy otsenki vliyaniya sotsial'noi otvetstvennosti biznesa na ustoichivoe razvitie regionov* [Mechanisms to Assess the Impact of Social Responsibility of Business on Sustainable Development of Regions]. – Ekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2010. 43 p.
2. Barabanov A., Razgulina E. Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa i razvitie territorii [Social Responsibility of Business and Development of Territories]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Theoretical and Practical Issues of Management], 2013, no.5, pp. 73-81.
3. Garkavenko A.N., Loseva E.Yu., Pilyugin E.A. Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa kak mekhanizm protivodeistviya krizisnym yavleniyam [Social Responsibility of Business as a Mechanism of Counteraction to Crisis Phenomena]. *Ekonomika regiona* [Economy of the Region], 2009, no. 3, pp. 174-180.
4. *Kontseptual'nye osnovy stanovleniya sotsial'noi otvetstvennosti biznesa v Rossii: sb. nauch. tr.* [Conceptual Bases of Formation of Social Responsibility of Business in Russia: Collection of Scientific Works]. Edited by Doctor of Economics, Professor E.M. Kozakov. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN, 2008. 140 p.

5. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': obshchestvennye ozhidaniya. Potrebiteli, menedzhery, lidery obshchestvennogo mneniya i eksperty otsenivayut sotsial'nuyu rol' biznesa v Rossii* [Corporate Social Responsibility: Public Expectations. Consumers, Managers, Opinion Leaders and Experts Assess the Social Role of Business in Russia]. Edited by S.E. Litovchenko, M.I. Korsakov. Moscow: Assotsiatsiya menedzherov, 2003. 100 p.
6. Kravtsova T.V. Tekhnologiya sotsial'nogo investirovaniya i rost sotsial'noi otvetstvennosti regional'nogo biznesa [Technology of Social Investment and Growth of Social Responsibility of the Regional Business]. *Terra Economicus*, 2010, vol. 8, no. 4–3, pp. 125–129.
7. *Official Website of Russian Managers Association*. Available at: <http://www.amr.ru/>
8. *Official Website of JSC "Acron"*. Available at: <http://www.acron.ru/>
9. *Official Website of JSC "EuroChem"*. Available at: <http://www.eurochem.ru/>
10. *Official Website of JSC "PhosAgro"*. Available at: <http://www.phosagro.ru/>
11. Perekrestov D.G., Povarich I.P., Shabashev V.A. *Korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost': voprosy teorii i praktiki: monografiya* [Corporate Social Responsibility: Theoretical and Practical Issues: Monograph]. Moscow: Izdatel'skii dom "Akademiya estestvoznaniya", 2011. 216 p.
12. Razgulina E.D. Vklad krupneishikh predpriyatii metallurgicheskoi otrasli v razvitie territorii [Contribution of Metallurgical Industry Enterprises in the Development of Territories]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2013, no.5(67), pp. 25–32.
13. Razgulina E.D. Uchastie biznesa v reshenii sotsial'nykh zadach razvitiya territorii [Participation of Business in Solving Social Problems of Territorial Development]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Research and Innovation], 2013, no.9. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2013/09/26334>
14. Tatarkin A.I. Modernizatsionnaya missiya Urala v povyshenii integratsionnoi aktivnosti rossiiskoi ekonomiki. Chast' 2 [Modernization Mission of the Urals to Enhance the Integration Activity of the Russian Economy. Part 2]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Regional Economics and Management: Online Science Journal], 2013, no.1(33).
15. Uskova T.V. *Upravlenie ustoichivym razvitiem regiona: monografiya* [Management of Sustainable Development of the Region: Monograph]. Vologda: ISERT RAN, 2009. 355 p.
16. Hrdinová G. Kontseptsiya sozdaniya sistemy ustoichivoi strategii korporativnoi sotsial'noi otvetstvennosti [The Concept for Creating the System of Sustainable Strategy of Corporate Social Responsibility]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2014, no.2(70), pp. 49–66.
17. Chubarova T.V. *Sotsial'naya otvetstvennost' v rynochnoi ekonomike: rabotnik, biznes, gosudarstvo* [Social Responsibility in the Market Economy: the Employee, Business, State]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011. 320 p.
18. Sakál P., Hrdinová G. Corporate Social Responsibility (CSR) verus HCS model 3E. *Finanční a logistické řízení podniku: zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie*. Ostrava: VŠB-TU Ostrava. 2009, pp. 499–505.

Гендерный анализ российского рынка труда

**Александр Михайлович
ПАНОВ**

инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, panov_isedt@mail.ru)

Аннотация. Проблема гендерного неравенства на рынке труда в той или иной степени затрагивает все страны мира. Поскольку в России заработная плата составляет основу доходов населения, неравная плата за равный труд мужчин и женщин способна породить усиление дискриминации по признаку пола на рынке труда и за его пределами.

Цель статьи – гендерный анализ российского рынка труда. В ней анализируются конъюнктурные условия рынка труда в гендерном разрезе, социально-экономические характеристики мужчин и женщин как субъектов рынка труда, институциональные особенности российского рынка труда.

В ходе исследования выявлено, что, несмотря на более низкую оплату труда, женщины, судя по их социально-экономическим характеристикам, обладают конкурентными преимуществами перед мужчинами, имея более высокий уровень образования и лучшее состояние здоровья. Помимо горизонтальной сегрегации – традиционного разделения отраслей на «мужские» и «женские», основными причинами гендерного неравенства в оплате труда являются дискриминационные общественные установки и социальная роль женщины. Дополнительная сложность борьбы с гендерной дискриминацией в современном российском обществе обусловлена противоречием между нормативно-правовыми актами, в которых провозглашается равноправие полов во всех сферах жизнедеятельности, и дискриминационными общественными установками.

В статье даётся краткий обзор научно-практических публикаций по проблеме дискриминации в оплате труда по признаку пола и методов борьбы с ней в развитых странах мира. В качестве инструмента углублённого изучения дискриминации рекомендован государственный статистический мониторинг производительности труда в гендерном разрезе.

Ключевые слова: рынок труда, гендер, заработная плата, неравенство, дискриминация.

Проблема гендерного неравенства в той или иной степени затрагивает рынок труда во всех странах мира. Актуальность её обусловлена тем, что неравенство в сфере социально-трудовых отношений, и прежде всего в сфере оплаты труда, составляет основу экономического и социального неравенства, поскольку заработная плата — одна из главных составляющих доходов населения. Так, в России в 2012 году она составляла 41,5% от совокупных доходов населения [7, с. 170]. Гендерное неравенство может создавать экономическую базу для развития неформального института дискриминации по признаку пола, что вызывает неблагоприятные социально-экономические последствия. При формальном провозглашении равенства прав и свобод мужчин и женщин обеспечение его на практике может стать невозможным. Отсюда — неоправданно худшие условия трудовой деятельности для женщин, а следовательно, снижение производительности их труда и экономические потери для всей территории.

Рассматриваемой нами проблеме в отечественной и зарубежной литературе посвящено значительное количество научных и практических работ (Р. Капелюшников, В. Гимпельсон, Г. Беккер, Т. Петерсен, В. Снартланд, Е. Милгром и др.).

В настоящем исследовании проанализирован российский рынок труда в гендерном разрезе, а именно: конъюнктурные особенности рынка труда — экономическая активность, занятость и безработица, вертикальная и горизонтальная сегрегация; социально-экономические параметры, влияющие на трудовую деятельность, — образование и состояние здоровья; институциональные условия — нормативно-правовое регулирование и общественные установки.

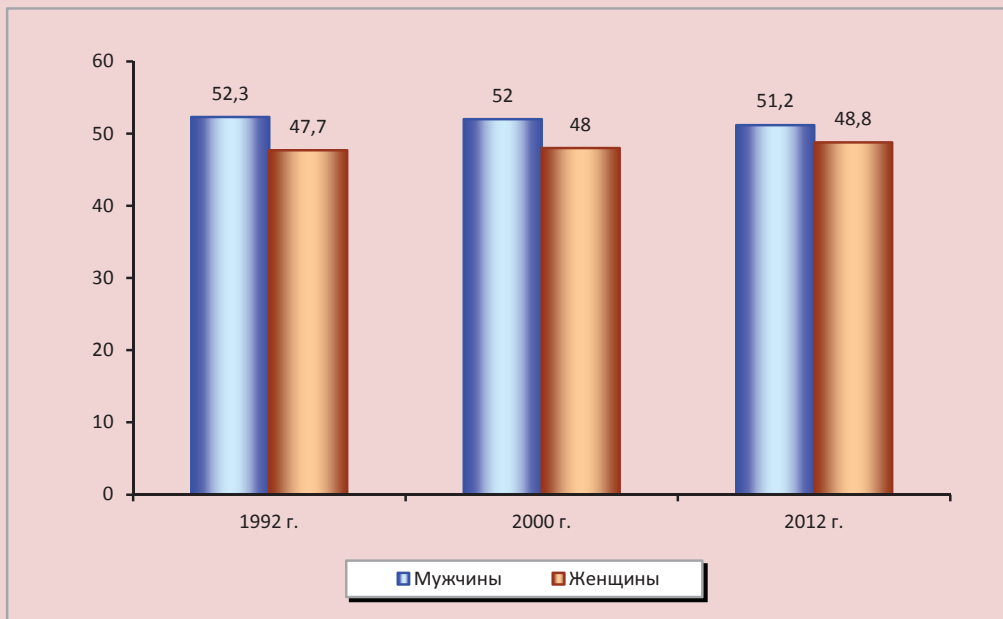
В предмет исследования входит только экономически активное население — лишь те мужчины и женщины, которые непосредственно формируют российский рынок труда.

Индикатором степени участия женщин на рынке труда служит соотношение экономически активных мужчин и женщин (*рис. 1*). Этот показатель используется экспертами Всемирного экономического форума (ВЭФ) для оценки общего доступа женщин на рынок труда.

Судя по приведённым данным, за двадцатилетний период удельный вес женщин в гендерной структуре российского рынка труда не претерпел значительных изменений, увеличившись лишь на 1,1%. Таким образом, в этой сфере мужчины и женщины принимают практически равное участие. Как следует из «Отчёта о глобальной конкурентоспособности», ежегодно публикуемого ВЭФ, гендерная структура рынка труда является конкурентным преимуществом России: по этому показателю она занимает 41 позицию (среди 148 стран) [19, с. 327]. Удельный вес экономически активных женщин на рынке труда в период 1992–2012 гг. практически соответствует их удельному весу в числе занятого населения. Следовательно, российский рынок труда предоставляет обеим гендерным группам возможности для экономической активности.

Этот вывод подтверждается и показателями безработицы в гендерном разрезе. Сегодня уровень общей безработицы среди женщин несколько ниже, чем у мужчин, хотя в начале 1990-х гг. он не демонстрировал гендерных различий. Возможно это обусловлено неточностью статистических измерений, поскольку в тот период безработица в России как институт ещё только зарождалась.

Рисунок 1. Соотношение мужчин и женщин в структуре экономически активного населения, %

Источники: Труд и занятость в России 2001: стат. сб. / Росстат. – М., 2001. – С. 34; Труд и занятость в России 2005: стат. сб. / Росстат. – М., 2005. – С. 31; Труд и занятость в России 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 41; расчёты автора.

Однако уже к 1996 г. разрыв между женской и мужской безработицей составлял 0,7 п.п. [8, с. 160]. Одна из причин меньшей безработицы среди женщин заключается в том, что зачастую они соглашаются на более низкую оплату труда, что можно объяснить их гендерной ролью (табл. 1).

Российская модель рынка труда предусматривает стабильную занятость при низкой заработной плате [3]. То есть показатели безработицы и заработной платы не находятся в прямой зависимости друг от друга. В то же время в гендерном разрезе ситуация может обстоять иначе: привлекаемые более низкой ценой женской рабочей силы, установившейся на рынке труда, работодатели могут отдавать женщинам предпочтение при приёме на работу.

Из структуры безработицы следует выделить молодёжную безработицу – удельный вес населения в возрасте 15–29 лет в общей численности безработных. Согласно нашим расчётам, уровень молодёжной

безработицы как среди женщин, так и среди мужчин практически идентичен – соответственно 43,4 и 42,9% в 2012 г. [13, с. 119]. Столь высокий процент можно объяснить экономической невыгодностью найма молодых людей, не обладающих опытом работы. Ситуация с безработицей молодых женщин осложняется тем, что зачастую предприниматель экономически не заинтересован брать на себя социальную ответственность за их репродуктивную функцию, поскольку это связано с выплатой пособия по беременности и родам, предоставлением и оплатой декретного отпуска, сохранением рабочего места [2, с. 32]. Такое поведение работодателей сказывается на трудоустройстве молодых, в особенности бездетных, женщин, которые оказываются в группе риска.

Положение женщин на рынке труда отражается также уровнем зарегистрированной безработицы: если в начале трансформационного периода женщинами

Таблица 1. Показатели безработицы мужчин и женщин в Российской Федерации

Гендерная группа	1992 г.	2000 г.	2012 г.
<i>Уровень общей безработицы, %</i>			
Мужчины	5,2	10,2	5,8
Женщины	5,2	9,4	5,1
Всего	5,2	9,8	5,5
Разрыв между уровнями мужской и женской безработицы, п. п.	0,0	0,8	0,7
<i>Зарегистрированная безработица</i>			
Общая численность зарегистрированных в службе занятости, тыс. чел.	61,9	1037	1064,7
Численность женщин, зарегистрированных в службе занятых, тыс. чел.	43,1	714,8	593
Удельный вес женщин в общей численности зарегистрированных в службе занятости, %	69,6	68,9	55,7
<i>Средняя продолжительность поиска работы, месяцев</i>			
Мужчины	3,9	8,6	7,4
Женщины	4,9	9,7	7,7
Всего	4,4	9,1	7,5
Разница в продолжительности поиска работы мужчинами и женщинами, мес.	-1	-1,1	-0,3
Источники: Труд и занятость в России 2001: стат. сб. / Росстат. – М., 2001. – С. 160-200, 224-225; Труд и занятость в России 2005: стат. сб. / Росстат. – М., 2005. – С. 111, 151, 180-181; Труд и занятость в России 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 119, 165, 196; расчёты автора.			

было представлено около 70% безработных, зарегистрированных службой занятости, то к 2012 г. их доля снизилась до 55,7%. С одной стороны, это может свидетельствовать о стабилизации женской занятости. С другой стороны, – о более высоком уровне доверия женщин к государственным институтам, что коррелирует с данными эмпирических исследований [4, с. 113]. Более того, оставшиеся без работы женщины активнее используют формальные способы поиска работы, главный из которых – обращение в органы службы занятости.

Что касается незавершённой безработицы, она не демонстрирует значительного гендерного неравенства: в 2012 г. продолжительность поиска работы у женщин превысила аналогичный показатель у мужчин приблизительно на 9 дней, тогда как в 1992 году этот разрыв составлял один месяц. Продолжительность поиска работы отражает степень социальной мобильности, которая у мужчин традиционно несколько выше, чем у женщин.

Одна из причин того, что ситуация на рынке труда для трудоустройства женщин в целом благоприятна, – относительно низкая цена за их труд. При прочих равных условиях женщинам приходится либо прилагать больше усилий для получения работы с высокой заработной платой, либо соглашаться на низкую. К тому же они чаще предпочитают гарантированную занятость, пусть и с меньшей заработной платой, т.к. поиск высокооплачиваемой работы связан с дополнительными издержками, которые могут быть несовместимы с их социальными и биологическими функциями.

Как очевидно, качество рабочей силы во многом определяется образовательной компонентой, значение которой возрастает в связи с требованиями инновационной экономики [6, с. 62]. Для сравнения качества рабочей силы мужчин и женщин мы использовали такой показатель, как удельный вес представителей каждого пола в структуре экономически активного населения с высшим и средним профессиональным образованием (табл. 2).

Таблица 2. Удельный вес мужчин и женщин с высшим и средним профессиональным образованием в структуре экономического населения России

Гендерная группа	1992 г.	2000 г.	2012 г.
<i>Экономически активное население с высшим образованием</i>			
<i>Тысяч человек</i>			
Мужчины	5717	6921	10046
Женщины	6140	7812	12370
Всего	11857	14733	22416
<i>В процентах</i>			
Мужчины	48	47	45
Женщины	52	53	55
Всего	100	100	100
<i>Экономически активное население со средним профессиональным образованием</i>			
<i>Тысяч человек</i>			
Мужчины	10284	9195	8158
Женщины	13234	10886	11390
Всего	23518	20081	19548
<i>В процентах</i>			
Мужчины	44	46	42
Женщины	56	54	58
Всего	100	100	100
Источники: Труд и занятость в России 2001: стат. сб. / Росстат. – М., 2001. – С. 37; Труд и занятость в России 2005: стат. сб. / Росстат. – М., 2005. – С. 35; Труд и занятость в России 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 45; расчёты автора.			

Структура женской и мужской рабочей силы по профессиональному образованию неодинакова: удельный вес женщин с высшим и средним профессиональным образованием традиционно выше, чем мужчин, и имеет тенденцию к умеренному росту. В период с 1992 по 2012 г. удельный вес женщин с высшим и средним профессиональным образованием возрос соответственно на три и два процентных пункта, составив 55 и 58%.

Тем не менее, несмотря на более высокий уровень образования, женщины отстают от мужчин по уровню оплаты труда. Это связано с традиционной концентрацией женщин в низкооплачиваемых отраслях народного хозяйства. Здравоохранение, образование, предоставление социальных услуг – сферы, работа в которых, как правило, требует высшего или среднего профессионального образования, постоянной переподготовки и совершенствования профессиональных навыков, – традиционно обслуживаются женщинами.

Согласно теории Г.С. Беккера, инвестиции в человеческий капитал, под которыми и понимаются затраты на профессиональное образование, имеют высокую степень риска и окупаются не всегда [15]. Это утверждение справедливо и для российского рынка труда. Высокий уровень образования не гарантирует предложения высокой заработной платы, но он предоставляет больше возможностей в поиске работы, в трудоустройстве на рабочие места с более благоприятными условиями труда. Таким образом, получение профессионального образования зачастую является для женщин не инвестицией в будущий высокий заработок, а неким конкурентным преимуществом при трудоустройстве.

Согласно «Глобальному отчёту о гендерном неравенстве» ВЭФ, по соотношению оплаты труда мужчин и женщин Россия занимает 83 позицию среди 133 государств. Заработная плата российских женщин составляет 63% от заработной платы мужчин.

Подобное соотношение наблюдается в Словении, Доминиканской Республике, на Кипре, в Сенегале и Коста-Рике [17, с. 50]. Оно соответствует рассчитываемой Росстатом дифференциации в среднемесячной начисленной заработной плате, составившей в 2011 г. у женщин 64,1% от заработной платы мужчин [13, с. 460]. Причём за десятилетний период этот разрыв, достигавший в 2000 году 63,2%, практически не сократился [8, с. 357].

Однако такая методика оценки дифференциации не вполне корректна. Представляется, что среднемесячная заработная плата (в том числе в отраслевом разрезе) не отражает неравенства в оплате труда. В соответствии с Конвенцией Международной организации труда (МОТ) № 100, равная оплата равноценного труда мужчин и женщин означает установление ставки заработной платы без дискриминации по признаку пола [5] (при повременной системе оплаты труда; при сдельной системе это означает использование одинаковых единиц измерения выработанной продукции).

Среднемесячная заработная плата не позволяет оценить характер выполняемых работ, за которые начисляется заработная плата, так как отражает ситуацию на совокупном рынке труда. Для максимального приближения оценки заработной платы

к категории «труд равной ценности» работники мужского и женского пола были сгруппированы по видам основных занятий. В то же время такая группировка исключает фактор вертикальной сегрегации (распределение в рамках должностной иерархии).

Для того чтобы исключить различия в заработной плате, вызванные неодинаковой продолжительностью отработанного времени (в 2012 году продолжительность рабочей недели у мужчин составила 39,4 часа, у женщин — 36,8 часа [13, с. 110]), мы использовали оплату труда за минимальную учётную единицу рабочего времени — один час.

В 2011 г. среднечасовая заработная плата женщин находилась на уровне 58–85% от заработной платы мужчин тех же самых квалификационных категорий (табл. 3).

Более низкая оплата труда у женщин фиксируется среди работников по всем видам занятий. Единственным исключением являются специалисты среднего уровня квалификации в области естественных наук и здравоохранения, где почасовая заработная плата составила 97,9 рубля у женщин и 92,7 рубля у мужчин [13, с. 468]. В ходе исследования наблюдалась общая тенденция: чем выше оплата труда, тем выше её гендерные различия. В среднем оплата одного часа труда женщины составляет

Таблица 3. Среднечасовая заработная плата мужчин и женщин в Российской Федерации по видам основных занятий в 2011 году*, в рублях, в текущих ценах

Категории работников по видам основных занятий	Заработная плата мужчин	Заработная плата женщин	Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин, %
Руководители организаций и их структурных подразделений	224,2	154,9	70
Специалисты высшего уровня квалификации	143,7	111,7	77
Специалисты среднего уровня квалификации	133,1	77,7	58
Квалифицированные рабочие	109,2	76,3	71
Неквалифицированные рабочие	51,8	45,3	85

* Данные официальной статистики за более поздние годы отсутствуют.
Источники: Труд и занятость в России 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 468-469; расчёты автора.

72% от платы за час труда мужчины соответствующей квалификации. Как видно, дифференциация в почасовой оплате труда несколько меньше, чем в среднемесячной заработной плате на совокупном рынке труда.

Для выявления объективных экономических условий такой дифференциации оценим параметры рынка труда и сопоставим социально-экономические характеристики мужчин и женщин, определяющие особенности их трудовой деятельности.

Гендерные различия в оплате труда объясняются прежде всего традиционной отраслевой концентрацией женщин в структуре народного хозяйства, то есть горизонтальной сегрегацией. С целью оценки данной концентрации мы проранжировали отрасли

российской экономики по удельному весу работающих женщин и размеру среднемесячной заработной платы (табл. 4).

Как уже отмечалось выше, наибольшая концентрация женщин наблюдается в отраслях экономики, для которых характерна наиболее низкая заработная плата, таких как образование, здравоохранение, предоставление социальных услуг, торговля. Исключение составляет сфера финансовой деятельности, отличающаяся самым высоким уровнем оплаты труда и относительно высокой концентрацией женщин. Однако эта сфера не оказывает значительного влияния на совокупный рынок труда по причине малого удельного веса численности своих работников, занятых в народном хозяйстве — всего 2% [13, с. 84].

Таблица 4. Гендерная структура отраслей народного хозяйства и оплата труда в Российской Федерации в 2012 г., в рублях, в основных ценах

Отрасли экономики	Концентрация женщин		Заработная плата (без учёта гендерной дифференциации)		
	в %	Ранг	в рублях	в % от средней по экономике	Ранг
Образование	81,5	1	18995	71	13
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	79,9	2	20641	78	12
Гостиницы и рестораны	77,0	3	16631	62	14
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	69,5	4	20985	79	11
Финансовая деятельность	67,4	5	58999	222	1
Оптовая и розничная торговля	61,6	6	21634	81	10
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	41,5	7	30926	116	5
Государственное управление и военная безопасность	41,3	8	35701	134	3
Обрабатывающие производства	39,9	9	24512	92	9
Сельское хозяйство	36,8	10	14129	53	15
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	28,4	11	29437	111	6
Транспорт и связь	27,0	12	31444	118	4
Добыча полезных ископаемых	20,1	13	50401	189	2
Строительство	14,8	14	25951	97	8
Рыболовство и рыбоводство	11,8	15	29201	110	7
Всего	49,0		26629	100	

Источники: Труд и занятость в России 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 87, 436; расчёты автора.

Важным фактором успешной трудовой деятельности человека является состояние его здоровья, от которого во многом зависит производительность и интенсивность труда. Для оценки здоровья взрослого населения Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) использует показатель его смертности, рассчитываемый как вероятность смерти в возрасте от 15 до 60 лет на 1000 населения соответствующей возрастной группы. Возраст представителей этой группы близок к трудоспособному, что позволяет оценить здоровье трудовых ресурсов (табл. 5). Согласно данным ВОЗ, в 2011 г. смертность среди взрослых мужчин в России составляла 351‰, среди взрослых женщин – 131‰.

Это свидетельствует о том, что здоровье россиян значительно хуже, чем у жителей развитых европейских государств. По смертности взрослых мужчин к России близки Кения (346‰) и Эритрея (347‰); по смертности взрослых женщин – Ливия (134‰) и КНДР (131‰).

Как и в большинстве стран, в России женщины превосходят мужчин по состоя-

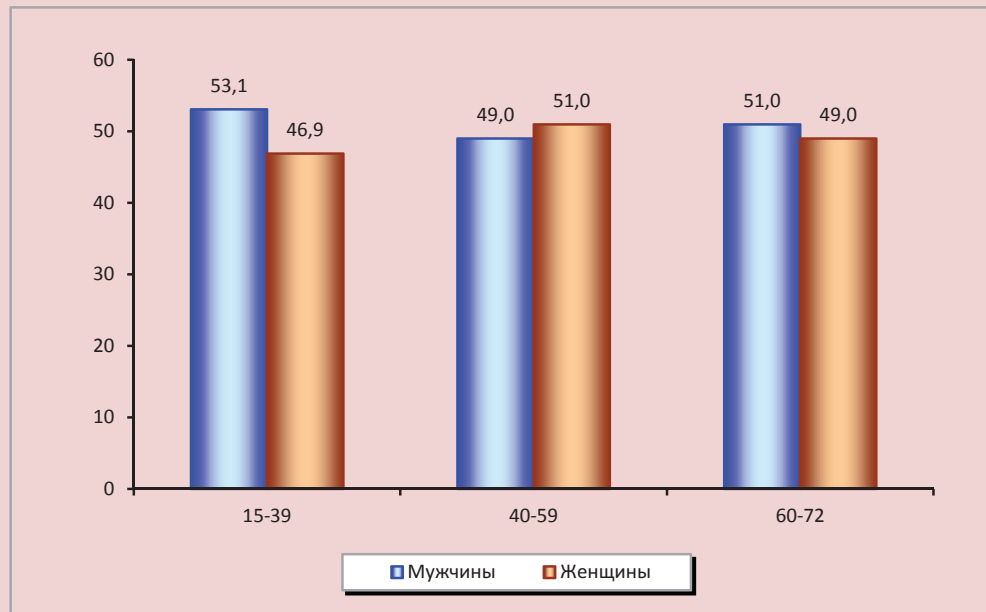
нию здоровья. Демографическая специфика России заключается в значительном разрыве в состоянии здоровья мужчин и женщин: если смертность взрослых мужчин соответствует аналогичным показателям стран тропической Африки, то по смертности взрослых женщин Россия ближе к государствам Азии, Северной Африки и СНГ.

Состояние здоровья взрослого населения сказывается на экономической активности различных возрастных групп. В 2012 году в группе населения 15–39 лет наблюдался наиболее значительный гендерный диспаритет: доля экономически активных мужчин на рынке труда превышала долю женщин на 6,2% и составляла 53,1% (рис. 2). В старших возрастных группах это соотношение стабилизировалось – 51% участников рынка труда в возрасте от 40 до 59 лет представляли женщины. В группе населения 60–72 лет экономически активные мужчины опередили женщин (на 2%), однако эта возрастная группа занимает лишь 4,5% от совокупного рынка труда.

Таблица 5. Смертность взрослого населения (в возрасте 15–60 лет) в странах мира

Территория	1990 г.	2011 г.	Тенденция
<i>Смертность мужчин</i>			
Норвегия	128	77	-51 ▼
Великобритания	129	91	-38 ▼
Германия	157	96	-61 ▼
Кения	395	346	-49 ▼
Эритрея	528	347	-181 ▼
Россия	318	351	33 ▲
Джибути	375	352	-23 ▼
<i>Смертность женщин</i>			
Норвегия	65	49	-16 ▼
Германия	77	51	-26 ▼
Великобритания	78	57	-21 ▼
Россия	117	131	14 ▲
КНДР	91	131	40 ▲
Ливия	164	134	-30 ▼
Киргизия	156	135	-21 ▼
Источники: World Health Statistics 2013: стат. сб. – Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2013. – С. 53-57; расчёты автора.			

Рисунок 2. Экономическая активность мужчин и женщин в России в 2012 году (в % от общей численности населения соответствующей возрастной группы)

Источники: Труд и занятость в России 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – С. 41; расчёты автора.

Следует также отметить, что Российская Федерация относится к тем государствам, где смертность взрослого населения за период 1990–2011 гг. возросла.

Одним из факторов, оказывающих негативное влияние на состояние здоровья населения, являются условия труда. В этом отношении женщины находятся в более выгодном положении, чем мужчины. В России в 2012 году из общей численности мужчин, занятых в экономике, во вредных и опасных условиях труда работали 18,2%, из общей численности женщин – 4,6%; всего из общей численности рабочих мест вредные и опасные условия труда содержат 11,2%¹ [13, с. 87, 353–355]. Различия в условиях труда мужчин и женщин объясняются также гендерным распределением по видам экономической деятельности: большинство рабочих мест с вредными и опасными условиями труда сосредоточены в тради-

ционно «мужских» отраслях народного хозяйства: добыче полезных ископаемых, строительстве, производстве и распределении газа и воды, транспорте и связи.

Рассмотрев основные параметры рынка труда и социально-экономические характеристики мужчин и женщин, мы видим, что объективных характеристик женской рабочей силы, обуславливающих сегрегацию в оплате труда, на сегодняшний день нет, поскольку женщины и мужчины представлены на рынке труда в приблизительно равных пропорциях, женская безработица ниже мужской. Конкурентными недостатками женщин в сфере трудоустройства являются несколько большая продолжительность поиска работы и молодёжная безработица. В то же время женщины обладают определенными конкурентными преимуществами, превосходя мужчин по уровню образования и состоянию здоровья. Причём эти преимущества постепенно усиливаются: адаптируясь к требованиям

¹ Расчёты автора.

рынка труда, стремясь работать в более благоприятных условиях (женщины, как правило, сильнее обеспокоены состоянием своего здоровья, чем мужчины), большее количество женщин стремятся получить профессиональное образование. При этом зачастую они не имеют возможности использовать свои преимущества. Дифференциация в оплате труда мужской и женской рабочей силы вызвана не экономическими, а социальными и институциональными условиями. Так, социальная роль женщин заключается в уходе за детьми, их воспитании, ведении домашнего хозяйства, а это нередко происходит в ущерб занятости и карьере.

Рассматривая институциональные причины, в частности, Е.В. Базуева отмечает существенный конфликт между системой формальных и неформальных институтов: если система формальных правил (национальное и международное законодательство) закрепляет равноправие мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности, то в системе неформальных правил (обычаи, традиции, общественные установки) сохраняется вторичное положение женщин [1, с. 56]. По её мнению, в перспективе Россию ожидает усиление этих институциональных факторов вследствие сближения государства и православной церкви, проповедующей традиционные установки в отношении социальных ролей, отводимых представителям каждого пола [1, с. 55].

Социальные роли женщин представляются естественными и не имеют дискриминационного характера. Проблема отсутствует в том случае, если их исполнение является добровольным и осознанным выбором (женщина сознательно уделяет больше времени и усилий ведению домашнего хозяйства).

Однако если эти социальные роли и установки противоречат личному выбору, навязываются обществом и создают условия

для гендерной сегрегации, они носят дискриминационный характер и угрожают неблагоприятными социально-экономическими последствиями. Дополнительную опасность представляет то, что дискриминационные условия содержатся в сфере неформальных институтов, которые, как было подчёркнуто выше, находятся в конфликте с институтами формальными. Значит, преодолеть это, издавая законодательные нормы, содержащие прямой запрет на дискриминацию или различные формы «позитивных действий», проявляя одну лишь политическую волю, будет весьма проблематично. Как нам видится, для достижения равенства в оплате труда женщинам придётся прилагать большие усилия, увеличивая гендерный разрыв в образовании и состоянии здоровья, — до тех пор, пока социально-экономическое превосходство окажется сильнее неформальных институциональных барьеров, действующих на российском рынке труда.

Для того чтобы предоставить более убедительные доказательства существования дискриминации в заработной плате (неравная оплата равного труда) по признаку пола, следует проанализировать производительность труда мужчин и женщин. Однако оценка производительности труда в гендерном разрезе российской службой статистики не проводится. Мониторинг производительности труда мужчин и женщин мог бы стать эффективным средством оценки гендерного неравенства на российском рынке труда. Сегодня мы располагаем лишь научно-эмпирическими исследованиями зарубежных авторов по проблеме гендерного анализа производительности труда. По мнению Т. Петерсена, В. Снарланда, Е. Милгром и др., в развитых странах мира разрыв в производительности труда мужчин и женщин рабочих профессий незначителен — 3% в Норвегии, 2% в США, 1% в Швеции [18].

Одним из эффективных способов преодоления гендерной дискриминации является переход работодателей к практике заключения «эффективного трудового договора», предусматривающего использование сдельной формы оплаты труда [18]. Это обусловлено тем, что устанавливать различия по признаку пола в цене за готовый товар значительно сложнее, чем за час отработанного времени, поскольку гото-

вый товар является уже не рабочей силой, воплощённой в часах, а обезличенным результатом её использования. Но необходимо заметить, что до проведения обследования российского населения по уровню производительности труда и оценки производительности женского труда в отраслевом и квалификационном разрезе применение системы эффективного контракта было бы преждевременным.

Литература

1. Базуева, Е. В. Институциональная среда современной России: гендерный критерий эффективности [Текст] / Е. В. Базуева // Вестник Пермского университета. — 2011. — № 2 (9). — С. 47-60.
2. Березовская, Г. В. Женщины на рынке труда города Усть-Ильминск: гендерное неравенство и пути его преодоления [Текст] / Г. В. Березовская // Альманах современной науки и образования. — Тамбов: Грамота, 2008. — № 4 (11): в 2-х ч. — Ч. II. — С. 31-33.
3. Капелюшников, Р. И. Конец российской модели рынка труда? [Текст]: препринт WP3/2009/06 / Р. И. Капелюшников. — М.: Изд. дом Государственного университета Высшей школы экономики. — 80 с.
4. Кожина, Т. П. Институциональное доверие: региональный аспект [Текст] / Т. П. Кожина // Проблемы развития территорий. — 2013. — № 3 (65). — С. 100-115.
5. Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности [Электронный ресурс]: принята 29 июня 1951 года на 34 Сессии Генеральной конференции Международной организации труда // КонсультантПлюс.
6. Леонидова, Г. В. Трудовой потенциал: территориальные аспекты качественного состояния [Текст] / Г. В. Леонидова, А. М. Панов // Проблемы развития территорий. — 2013. — № 3 (65). — С. 60-70.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели 2013 [Текст]: стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 990 с.
8. Труд и занятость в России 2001 [Текст]: стат. сб. / Росстат. — М., 2001. — 580 с.
9. Труд и занятость в России 2005 [Текст]: стат. сб. / Росстат. — М., 2005. — 502 с.
10. Труд и занятость в России 2007 [Текст]: стат. сб. / Росстат. — М., 2007. — 611 с.
11. Труд и занятость в России 2009 [Текст]: стат. сб. / Росстат. — М., 2009. — 623 с.
12. Труд и занятость в России 2011 [Текст]: стат. сб. / Росстат. — М., 2011. — 637 с.
13. Труд и занятость в России 2013 [Текст]: стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 661 с.
14. Шабунова, А. А. О гендерной дифференциации заработной платы на рынке труда [Текст] / А. А. Шабунова, А. И. Россошанский // Проблемы развития территорий. — 2013. — № 5 (67). — С. 50-56.
15. Becker, G. S. A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education (3rd Edition) [Электронный ресурс] / G. S. Becker. — The University of Chicago Press, 1994. — Режим доступа: www.nber.org/chapters/c11231
16. Global Competitiveness Report 2013–2014 [Текст]: стат. сб. — Женева: Всемирный экономический форум, 2014. — 551 с.
17. Global Gender Gap Report 2013 [Текст]: стат. сб. — Женева: Всемирный экономический форум, 2013. — 388 с.
18. Petersen, T. Are Female Workers Less Productive Than Male Workers? [Электронный ресурс]: Research in Social Stratification and Mobility / T. Petersen, V. Snartland, E. M. Meyersson Milgrom. — Режим доступа: www.irl.berkeley.edu/.../139-06.pdf (дата обращения: 03.04.2014).
19. World Health Statistics 2013 [Текст]: стат. сб. — Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2013. — 168 с.

Panov A.M.

Gender analysis of the Russian labor market

Aleksandr Mikhailovich Panov – Research Engineer, Federal State-Financed Scientific Institution the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, panov_isedt@mail.ru)

Abstract. The issue of gender inequality in the labor market affects all world countries to some extent. As salary is the basis of population's sources of income in Russia, unequal pay to men and women for equal work can trigger gender discrimination in the labor market and beyond.

The article focusses on the gender analysis of the Russian labor market. It focuses on conjunctural conditions of the labor market in a gender aspect, socio-economic characteristics of men and women as subjects of the labor market and the institutional features of the Russian labor market.

The study reveals that, despite lower wages, women, judging by their socio-economic characteristics, possess competitive advantages over men, having higher level of education and better state of health. In addition to horizontal segregation, traditional partition of industries to "male" and "female", the main causes of gender wage gaps are discriminatory social attitudes and social role of women. The issue to address gender discrimination in the modern Russian society becomes more critical due to contradiction between normative-legal acts, stipulating the gender equality in all spheres of life, and discriminatory social attitudes.

The article gives a brief overview of research and practice publications on the problem of gender disparities in labor remuneration and methods to address them in the developed world. The state statistical monitoring of labor productivity in terms of gender is considered as a tool for in-depth study of discrimination.

Key words: labor market, gender, wages, inequality, discrimination.

References

1. Bazueva E.V. Institutsional'naya sreda sovremennoi Rossii: gendernyi kriterii effektivnosti [Institutional Environment of Modern Russia: Gender Indicator of Efficiency]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm State University], 2011, no. 2 (9), pp. 47-60.
2. Berezovskaya G.V. Zhenshchiny na rynke truda goroda Ust'-Ilimsk: gendernoe neravenstvo i puti ego preodoleniya [Women in the Labor Market of the City of Ust-Ilimsk: Gender Inequality and Ways of Its Overcoming]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], Tambov: Gramota, 2008. No. 4 (11). In 2 parts. Part 2. Pp. 31-33.
3. Kapelyushnikov R. I. *Konets rossiiskoi modeli rynka truda?: preprint* [The End of the Russian Model of the Labor Market?: Preprint]. Moscow: Izd. dom Gosudarstvennogo universiteta Vyshei shkoly ekonomiki. 80 p.
4. Kozhina T.P. Institutsional'noe doverie: regional'nyi aspekt [Tekst] / T. P. Kozhina [People's Confidence in Governmental and Public Institutions: Regional Aspect]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2013, no.3(65), pp. 100-115.
5. Konventsiya o ravnomo voznagrazhdenii muzhchin i zhenshchin za trud ravnnoi tsennosti: prinyata 29 iyunya 1951 goda na 34 Sessii General'noi konferentsii Mezhdunarodnoi organizatsii truda [Convention on Equal Remuneration for Men and Women for Work of Equal Value: Adopted on 29 June 1951 at Session 34 of the General Conference of the International Labor Organization]. *Konsul'tantPlyus: sprav.-poiskovaya sistema* [Konsultant Plus: Reference-Legal System].
6. Leonidova G.V., Panov A.M. Trudovoi potentsial: territorial'nye aspekty kachestvennogo sostoyaniya [Territorial Aspects of Labor Potential Quality]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2013, no. 3 (65), pp. 60-70.

7. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli 2013: stat. sb.* [The 2013 Socio-Economic Indicators: Statistics Digest]. Rosstat, Moscow, 2013. 990 p.
8. *Trud i zanyatost' v Rossii 2001: stat. sb.* [The 2001 Labor and Employment in Russia: Statistics Digest]. Rosstat, Moscow, 2001. 580 p.
9. *Trud i zanyatost' v Rossii 2005: stat. sb.* [The 2005 Labor and Employment in Russia: Statistics Digest]. Rosstat, Moscow, 2005. 502 p.
10. *Trud i zanyatost' v Rossii 2007: stat. sb.* [The 2007 Labor and Employment in Russia: Statistics Digest]. Rosstat, Moscow, 2007. 611 p.
11. *Trud i zanyatost' v Rossii 2009: stat. sb.* [The 2009 Labor and Employment in Russia: Statistics Digest]. Rosstat, Moscow, 2009. 623 p.
12. *Trud i zanyatost' v Rossii 2011: stat. sb.* [The 2011 Labor and Employment in Russia: Statistics Digest]. Rosstat, Moscow, 2011. 637 p.
13. *Trud i zanyatost' v Rossii 2013: stat. sb.* [The 2013 Labor and Employment in Russia: Statistics Digest]. Rosstat, Moscow, 2013. 661 p.
14. Shabunova A.A., Rossoshanskii A.I. O gendernoi differentsiatsii zarabotnoi platy na rynke truda [On Gender Wage Differential in Labor Market]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Development of Territories], 2013, no.5 (67), pp. 50-56.
15. Becker G.S. *A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education (3rd Edition)*. The University of Chicago Press, 1994. Available at: www.nber.org/chapters/c11231
16. *Global Competitiveness Report 2013–2014: Statistics Digest*. Geneva: World Economic Forum, 2014. 551p.
17. *Global Gender Gap Report 2013: Statistics Digest*. Geneva: World Economic Forum, 2013. 388 p.
18. Petersen T., Snartland V., Meyersson Milgrom E.M. *Are Female Workers Less Productive Than Male Workers?: Research in Social Stratification and Mobility*. Available at: www.irle.berkeley.edu/.../139-06.pdf (access date: April 3, 2014).
19. *World Health Statistics 2013: Statistics Digest*. Geneva: World Health Organization, 2013. 168 p.

Пространственное поведение цен в Российской Федерации в 2003–2012 гг.

**Анна Владимировна
СТУПНИКОВА**

младший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153), старший преподаватель, Амурский государственный университет (675027, Россия, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское ш., д. 21) (comerciuma@yandex.ru, stupnikovaann@gmail.com)

Аннотация. Неоднородность экономического развития и особенности пространственного положения регионов позволяют предположить, что региональные рынки страны характеризуются различными степенью и направлениями ценовой динамики. Разнонаправленное и несоразмерное изменение цен на региональных рынках в свою очередь является показателем слабой интегрированности национального рынка. В работе представлены результаты исследования пространственного поведения цен в Российской Федерации в 2003–2012 гг., проведённого в основном методом дескриптивного анализа потребительских цен, базирующегося на выявлении мер рассеивания ценовых показателей – стандартного отклонения и размаха вариации. Анализ динамики индексов потребительских цен определил 2008 год как период наибольшего роста цен, а также установил, что наибольшим колебаниям во времени подвержены цены на услуги и продовольственные товары. Как установлено по результатам анализа стоимости фиксированного набора товаров и услуг, потребительские цены в исследуемом периоде на уровне субъектов РФ изменялись неравномерно, однако с 2009 года прослеживается положительная тенденция снижения колебаний темпов их прироста. Представленная в работе оценка пространственной динамики потребительских цен в России в 2003–2012 гг. позволила выявить регионы, в большей степени отклоняющиеся от общей тенденции поведения цен. Судя по результатам оценки, наибольшими различиями в ценах характеризовались субъекты Дальневосточного федерального округа (ДФФО). Важным оказалось то, что высокая волатильность цен на продовольственные товары соответствовала не только труднодоступным, но и приграничным субъектам ДВФО, что позволяет предположить слабую интегрированность на национальном уровне рынка продовольственных товаров приграничных регионов округа.

Ключевые слова: пространственное поведение цен, ценовая волатильность, пространственная рыночная интеграция.

Категориальное понятие «пространство» в настоящее время является одним из ключевых в исследованиях интеграционных процессов, протекающих в различных сферах общественной деятельности и в различных регионах [1].

При исследовании рыночной интеграции основная задача заключается в оценке пространственного поведения цен. Цены и их динамика являются важным показателем эффективности функционирования экономической системы и оптимальности распределения ограниченных ресурсов. Большие различия между отдельными регионами страны в ценах, их волатильность и несоразмерные изменения могут свидетельствовать о слабой интегрированности национального рынка и нарушении условия единого экономического пространства. Согласно одному из подходов к оценке пространственной рыночной интеграции, часто используемому в эмпирических исследованиях, два рынка будут интегрированными, если цены на них изменяются однонаправленно и соразмерно [12].

Большие расстояния между региональными рынками, приводящие к значительным транспортным затратам, а также такие факторы, как слаборазвитая инфраструктура, отсутствие или плохое состояние дорог, средств связи, административные ограничения, обуславливают разнонаправленное и несоразмерное изменение цен в отдельных регионах страны и дезинтеграцию национального рыночного пространства. Территориальная обширность Российской Федерации и неоднородность социально-экономического развития ее регионов позволяют предположить, что потребительские цены в них ведут себя по-разному, а региональные рынки характеризуются разной степенью интегрированности на национальном уровне. В настоящей работе попытаемся проверить данную гипотезу с помощью статистического анализа ди-

намики уровней потребительских цен и выявить, какие регионы РФ в большей степени отличались с точки зрения поведения цен за последнее десятилетие. Результаты анализа дадут основания для вывода о степени интегрированности национального рынка, а также для выделения тех регионов, которые являются наименее интегрированными на национальном уровне.

Следует отметить, что в научной литературе присутствует ограниченное число работ, в которых представлен глубокий статистический анализ динамики потребительских цен в РФ. Причем большая часть этих работ связана с оценкой поведения цен в переходный период, интерес к которой проявляли, в частности, и зарубежные исследователи. Так, например, П. Де Мази и В. Коен, изучавшие тенденции изменения межрегионального разброса цен в России в ранний пореформенный период, установили, что значительные различия в межрегиональных ценах, характерные для исследуемого периода, не могут быть объяснены большим расстоянием между регионами и что рыночная интеграция в стране ограничена [10]. Аналогичные выводы были получены в исследовании Б. Гарднера и К. Брукса [11]. Как считают Д. Берковиц и Д.Н. Дейонг, причиной заметных межрегиональных различий в ценах являлись «антирыночные» регионы, или регионы «красного пояса», которые, в отличие от остальных регионов, характеризовались особым поведением цен [9].

Наиболее важные отечественные исследования проведены А.А. Цыплаковым и К.П. Глушенко. В работе А.А. Цыплакова, представившего статистический анализ динамики региональных уровней цен для постреформенного периода, сделано заключение, что в 1994–1999 гг. региональные различия в динамике цен имели место, однако они были относительно невелики [8].

К.П. Глушенко, определив существование значительных различий в уровнях цен на товары между разными территориями страны в 1990–2000 гг., выявил слабую интегрированность российского потребительского рынка в этот период [2]. В другой работе, на основании оценки динамики интегрированности российского рынка в 1992–2000 гг., автор пришел к выводу о том, что в 1994–1999 гг., после достижения пика фрагментации российского рынка в 1993–1994 гг., общей тенденцией является сходимости цен и усиление интеграции [3]. Однако позже, применив в качестве критерия интегрированности рынка строгий закон единой цены, К.П. Глушенко делает заключение об относительно слабой интегрированности российского рынка в 1994–2000 гг. [6].

Целью нашей работы является оценка пространственной динамики потребительских цен в России в 2003–2012 гг., выполняемая для того, чтобы понять, насколько интегрировано экономическое пространство страны в условиях рыночной экономики, и выявить регионы, в большей степени отклоняющиеся от общей тенденции поведения цен. Для достижения поставленной цели было определено:

- какие товарные группы характеризуются наибольшими ценовыми изменениями;
- какие федеральные округа и субъекты РФ характеризуются наибольшей ценовой волатильностью;
- каковы различия в динамике цен отдельных товарных групп в разрезе федеральных округов и субъектов РФ.

В качестве основного инструмента исследования выбран дескриптивный анализ цен. Наиболее часто используемыми дескриптивными методами являются частотные распределения, меры центральной тенденции, меры изменчивости

(рассеивания), меры относительного положения. Поскольку перед нами стоит цель оценить пространственную динамику разброса цен, основное внимание уделено мерам рассеивания – стандартному отклонению и размаху вариации, оценивающим, в какой степени различаются значения переменной в вариационном ряду.

Исходными данными для анализа выступают как относительные показатели цен – индексы потребительских цен (ИПЦ), так и абсолютные – стоимость фиксированного набора товаров и услуг и стоимость минимального набора продуктов питания. Выбор нескольких показателей, представляющих цены, связан с особенностями статистического наблюдения. Индекс потребительских цен используется во многих работах, посвященных анализу пространственного поведения цен и оценке интеграции рынка, при этом можно отметить как достоинства, так и недостатки данного показателя. Использование индекса позволяет провести анализ поведения цен для трех групп товаров – продовольственных, непродовольственных и услуг. Но данный показатель не является идеальным для пространственного анализа цен, поскольку веса, определяемые структурой потребительских расходов населения и используемые для исчисления ИПЦ, различны для отдельных регионов.

Расчет показателей стоимости фиксированного набора товаров и услуг и стоимости минимального набора продуктов питания производится на основе единых норм потребления, что позволяет с уверенностью использовать их в исследованиях межрегиональной дифференциации уровней потребительских цен. Однако показатель стоимости фиксированного набора товаров и услуг не позволяет делать выводы в отношении пространственной динамики отдельных групп товаров.

Источниками ценовых показателей являются базы данных потребительских цен, представленные на сайте Федеральной службы государственной статистики [7].

Временной период анализа обозначен с 2003 по 2012 год. В большинстве эмпирических исследований приведены результаты оценки пространственного поведения цен в период их либерализации, а также в период девальвации рубля и экономического кризиса 1998 года. Таким образом, эти работы раскрывают особенности поведения цен, обусловленные постреформенными потрясениями, переходом к рынку и его становлением. В данной работе предполагается оценка динамики потребительских цен в условиях относительно стабильно функционирующей экономики, завершившей переход к рынку.

Динамика темпов прироста потребительских цен в 2003–2012 гг. не имела определенной тенденции – наблюдались как периоды роста, так и периоды снижения показателя. Размах вариации темпов прироста потребительских цен составил 7,2%. Наименьшее значение показателя наблюдалось в 2011 году – на уровне 6,1%. Наивысшее значение показателя, зафиксированное в 2008 году, может быть объяснено влиянием мирового финансового кризиса. Снижение темпов прироста потребительских цен на 3% в 2003–2006 гг. и на 7,2% в 2009–2011 гг. свидетельствует о некоторой стабильности в экономике страны в указанные периоды. Однако в 2012 году темп прироста потребительских цен вновь увеличился, превысив минимальное значение показателя за период на 0,5%.

Для определения динамики темпов роста цен отдельных товарных групп использовались месячные значения индексов потребительских цен на продовольственные товары, непродовольственные товары и услуги. Путем сравнения данных показа-

телей было выявлено, что в исследуемом периоде наибольшим колебаниям и влиянию сезонности были подвержены цены на услуги. Так, ежегодно, за исключением 2012 года, в январе наблюдался резкий скачок цен. Наибольшее значение интервала ценовых колебаний услуг соответствовало 2008 году и составляло около 9%. При этом наибольший разброс цен относительно среднего значения – 2,3% – соответствовал 2005 году.

Высокая волатильность цен на услуги может быть достаточно просто объяснена их немобильностью, чем нельзя объяснить значительные различия в ценах таких мобильных товаров, как продовольственные, представляющие больший интерес в пространственном анализе ценовых колебаний.

Если сравнивать ценовые колебания в группах продовольственных и непродовольственных товаров, то в анализируемом периоде в первых они гораздо заметнее. Так, разброс цен на продовольственные товары относительно среднего значения в исследуемом периоде составил 0,9%, на непродовольственные товары – лишь 0,2%. При этом для продовольственных товаров наибольший разброс цен относительно среднего значения соответствовал 2003, 2007 и 2012 годам.

Пространственное поведение цен в 2003–2012 гг. оценивалось путем сопоставления показателей, представляющих цены, в разрезе федеральных округов и отдельных субъектов РФ. Из рассмотрения был исключен Северо-Кавказский федеральный округ, поскольку Росстат публикует данные о рассматриваемых показателях округа и включенных в него субъектов РФ лишь с 2009 года. Следовательно, изучено поведение цен в семи федеральных округах и 76 субъектах РФ, включая г. Москву и г. Санкт-Петербург.

Сравнение в динамике общего индекса цен по федеральным округам не позволило выделить тот или иной округ, цены в котором на протяжении исследуемого периода демонстрировали чрезмерный рост или снижение. В целом по федеральным округам они изменялись достаточно синхронно, то есть больших расхождений в их динамике не наблюдалось.

На основе годовых индексов потребительских цен были посчитаны минимальные и максимальные отклонения темпов прироста цен от среднероссийского уровня (табл. 1). Результаты расчетов подтвердили незначительность их разброса по федеральным округам. При этом в анализируемом периоде наибольший разброс наблюдался в 2007 году – от -2,27 до +1,23%, наименьший – в 2012 году – от -0,64 до +0,31%. Однако следует отметить, что из всех анализируемых федеральных округов Дальневосточный наибольшее

число раз определял крайнюю (минимальную или максимальную) границу отклонения от среднероссийского уровня, то есть чаще других отклонялся от общей тенденции. Данное поведение цен в ДВФО связано с тем, что он включает почти все труднодоступные регионы страны, которые по уровням и динамике цен значительно отличаются от других регионов.

В целом различия в приросте цен в разрезе субъектов РФ характеризуются большими интервалами, что вполне очевидно. В анализируемом периоде максимальный разброс цен наблюдался в 2005 году: от -3,42% в Чувашской Республике до +10,58% в Камчатском крае, наименьший – в 2012 году от -2,62% в Ямало-Ненецком АО до +2,08% в Магаданской области. С 2009 по 2012 год наблюдалась положительная тенденция, так как происходило сужение интервала колебаний темпов прироста цен – с 11,3 до 4,7%.

Таблица 1. Отклонения темпов прироста цен по федеральным округам и субъектам РФ от среднероссийского уровня, %

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
<i>По федеральным округам</i>										
Интервал колебаний	2,85	2	3,1	1,6	3,5	1,5	1,94	2,9	1,6	0,95
Минимальное значение/ФО	-1,65/ УФО	-1,33/ УФО	-0,72/ ПФО	-0,4/ СФО	-2,27/ ДВФО	-0,68/ УФО	-0,88/ ПФО	-1,1/ ДВФО	-0,31/ СЗФО	-0,64/ ДВФО
Максимальное значение/ФО	1,2/ СЗФО	0,67/ ПФО	2,38/ ДВФО	1,2/ УФО	1,23/ ПФО	0,82/ СЗФО	0,89/ ДВФО	1,06/ УФО	0,7/ ДВФО	0,31/ ЦФО
<i>По субъектам РФ</i>										
Интервал колебаний	9,42	8,3	14	6,4	9,1	9,4	11,29	11,16	6,16	4,7
Минимальное значение/Субъект РФ	-3,04/ Респ. Мордовия	-2,33/ Омская обл.	-3,42/ Чувашская Респ.	-3,5/ Еврейская АО	-4,47/ Ненецкий АО	-3,38/ Чукотский АО	-2,87/ Ненецкий АО	-7,38/ Чукотский АО	-3,04/ Ямало-Ненецкий АО	-2,62/ Ямало-Ненецкий АО
Максимальное значение/Субъект РФ	6,38/ Красноярский край	5,97/ Ненецкий АО	10,58/ Камчатский край	2,9/ Респ. Саха (Якутия)	4,63/ Рязанская обл.	6,02/ Магаданская обл.	8,42/ Чукотский АО	3,78/ Респ. Калмыкия	3,12/ Магаданская обл.	2,08/ Магаданская обл.
Рассчитано по: Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1902001										

Крайние значения интервала колебаний годовых темпов прироста цен чаще других определялись Магаданской областью, Чукотским и Ненецким АО.

Общая тенденция динамики цен может быть конкретизирована путем рассмотрения изменения цен по отдельным товарным группам. Поскольку услуги являются немобильным товаром, ограничимся рассмотрением индексов потребительских цен на продовольственные и непродовольственные товары.

Наибольший рост потребительских цен на продовольственные товары наблюдался в 2008 году, когда в среднем по стране они выросли на 16,5%, наименьший рост цен – 3,87% – зафиксирован в 2011 году.

По результатам расчета минимальных и максимальных темпов прироста цен на продовольственные товары по федеральным округам установлено, что чаще других такие показатели были характерны для ДВФО. Так, максимальный темп прироста

потребительских цен на продовольственные товары был характерен для ДВФО в 2003, 2005, 2009 и 2011 годах.

Результаты оценки размаха колебаний годовых темпов прироста цен на продовольственные товары по федеральным округам по отношению к среднероссийскому уровню свидетельствуют о том, что разброс цен в целом незначителен (табл. 2). Максимальный разброс 5,3% соответствует 2007 году, когда отклонение от среднероссийского показателя было заключено в диапазоне от -3,96% (в ДВФО) до +1,34% (в СЗФО). Минимальный разброс 2,2% соответствует 2008 году, когда отклонение от среднероссийского показателя было заключено в диапазоне от -0,65% (в ЦФО) до +1,55% (в ЮФО). При этом крайние значения интервала колебаний годовых темпов прироста цен в 2003–2012 гг. чаще других определял ДВФО, что еще раз подтверждает особенность региона в отношении поведения цен.

Таблица 2. Отклонения темпов прироста цен на продовольственные товары по федеральным округам и субъектам РФ от среднероссийского уровня, %

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
<i>По федеральным округам</i>										
Интервал колебаний	4,46	2,9	4	2,8	5,3	2,2	3,82	4,95	2,81	2,34
Минимальное значение/ФО	-2,31/ ЮФО	-1,49/ УФО	-1,17/ ПФО	-0,97/ ПФО	-3,96/ ДВФО	-0,65/ ЦФО	-1,26/ ПФО	-3,62/ ДВФО	-0,66/ ЦФО	-1,63/ ДВФО
Максимальное значение/ФО	2,15/ ДВФО	1,41/ ЮФО	2,83/ ДВФО	1,83/ УФО	1,34/ СЗФО	1,55/ ЮФО	2,56/ ДВФО	1,33/ ЮФО	2,15/ ДВФО	0,71/ СФО
<i>По субъектам РФ</i>										
Интервал колебаний	15,07	11,2	10,8	11,3	15	13,5	14	16,31	7,99	6,47
Минимальное значение/Субъект РФ	-7,75/ Ямало-Ненецкий АО	-2,99/ Амурская обл.	-3,67/ Чувашская Республика	-4,37/ Еврейская АО	-10,06/ Чукотский АО	-9,15/ Чукотский АО	-4,42/ Ненецкий АО	-12,26/ Чукотский АО	-3,74/ Воронежская обл.	-4,53/ Ненецкий АО
Максимальное значение/Субъект РФ	7,32/ Чукотский АО	8,21/ Республика Калмыкия	7,13/ Чукотский АО	6,93/ Республика Саха (Якутия)	4,94/ Рязанская обл.	4,35/ Республика Калмыкия	9,58/ Чукотский АО	4,05/ Ивановская обл.	4,25/ Республика Бурятия	1,94/ Воронежская обл.
Рассчитано по: Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1902001										

В разрезе субъектов РФ различия в темпах прироста цен на продовольственные товары более значительны. В исследуемом периоде среднее значение интервала колебаний, определяемого минимальными и максимальными отклонениями темпов прироста цен на продовольственные товары по субъектам РФ от среднероссийского уровня, в 3,5 раза выше данного показателя, рассчитанного на уровне федеральных округов. При этом максимальное значение интервала соответствует 2010 году – 16,31%, минимальное – 2012 году – 6,47%. Однозначной тенденции к снижению расхождений в темпах прироста в анализируемом периоде не наблюдается. Из всех анализируемых субъектов РФ Чукотский АО наибольшее число раз определял крайние значения интервала колебаний годовых темпов прироста цен.

Расхождения в темпах прироста потребительских цен на непродовольственные

товары по федеральным округам в два раза ниже, чем на продовольственные товары. Максимальное значение размаха колебаний – 3,3% – соответствует 2005 году (Уральский федеральный округ – УФО). При этом наибольший прирост цен на непродовольственные товары был чаще характерен для ДВФО и УФО. Однако для ДВФО темпы прироста потребительских цен на непродовольственные товары в меньшей степени отличаются от общероссийской тенденции, нежели в случае продовольственных товаров.

Количественная оценка размаха колебаний темпов прироста цен на непродовольственные товары по федеральным округам по отношению к среднероссийскому уровню показала, что разброс цен невелик (табл. 3). Максимальный интервал 3,3% соответствует 2005 году, когда отклонение от российского показателя было заключено в диапазоне от -1,01% (в СЗФО)

Таблица 3. Отклонения темпов прироста цен на непродовольственные товары по федеральным округам от среднероссийского уровня, %

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
<i>По федеральным округам</i>										
Интервал колебаний	2,49	1,3	3,3	1,8	1	2,5	2,08	1,31	1,19	1,07
Минимальное значение/ФО	-0,64/ ЦФО	-0,77/ СФО	-1,01/ СЗФО	-0,61/ СФО, СЗФО	-0,44/ СФО, ДВФО	-0,56/ УФО	-0,8/ СЗФО	-0,46/ ЮФО	-0,56/ ЮФО	-0,65/ ЮФО
Максимальное значение/ФО	1,85/ ЮФО	0,53/ ЦФО	2,29/ УФО	1,19/ УФО	0,56/ ПФО	1,94/ ДВФО	1,28/ ДВФО	0,85/ УФО	0,63/ УФО	0,42/ ДВФО
<i>По субъектам РФ</i>										
Интервал колебаний	12,38	13	14,8	11,8	7,9	10	11,73	8,67	7,78	8,15
Минимальное значение/Субъект РФ	-3,41/ Новосибирская обл.	-3,67/ Чукотский АО	-3,61/ Республика Татарстан	-6,21/ Ненецкий АО	-3,34/ Ненецкий АО	-4,16/ Ненецкий АО	-5,15/ Ненецкий АО	-2,97/ Камчатский край	-3,66/ Ямало-Ненецкий АО	-2,44/ Челябинская обл.
Максимальное значение/Субъект РФ	8,97/ Ханты-Мансийский АО	9,33/ Ненецкий АО	11,19/ Ямало-Ненецкий АО	5,59/ Астраханская обл.	4,56/ Пермский край	5,84/ Курская обл.	6,58/ Ханты-Мансийский АО	5,7/ Сахалинская обл.	4,12/ Еврейская АО	5,71/ Магаданская обл.
Рассчитано по: Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1902001										

до +2,3% (в УФО). Минимальный интервал 1% соответствует 2007 году, когда отклонение от среднероссийского показателя было заключено в диапазоне от -0,4% (в СФО) до +0,6% (в ПФО). Крайние значения интервала колебаний годовых темпов прироста цен на непродовольственные товары наибольшее число раз определялись УФО, ЮФО и ДВФО.

Однако в разрезе субъектов РФ различия в темпах прироста цен на непродовольственные товары более значительны – среднее значение размаха колебаний в анализируемом периоде составило 10,6%. Максимальный интервал соответствует 2005 году – 14,8%, минимальный 2011 году – 7,8%. При этом однозначной тенденции к снижению расхождений в темпах прироста не наблюдается. Крайние значения интервала колебаний годовых темпов прироста цен на непродовольственные товары чаще других определял Ненецкий АО.

Все вышеизложенные заключения по поводу пространственного поведения цен основывались на применении индекса потребительских цен. Однако региональные ИПЦ не очень удобны для межрегиональных сравнений. Веса товаров, с которыми их цены входят в ИПЦ, в каждом регионе свои, поэтому региональные индексы оказываются не вполне сопоставимыми [5].

Для более точной оценки расхождений в региональных темпах роста цен был использован такой показатель, как стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг. Этот показатель имеет одинаковую структуру для всех регионов и охватывает 83 наименования товаров и услуг, в том числе 30 видов продовольственных товаров, 41 вид непродовольственных товаров и 12 видов услуг. Следует отметить, что основная часть расходов населения на потребление приходится на товары и услуги, входящие в данный набор.

Для оценки разбросов цен по федеральным округам были определены минимальные и максимальные отклонения темпов прироста стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг по федеральным округам от среднероссийского уровня (табл. 4). Среднее значение интервала колебаний темпов прироста показателя в 2003–2012 гг. составило 3,1%, максимальное – 4,3% – соответствует 2005 и 2010 годам. Наименьший размах отклонений темпов прироста стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг по федеральным округам от среднероссийского уровня наблюдался в 2006 году и был равен 1,7%.

В целом можно сделать вывод о том, что отличия в темпах прироста цен по федеральным округам по сравнению со среднероссийским уровнем на исследуемом промежутке были небольшие и не имели четкой тенденции к увеличению или снижению. При этом минимальные и максимальные отклонения темпов прироста стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг по федеральным округам от среднероссийского уровня чаще других вновь определялись значениями показателя в ДВФО.

Средний за анализируемый период размах колебаний темпов прироста стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в разрезе субъектов РФ (15,1%) в пять раз превышает аналогичный показатель, рассчитанный на уровне федеральных округов. При этом наибольшее значение интервала различий наблюдалось в 2005 году – 23,6%, наименьшее – в 2012 году – 10,9%. Таким образом, подтверждается полученный из анализа ИПЦ вывод о достаточно больших различиях в темпах прироста цен в разрезе субъектов РФ.

Таблица 4. Отклонения темпов прироста стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг по федеральным округам и субъектам РФ от среднероссийского уровня, %

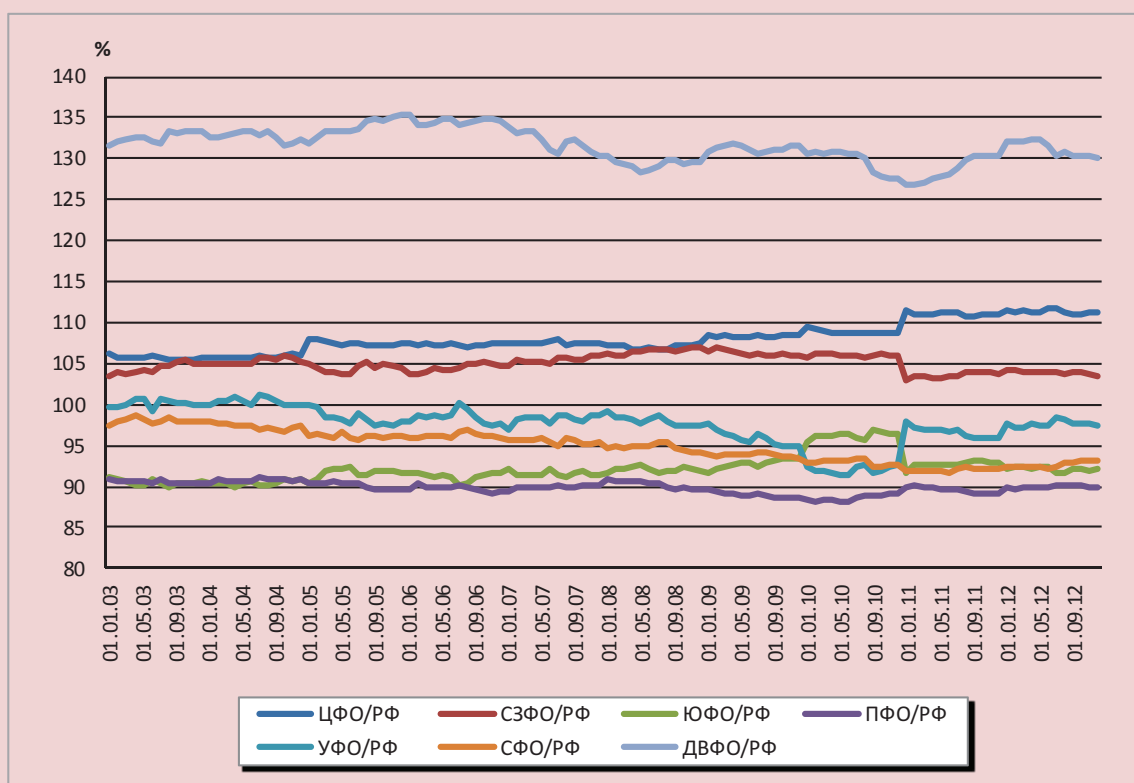
Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
<i>По федеральным округам</i>										
Интервал колебаний	3,65	1,78	4,29	1,73	5,07	3,13	3,04	4,27	2,27	1,76
Минимальное значение/ФО	-2,11/ЮФО	-1,27/УФО	-1,5/СФО	-0,62/ДВФО	-3,71/ДВФО	-1,61/СФО	-1,34/ЮФО	-3,57/ДВФО	-0,76/ЮФО	-0,81/ДВФО
Максимальное значение/ФО	1,54/СФО	0,51/ЦФО	2,79/ДВФО	1,11/УФО	1,36/СЗФО	1,52/УФО	1,7/ДВФО	0,7/ПФО	1,51/ДВФО	0,95/СФО
<i>По субъектам РФ</i>										
Интервал колебаний	17,87	15,37	23,64	11,09	14,89	14,59	15,42	16,77	10,98	10,87
Минимальное значение/Субъект РФ	-6,25/Республика Мордовия	-5,76/Астраханская обл.	-5,98/Иркутская обл.	-5,87/Ненецкий АО	-8,56/Чукотский АО	-4,76/Республика Бурятия	-5,33/Нижегородская обл.	-11,22/Чукотский АО	-5,81/Республика Алтай	-5,33/Ненецкий АО
Максимальное значение/Субъект РФ	11,62/Республика Коми	9,61/Республика Бурятия	17,66/Камчатский край	5,22/Тамбовская обл.	6,33/Рязанская обл.	9,83/Ненецкий АО	10,09/Республика Алтай	5,55/Республика Мордовия	5,17/Еврейская АО	5,54/Республика Алтай
Рассчитано по: Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1902001										

Поскольку Росстат не публикует данные о стоимости составляющих фиксированного набора товаров и услуг, анализ динамики уровней потребительских цен на основе данного показателя ограничен общей оценкой. Однако, сравнивая показатель стоимости фиксированного набора товаров и услуг в разных регионах, можно рассчитать территориальный индекс цен. Сравнение по федеральным округам территориальных индексов цен в 2003–2012 гг., рассчитанных как отношение стоимости фиксированного набора товаров в отдельных федеральных округах к соответствующему среднероссийскому показателю, свидетельствует о значительных различиях в значениях и динамике индекса для ДВФО (рис. 1).

Анализ различий в стоимости фиксированного набора товаров и услуг в разрезе субъектов РФ показал, что максимальные значения территориального индекса цен

соответствуют следующим труднодоступным регионам: Чукотскому АО – 202,2%, Сахалинской области – 151,4%, Камчатской области – 168%, Республике Саха (Якутия) – 138,5%, Магаданской области – 141,8%. Кроме них в число регионов, в которых стоимость фиксированного набора товаров и услуг на 30% превышает среднюю по стране, попали также Хабаровский край – 130,1%, Ямало-Ненецкий АО – 149,3%, Ханты-Мансийский АО – 135,9%, г. Москва – 145,6%. К регионам, в которых стоимость фиксированного набора товаров и услуг ниже на 15% и более по сравнению со средней по стране, относятся Орловская область – 81,8%, Республика Башкортостан – 84,7%, Республика Марий Эл – 81,7%, Республика Татарстан – 84,6%, Удмуртская Республика – 85%, Чувашская Республика – 82,8%, Оренбургская область – 84,3%.

Рисунок 1. Динамика территориальных индексов цен в 2003–2012 гг.

Рассчитано по: Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1923006>

Среднее значение территориального индекса цен, рассчитанного на уровне субъектов федерации в 2003–2012 гг., составило 102%. Максимальное значение стандартного отклонения территориального индекса цен составило 24,9% (в 2006 году), минимальное – 20,7% (в 2012 году).

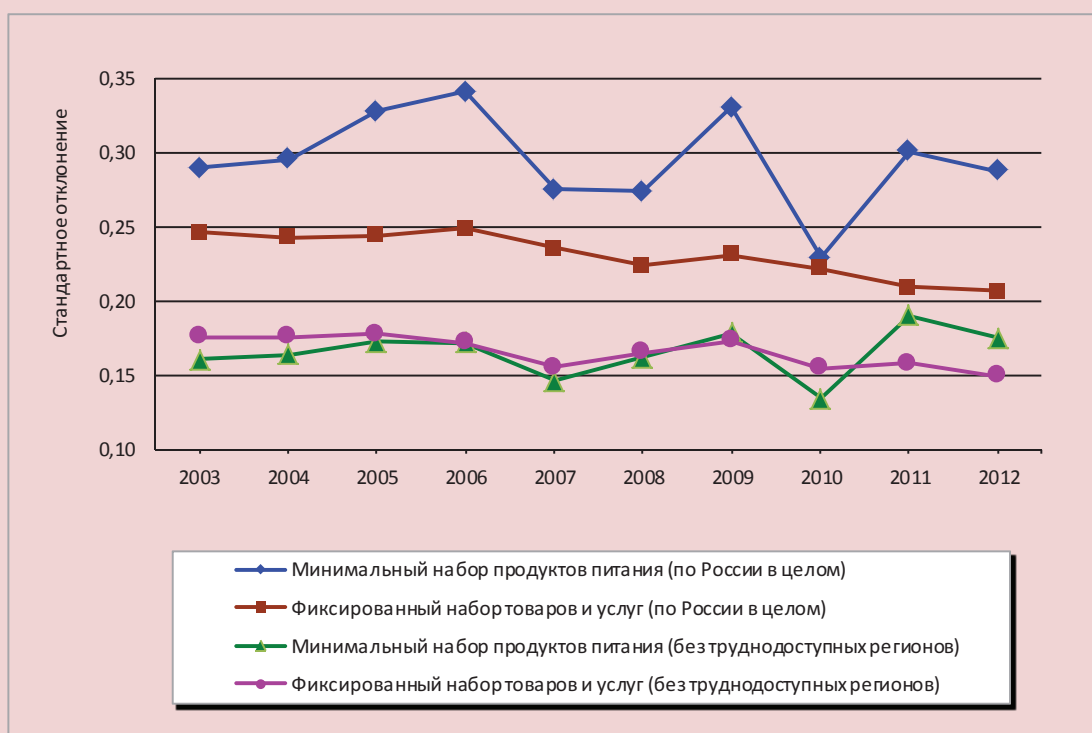
Для оценки динамики потребительских цен на продовольственные товары был использован еще один статистический показатель – стоимость минимального набора продуктов питания.

С целью проверки полученного на основе анализа ИПЦ вывода о большей волатильности цен на продовольственные товары проведено сравнение изменения стоимости минимального набора продуктов питания с динамикой территориальных уровней цен (рис. 2).

Траектории разбросов территориальных уровней цен, рассчитанных на основе фиксированной стоимости товаров и услуг, свидетельствуют о некоторой тенденции снижения разброса территориального индекса цен. Так, в 2003 году его уровень составлял 25%, а в 2012 году – 21%. При исключении труднодоступных регионов разброс заключается в пределах 15–18%.

Волатильность разбросов уровней цен продовольственных товаров, рассчитанных на основе стоимости минимального набора продуктов питания, значительно выше. Средний уровень разброса в 2003–2012 гг. составлял 30%, без труднодоступных регионов – 17%, а отклонения от него вверх и вниз в первом случае составляли около 5%, а во втором – 3%.

Рисунок 2. Динамика разбросов региональных уровней цен в 2003–2012 гг.

Рассчитано по: Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1923003>; <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/DBInet.cgi?pl=1923006>

Таким образом, подтверждается вывод о большей динамике цен на продовольственные товары по сравнению с динамикой общего уровня цен.

Исходя из оценки изменения стоимости минимального набора продуктов питания по отдельным регионам было установлено, что наибольшая волатильность цен на продукты питания соответствует, как правило, регионам с более высокими средними уровнями цен. Так в 2003–2012 гг. динамика разбросов уровней цен, посчитанных на основе стоимости минимального набора продуктов питания, на уровне 8% и выше соответствовала таким регионам, как Ненецкий АО – 9,65% (средний уровень цен – 183%), Республика Саха – 8,68%

(150%), Камчатский край – 8,65% (171,7%), Приморский край – 9,45% (132,2%), Хабаровский край – 8,5% (130,2%), Амурская область – 8,49% (113,22%), Магаданская область – 10,27% (167,36%), Сахалинская область – 12,14% (153,17%), Чукотский АО – 30,27% (279,51%). Большие разбросы цен на продукты питания, характерные для Якутии, Камчатского края, Магаданской и Сахалинской областей, а также Чукотского АО, можно объяснить труднодоступностью данных регионов. Однако определение того, что вполне доступные приграничные регионы ДВФО характеризуются высокой волатильностью цен на продовольственные товары, является достаточно интересным и неожиданным результатом.

Заключение

Пространственный анализ динамики статистических показателей за 2003–2012 гг., таких как индексы потребительских цен, стоимость фиксированного набора товаров и услуг, а также стоимость минимального набора продуктов питания, позволил сделать следующие выводы:

1. Наибольший рост цен, последовавший за периодом спада, приходится на 2008 год, что может быть объяснено влиянием финансового кризиса, который в данный период переживала экономика страны.

2. Наибольшим колебаниям во времени подвержены цены на услуги и продовольственные товары. Для первых это связано с их немобильностью и меньшей конкурентностью рынков, для вторых – в определенной степени с сезонностью сельскохозяйственного производства. Наименьший рост цен на непродовольственные товары может быть объяснен большей конкурентностью их рынков и большей долей импорта.

3. Отклонения темпов прироста потребительских цен и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг по федеральным округам от средне-российского уровня незначительны, при этом наибольшие отклонения характерны для ДВФО, УФО, СФО, соответственно

данные регионы являются наименее интегрированными на национальном уровне.

4. Потребительские цены на уровне субъектов РФ изменяются неравномерно, однако с 2009 года наблюдается снижение колебаний темпов их прироста.

5. Наибольшей волатильностью цен характеризуются субъекты РФ, относящиеся к труднодоступным, соответственно данные регионы являются наименее интегрированными на национальном уровне.

6. Наивысшая волатильность цен характерна для ДВФО, включающего в себя труднодоступные регионы страны, однако наибольшая волатильность цен на продукты питания характерна не только для труднодоступных регионов ДВФО, но и для остальных регионов округа, являющихся приграничными, что позволяет предположить слабую интегрированность на национальном уровне рынка продовольственных товаров приграничных регионов ДВФО.

Последний вывод достаточно интересен, поскольку ставит новые вопросы, касающиеся причин складывающейся ситуации. Предположительно, они могут быть разными, и в их числе – влияние внешних рынков, в особенности рынка Китая, высокая доля транспортных затрат в ценах товаров, низкий эффект масштаба в связи с ограниченностью локальных рынков, влияние монополистов.

Литература

1. Витязь, П.А. Проблемы конструирования новых типов интеграционных пространств / П.А. Витязь, В.К. Щербин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 3. – С. 28–45.
2. Глушенко, К.П. Потребительские цены в России в 1992–2000 гг.: пространственный аспект / К.П. Глушенко // Регион: экономика и социология. – 2001. – № 2. – С. 46–71.
3. Глушенко, К.П. Моделирование и оценка динамики интегрированности российского рынка / К.П. Глушенко, Е.Ю. Иванов, Р.М. Нижегородцев // Информатика и экономика: теория, модели, технологии: сб. науч. трудов. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. – С. 200–206.
4. Глушенко, К.П. Интегрированность российского рынка. Эмпирический анализ / К.П. Глушенко. – Москва: EERC, 2004. – 84 с.

5. Глущенко, К.П. Регионы России в первом полугодии 2004 года / К.П. Глущенко // Регион: экономика и социология. – 2004. – № 4. – С. 212-223.
6. Глущенко, К.П. Закон единой цены в российском экономическом пространстве / К.П. Глущенко // Прикладная эконометрика. – 2010. – № 1. – С. 3-19.
7. Федеральная служба государственной статистики, Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#
8. Цыплаков, А.А. Статистический анализ динамики региональных уровней цен [Электронный ресурс] / А.А. Цыплаков. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/exp/ref/Media:4edf329cc871dec5190003821-Tsyplakov.pdf>
9. Берковиц, Д. Граница внутри российского экономического пространства / Д. Берковиц, Д.Н. ДеЙонг // Регион: экономика и социология. – 2000. – № 1. – С. 85-99.
10. De Masi, P. Relative Price Convergence in Russia / P. De Masi, V. Koen // IMF Staff Papers. – 1996. – Vol. 43(1). – Pp. 97-122.
11. Gardner, B. Food prices and market integration in Russia: 1992-93 / B. Gardner, K. Brooks // American Journal of Agricultural Economics. – 1994. – № 76. – Pp. 641-646.
12. Goodwin, B.K. Cointegration Tests and Spatial Price Linkages in Regional Cattle Markets / B.K. Goodwin, T.C. Schroeder // Cointegration Tests and Spatial Price Linkages in Regional Cattle Markets // American Journal of Agricultural Economics. – 1991. – № 73. – Pp. 452-464.

Stupnikova A.V.

Spatial behavior of prices in the Russian Federation in 2003–2012

Anna Vladimirovna Stupnikova – Junior Research Associate at the Economic Research Institute, Far Eastern Branch of RAS (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, Khabarovsk Krai, 680042, Russia), Senior Lecturer at the Amur State University (21, Ignatyevskoye Highway, Blagoveshchensk, Amur Oblast, 675027, Russia), (comerciuma@yandex.ru, stupnikovaann@gmail.com)

Abstract. The heterogeneity of economic development and specifics of the spatial position of regions implies that the regional markets in the country are characterized by varying degrees and trends of price dynamics. The multidirectional and disproportionate changes in the prices in the regional markets, in turn, show that integration in the national market is poor. The work presents the results of research into the spatial behavior of prices in the Russian Federation in 2003–2012, carried out mainly using the descriptive analysis of consumer prices based on the identification of the measures of dispersion of price indicators – standard deviation and the range of variation. The analysis of consumer price indices dynamics shows that the year 2008 is a period of greatest price growth, and also proves that the prices for services and foodstuffs are subject to the highest fluctuations. The analysis of the prices for the fixed set of goods and services shows that consumer prices in the Russian Federation subjects during the analyzed period changed unevenly; however, beginning from 2009 there is a positive trend of reducing fluctuations in their growth rates. The assessment of the spatial dynamics of consumer prices in Russia in 2003–2012 reveals the regions that deviate from the general trend of price behavior to the greatest extent. Judging by the results of the assessment, the greatest differences in prices were observed in the subjects of the Far Eastern Federal District (FEFD). Another important fact is as follows: the high volatility of food prices was observed not only in the remote regions, but also in the neighboring subjects of the Far Eastern Federal District; it allows us to assume that the integration of the food market of the border regions of the district at the national level is poor.

Keywords: spatial behavior of prices, price volatility, spatial market integration.

References

1. Vityaz' P.A., Shcherbin V.K. Problemy konstruirovaniya novykh tipov integratsionnykh prostranstv [Problems of designing new types of integration spaces]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2013, no.3, pp. 28-45.
2. Glushchenko K.P. Potrebitel'skie tseny v Rossii v 1992–2000 gg.: prostranstvennyi aspekt [Consumer Prices in Russia in 1992–2000: Spatial Aspect]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2001, no.2, pp. 46-71.
3. Glushchenko K.P., Ivanov E.Yu., Nizhegorodtsev R.M. Modelirovanie i otsenka dinamiki integrirovannosti rossiiskogo rynka [Modeling and Evaluation of the Dynamics of Integration of the Russian Market]. *Informatsiya i ekonomika: teoriya, modeli, tekhnologii: sb. nauch. trudov* [Information and Economics: Theory, Models, Technology: Collected Scientific Works]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo gos. un-ta, 2002. Pp. 200-206.
4. Glushchenko K.P. *Integrirovannost' rossiiskogo rynka. Empiricheskii analiz* [Integration of the Russian market. Empirical Analysis]. Moscow: EERC, 2004. 84 p.
5. Glushchenko K.P. Regiony Rossii v pervom polugodii 2004 goda [Regions of Russia in the First Half-Year of 2004]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2004, no.4, pp. 212-223.
6. Glushchenko K.P. Zakon edinoi tseny v rossiiskom ekonomicheskom prostranstve [The Law of One Price in the Russian Economic Space]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics], 2010, no.1, pp. 3-19.
7. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki, Tsentral'naya baza statisticheskikh dannykh* [Federal State Statistics Service, the Central Base of Statistical Data]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#
8. Tsyplakov A.A. *Statisticheskii analiz dinamiki regional'nykh urovnei tsen* [Statistical Analysis of the Dynamics of Regional Price Levels]. Available at: <http://www.nsu.ru/exp/ref/Media:4edf329cc871dec5190003821-Tsyplakov.pdf>
9. Berkowitz D., DeJong D.N. Granitsa vnutri rossiiskogo ekonomicheskogo prostranstva [The Border inside the Russian Economic Space]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 2000, no.1, pp. 85-99.
10. De Masi P., Koen V. Relative Price Convergence in Russia. *IMF Staff Papers*, 1996, Vol. 43(1), pp. 97-122.
11. Gardner B., Brooks K. Food Prices and Market Integration in Russia: 1992–93. *American Journal of Agricultural Economics*, 1994, no.76, pp. 641-646.
12. Goodwin B.K., Schroeder T.C. Cointegration Tests and Spatial Price Linkages in Regional Cattle Markets. *American Journal of Agricultural Economics*, 1991, no.73, pp. 452-464.

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Письмо из Германской национальной экономической библиотеки

С целью продвижения журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» в международном пространстве редколлегия реализует ряд мероприятий. Так, в мае 2014 года по предложению члена редакционного совета Ж. Сапира англоязычные выпуски журнала были разосланы в ряд зарубежных национальных библиотек с просьбой познакомиться с содержанием, оценить тематику и уровень статей, рассмотреть возможность включения издания в библиотечные фонды.

В июне пришел ответ из Германской национальной экономической библиотеки, в котором выражается желание получать наш журнал постоянно.

Приводим текст письма из Германии и его перевод.

Dear V. A. Ilyin,

Thank you very much for sending No. 2 (32) 2014 of «Economic and social changes: facts, trends, forecast» (ISSN 2307-0331) on approval.

Please note a standing order for this journal and supply us with No. 1 (31) 2014 and No. 3 (33) 2014 and following issues as soon as published.

We are looking forward to confirmation of our standing order and hope we can co-operate further.

Kind regards,

Christine Guder

Acquisition and Descriptive Cataloguing Section

ZBW – German National Library of Economics

Leibniz Information Centre for Economics

Dusternbrooker Weg 120

D-24105 Kiel

Germany

Уважаемый Владимир Александрович!

Мы выражаем Вам благодарность за то, что Вы прислали нам на рассмотрение выпуск 2 (32), 2014 журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» (ISSN 2307-0331).

Примите к сведению, что мы хотели бы получать его на постоянной основе. Направьте нам, пожалуйста, выпуски № 1 и 3 за 2014 год, а также последующие выпуски, как только они выйдут в свет.

Мы ждем подтверждения нашего заказа и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

С уважением

Кристин Гюдер

Отдел комплектования и дескриптивной каталогизации Германской национальной экономической библиотеки

Заказ Германской национальной экономической библиотеки подтвержден и уже выполнен. Редакция включила её в число постоянных адресатов рассылки журнала.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Предлагаемые статьи должны содержать результаты исследований, обладающие новизной и практической направленностью, являться доступными по форме изложения для широкого круга читателей, соответствовать научной направленности журнала (экономические и социологические науки).

Статья должна, как правило, содержать следующие аспекты: цель работы; метод и методологию проведения работы; её результаты; область применения результатов; выводы. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, предложениями, гипотезами, вытекающими из содержания статьи. При представлении в статье результатов социологических исследований необходимо указать следующую информацию: сведения о методологии и методике; дату, место (территорию) и организацию, проводившую исследование; структуру генеральной совокупности; тип, объем и ошибку выборки; описание методов сбора и анализа данных. Данную информацию следует изложить в одном из следующих вариантов: в специальном разделе (параграфе) статьи; непосредственно в тексте; в сноске. При оформлении таблиц важно пояснить, как считаются проценты: от числа ответивших на данный вопрос или от совокупности опрошенных. Пристатейный список литературы должен быть представительным, демонстрировать профессиональный кругозор и качественный уровень исследований авторов. Работы в пристатейном списке располагаются в алфавитном порядке сначала на русском, затем на английском (или любом другом – на латинице) языке. При ссылке в тексте даётся номер работы в квадратных скобках.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений, а также за то, чтобы в статье не содержалось данных, не подлежащих открытой публикации.

Приводимые в таблицах (графиках) стоимостные показатели, относящиеся к разным временным периодам, представляются, как правило, в сопоставимой оценке. Если в таблицах (графиках) содержатся сравнительные данные по отдельным территориям, видам экономической деятельности и т.п., то они представляются в ранговом порядке с указанием периода, по которому производится ранжирование.

Объём статьи – не более 40 000 знаков (1 а.л.), включая пробелы и сноски, для докторов и кандидатов наук (в том числе при соавторе, не имеющем учёной степени) и не более 20 000 знаков (0,5 а.л.) – для остальных авторов. Исключения по объёму возможны только по предварительной договорённости с редакцией.

Автор представляет текст статьи и сопроводительные сведения в печатном виде по почте (один экземпляр, на одной стороне листа) и идентичные материалы по электронной почте. Печатный вариант обязательно подписывается автором (авторами).

Текст статьи направляется в формате MS Word в соответствии со следующими параметрами: гарнитура Times Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5, сноски в порядке упоминания в тексте в конце текста арабскими цифрами. Графики и диаграммы для электронного варианта статьи выполняются в программе MS Excel и даются отдельным файлом, который должен содержать не только сами графические материалы, но и исходные данные (таблицы). Блок-схемы оформляются в формате MS Word или MS VISIO-2003.

Статье должен быть присвоен **индекс УДК** (располагается до заголовка статьи).

Статью должны сопровождать **аннотация** (600 – 700 знаков; предполагается описание следующих позиций: формулировка проблемы, указание методики исследования и источников информации, характеристика основных результатов исследования, варианты решения проблемы) и **ключевые слова на русском и английском языках, библиографические списки**.

К статье прилагаются (отдельным файлом) **сведения об авторах статьи**, содержащие: заголовок статьи (**на русском и английском языках**), фамилию, имя, отчество (полностью), учёную степень, учёное звание, полное название и адрес организации – места работы, занимаемую должность, телефон и факс, адрес электронной почты, почтовый адрес для переписки.

К электронному варианту статьи прилагается **цветная фотография автора (авторов)** размером 4×6 см в формате tif (предпочтительно) или jpeg разрешением 300 dpi.

В соответствии с требованиями Гражданского кодекса РФ между авторами и редакцией журнала должен быть заключён Лицензионный договор с приложением к нему Акта приёма-передачи произведения. Эти документы, составленные по приведённой ниже форме и подписанные всеми авторами статьи, представляются в редакцию вместе с текстом статьи. Подписанный редакцией экземпляр договора будет направлен авторам по почте вместе с авторским экземпляром номера журнала.

Рукописи следует направлять **Почтой России** по адресу: 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, ИСЭРТ РАН, редакция журнала, с пометкой «для публикации в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», а также **на электронный адрес: common@vscs.ac.ru.**

Факс: 8(8172)59-78-02. Тел.: 8(8172)59-78-31.

При полной или частичной перепечатке рукописей в другом издании обязательна ссылка на журнал.

Все рукописи подлежат рецензированию. Если у рецензента возникают вопросы, статья возвращается на доработку. Датой поступления статьи считается дата получения редакцией окончательного варианта статьи. Редакция оставляет за собой право внесения редакторских изменений и сокращений, не искажающих смысла статьи.

С 2010 года в журнале открыта рубрика «Молодые исследователи», в которой публикуются рукописи аспирантов. Статья должна быть без соавтора, заверена научным руководителем, рекомендована научной организацией, за которой закреплён аспирант.

Внимание! В случае несоблюдения указанных требований статья редакцией не рассматривается.

С электронной версией журнала можно ознакомиться по адресу: <http://esc.vscs.ac.ru>.

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. Лицензиар и Лицензиат несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ИСЭРТ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
ГРКЦ ГУ Банка России по Вологодской
области, г. Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 1940100000

_____/_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____ номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____/_____
подпись ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вам оформить подписку на журнал
«**Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз**».

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт социально-экономического развития территорий РАН» (ИСЭРТ РАН).

В журнале публикуются результаты исследований по оценке эффективности функционирования региональных социально-экономических систем Северо-Западного федерального округа России, секторов экономики субъектов округа и муниципальных образований по направлениям:

- стратегия развития;
- региональная экономика;
- социальное развитие;
- внешнеэкономические отношения;
- информационная экономика;
- проблемы расширенного воспроизводства и др.

Журнал включён в **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России №6/6 от 19 февраля 2010 года журнал включён в Перечень ведущих научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.

Главная цель издания – предоставление широким слоям научной общественности и практическим работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения региональной экономики, принимать участие в обсуждении этих проблем.

Редакционная коллегия, осуществляющая независимую экспертизу научных статей, состоит из ведущих ученых ряда регионов России.

Журнал выходит 6 раз в год.

Журнал включён в межрегиональную часть каталога российской прессы «Пресса России»: подписной индекс **41319**.

Каталожная цена одного номера журнала составляет 250 руб. (без учёта доставки). Подготовленный подписной бланк приведён в приложении.

Ф. СП-1	Министерство связи РФ											
	АБОНЕМЕНТ на <u>газету</u> журнал											41319
	(индекс издания)											
	«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»											
	(наименование издания)								Количество комплектов:			
	на 20__ год по месяцам:											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	Куда											
	(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому												
(фамилия, инициалы) Тел.												
Доставочная карточка												
ПВ		место литер		на <u>газету</u> журнал		41319						
(индекс издания)												
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»												
(наименование издания)												
Стоимость		подписки		руб.		коп.		Количество комплектов				
		пере-адресовки		руб.		коп.						
на 20__ год по месяцам:												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	
Куда												
(почтовый индекс)						(адрес)						
Кому												
(фамилия, инициалы)												

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.С. Киселева

Подписано в печать 30.06.2014.
Дата выхода в свет 03.07.2014.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 31,5. Тираж 500 экз. Заказ № 191.
Цена свободная.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-49490 от 20 апреля 2012 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-экономического развития территорий
Российской академии наук (ИСЭРТ РАН)

Адрес издателя и редакции:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а,
телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02, e-mail: common@vscc.ac.ru